В.М.БЕРЕЖКОВ
Годы
дипломатической
службы

Изд

В. М. БЕРЕЖКОВ

Годы дипломатической службы

Издательство «Международные отношения»
Москва 1972

9(с)27
Б 48

Валентин Михайлович Бережков родился в 1916 году в Ленинграде. В 1940 году принимал участие в переговорах советской правительственной делегации в Берлине. В декабре того же года был назначен первым секретарем посольства СССР в Германии. В начале Великой Отечественной войны он возвратился на Родину и работал в центральном аппарате Министерства иностранных дел в ранге советника.

В ноябре 1943 года В. М. Бережков едет в Тегеран, где в качестве переводчика принимает участие в Тегеранской конференции глав трех союзных держав.

В августе 1944 года В. М. Бережкова направляют в США на конференцию в Думбартон-Оксе, где разрабатывались контуры будущей международной организации и согласовывались формулировки проекта Устава ООН.

После окончания войны В. М. Бережков переходит на журналистскую работу в еженедельник «Новое время», освещает в качестве корреспондента ряд международных совещаний. В настоящее время В. М. Бережков является главным редактором журнала «США: экономика, политика, идеология».

В основу этой книги легли воспоминания автора, связанные с предвоенными дипломатическими акциями Советского правительства, а также с переговорами стран — участниц антигитлеровской коалиции.

В наше время, когда активно осуществляется величественная программа мира, намеченная XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза, обращение к истории борьбы советской дипломатии за утверждение ленинских принципов во внешней политике является особенно актуальным.

1—11—5
38—72

МИССИЯ В БЕРЛИН

Переговоры на Вильгельмштрассе

*

Специальный поезд

Вечером 9 ноября 1940 г. от перрона Белорусского вокзала в Москве вне расписания отошел необычный поезд. Он состоял из нескольких вагонов западноевропейского образца. Его пассажирами были члены и сотрудники советской правительственной делегации, направлявшейся в Берлин для переговоров с германским правительством.

Сейчас Советский Союз поддерживает прямое железнодорожное сообщение со многими государствами. Сев в вагон на московском вокзале, пассажир может доехать в нем до Берлина. Но перед второй мировой войной советские составы шли только до нашей государственной границы. Там пассажиры переходили в поезд, который доставлял их до первой зарубежной станции, где снова надо было пересаживаться в состав, шедший в Западную Европу. Эти сложности вызывались разницей в колее, а смена тележек под вагонами в то время широко не практиковалась. В этом отношении поезд, поданный для советской делегации, был также необычным. Ему предстояло пройти весь путь от Москвы до Берлина: на границе его ожидали тележки западноевропейского типа.

Не спеша поужинав в вагоне-ресторане, я вернулся в свое купе и растянулся на постели. Однако сон долго не приходил — очень уж взбудоражили меня события этого дня. Только утром я узнал о предстоящей поездке. Надо было закончить дела на работе, пройти через все формальности, связанные с получением заграничного паспорта, наскоро собраться и быть на вокзале за час до отъезда.

Это была не первая моя поездка за рубеж. Весну и лето 1940 года я проработал в советском торгпредстве в Берлине и основательно поколесил не только по Германии, но и побывал в Бельгии, Голландии, Польше. Поскольку моя специальность инженера-технолога дополнялась хорошим знанием немецкого языка, меня часто привлекали к участию в ответственных экономических переговорах. Осенью 1940 года я был вызван в Москву и зачислен в референтуру Наркомата внешней торговли. В тех случаях, когда нарком (им тогда был А. И. Микоян) лично вел переговоры с немецкими экономическими делегациями, я выполнял роль переводчика.

По роду своей работы я знал, что в последние месяцы германская сторона задерживала поставки Советскому Союзу важного оборудования и в то же время настойчиво требовала увеличения советских поставок нефти, зерна, марганца и других материалов. Можно было ожидать, что все эти вопросы будут обсуждаться в Берлине. Но состав советской делегации, в которую входили дипломатические и военные эксперты (она возглавлялась народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым), давал основание полагать, что прежде всего предстоят политические переговоры. Видимо, было сочтено, что на этих переговорах я могу быть полезен. Так я оказался в числе пассажиров специального поезда.

Международная обстановка в то время была весьма сложной. Предпринимавшиеся на протяжении ряда лет попытки Советского правительства договориться с Англией и Францией о совместном отпоре гитлеровской агрессии не увенчались успехом. Летом 1939 года стало очевидным, что западные державы думают лишь о том, как бы изолировать Советский Союз и направить агрессию «третьего рейха» против нашей страны, а затем объединиться с Гитлером в антикоммунистическом походе. В этих условиях правительство СССР сочло необходимым принять предложение Берлина и заключить пакт о ненападении с германским правительством. Это давало возможность Советскому Союзу на какое-то время отвратить от своего народа опасность войны, выиграть время для подготовки к отпору фашистской агрессии в будущем.

Идя на заключение договора с Германией, Советский Союз тем самым срывал вынашивавшиеся в реакционных кругах Запада планы объединения англо-французской реакции с германским фашизмом в общий антисоветский

фронт. Предотвращение такого объединения — основной положительный результат этого договора.

Важное значение имело и то, что в результате воссоединения западных областей Украины в одно государство с Советской Украиной и Западной Белоруссии с Советской Белоруссией, а также вступления в состав Советского Союза прибалтийских республик — Литвы, Латвии и Эстонии — значительно отодвинулась на Запад государственная граница нашей страны.

Между тем война в Западной Европе стала фактом. Одна за другой следовали операции гитлеровского «блицкрига»: оккупация Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и, наконец, Франции, правительство которой, подписав в Компьене капитуляцию, перебралось в маленький курортный городок Виши. После этого план «Морской лев», предусматривавший вторжение на Британские острова, пылился на полках германского генерального штаба. Военные операции происходили лишь в Северной Африке. В остальном вторая половина лета и осень 1940 года прошли довольно спокойно.

Всех нас, конечно, тревожил вопрос: что же дальше? Как долго еще будет соблюдать Гитлер свои обязательства по советско-германскому пакту о ненападении? Не повернет ли он на Восток? К осени 1940 года Берлин предпринял ряд акций, осложнивших советско-германские отношения. В Финляндии высадились германские войска, в Румынию прибыла германская военная миссия. Берлин оказывал нажим на Болгарию. Сроки поставок немецкого оборудования Советскому Союзу систематически срывались. Важно было прощупать подлинные намерения Гитлера, и это была одна из целей дипломатической миссии, отправившейся в Берлин в ноябре 1940 года по приглашению германского правительства.

На следующее утро в специальном поезде начался обычный трудовой день. Мы были связаны по радио с Москвой и внимательно следили за международными событиями. О поездке советской правительственной делегации в Германию было уже объявлено, и мировая пресса широко комментировала ее.

В вагоне референтов систематизировалась вся информация, готовились краткие сводки для членов делегации. Машинистки тут же отстукивали их в нескольких экземплярах. У экспертов были свои заботы. Они еще раз просматривали взятую с собой документацию по истории

русско-гермаиских и советско-гермаиских отиошений, отмечали то, что может поиадобиться для подкреплеиия нашей аргумеитации при переговорах.

За окиом вагоиа мелькали осеиние белорусские леса. В этих краях было еще тепло. Сквозь рваиые тучи проглядывало солнце, поблескивала влажиая трава. Через равиые промежутки в четыреста-пятьсот метров у иасыпи появлялась одииокая фигура красиоармейца: в руках — виитовка с примкнутым штыком. Железиодорожиое полотио по маршруту иашего поезда специальио охранялось. Но лишь немиогие из этих часовых стояли по стойке «смирно». Большей частью оии сидели на пеньках, покуривая, или, раскииув шинель иа траве, лежали, жуя соломинку и с любопытством поглядывая иа мчавшийся мимо иих состав с иеобычиыми вагонами...

Смысл пакта

Виезапиый приезд в августе 1939 года германского миииистра иностраниых дел Риббеитропа в Москву и заключение в результате состоявшихся переговоров договора о иеиападеиии между Советским Союзом и Гермаиией — государствами, которые до того иаходились в весьма иатяиутых, если ие сказать во враждебиых, отношениях, вызвали в свое время сеисацию. Миогие тогда ие поияли смысла этого пакта. Не было иедостатка и во всякого рода клеветнических выпадах в адрес Советского Союза: оии были рассчитаиы иа то, чтобы в глазах мировой общественности очернить политику едииственного в то время в мире социалистического государства, изобразить дело так, будто Москва совершила чуть ли ие «предательство», пойдя иа соглашеиие с Берлином. Особеиио большую шумиху подиимала в этой связи буржуазиая пропагаидистская машииа Англии и Фраиции. А между тем имеиио правящие круги этих страи иесли ответствеииость за такой оборот событий. Имеиио по их виие упорная борьба Советского государства за систему коллективиой безопасиости в Европе, за совместиый отпор фашистским агрессорам не увенчалась успехом.

Впрочем и сейчас, по прошествии более чем трех десятилетий, слышится старый пропагаидистский мотив о том, будто Советский Союз, заключив в 1939 году пакт с гитлеровской Гермаиией, иаиес удар в спииу силам

демократии. До сих пор кое-кто уверяет, что Москва, дескать, «внезапно» и «без всяких причин» отказалась от союза с западными державами — Англией и Францией и, преследуя какие-то «зловещие цели», пошла на соглашение с Берлином. Этот мотив напевают обычно те, кто отлично понимает, в чем суть дела. Они стремятся использовать старую погудку о советско-германском пакте 1939 года лишь для того, чтобы подкрепить вполне современные расчеты: попытаться набросить тень на миролюбивую политику Советского Союза и других социалистических стран, помешать их борьбе за всеобщую безопасность, за торжество принципов мирного сосуществования между государствами с различными общественными системами. Нечего и говорить, что те, кто ведет свое политическое родство от мюнхенцев 30-х годов, сорвавших накануне второй мировой войны советские предложения о коллективной безопасности в Европе, не преуспеют в своих попытках вернуть былой накал антисоветской истерии. Но не следует закрывать глаза и на то, что подобного рода попытки в какой-то степени отравляют международную атмосферу, искажают историческую картину.

Вместе с тем есть и люди, которые, обращаясь к историческим событиям прошлого, действительно хотят разобраться в смысле событий тех лет. Им это порой нелегко сделать, ибо вокруг вопроса о советско-германском пакте 1939 года нагромождены целые горы дезинформации.

Приходится, например, слышать такие вопросы: а была ли вообще необходимость заключать пакт о ненападении с гитлеровской Германией? Не правильнее ли было бы отвергнуть даже идею такого пакта? Эти вопросы задают чаще всего люди молодого поколения, которые недостаточно знают факты и, по сути дела, не представляют себе, какова была международная обстановка того времени.

В 1939 году правящие круги Англии и Франции видели свою задачу прежде всего в том, чтобы направить агрессию Гитлера против Советского Союза. Они рассчитывали с помощью нацистов добиться ликвидации ненавистной им социалистической державы, уничтожить большевизм. Одновременно ставилась и другая альтернативная задача: поскольку в ходе такой борьбы, даже независимо от ее исхода, обе стороны были бы ослаблены,

Лондон и Париж лелеяли надежду выступить на заключительной стадии конфликта в качестве арбитров и навязать условия «мира», выгодные англо-французскому империализму. За эту близорукую политику пришлось в конечном счете жестоко поплатиться прежде всего Франции. На краю катастрофы оказалась и Англия.

Напомним кратко события того периода. Весной и летом 1939 года в Москве проходили переговоры между делегациями Англии, Франции и Советского Союза. Советское правительство последовательно выступало с требованием о создании системы коллективной безопасности и организации совместного отпора фашистской агрессии. Между тем западные державы неизменно уклонялись от соглашения и ставили всякого рода препоны, стремясь не допустить договоренности, хотя обстановка в Европе все более осложнялась.

Было очевидно, что угроза гитлеровского нападения нависла прежде всего над Советским Союзом, поэтому перед Советским правительством стояла неотложная задача — предотвратить или, по крайней мере, максимально оттянуть нападение гитлеровской Германии на СССР. Однако Англия и Франция ставили такие условия, которые, по существу, открывали путь для марша гитлеровских полчищ на Восток через Прибалтику.

Согласно английскому проекту, Советский Союз должен был оказать помощь, а иными словами — обязан был воевать против агрессора в случае его нападения на кого-либо из европейских соседей СССР, при условии, что советская помощь «окажется желательной». Европейскими соседями СССР являлись в то время Финляндия, Эстония, Литва, Латвия, Польша, Румыния. Последние две страны имели английские и французские гарантии. Следовательно, оказывая им помощь, Советский Союз мог рассчитывать, что будет воевать против агрессора в союзе с Англией и Францией. Однако в случае нападения фашистской Германии через Финляндию или прибалтийские государства английский проект не давал Советскому Союзу никаких оснований рассчитывать на поддержку со стороны двух великих западных держав. К тому же Польша отказалась дать разрешение на пропуск советских войск через свою территорию. Это послужило одной из причин срыва соглашения.

Английские и французские предложения фактически подсказывали Гитлеру, как он мог бы вынудить Со-

ветский Союз вступить в войну в условиях полной изоляции. От Советского Союза требовали односторонних гарантий помощи Англии и Франции и некоторым их союзникам без каких-либо ответных обязательств этих стран прийти на помощь советскому государству в случае нападения на него гитлеровской Германии.

Что касается Советского Союза, то он хотел заключить эффективный военный союз, способный защитить интересы всех европейских стран, обеспечить мир и безопасность на нашем континенте. 17 апреля 1939 г. Советское правительство вручило английскому, а 19 апреля и французскому правительствам предложения, предусматривавшие заключение между тремя державами равноправного договора о действенной взаимной помощи против агрессора. В советском проекте говорилось:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств».

Ответ английского правительства, который был получен только 8 мая, свидетельствовал о том, что по существу позиция Лондона не изменилась. Только 1 июля английское правительство дало наконец согласие на советское предложение о предоставлении гарантий прибалтийским государствам и Финляндии. Но практически эту договоренность уже нельзя было реализовать. 7 июля Эстония и Латвия подписали договор с гитлеровской Германией.

Свое нежелание идти на серьезное соглашение с Советским Союзом англичане и французы продемонстрировали и тем, что прислали в Москву для переговоров второстепенных чиновников, к тому же не имевших письменных полномочий на подписание пакта. Так, с английской стороны ведение переговоров было поручено третьестепенному сотруднику Форин оффис Уильяму Стрэнгу, известному своим патологическим антикоммунизмом. В то время как тучи войны в Европе все более

сгущались и для организации отпора агрессору был дорог каждый час, английская военная делегация, возглавлявшаяся давно находившимся не у дел адмиралом Драксом, отплыла из Лондона на тихоходном товаропассажирском пароходе. (Здесь уместно напомнить, что осенью 1938 года английский премьер Чемберлен счел нужным воспользоваться самолетом, отправляясь заключить с Гитлером мюнхенскую сделку, означавшую предательство Чехословакии.) Советская же делегация возглавлялась наркомом иностранных дел В. М. Молотовым, а на стадии обсуждения военных проблем — наркомом обороны маршалом К. Е. Ворошиловым и имела необходимые полномочия для подписания соответствующего соглашения.

Анализируя коварные маневры англо-французской дипломатии, продиктованные интересами реакционных кругов Лондона и Парижа, тогдашний посол США в Москве Джозеф Дэвис, известный своими антинацистскими взглядами, докладывал в Вашингтон: «По непонятным причинам европейские демократии не хотят укрепить своих позиций, опираясь на мощь Москвы... Вместо этого Англия и Франция делают прямо противоположное, подыгрывая целям нацистов и фашистов».

Но то, что послу Дэвису казалось непонятным, вполне укладывалось в рамки антисоветского курса «европейских демократий», курса на сговор с державами оси против Советского Союза.

Теперь посмотрим, какие альтернативы были у Советского Союза в конце лета 1939 года, когда переговоры с англичанами и французами зашли в тупик и стало совершенно очевидным, что Лондон и Париж вовсе и не собирались идти на соглашение с Москвой. Именно в это время из Берлина поступило предложение о заключении германо-советского пакта о ненападении.

Надо иметь в виду, что в то время германское правительство сознавало огромную опасность войны против Советского Союза. Оно еще не располагало теми ресурсами, которые к 1941 году ему предоставил захват почти всего западноевропейского континента. Гитлеровцам еще не вскружили голову легкие победы на Западе. Они не решались удовлетворять свои захватнические цели посредством войны с таким сильным противником, как Советский Союз. Из опубликованных в последнее время документов явствует, что Гитлер даже готов был сам от-

правиться в Москву, если бы миссия Риббентропа ни к чему не привела. В Берлине тогда вполне определенно считали, что на первое время Германии целесообразнее поискать добычу в других направлениях.

Германское правительство еще в начале 1939 года предложило СССР заключить торговое соглашение. В обстановке крайней враждебности германской политики в отношении СССР развитие экономических отношений с Германией представлялось Советскому правительству затруднительным. На это обстоятельство народный комиссар иностранных дел и указал 10 мая 1939 г. германскому послу. 30 мая 1939 г. статс-секретарь германского МИД фон Вейцзекер в беседе с советским поверенным в делах в Берлине Г. А. Астаховым зондировал возможность переговоров об улучшении отношений. Еще более определенно говорил об этом германский посол в СССР Шуленбург при встрече с Астаховым 17 июня 1939 г. в Берлине. Ответственный чиновник германского МИД посланник Шнурре, ссылаясь на свои беседы с Риббентропом, заявил 25 июня Астахову «о необходимости улучшения политических отношений между СССР и Германией». Все эти зондажи германской стороны Советское правительство оставляло без внимания. «Мое впечатление таково, — доносил в Берлин германский посол в Москве 4 августа 1939 г., — что в настоящее время Советское правительство решило заключить договор с Англией и Францией, если они выполнят некоторые советские пожелания». Однако последующий ход переговоров с Англией и Францией отнял у Советского правительства надежду на возможность удовлетворительного соглашения. Как же следовало поступать дальше?

Советское правительство могло, конечно, отклонить предложение Германии о пакте; но в таком случае Гитлер изобразил бы отказ как свидетельство «агрессивных намерений» Москвы. Он заявил бы немцам, что его, фюрера, стремление к примирению «грубо отвергнуто» и у Германии, дескать, не остается иного выхода, кроме «упреждающего» удара по Советскому Союзу. В таком случае мюнхенцы, возглавлявшие тогда правительства Англии и Франции и питавшие дикую ненависть к Стране Советов, потирали бы только руки. Их мечта толкнуть Гитлера против СССР была бы близка к осуществлению.

Мог ли Советский Союз в то время рассчитывать на помощь Лондона, Парижа или Вашингтона в единоборстве с вооруженной до зубов гитлеровской Германией? Все говорит о том, что мы даже вряд ли могли бы рассчитывать на нейтралитет западных держав. Скорее всего, дело обернулось бы так, что в начале 40-х годов вместо антигитлеровской коалиции возникла бы антисоветская коалиция империалистических держав. Советский Союз должен был бы один отражать натиск гитлеровской Германии, причем западные державы, если бы они даже не участвовали непосредственно своими вооруженными силами в этой войне, наверняка помогали бы Гитлеру сырьем, стратегическими материалами, вооружением. Ведь даже после того, как в 1941 году Советский Союз и Англия оказались в одном антигитлеровском лагере, влиятельные круги в Лондоне и Вашингтоне не хотели видеть советский народ победителем! При таких настроениях нетрудно было предвидеть, на чьей стороне были бы симпатии тогдашних правящих кругов западных держав, если бы Гитлер еще в 1939 году напал на Советский Союз. Вряд ли можно было рассчитывать и на бездействие японских милитаристов. Они ведь давно точили зубы на советский Дальний Восток.

Нельзя забывать, что в это время японские милитаристы проявляли особую агрессивность. Вторжение японских войск в МНР явилось практически прощупыванием советского военного могущества. Агрессивные замыслы Японии, а также попытки западных держав толкнуть гитлеровскую Германию к нападению на Советский Союз создавали угрозу войны Советского Союза на два фронта. Советско-германский договор, если не устранял полностью, то, во всяком случае, отодвигал эту угрозу на неопределенное будущее.

Если бы поход Гитлера против Советского Союза начался не в июне 1941 года, а почти на два года раньше, наша страна оказалась бы в весьма неблагоприятном положении. Только в 1940—1941 годах в Советском Союзе были запущены в производство некоторые важные современные виды оружия: противотанковые орудия, танк Т-34, пикирующие бомбардировщики и т. д. Нельзя не учитывать и значение опыта зимней войны с Финляндией.

Имел также значение район возможного нападения гитлеровцев в 1939 году. Граница с враждебной нам

панской Польшей проходила совсем недалеко от Минска и Киева, белофинны находились вблизи Ленинграда, а королевская Румыния непосредственно граничила с Одессой. Причем в этой ситуации вполне могло оказаться, что союзниками Гитлера были бы не только Финляндия и Румыния, как в 1941 году, но и панская Польша, да и прибалтийские буржуазные государства.

Можно не сомневаться, что и в этих весьма неблагоприятных условиях советский народ в конечном счете вышел бы победителем из единоборства с фашистской Германией. Но жертвы и потери такого конфликта были бы еще более чудовищны и война могла бы продлиться гораздо дольше. Но если на мгновение предположить, что Советский Союз не выдержал бы под ударами фашистских полчищ — ведь именно этого и хотели «западные демократии», — тогда Гитлер без труда разгромил бы Францию и Англию, а затем, совместно с Японией, обрушился бы на США. История нашей планеты была бы отброшена назад на несколько веков. Вот чем была чревата близорукая политика западных держав!

Наконец, надо иметь в виду и следующее: из германского предложения Советскому Союзу заключить пакт о ненападении можно было сделать вывод, что Гитлер избрал себе поначалу другие жертвы. А отсюда вытекало, что предстоит длительная война в Западной Европе. Ведь тогда трудно было предположить, что Франция рухнет так быстро, не выдержав и нескольких месяцев схватки с Германией, а Великобритания предпочтет унизительное бегство из Дюнкерка, лишь бы сохранить свою живую силу и окопаться на Британских островах, за Ламаншем. Напротив, были все основания ожидать затяжного конфликта между империалистическими державами, от которого Советский Союз — единственное в то время социалистическое государство — мог бы на какое-то время, если не на весь период войны, остаться в стороне. Такой расчет также мог повлиять на решение принять предложение Берлина о пакте в 1939 году.

Все эти обстоятельства надо было тщательно проанализировать, взвесить, прежде чем решить, какой же надлежало дать ответ на последовавшее из Берлина предложение о заключении пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией. Следует учесть и то, что в итоге дало Советскому Союзу согласие на такой пакт. Речь шла о таком важнейшем преимуществе, как дополни-

тельное время для подготовки отпора агрессору. Кроме того, всему человечеству вновь было показано последовательное миролюбие Советского государства.

Стоит в связи с этим напомнить, как объяснял смысл пакта И. В. Сталин в своей речи по радио 3 июля 1941 г.: «Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией».

В последние годы было предано гласности немало документов, раскрывающих подлинные замыслы западных политиков в конце 30-х годов. В частности, много инте-

ресных признаний содержится в опубликованных недавно Лондоном официальных материалах Форин оффис. Они еще раз подтверждают то, что было известно и ранее: западные политики не хотели договариваться с Советским Союзом об отпоре Гитлеру. Напротив, они делали все, чтобы толкнуть гитлеровскую Германию против СССР, а сами рассчитывали остаться в стороне.

В такой обстановке Советскому правительству не оставалось ничего иного, как принять немецкое предложение и заключить с Германией пакт о ненападении.

Конечно, Советское правительство не рассчитывало и не могло рассчитывать на верность гитлеровцев своим обязательствам. И все же даже временное продление мира было чрезвычайно важным для нашей страны. Обстановка была крайне неблагоприятной, поскольку летом 1939 года война могла бы начаться в самых невыгодных для СССР обстоятельствах. Как уже сказано, наша страна оказалась бы в состоянии изоляции, имея противников сразу на двух фронтах: Германию и Японию.

Избавляя советский народ от войны в столь тяжелой обстановке, правительство выполняло свой долг не только перед ним, но и перед международным пролетариатом: оно прибегло к единственному остававшемуся в его распоряжении способу обеспечения безопасности СССР.

По вине западных держав развитие событий в 1939 году пошло не по пути создания коллективной безопасности, на чем настаивал Советский Союз. Однако оно не пошло и по тому пути, на который его хотели направить мюнхенцы, — по пути войны империалистических государств против страны социализма. Гитлеровцы пришли к выводу, что воевать против Англии, Франции и Польши им легче, чем против СССР. Поэтому-то они и предпочли развязать войну именно против них. Война началась внутри капиталистического мира, между двумя антагонистическими группировками империалистических держав.

Отсрочка вовлечения СССР во вторую мировую войну дала время для дальнейшего укрепления обороноспособности страны, развертывания вооруженных сил, повышения боевой подготовки, усовершенствования вооружения. Известно, что это время было использовано в отношении военной подготовки далеко не в полной мере. Но с точки зрения внешнеполитической выигрыш был очень велик. Международная обстановка начального

периода второй мировой войны сложилась таким образом, что, когда СССР в 1941 году был вынужден вступить в войну, ему уже не угрожала внешнеполитическая изоляция, как это могло быть летом 1939 года. Англия теперь воевала с Германией, а империалистические противоречия между США, с одной стороны, Германией и Японией — с другой, настолько обострились, что возможность сговора правительства США с фашистскими агрессорами становилась нереальной. Так создавались объективные предпосылки для объединения в антифашистскую коалицию крупнейших государств мира — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Англии.

Инцидент в Эйдкунене

Ночью наш специальный поезд подошел к границе и, миновав ничейную зону, остановился. Смолк стук колес, и за окном раздался возглас: «Bahnhof Eidkunen» — «Вокзал Эйдкунен!». Некоторое время было совсем тихо. Потом мимо вагона быстро протопали кованые сапоги, и в отдалении послышались возбужденные голоса. О чем-то шел спор, но слов нельзя было разобрать. Я вышел на платформу и сразу же окунулся в кромешный мрак: здесь уже действовали строгие правила затемнения. Постепенно глаза привыкли к темноте, и я пошел в ту сторону, откуда раздавались голоса. В группе споривших оказался начальник нашего состава. Он что-то втолковывал немецкому офицеру в длинном кожаном пальто. Переводчик офицера — щупленький человечек в штатском — с трудом изъяснялся по-русски, и я предложил свои услуги.

Оказалось, что немцы приготовили в Эйдкунене свой состав и предлагали всем нам в него пересесть. Начальник нашего поезда возражал: он имел инструкцию доставить делегацию в советских вагонах до самого Берлина и на границе уже произвел замену тележек. Немцы не соглашались, ссылаясь на то, что габариты наших вагонов не соответствуют стандартам германской железной дороги. В этом не было никакого резона, поскольку наш состав сформировали из вагонов западноевропейского типа. Но немцы упирались, и в конце концов было решено отцепить один вагон и пропустить его через специальное приспособление, измеряющее габариты. Подогнали ма-

невровый паровоз, защелкали стрелки. Мы вскочили на подножку вагона, который медленно покатился по какой-то боковой ветке в темноту ночи. Вот и трапеция, под которой должен пройти вагон, не задев ни одного из свисающих с нее шариков. Но один шарик слегка тронул крышу вагона. Немецкий офицер ликовал:

— Вот видите, ваш состав не пройдет. Придется всем пересесть в немецкие вагоны...

Однако у нашего начальника поезда оказался в запасе еще один аргумент: салон-вагон, в котором ехали члены советской делегации, был намного меньше других вагонов. В этом можно было убедиться невооруженным глазом. Видя, что руководство делегации пересадить в немецкий поезд не удастся, гитлеровцы отступили. В конце концов порешили прицепить к нашему составу два немецких салон-вагона.

Немецкие вагоны оказались весьма комфортабельными: одноместные спальные купе, ресторан с отличным баром, радиофицированные салоны. Не были забыты даже букеты свежих роз. Но, разумеется, не забота о нашем удобстве руководила гитлеровцами, когда они так упорно настаивали на своем. Несомненно, этот состав располагал не только пивным баром, но и специальной аппаратурой для подслушивания.

Под утро двинулись дальше. Поезд шел с непривычной тогда для нас скоростью. Слышно было, как протяжно воет ветер. Когда рассвело, стало видно, что вдоль железнодорожной насыпи выстроены солдаты вермахта. Они стояли спиной к поезду, широко расставив ноги и держа автоматы на перевязи. Восходящее солнце зловеще поблескивало на стальных шлемах.

Отель «Бельвю»

Утром 13 ноября поезд подошел к Ангальтскому вокзалу Берлина. Моросил дождь. На перроне среди встречавших находились министр иностранных дел Риббентроп и фельдмаршал Кейтель. Они поздоровались с советскими представителями. Риббентроп произнес несколько слов о том, что он рад от имени фюрера и от себя лично приветствовать советскую правительственную делегацию в столице «третьего рейха». Затем все двинулись по крытому перрону к зданию вокзала. В первом же помещении

у стены были укреплены советский и германский флаги, под которыми стояла большая задрапированная в розовую ткань корзина цветов. И флаги, и цветы подсвечивались небольшим прожектором.

Выйдя на привокзальную площадь, мы увидели, что дождь усилился. На асфальте стояли лужи. Косматые серые тучи нависли так низко, что, казалось, задевают крыши домов. Вслед за весьма сдержанными взаимными приветствиями перед собравшимися, шлепая по воде, продефилировала рота почетного караула. Заиграл оркестр. Стало как-то особенно тихо, когда исполнялся гимн Советского Союза. Пожалуй, впервые с 1933 года в Берлине громко звучал «Интернационал». За исполнение этой боевой песни пролетариата гестапо бросало людей в лагеря смерти, а тут, на площади Ангальтского вокзала, под звуки гимна коммунистов стояли навытяжку германские генералы и высшие чины нацистского «рейха»! И еще одна деталь врезалась в память: справа высился кирпичный корпус какого-то предприятия, и из его окон рабочие махали нам красными платками и косынками...

По окончании официальной церемонии все разместились в черных «мерседесах», и кортеж, сопровождаемый мотоциклистами в стальных шлемах, помчался по немноголюдным улицам города к отелю «Бельвю», где все было готово к приему советской делегации. Это был старинный дворец, предназначенный для гостей германского правительства. Здание, построенное в конце XIX века и принадлежавшее некогда семье кайзера, окружал тенистый парк с раскидистыми деревьями и экзотическими растениями. К подъезду вела длинная липовая аллея. Парадные залы поражали помпезностью. По всем комнатам разливался тонкий аромат роз — в каждом углу в высоких фарфоровых вазах стояли огромные букеты. Стены украшали гобелены и картины в тяжелых позолоченных рамах. В вычурных горках красовались статуэтки и посуда из тонкого фарфора. Возможно, сюда уже попало кое-что из сокровищ, награбленных гитлеровцами в оккупированных странах. Старинная мебель, лакеи и официанты в расшитых золотом ливреях — все это настраивало на торжественный лад.

Нас разместили на втором этаже, где находились гостевые номера с ванными. Мне досталась скромно обставленная небольшая комната с деревянной кроватью, простым письменным столом и стенным шкафом. Единствен-

ным украшением была висевшая на стене гравюра Дюрера.

Наскоро побрившись и переодевшись, я спустился в парадные залы. В большой столовой, отделанной темным дубом, было накрыто несколько круглых столов. Церемониал завтрака во всех деталях продумали заранее. Каждый гость имел свое место. Его надо было найти по лежавшей у прибора карточке с фамилией. Когда все уселись, официанты в белых перчатках стали неторопливо разносить закуску, вина, кофе, сладкое. Всем заправлял высокий седой метрдотель, грудь которого украшала золотая цепь с огромной медалью. Он не произносил ни слова, а как бы дирижировал официантами едва заметным жестом или взглядом. В конце завтрака подали сигары и коньяк.

Встав из-за стола, советские делегаты в сопровождении экспертов сразу же отправились в имперскую канцелярию, где должна была состояться первая встреча с Гитлером. Переводить и протоколировать эту беседу было поручено В. Н. Павлову — в то время первому секретарю нашего посольства в Берлине — и мне.

Вереница черных лимузинов, эскортируемых мотоциклистами, выехала из парка на Шарлотенбургское шоссе, миновала Бранденбургские ворота и, свернув на Вильгельмштрассе, помчалась дальше. Здесь публики было побольше. В некоторых местах берлинцы заполнили весь тротуар. Они молча смотрели на красный флажок с золотым серпом и молотом, укрепленный на радиаторе первого лимузина. Кое-кто несмело махал рукой.

В имперской канцелярии

Сбавив скорость, машины въехали во внутренний двор новой имперской канцелярии. Это здание, выстроенное в нацистском стиле, представлявшем собой смесь классики, готики и древних тевтонских символов, выглядело отнюдь не привлекательно. Квадратный мрачный двор походил скорее на плац казармы или тюрьмы. Он был обрамлен высокими колоннами из темно-серого мрамора и устлан такими же серыми гранитными плитами. Распростертые орлы со свастикой в лапах, нависший над колоннами гладкий портик, застывшие фигуры часовых в серо-зеленых шлемах — все это производило какое-то зловещее впечатление.

Высокие, украшенные бронзой двери вели в просторный вестибюль, а дальше открывалась анфилада тускло освещенных комнат и переходов без окон. Вдоль стен шпалерами стояли люди в разнообразной форме. Словно автоматы, они выбрасывали вверх правую руку в нацистском приветствии и гулко щелкали каблуками. У входа нас встретил статс-секретарь Отто Мейснер. Он повел нас дальним путем, чтобы произвести впечатление всем этим декорумом.

Наконец мы очутились в круглом, ярко освещенном вестибюле. В центре стоял стол с прохладительными напитками и закусками. Вдоль стен — длинные диваны. Тут находились немецкие чиновники, эксперты, офицеры охраны. Между ними бесшумно двигались официанты. Здесь же остались и эксперты нашей делегации. В примыкавший к круглому залу кабинет Гитлера прошли только глава советской делегации В. М. Молотов, его заместитель и переводчики.

Этот момент гитлеровцы обставили со всей присущей им дешевой театральностью: два высоких перетянутых в талии ремнями белокурых эсэсовца в черной форме с черепами на фуражках щелкнули каблуками и хорошо отработанным жестом распахнули высокие, уходящие почти под потолок двери. Затем, став спиной к косяку двери и подняв правую руку, они как бы образовали живую арку, под которой мы должны были пройти в кабинет Гитлера — огромное помещение, походившее скорее на банкетный зал, чем на кабинет. Стены украшали гигантские гобелены. Центральную часть закрывал толстый ковер. Справа от входа располагалась как бы гостиная — низкий стол, диван, несколько кресел. Слева, в противоположном конце зала, стоял громадный полированный письменный стол. В углу на массивной подставке из черного дерева был укреплен большой глобус.

Встреча с Гитлером

Гитлер сидел за письменным столом, и в этом огромном зале его небольшая фигура в гимнастерке зеленовато-мышиного цвета была едва заметна. Рукав его гимнастерки охватывала красная повязка с черной свастикой на круглом просвете. На груди красовался железный крест.

Раньше я уже видел Гитлера — на парадах и митингах. Теперь же мог рассмотреть его поближе. Когда мы вошли, фюрер молча посмотрел на нас, затем резко поднялся и быстрыми мелкими шагами вышел на середину комнаты. Здесь он остановился, поднял руку в фашистском салюте, как-то неестественно загнув при этом ладонь. Не произнося по-прежнему ни слова, он подошел к нам вплотную, поздоровался со всеми за руку. Его холодная влажная ладонь напоминала прикосновение лягушки. Здороваясь, он как бы сверлил каждого буравчиками лихорадочно горевших зрачков. Над коротко подстриженными усиками нелепо торчал острый угреватый нос.

Сказав несколько слов о том, что он рад приветствовать советскую делегацию в Берлине, Гитлер предложил расположиться за столом в той части кабинета, которая представляла собой гостиную. В это время в противоположном углу комнаты из-за драпировки, видимо, скрывавшей еще один вход, появился министр иностранных дел Риббентроп. За ним шли личный переводчик Гитлера Шмидт и хорошо знавший русский язык советник германского посольства в Москве Хильгер. Все расположились вокруг стола на диване и в креслах, обтянутых пестрой тканью.

Гитлер предложил Молотову занять место на диване, а сам опустился в кресло по другую сторону стола. По правую руку от него сидел Хильгер, далее Риббентроп и, наконец, Шмидт. На диване, слева от Молотова, сидел его заместитель, справа — я, а в кресле, между мной и Гитлером, — Павлов.

Беседа началась с длинного монолога Гитлера. Возможно, у него даже был приготовлен какой-то текст, но он им не пользовался. Речь его текла гладко, без заминок. Подобно актеру, отлично знающему роль, он четко произносил фразу за фразой, делая паузы для перевода.

С немецкой стороны роль переводчика выполнял Хильгер. Он много лет провел в Советском Союзе, русский знал не хуже своего родного языка. Он даже внешне походил на русского. Когда по воскресеньям в косоворотке и соломенной шляпе, с пенсне на носу он рыбачил где-нибудь под Москвой на Клязьме, прохожие принимали его за «чеховского» интеллигента. Хильгер даже хвастал, что, беседуя с другими рыбаками, нередко добывал интересную информацию. Теперь он сидел затянутый в черную

парадную форму германского мнннстерства иностранных дел н выглядел так, словно проглотнл аршнн. Рядом с ннм, держа на коленях блокнот, переводчнк Шмндт вел запись беседы. Отлнчно владея несколькнмн западноевропейскнмн языкамн, он не знал русского и поэтому теперь огранпчнлся ролью протоколнста. Мы с Павловым поочередно переводнлн н запнсывали выступлення участнннков переговоров.

Смысл рассуждений Гнтлера сводилcя к тому, что Англия уже разбнта и что ее окончательная капнтуляцня — лншь вопрос временн. Скоро, уверял Гнтлер, Англия будет уннчтожена с воздуха. Затем он сделал краткнй обзор военной снтуацнн, подчеркнув, что германская нмперня уже сейчас контролнрует всю Западную Европу. Вместе с нтальянскнмн союзннкамн, продолжал фюрер, германскне войска ведут успешные операцнн в Афрнке, откуда англнчане вскоре будут окончательно вытеснены. Из всего сказанного, заключнл Гитлер, можно сделать вывод, что победа держав осн предрешена. Поэтому, мол, настало время подумать об органнзацни мнра после победы.

Тут Гитлер стал развивать такую ндею: в связи с нензбежным крахом Великобрнтанни останется ее «бесконтрольное наследство» — разбросанные по всему земному шару осколки нмпернн. Надо распорядиться этим имуществом. Германское правнтельство, заявил фюрер, уже обменнвалось мненнямн с правительствамн Италии н Японнн н теперь хотело бы узнать соображення Советского правнтельства. Более конкретные предложення на этот счет он намерен сделать в дальнейшем.

Когда Гнтлер заговорил о «разделе брнтанского наследства», Рнббентроп стал одобрнтельно кнвать головой н делать какне-то пометкн в своем блокноте. Вообще же он сндел почтн неподвнжно, скрестив руки на грудн и глядя на Гнтлера. Лншь нзредка он клал обе рукн на стол, слегка постукивая по нему пальцамн, а потом, обведя всех ннчего не говорившим взглядом, снова прнннмал прежнюю позу.

Переводчик Шмндт, владевшнй стенографней, быстро рнсовал значкн на большнх лнновaнных лнстах бумагн, зажатых спецнальной прищепкой. Мы с Павловым тогда еще не нзучнли стенографню, но каждый нз нас нмел свой опыт быстрой записи. Для этого мы пользовалнсь намн же прндуманным шифром. Этот прнем, хотя и прнмнтнв-

ный, давал возможность с большой точностью воспроизводить текст беседы, особенно если расшифровка делалась сразу же.

Когда Гитлер окончил речь, которая вместе с переводом заняла около часа, слово взял Молотов. Не вдаваясь в обсуждение предложений Гитлера, он заметил, что следовало бы обсудить более конкретные практические вопросы. В частности, не разъяснит ли рейхсканцлер, что делает германская военная миссия в Румынии и почему она направлена туда без консультации с Советским правительством? Ведь заключенный в 1939 году советско-германский пакт о ненападении предусматривает консультации по важным вопросам, затрагивающим интересы каждой из сторон. Советское правительство также интересует вопрос о том, для каких целей направлены германские войска в Финляндию? Почему и этот серьезный шаг предпринят без консультации с Москвой?

Эти вопросы подействовали на Гитлера, как холодный душ. Несмотря на актерские способности, фюреру не удалось скрыть растерянности. Скороговоркой он объявил, что немецкая военная миссия направлена в Румынию по просьбе правительства Антонеску для обучения румынских войск. Что касается Финляндии, то там германские части вообще не собираются задерживаться: они лишь переправляются через территорию этой страны в Норвегию.

Однако это объяснение не удовлетворило советскую делегацию. У Советского правительства, заявил Молотов, на основании сообщений его представителей в Финляндии и Румынии создалось совсем иное впечатление. Войска, высадившиеся на южном побережье Финляндии, никуда дальше не двигаются и, видимо, собираются надолго задержаться в этой стране. В Румынии дело также не ограничилось одной лишь военной миссией. Туда прибывают все новые германские воинские части. Их уж слишком много для одной миссии. Какова же цель этих перебросок германских войск? В Москве подобные мероприятия не могут не вызвать беспокойства, и германское правительство должно дать четкий ответ на эти вопросы.

Тут Гитлер предпринял испытанный дипломатический маневр: сослался на свою неосведомленность. Пообещав поинтересоваться вопросами, поставленными советской стороной, Гитлер заявил, что считает все эти дела второстепенными. Сейчас, сказал он, возвращаясь к своей пер-

воначальной теме, настало время обсудить проблемы, вытекающие из скорой победы держав оси.

Затем Гитлер стал снова развивать свой фантастический план раздела мира. Англия, уверял он, в ближайшие месяцы будет разбита и оккупирована германскими войсками, а Соединенные Штаты еще многие годы не смогут представлять угрозы для «новой Европы». Поэтому пора подумать о создании нового порядка на всем земном шаре. Что касается германского и итальянского правительств, продолжал фюрер, то они уже наметили сферу своих интересов. В нее входят Европа и Африка. Японию интересуют районы Восточной Азии. Исходя из этого, пояснил далее Гитлер, Советский Союз мог бы проявить заинтересованность к югу от своей государственной границы в направлении Индийского океана. Это открыло бы Советскому Союзу доступ к незамерзающим портам...

Здесь Молотов перебил Гитлера, заметив, что он не видит смысла обсуждать подобного рода комбинации. Советское правительство заинтересовано в обеспечении спокойствия и безопасности тех районов, которые непосредственно примыкают к границам Советского Союза.

Гитлер, никак не реагируя на это замечание, снова стал излагать свой план раздела британского «бесконтрольного наследства». Беседа стала приобретать какой-то странный характер, немцы словно не слышали, что им говорят. Советский представитель настаивал на обсуждении конкретных вопросов, связанных с безопасностью Советского Союза и других независимых европейских государств, и требовал от германского правительства разъяснения его последних акций, угрожающих самостоятельности стран, непосредственно граничащих с советской территорией. А Гитлер вновь и вновь пытался перевести разговор на выдвинутые им проекты передела мира, всячески стараясь связать Советское правительство участием в обсуждении этих сумасбродных планов.

Беседа длилась уже два с половиной часа. Вдруг Гитлер посмотрел на часы и, сославшись на возможность воздушной тревоги, предложил перенести переговоры на следующий день.

Все поднялись со своих мест. Риббентроп спросил, нет ли возражений против того, чтобы пригласить прессу. Никто не возражал. Шмидт выскочил из-за стола, подошел к двери, высунул голову в вестибюль и что-то сказал. Кабинет тут же заполнился людьми с фотокамерами и ки-

ноаппаратами. Среди них был и фотокорреспондент «Правды» М. М. Калашников. По просьбе репортеров все участники переговоров снова заняли места за столом, и их стали фотографировать с разных точек. Затем было сделано несколько групповых снимков. Вероятно, все это продолжалось бы без конца, если бы Риббентроп не предложил репортерам покинуть кабинет.

Гитлер пожелал советским представителям хорошо провести время в Берлине. Молотов напомнил, что вечером в посольстве будет прием, и пригласил Гитлера. Тот неопределенно ответил, что постарается прийти. Попрощавшись, мы покинули кабинет Гитлера. Нас снова провели через анфиладу залов во внутренний двор имперской канцелярии.

На город уже спустились ранние осенние сумерки. Дул пронизывающий ветер; улицы опустели. Черные «мерседесы» быстро доставили нас в отель «Бельвю». Там за опущенными тяжелыми шторами ярко горел свет, было тепло, и воздух был напоен ароматом свежесрезанных роз. Сразу же был составлен отчет о состоявшейся беседе. Его зашифровали и отправили телеграфом в Москву.

Вечером в особняке посольства СССР на Унтер ден Линден был устроен большой прием по случаю пребывания в Берлине советской правительственной делегации. В мраморном зале стоял стол в виде огромной буквы «П». Его украшали яркие гвоздики и старинное серебро. Был извлечен сервиз на 500 персон, с незапамятных времен хранившийся в посольстве для особо торжественных случаев. Гитлер не явился на прием, из этого делали вывод, что он «недоволен» ходом переговоров. Зато присутствовали многие другие высокопоставленные нацисты во главе с рейхсмаршалом Герингом. Его грузная фигура, напоминавшая огромного разукрашенного павлина, привлекала всеобщее внимание. Пристрастие Геринга к мишуре, показной роскоши и театральности было поистине невероятным. Получив чин рейхсмаршала — единственный в «третьем рейхе», — он придумал для себя специальную форму из серебряной ткани. От плеч и по пояс его грудь украшали ордена, медали и пестрые ленты, на каждом пальце его рук красовалось по нескольку колец с драгоценными камнями. Рассказывали, что дома он любил одеваться в римскую тогу и носил сандалии, украшенные брильянтами. Его многочисленные виллы поражали своей роскошью.

Экстравагантность Геринга придавала ему своеобразную «респектабельность» в глазах западных политиков. Его считали «спортсменом» и «человеком света», что облегчало Чемберлену и другим мюнхенцам распространять на Западе перед войной версию о том, будто в нацизме есть нечто «порядочное».

Между тем Геринг был одним из подлейших нацистских преступников. Наркоман и психически неуравновешенный человек, он до прихода Гитлера к власти провел несколько лет в психиатрической больнице. Когда же нацистский переворот вознес его на вершину власти, Геринг дал волю своим причудам и низменным страстям. Именно он был создателем концентрационных лагерей в первые годы нацистского «рейха». Уже позднее их передали в ведение Гиммлера. Инициатива использования иностранных рабочих в качестве рабов на немецких предприятиях также принадлежала Герингу...

На приеме в посольстве присутствовал также Рудольф Гесс, считавшийся третьим человеком в «рейхе» после Гитлера и Геринга (в начале войны Гитлер объявил, что в случае его гибели наследником становится Геринг, а если и он погибнет, то фюрером будет Гесс).

Едва были произнесены первые тосты, как послышался рев сирен. Воздушная тревога возвещала о приближении к Берлину английских бомбардировщиков.

В здании посольства не было убежища, и гости стали поспешно тесниться к выходу. Первыми покинули посольство высокопоставленные нацисты. Прощаясь с советскими представителями, Геринг, несмотря на весь свой апломб, явно испытывал неловкость. Ведь он столько раз хвастал, что находящиеся под его началом «люфтваффе» сотрут Англию с лица земли. Между тем английская авиация все чаще подвергала бомбежке Германию. А нынешний налет на Берлин был особенно неприятен нацистским заправилам, поскольку они всячески пытались создать впечатление, будто с Англией покончено.

В сопровождении своих адъютантов Геринг, Гесс и Риббентроп второпях спустились по широкой мраморной лестнице к посольскому подъезду, где их ожидали машины. Когда они укатили, ушли и другие гости. Большинство из них, пройдя по Унтер ден Линден до Бранденбургских ворот, укрылись в метро.

Советская делегация возвратилась в отель «Бельвю», где в подвалах было оборудовано комфортабельное бом-

боубежище. Здесь так же, как в залах отеля, на стенах висели дорогие картины и гобелены. Официанты подавали прохладительные напитки. Через два часа послышался сигнал отбоя, и все разошлись по своим комнатам.

Продолжение переговоров

На следующий день — это было 14 ноября — состоялась вторая встреча с Гитлером. К тому времени из Москвы уже поступила шифрованная депеша. Отчет о вчерашней беседе был рассмотрен, и делегация получила инструкции на дальнейшее. Советское правительство со всей категоричностью отвергало германское предложение, отклонив попытку Гитлера втянуть нас в дискуссию по поводу раздела «британского имущества». При этом вновь подтверждалось указание настаивать на том, чтобы германское правительство дало разъяснение по вопросам, связанным с проблемой европейской безопасности, и по другим вопросам, непосредственно затрагивающим интересы Советского Союза.

На этот раз беседа с Гитлером длилась почти три часа, причем порой принимала весьма острый характер.

Когда после взаимных приветствий все расселись за столом в кабинете рейхсканцлера, слово взял Молотов.

В соответствии с указаниями, полученными из Москвы, он изложил позицию Советского правительства, а затем перешел к вопросу о пребывании германских войск в Финляндии. Советское правительство, сказал он, настаивает на том, чтобы ему были сообщены истинные цели посылки германских войск в страну, расположенную поблизости от такого крупного промышленного и культурного центра, как Ленинград. Что означает фактическая оккупация Финляндии германскими войсками? По имеющимся у советской стороны данным, немецкие войска не собираются передвигаться оттуда в Норвегию. Напротив, они укрепляют свои позиции вдоль советской границы. Поэтому Советское правительство настаивает на немедленном выводе германских войск из Финляндии.

Теперь, спустя сутки после того как этот вопрос был перед ним впервые поставлен, Гитлер уже не мог отговориться ссылками на неосведомленность. Тем не менее он продолжал голословно утверждать, будто речь идет лишь о транзитной переброске воинских частей в Норвегию. За-

тем, прибегнув к старому способу, согласно которому лучшая защита — это нападение, Гитлер попытался изобразить дело так, будто бы Советский Союз угрожает Финляндии.

— Конфликт в районе Балтийского моря, — заявил он, — осложнил бы германо-русское сотрудничество...

— Но ведь Советский Союз вовсе не собирается нарушать мир в этом районе и ничем не угрожает Финляндии, — возразил советский представитель. — Мы заинтересованы в том, чтобы обеспечить мир и подлинную безопасность в данном районе. Германское правительство должно учесть это обстоятельство, если оно заинтересовано в нормальном развитии советско-германских отношений.

Гитлер уклонился от прямого ответа и вновь повторил, что принимаемые меры направлены на обеспечение безопасности в Норвегии и что конфликт в районе Балтики повлек бы за собой «далеко идущие последствия». Здесь уже звучала прямая угроза, которую нельзя было оставлять без ответа.

— Похоже, что такая позиция вносит в переговоры новый момент, который может серьезно осложнить обстановку, — заявил Молотов.

Тем самым Гитлеру было дано понять, что Советский Союз намерен и дальше настаивать на своем требовании о выводе из Финляндии германских войск.

Были веские основания ставить этот вопрос с такой настойчивостью. Правящие круги Финляндии в то время откровенно заявляли, что считают мир, заключенный с Советским Союзом в марте 1940 года, лишь «перемирием», передышкой, которую, дескать, следует использовать для подготовки к новой войне против Советской страны, причем на этот раз уже совместно с гитлеровской Германией.

По имевшимся у Советского правительства сведениям, в октябре 1940 года правительство Рюти — Таннера заключило с Берлином соглашение о размещении германских войск на финляндской территории. В это же время в Финляндии начала осуществляться кампания по вербовке шюцкоровцев. Их отправляли в Германию, где в дальнейшем предполагалось сформировать так называемый «финский эсэсовский батальон».

Все эти приготовления давали основание считать, что Гитлер при пособничестве тогдашних правителей Финляндии хочет использовать эту страну в качестве плацдарма

для операций против Советского Союза. Действительно, к моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз на севере Финляндии была сосредоточена армия в составе четырех немецких и двух финских дивизий. Ее задача заключалась в том, чтобы оккупировать Мурманск. Южнее — от озерной системы Оулуярви до побережья Финского залива — были развернуты Карельская и Юго-Восточная финские армии в составе 15 пехотных дивизий (одна из них немецкая), двух пехотных и одной кавалерийской бригад. Эти армии продвижением к Ленинграду и реке Свирь должны были содействовать немецкой группе армий «Север» в захвате Ленинграда. Когда Гитлер вероломно вторгся в пределы Советского Союза, германские войска вместе с финскими «братьями по оружию» пересекли советскую государственную границу и с территории Финляндии...

Но вернемся к переговорам в имперской канцелярии. Дискуссия вокруг германских войск, размещенных в Финляндии, накалила атмосферу, что никак не входило в расчеты гитлеровцев. Риббентроп, считая, видимо, нужным как-то разрядить обстановку, несколько раз порывался вставить слово, но не решался перебить Гитлера. Он то и дело привставал с кресла, чтобы обратить на себя внимание. Наконец Гитлер заметил беспокойство рейхсминистра и сделал жест рукой, как бы приглашая его включиться в беседу.

— Разрешите, мой фюрер, высказать соображение на этот счет, — начал Риббентроп.

Гитлер утвердительно кивнул и, вынув из кармана большой платок, провел им по верхней губе. Риббентроп продолжал:

— Собственно, нет оснований делать из финского вопроса проблему. По-видимому, здесь произошло какое-то недоразумение.

Гитлер воспользовался этим замечанием и быстро переменил тему. Он предпринял еще одну попытку вовлечь советскую делегацию в дискуссию о разделе сфер влияния.

— Давайте лучше обратимся к кардинальным проблемам современности,— сказал он примирительным тоном.— После того как Англия потерпит поражение, Британская империя превратится в гигантский аукцион площадью в 40 миллионов квадратных километров. Здесь для России открывается путь к действительно теплому океану. До

сих пор меньшинство в 40 миллионов англичан управляло 600 миллионами жителей империи. Надо покончить с этой исторической несправедливостью. Государствам, которые могли бы проявить интерес к этому имуществу несостоятельного должника, не следует конфликтовать друг с другом по мелким, несущественным вопросам. Нужно без отлагательства заняться проблемой раздела Британской империи. Тут речь может идти прежде всего о Германии, Италии, Японии, России...

Молотов заметил, что все это он уже слышал вчера, что в нынешней обстановке гораздо важнее обсудить вопросы, ближе стоящие к проблемам европейской безопасности. Помимо вопроса о германских войсках в Финляндии, на который Советское правительство по-прежнему ждет ответа, нам хотелось бы знать о планах германского правительства в отношении Турции, Болгарии и Румынии. Советское правительство считает, что германо-итальянские гарантии, предоставленные недавно Румынии, направлены против интересов СССР. Эти гарантии должны быть аннулированы.

Гитлер тут же заявил, что это требование невыполнимо. Тогда Молотов поставил такой вопрос:

— Что сказала бы Германия, если Советский Союз, учитывая свою заинтересованность в безопасности района, прилегающего к его юго-западным границам, дал бы гарантии Болгарии, подобно тому, как Германия и Италия дали гарантии Румынии?

Это замечание вывело Гитлера из равновесия. Он визгливо прокричал:

— Разве царь Борис[1] просил Москву о гарантиях? Мне ничего об этом неизвестно. И вообще об этом я должен посоветоваться с дуче. Италия тоже заинтересована в делах этой части Европы. Если бы Германии понадобилось искать повод для трений с Россией, то ей для этого можно было бы найти такой повод в любом районе, — угрожающе добавил Гитлер.

Молотов возразил, что долг каждого государства — заботиться о безопасности своего народа так же, как и о

[1] Болгарский царь Борис впоследствии погиб при таинственных обстоятельствах. Возвращаясь самолетом в Софию из Берлина, где он вел переговоры с Гитлером, царь Борис скоропостижно умер, когда ему дали кислородную маску. Полагают, что он был отравлен агентами гестапо: в кислородной маске оказался быстродействующий яд.

безопасности соседних дружественных стран. Именно из этого исходит Советское правительство в своей внешней политике, будучи, в частности, обеспокоено и тем, чтобы связанная историческими узами с нашей страной Болгария сохранила свою самостоятельность и не была бы втянута в опасный конфликт. Тем самым советский представитель недвусмысленно давал понять Гитлеру, что Советское правительство выступает в защиту Болгарии от уже нависшей над ней тогда угрозы фашистской оккупации.

Затем Молотов сказал, что в Москве весьма недовольны задержкой с поставками важного германского оборудования для Советского Союза. Такая практика тем более недопустима, поскольку советская сторона точно выполняет обязательства по советско-германским экономическим соглашениям. Срыв ранее согласованных сроков поставки германских товаров создает серьезные трудности.

Гитлер снова стал изворачиваться. Он заявил, что германский рейх ведет сейчас с Англией борьбу «не на жизнь, а на смерть», что Германия мобилизует все свои ресурсы для этой окончательной схватки с британцами.

— Но мы только что слышали, что Англия фактически уже разбита. Какая же из сторон ведет борьбу на смерть, а какая — на жизнь? — спросил Молотов.

Воцарилась напряженная тишина. Риббентроп заерзал в кресле и с беспокойством посмотрел на Гитлера. Потом перевел сосредоточенный взгляд на свои руки, лежавшие на столе. Пальцы его слегка вздрагивали. Хильгер, весь вытянувшись, замер в кресле. Шмидт перестал писать, но так и застыл, склоненный над листом бумаги. Видимо, все они ждали истерического взрыва Гитлера. Но тот овладел собой и сделал вид, что не замечает иронии. Однако в его голосе чувствовалось еле сдерживаемое раздражение, когда он ответил:

— Да, это так, Англия разбита, но еще надо кое-что сделать...

Затем Гитлер заявил, что, по его мнению, тема беседы исчерпана и что, поскольку вечером он будет занят другими делами, завершит переговоры рейхсминистр Риббентроп.

Так закончилась последняя встреча советской делегации с Гитлером. Итак, Гитлер не пожелал считаться с законными интересами Советского Союза, диктовавшимися требованиями безопасности СССР и мира в Европе.

Но о том, что гитлеровское правительство задолго до берлинской встречи приняло решение напасть на Советский Союз и вело практическую подготовку к этому, тогда, конечно, не было известно.

Из секретных архивов германского правительства, а также из дневников высокопоставленных нацистских чиновников и документов Нюрнбергского процесса над гитлеровскими военными преступниками мы теперь знаем, что и после заключения осенью 1939 года советско-германского пакта о ненападении Гитлер продолжал вынашивать планы войны против Советского Союза. Через два месяца после того, как был подписан этот пакт, Гитлер дал указание командованию вооруженных сил рассматривать оккупированные Германией польские районы как «плацдарм для будущих германских операций». Об этом имеется соответствующая запись в дневнике начальника штаба германских сухопутных сил генерала Гальдера от 18 октября 1939 г.

23 ноября 1939 г., выступая перед своими генералами с пространной речью о новых операциях на Западе, Гитлер коснулся также и операции против Советского Союза. Он заявил: «Мы сможем выступить против России только после того, как развяжем себе руки на Западе...»

В то время Гитлер обусловливал начало агрессии против Советского Союза победой на Западе, то есть разгромом Англии. Но война с Советским Союзом была для него делом решенным. Как свидетельствует в своем дневнике начальник генерального штаба германской армии генерал Иодль, «еще во время похода на Запад Гитлер изложил свое принципиальное решение... напасть на Советский Союз весной 1941 года». 29 июля 1940 г. на совещании представителей командования вооруженных сил Гитлер заявил, что намерен выступить против Советского Союза весной 1941 года, причем уже не делал прежних оговорок. Наоборот, он стал склоняться к тому, чтобы напасть на Советский Союз до окончательного разгрома Англии. 31 июля 1940 г. в своей резиденции в Бергхофе Гитлер при встрече с представителями вермахта объявил о решении отложить высадку на английских островах. Он заявил:

— Все надежды у Англии на Россию и Америку. Если надежда на Россию отпадает, то отпадает и надежда на Америку, поскольку выход России из строя в огромной

степени изменит роль Японии в Восточной Азии. Когда Россия будет разбита, рухнет последняя надежда Англии...

Генерал Гальдер в своем дневнике следующим образом подытожил это совещание. «Постановили: для того чтобы решить проблему, Россия должна быть уничтожена весной 1941 года. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше».

После этого, то есть за три месяца до берлинской встречи, начались тайные приготовления к агрессивному походу против Советского Союза. Угроза, нависшая над Англией, миновала.

Таким образом, уже сам факт существования мощной социалистической державы — Советского Союза — отвратил от Англии опасность германского вторжения. Гитлер решил сперва покончить с Советским Союзом, а потом уничтожить Англию. Но он просчитался. Героическое сопротивление советского народа фашистской агрессии и последующий разгром «третьего рейха» навсегда похоронили эти планы.

Итак, Гитлер вел двойную игру. Уже приняв решение о нападении на Советский Союз, он вместе с тем, стараясь выиграть время, пытался создать у Советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений.

Видимо, в представлении нацистов, этим же целям должна была послужить и встреча в Берлине, к которой гитлеровское правительство проявляло большой интерес начиная с лета 1940 года.

В переписке, которая в те месяцы велась между Берлином и Москвой, немцы делали намеки на то, что было бы неплохо обсудить назревшие вопросы с участием высокопоставленных представителей обеих стран. В одном из немецких писем указывалось, что со времени последнего визита Риббентропа в Москву произошли серьезные изменения в европейской и мировой ситуации, а поэтому было бы желательно, чтобы полномочная советская делегация прибыла в Берлин для переговоров. В этих условиях Советское правительство, которое неизменно выступало за мирное урегулирование международных проблем, ответило положительно на германскую инициативу о проведении в ноябре 1940 года совещания в Берлине.

Вечером того же дня, когда закончились переговоры с Гитлером, состоялась встреча в резиденции Риббентропа на Вильгельмштрассе. Его кабинет, значительно меньший, чем у Гитлера, был обставлен с роскошью. Узорчатый паркетный пол так блестел, что в нем, словно в зеркале, отражались все предметы. На стенах висели старинные картины, окна обрамляли портьеры из дорогой гобеленовой ткани, вдоль стен на подставках стояли статуэтки из бронзы и фарфора.

Державшийся в присутствии Гитлера в тени Риббентроп вел себя теперь совсем по-иному. Он разыгрывал вельможу-аристократа, но манеры его были скорее развязными, нежели величественными. Его окружала многочисленная свита и фоторепортеры, перед которыми он охотно позировал. Во время взаимных приветствий и общей беседы, длившейся несколько минут, Риббентроп стоял посреди комнаты, вытянувшись во весь рост, со скрещенными на груди руками. Наконец он сказал, обращаясь к свите и репортерам:

— Господа, вам придется нас покинуть. Нам предстоят еще важные дела. Надеюсь, вы нас извините...

Все быстро откланялись и вышли из кабинета.

Риббентроп пригласил участников беседы к стоявшему в углу кабинета круглому столу, украшенному бронзовыми фигурками и греческим орнаментом, и, когда все уселись, заявил, что, в соответствии с пожеланием фюрера, было бы целесообразно подвести итоги переговоров и договориться о чем-то «в принципе». Затем он вынул из нагрудного кармана своего серо-зеленого кителя сложенную вчетверо бумажку и, медленно развернув ее, сказал:

— Здесь набросаны некоторые предложения германского правительства...

Держа листок перед собой, Риббентроп зачитал эти предложения. Смысл их сводился все к тем же хвастливым рассуждениям о неизбежном крахе Великобритании и к тому, что теперь, дескать, настало время подумать о дальнейшем переустройстве мира. В связи с этим германское правительство предлагало, чтобы Советский Союз присоединился к пакту трех, заключенному между Германией, Италией и Японией. При этом Германия, Италия, Япония и Советский Союз должны дать обязательство взаимно уважать интересы друг друга. Все четыре держа-

вы должны также дать обязательство не поддерживать никаких группировок держав, направленных против одной из четырех стран. В дальнейшем участники пакта, с учетом взаимных интересов, должны будут решить вопрос об окончательном устройстве мира...

Молотов, выслушав это заявление, сказал, что нет смысла возобновлять дискуссии на эту тему. Но нельзя ли получить зачитанный текст? Риббентроп ответил, что у него только один экземпляр, что он не имел в виду передавать эти предложения в письменном виде, и поспешно спрятал бумажку в карман.

Неожиданно завыл сигнал воздушной тревоги. Все переглянулись, наступило молчание. Где-то поблизости раздался глухой удар, в высоких окнах кабинета задрожали стекла.

— Оставаться здесь небезопасно,— сказал Риббентроп.— Давайте спустимся вниз, в мой бункер. Там будет спокойнее...

Мы вышли из кабинета и по длинному коридору дошли до витой лестницы, по которой спустились в подвал. У входа в бункер стоял часовой-эсэсовец. Он открыл перед нами тяжелую дверь и, когда все участники переговоров вошли в убежище, плотно закрыл и запер дверь изнутри.

В одном из помещений был оборудован подземный кабинет Риббентропа. На полированном письменном столе находилось несколько телефонных аппаратов. В стороне стояли круглый столик и глубокие мягкие кресла.

Когда беседа возобновилась, Риббентроп снова стал распространяться о необходимости изучить вопрос о разделе сфер мирового влияния. Есть все основания считать, добавил он, что Англия фактически уже разбита. На это Молотов возразил:

— Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышатся даже здесь?

Риббентроп смутился и промолчал. Чувствуя неловкость положения, он вызвал адъютанта и велел принести кофе. Когда официант, поставив на стол кофейный прибор и разлив кофе, ушел, советский представитель поинтересовался, скоро ли можно ожидать разъяснения относительно целей пребывания германских войск в Румынии и Финляндии.

Риббентроп, не скрывая раздражения, ответил, что если Советское правительство продолжают интересовать

эти, как он выразился, «несущественные вопросы», то их следует обсудить, используя обычные дипломатические каналы.

Снова воцарилось молчание. Все вопросы были исчерпаны, но приходилось оставаться в бункере: английские самолеты продолжали массированный налет на Берлин. Вновь и вновь слышались глухие удары разрывавшихся поблизости бомб. Подали сухое вино, и разговор перешел на общие темы. Риббентроп начал рассказывать о своих винных заводах, расспрашивая о марках вин, выпускаемых в Советском Союзе. Время тянулось медленно. Только глубокой ночью, после отбоя, мы смогли вернуться в отель «Бельвю».

Наутро советская делегация покидала Берлин. На привокзальной площади вновь был выстроен почетный караул. Но из высокопоставленных лиц на проводах присутствовал только Риббентроп. У перрона стоял советский железнодорожный состав. К нему прицепили два немецких вагона — ресторан и салон, в котором разместились представители протокольного отдела германского министерства иностранных дел, сопровождавшие советскую делегацию до границы.

Тайные цели нацистов

Каков был смысл разглагольствований Гитлера и Риббентропа насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским Союзом? Действительно ли германское правительство исходило тогда из предпосылки, что между Германией и Советским Союзом на протяжении длительного периода не возникнет конфликта? Могло ли быть, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его книге «Майн кампф»? Конечно, нет.

Гитлер рассматривал совещание в Берлине лишь как очередной отвлекающий маневр. Об этом говорит, в частности, секретное распоряжение № 18, которое он издал 12 ноября 1940 г., то есть накануне прибытия в Берлин советской правительственной делегации. В этом распоряжении говорилось: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начинаются. Независимо от того, какой будет исход этих переговоров, следует продолжать все уже предусмотренные ра-

нее приготовления для Востока. Дальнейшие указания на этот счет последуют, как только мною будут утверждены основные положения операционного плана».

О каких «приготовлениях для Востока» шла речь, мы уже знаем.

Что касается Советского Союза, то его цель была ясна. Советское правительство, последовательно проводящее политику мира, стремилось предотвратить войну или, по крайней мере, как можно дальше оттянуть столкновение с гитлеровской Германией. Речь шла о том, чтобы еще на какой-то срок сохранить мирную жизнь для советского народа, получить дополнительное время для укрепления экономической и военной мощи социалистического государства. К тому же в то время тайные намерения Гитлера не были ясны, и в Москве исходили из следующего: нужно попытаться хоть на какое-то время навязать Германии мир, не дать Гитлеру повода для оправдания антисоветской агрессии. Видимо, играло роль и то, что Сталин верил в подпись Риббентропа под пактом о ненападении. Это может казаться удивительным, но он считал, что Гитлер не решится начать войну.

Советское правительство продолжало поддерживать дипломатический контакт с германским правительством и зондировать его намерения. 26 ноября 1940 г., то есть менее чем через две недели после берлинской встречи, германскому послу в Москве Шуленбургу было сообщено, что для продолжения переговоров, начатых в Берлине, германская сторона должна обеспечить выполнение ряда условий, в частности:

немецкие войска должны немедленно покинуть Финляндию;

в ближайшие месяцы должна быть обеспечена безопасность Советского Союза путем заключения пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией.

Шуленбург обещал немедленно передать советское заявление своему правительству. Но ответа из Берлина не поступило. Уже тогда это молчание казалось многозначительным. Теперь мы знаем его причину. Ознакомившись с советскими требованиями, Гитлер отверг их и вплотную занялся подготовкой агрессии против нашей страны. В дневнике генерала Гальдера воспроизводятся следующие слова Гитлера, сказанные по поводу телеграммы Шуленбурга:

— Россию надо поставить на колени как можно скорее...

Гитлер предложил генеральному штабу ускорить представление конкретного плана нападения на Советский Союз. 5 декабря, после длившегося четыре часа совещания с главнокомандующим сухопутными силами фельдмаршалом Браухичем и генералом Гальдером, Гитлер утвердил этот план. Тогда он фигурировал под шифром «План Отто». Вскоре это наименование было заменено новым. 18 декабря Гитлер подписал директиву № 21, озаглавленную «План Барбаросса». Директива эта начиналась следующими словами: «Германские вооруженные силы должны быть готовы еще до окончания войны против Англии разбить Советскую Россию в стремительном походе. Для этого армия должна пустить в действие все находящиеся в ее распоряжении соединения, за исключением лишь тех, которые необходимы, чтобы оградить оккупированные районы от каких-либо неожиданностей. Приготовления должны быть закончены до 15 мая 1941 года. Особое внимание надо уделить тому, чтобы подготовку этого нападения было невозможно обнаружить».

Вспоминая сейчас ход советско-германских переговоров, состоявшихся в Берлине осенью 1940 года, нельзя не остановиться на тех инсинуациях, которые распространялись, да и сейчас еще появляются в западной прессе по поводу этой встречи. Уверяют, например, будто тогда в Берлине советская сторона выдвигала какие-то «территориальные претензии в направлении Индийского океана», будто Советский Союз был готов в этой связи заключить «новый пакт» с Германией и т. д. Все это — либо плод досужей фантазии, либо заведомая злобная фальсификация, имеющая целью бросить тень на политику Советского государства.

В действительности берлинская встреча 1940 года рассматривалась советской стороной как возможность прощупать позицию германского правительства, выяснить дальнейшие планы «третьего рейха».

Позиция Гитлера на этих переговорах, в частности его упорное нежелание считаться с естественными интересами безопасности Советского Союза в Восточной Европе, его фактический отказ вывести войска с территории Финляндии и Румынии, показывала, что, несмотря на все широкие жесты в отношении «глобальных интересов» Со-

ветского Союза, Германия практически была занята подготовкой восточноевропейского плацдарма против Советского Союза. Не может быть сомнений, что Гитлер добивался берлинской встречи, стремясь использовать переговоры с советскими представителями, для того чтобы поставить Советское правительство в неблагоприятные условия, которые в дальнейшем связали бы ему руки, предоставив в то же время свободу действий Германии, включая и возможное заключение соглашения с Англией.

Канун войны в столице «третьего рейха»

*

Новогодний вечер в Грюневальде

Вскоре после возвращения в Москву я был направлен на работу в Наркоминдел референтом по германским проблемам. В это время в советско-германских отношениях наступило заметное затишье. В Москве между советскими представителями и германским послом Шуленбургом не было почти никаких контактов. Время от времени Шуленбург обращался с запросами о могилах немцев в разных районах СССР и по другим делам, которые могли интересовать скорее всего военную разведку вермахта, уточнявшую данные о театре намечавшихся военных действий. Естественно, что на это «любопытство» германской стороны давались уклончивые или отрицательные ответы. Ничего существенного не поступало и от нашего посольства в Берлине, если говорить о сфере официальных отношений. В этой сфере господствовал холод.

Между тем из сообщений зарубежной прессы и донесений советских дипломатов было видно, что германское правительство развивает большую активность по вербовке новых союзников и привлечению их к пакту трех держав. Одно за другим следовали сообщения о «торжественном» подписании соответствующих документов. Перед Гитлером склоняли голову реакционные правители Венгрии, Румынии, Болгарии. Берлин торопился укрепить свои позиции в Юго-Восточной Европе.

В последних числах декабря мне предложили отпра-

виться на работу в Берлин первым секретарем посольства. В. Н. Павлов, занимавший этот пост, отзывался в Москву и должен был остаться в центральном аппарате Наркоминдела. Выбор, как мне объяснили, пал на меня, поскольку, присутствуя на ноябрьских встречах советских представителей с Гитлером и Риббентропом, я был в курсе текущих дел и мог быть полезен в Берлине.

Днем 31 декабря я вышел из вагона на перрон вокзала Фридрихштрассе в Берлине. Жилье мне было приготовлено в помещении нашего посольства на Унтер ден Линден. Здание это было построено еще в начале прошлого века и оставалось в своем первозданном виде (оно было разрушено во время одного из воздушных налетов на Берлин в конце войны). Большие залы посольства и зимний сад с экзотическими растениями отапливались с помощью калориферной системы, а в жилом корпусе высились белые кафельные печи. В моей комнате было тепло и по-домашнему уютно.

Я решил погулять по вечерним улицам Берлина, а затем встретить Новый год в какой-либо «бирштубе» — пивной. Но, спустившись в вестибюль, я наткнулся на одного старого знакомого, который, узнав о моих скромных намерениях, предложил присоединиться к нему.

— Мы целой компанией едем в Грюневальд к нашему военно-морскому атташе адмиралу Воронцову. У него там большой особняк. Хорошо проведем время...

Я охотно согласился. Конечно, это было куда приятней, чем сидеть за кружкой пива в прокуренной пивной. К тому же мне представлялась возможность сразу познакомиться со многими из моих коллег.

Как и все дома в затемненном Берлине, особняк нашего военно-морского атташе снаружи казался нежилым. Но внутри было светло, тепло и оживленно. Хозяйка дома — высокая стройная брюнетка — подносила каждому новому гостю, зябко ежившемуся после промозглой берлинской погоды, чарку водки. Кое-кто, видимо, уже успел повторить эту процедуру: в комнате становилось шумно. Все чувствовали себя непринужденно, а в соседней комнате гостей ждал длинный, по-праздничному убранный стол.

Радио было настроено на Москву. За несколько минут до двенадцати Михаил Иванович Калинин поздравил советских людей с Новым годом. Мы сели за стол. Раздалось хлопанье пробок шампанского... В эти минуты

все, казалось, забыли о повседневных делах и заботах. Отовсюду сыпались остроты, сопровождавшиеся взрывами смеха. Мы поздравляли друг друга с Новым годом, провозглашали тосты за то, чтобы наступающий год был для нашей Родины еще одним мирным годом. Мы не знали тогда, что в уже наступившем 1941 году начнется самая тяжелая и кровопролитная война в истории нашего народа. В ту ночь война, казалось, была где-то далеко. Налета английской авиации не было, мы приятно провели время и разъехались по домам лишь в шестом часу утра.

Дипломатические рауты

Большой прием, который германское правительство устраивало для дипломатического корпуса в первый день нового года, был на этот раз «по случаю войны» отменен. Вместо этого 1 января дипломаты, аккредитованные в Берлине, расписывались в специальной книге в имперской канцелярии, где их от имени рейхсканцлера приветствовал сухой и длинный, как жердь, начальник канцелярии Ганс Ламмерс.

Однако в посольствах, находившихся в Берлине, число дипломатических раутов не уменьшилось. Дипломаты старались воспользоваться любым поводом для встречи со своими коллегами, чтобы обменяться информацией, слухами и прогнозами на будущее. А слухов в первые месяцы 1941 года ходило по Берлину невероятное множество. Они были связаны прежде всего с перспективами дальнейшего хода войны. Кто окажется следующей жертвой германской агрессии? Когда начнется вторжение в Англию? Скоро ли вступят в войну Соединенные Штаты? Куда двинется Япония? Будет ли нарушен нейтралитет Швеции и Турции? Захватят ли немцы нефтеносные районы Ближнего Востока? Все эти и другие вопросы были предметом споров, догадок, пророчеств и пересудов.

На больших приемах какой-нибудь новый слух облетал всех с молниеносной быстротой, хотя его, конечно, передавали под «строгим секретом». Тут можно было познакомиться с крупными промышленниками, высшими представителями нацистской иерархии, с такими тогдашними кинознаменитостями, как Ольга Чехова, Полла Негри, Вилли Форст. На таких приемах всегда было людно и шумно, и, чтобы пересечь зал, приходилось протиски-

ваться между гостями, а порой и работать локтями. Но разговоры здесь носили скорее светский характер.

Куда интереснее бывали встречи в более узком кругу, где собеседники обычно старались выудить друг у друга очередную сенсацию, хотя порой такой «сенсации» была грош цена.

Распространять подобные «новости» особенно любил турецкий посол Гереде. Впрочем, он никогда не настаивал на достоверности своей информации и обычно приговаривал:

— Не могу поручиться, что это так, но все может быть, и потому я решил вас проинформировать конфиденциально...

Посол Гереде был высокий, всегда щегольски одетый мужчина с черными густыми бровями и тяжелым носом. Он угощал душистым турецким кофе, таким густым, что в чашке чуть ли не торчком стояла ложка, рахат-лукумом и знаменитым измирским ликером. Гереде был поразительно разговорчивым человеком, и чаще всего встреча с ним выливалась в его монолог. В его посольском кабинете висела карта Ближнего Востока, а его излюбленной темой был разбор возможных вариантов операций немцев по захвату нефтяных районов Ирака и Саудовской Аравии.

— Турция,— начинал свои рассуждения Гереде,— не раз заявляла, что она не пропустит немцев через свою территорию. Если Германия попытается что-либо предпринять в этом отношении, мы будем сопротивляться. Они это знают...

— Значит, они уже обращались к вам с таким предложением?

— Что вы! Я этого не говорил. Просто им известно, что мы их не пропустим. Но им нужно позарез горючее для танков, авиации, подводных лодок. Следовательно, им придется высадить парашютный десант, чтобы захватить Мосул. А для этого нужны базы — Греция, острова в Эгейском море, Египет. Если немцы высадятся в Ираке, Турция будет зажата с двух сторон. Тогда нам будет трудно, очень трудно...

— Вы хотите сказать, что в таком случае Турция пойдет на уступки Берлину?

— Я этого не говорил. Мы не хотим ни с кем ссориться. Англичане — наши друзья, немцы — наши друзья. Англичане говорят, что ради захвата Ирака немцы гото-

вы потребовать у вас согласия на их проход через Кавказ. Это — чепуха. Вы на такое дело не пойдете. И они ничего не сделают. У вас с Гитлером пакт о ненападении, и я знаю из авторитетных источников, что он твердо намерен его соблюдать. Тут все ясно. На нас немцам тоже нет смысла нападать. Поверьте мне — они теперь сосредоточатся на Египте, помогут Муссолини овладеть Грецией, а затем высадят десант в Ираке. Вот каковы их планы...

Развивая свою мысль, Гереде то и дело подходил к карте, старался убедить собеседника, что десант в Мосуле — это наиболее вероятный дальнейший шаг Гитлера. Прощаясь, он говорил:

— Если услышите что-либо о планах немцев на Ближнем Востоке, сообщите мне. Это очень важно.

Посол Гереде вовсе не был таким простаком, каким мог показаться с первого взгляда. Он поддерживал весьма близкие связи с нацистской верхушкой. Возможно, по уговору с Вильгельмштрассе, он даже играл определенную роль в гитлеровской кампании дезинформации: разговорами о предстоящих операциях на Ближнем Востоке отвлекать внимание от подлинных намерений Берлина.

Весьма своеобразной фигурой дипломатического корпуса был японский посол в Берлине генерал Хироси Осима. Хотя он всегда одевался «по протоколу» и даже носил цилиндр, это не могло скрыть его военной выправки. Плотный, низенького роста, он говорил отрывисто, словно подавал воинскую команду. При этом Осима сопровождал свою речь резкими движениями правой руки, как бы рубил невидимого противника самурайским мечом.

Осима не скрывал своих симпатий к нацистам. Гитлеровцы использовали это в своих целях. Они часто возили японского посла-генерала по местам недавних сражений на Западе, и, возвращаясь в Берлин, он не уставал превозносить в беседах со своими коллегами «подвиги» германской армии. Не менее восторженно отзывался Осима и о гитлеровском «новом порядке в Европе».

— Гитлер,— заявлял он,— умеет держать в узде завоеванные страны. Это залог успеха планов переустройства мира, разрабатываемых державами оси...

В беседах с советскими дипломатами Осима не упускал случая напомнить, что в прошлом он служил в Квантунской армии и хорошо знает Дальний Восток. В этой связи он старался внушить мысль о том, что Советскому

Союзу нет необходимости держать крупные соединения на границе с Маньчжурией, оккупированной в то время японцами. Осима следующим образом аргументировал эту идею:

— Основные события сейчас происходят в Европе, и тут сосредоточены главные интересы Советского Союза. Между тем ваше внимание отвлекает также Дальний Восток. Туда выделяются значительные материальные средства и военные силы. В итоге вдоль маньчжурской границы противостоят большие массы хорошо вооруженных людей, что очень опасно. Как военный человек, я хорошо знаю, что когда на протяжении длительного времени друг против друга стоят оснащенные всеми видами оружия крупные армии двух стран, то всякое может случиться, даже если этого не хотят в высших инстанциях. Какая-либо из сторон может не выдержать напряжения, произойдет инцидент, а потом уже ничего нельзя будет поделать. Мне хорошо известен боевой дух советской Дальневосточной армии. Высок боевой дух и японской Квантунской армии. Нельзя допускать, чтобы эти армии долго стояли друг против друга. Это опасно. Я уже писал своему правительству, что полезно было бы сократить численность армий и отвести их в глубь территории, подальше от границы, чтобы они не соприкасались. Я бы и вам советовал высказать эти соображения своему правительству, чтобы оно как можно скорее предприняло шаги в этом направлении...

При каждой встрече с нами Осима возвращался к этой теме. Какую он мог преследовать цель? Быть может, он полагал, что его идея, в случае ее осуществления, позволит Японии высвободить силы для планировавшихся уже тогда в Токио операций в Юго-Восточной Азии? А может быть, Осима рассчитывал перехитрить Советский Союз, побудить его ослабить свою оборону на Дальнем Востоке, чтобы затем Япония в подходящий для нее момент могла неожиданно напасть на Советский Союз? В любом случае трудно поверить, что Осима всерьез рассчитывал на успех своей весьма примитивной агитации. Но он не переставал пропагандировать свой план взаимного отвода войск на Дальнем Востоке, несмотря на его нереальность и даже наивность в условиях того времени. От обсуждения дальнейших военных акций Гитлера он обычно уклонялся, хотя, несомненно, знал о них больше, чем другие члены дипломатического корпуса.

Хочу также рассказать о встрече с югославским посланником Андричем, которая мне особенно запомнилась. Его резиденция находилась в Тиргартене, в новом районе, отведенном под дипломатические представительства. Район этот еще только застраивался. Уже было почти готово помпезное здание итальянского посольства, заканчивалось строительство японского представительства. Но дом югославской миссии с прилегающей к нему территорией был полностью готов. Построенный по проекту белградских архитекторов, он, как снаружи, так и внутри, производил очень приятное впечатление строгостью линий и современностью отделки и меблировки.

Встреча с Андричем состоялась в самых первых числах апреля. В те дни нацистские газеты развернули бешеную антиюгославскую кампанию. Каждый день «Фёлькишер беобахтер» и другие гитлеровские газеты писали о «преследованиях» немецкого меньшинства в Сербии, помещали фотографии, на которых были изображены группы «беженцев», или, как их называли авторы статей, «жертвы югославского террора». На самом деле никто не преследовал немцев в Югославии. Это была очередная гитлеровская провокация. Инциденты в Югославии и бегство из страны немецких граждан были специально организованы нацистской агентурой. Гитлер собирался под предлогом «защиты» немецкого меньшинства вторгнуться в Югославию. Несомненно, что главная цель, которую Гитлер преследовал нападением на «строптивую» Югославию, заключалась в том, чтобы обеспечить свой тыл в Юго-Восточной Европе перед вторжением в Советский Союз.

В конце марта югославское правительство, возглавлявшееся Цветковичем, подписало в Вене документ о присоединении Югославии к пакту трех. Сразу же после этого в Белграде произошел государственный переворот и, хотя новое правительство генерала Симовича предложило заключить с Берлином пакт о ненападении, Гитлер, уже не доверяя Белграду, решил оккупировать Югославию, а заодно помочь Муссолини справиться с Грецией.

Посланник Андрич, всегда сдержанный и внешне спокойный, на этот раз не мог скрыть волнения. Он понимал, что замышляют гитлеровцы и что не сегодня-завтра его страна подвергнется нападению.

— Что им еще от нас нужно? — с горечью говорил Андрич.— Мы их не трогаем. Вся эта история с «пресле-

дованием» немецкого меньшинства подстроена от начала до конца. Мы хотим, чтобы нас оставили в покое. Но им мало того, что они уже захватили в Европе. Они жаждут и нашей крови. Но немцы напрасно рассчитывают, что им это сойдет с рук. Наш народ не покорится. Мы не прекратим борьбу, даже если им удастся оккупировать нашу страну. Они дорого за это заплатят...

Гитлеровские провокации вызвали в Югославии всеобщее возмущение. В стране спешно принимались меры по отпору германской агрессии. 5 апреля в Москве был подписан советско-югославский договор о дружбе и ненападении. Это вызвало взрыв истерии в гитлеровских кругах Берлина. Правда, практической помощи Советский Союз в тот момент уже не мог оказать югославскому народу. В ночь на 6 апреля германские войска вероломно вторглись в Югославию, сея на своем пути смерть и разрушение.

Запомнившиеся мне слова посланника Андрича оказались пророческими. Югославский народ не покорился. Перейдя к методам партизанской борьбы, он наносил все возрастающие удары по фашистским захватчикам...

В один из последних дней апреля меня пригласил на коктейль первый секретарь посольства США в Берлине Паттерсон. Он слыл весьма состоятельным человеком, снимал за свой счет роскошный трехэтажный особняк в районе Шарлотенбурга и мог запросто пригласить к себе на обед два-три десятка человек или устроить коктейль для трех сотен гостей.

Поскольку Паттерсон жил довольно далеко от центра города и гости от него обычно расходились поздно, я взял в посольском гараже «эмку». Из-за затемнения на улицах Берлина всегда царил кромешный мрак, но на этот раз ночь была лунная, и, когда, выключив подфарники, я ехал по уже опустевшим улицам, казалось, что передо мной вымерший город какой-то незнакомой планеты. Вскоре я подъехал к особняку Паттерсона, у которого уже стояла вереница машин.

В большой гостиной было людно. Сразу нельзя было разглядеть присутствовавших. Комната освещалась камином, в котором весело потрескивали дрова, и несколькими тусклыми лампами-бра. Когда глаза несколько привыкли к полумраку, я заметил, что гости уже разбились на группы и оживленно беседуют, держа в руках бокалы и рюмки.

Поздоровавшись со мной, Паттерсон сказал:

— Тут у меня есть один человек, с которым я хотел вас познакомить...

Он взял меня под руку и повел к камину, где, окруженный знакомыми мне американскими дипломатами, стоял со стаканом виски в руке какой-то высокий сухощавый офицер в форме майора германских военно-воздушных сил. Бросалось в глаза его загорелое лицо.

— Познакомьтесь,— представил нас друг другу Паттерсон.— Майор только что приехал на побывку из Африки...

Майор производил впечатление бывалого боевого летчика. Он охотно рассказывал об операциях в Западной Европе и Северной Африке. При этом не скрывал, что на африканском театре военных действий вопреки всем победным реляциям командования вермахта немцам приходится туго. Мне показалось немного странным, что этот гитлеровский офицер держит себя так свободно в доме американского дипломата. Возможно, это было потому, что он давно знал Паттерсона; по некоторым его замечаниям можно было заключить, что они встречались до войны в Соединенных Штатах.

В конце вечера мы оказались с немецким майором на какое-то время вдвоем, в стороне от других гостей, и он, раскуривая сигару и глядя мне прямо в глаза, сказал, несколько понизив голос:

— Паттерсон хочет, чтобы я вам сообщил одну вещь. Дело в том, что я тут не на побывке. Моя эскадрилья отозвана из Северной Африки, и вчера мы получили приказ передислоцироваться на Восток, в район Лодзи. Возможно, в этом нет ничего особенного, но мне известно, что и многие другие части в последнее время перебрасываются к вашим границам. Я не знаю, что это может означать, но лично мне не хотелось бы, чтобы между моей и вашей страной что-либо произошло. Разумеется, я сообщаю вам об этом доверительно.

На какое-то мгновение я даже растерялся. Это был беспрецедентный случай: офицер гитлеровского вермахта передал советскому дипломату информацию, которая, если она отвечала действительности, несомненно, была сверхсекретной. За разглашение ее он рисковал головой. Мы опасались, как бы не стать жертвой провокации. К тому же я не знал, насколько можно доверять майору, и поэтому решил ответить сдержанно и стереотипно:

— Благодарю вас, господин майор, за эту информацию. Она весьма интересна. Но я полагаю, что Германия будет соблюдать пакт о ненападении. Наша страна заинтересована в том, чтобы мир между нами был сохранен. Будем надеяться на лучшее...

— Смотрите, вам виднее,— улыбнувшись, сказал мой собеседник. Вскоре он стал прощаться и уехал.

Конечно, этот разговор, как и все другое, что представляло интерес в наших беседах на дипломатических раутах, был включен в очередное посольское донесение. Их мы регулярно посылали телеграфом в Москву.

Посольские будни

Наши контакты с политическими деятелями «третьего рейха» носили сугубо официальный характер и были крайне ограничены. На приемы, которые устраивало посольство, из высокопоставленных нацистов являлся, и то далеко не всегда, лишь Риббентроп. Иногда бывали фельдмаршалы Кейтель и Мильх. Задерживались они в посольстве недолго и вскоре уезжали, обычно ссылаясь на занятость. Только два человека приходили к нам регулярно: статс-секретарь Отто Мейснер, которого считали близким к Гитлеру человеком из «старой школы» (он занимал этот же пост еще при Гинденбурге), и некий остзейский барон фон Чайковски, на визитной карточке которого значилось: «дипломат в отставке». Хотя фон Чайковски не занимал официального поста, он слыл весьма информированным человеком — доверенным лицом Вильгельмштрассе. Оба они, и Мейснер и фон Чайковски, все время твердили о необходимости дальнейшего улучшения советско-германских отношений. По их словам, германское правительство только и думает, как бы сделать отношения между нашими странами более тесными и искренними.

Обедая в посольстве в начале июня 1941 года, то есть за какие-нибудь две недели до начала войны, Мейснер намекал, что в имперской канцелярии, дескать, разрабатываются новые предложения по укреплению советско-германских отношений, которые фюрер собирается вскоре представить Москве. Это, конечно, была гнуснейшая дезинформация. Мейснер и фон Чайковски преследовали цель притупить бдительность советских людей.

Тесные связи с посольством поддерживали деловые люди Германии. К нам нередко приходили директора таких фирм, как «АЭГ», «Крупп», «Маннесман», «Сименс — Шуккерт», «Рейнметалл — Борзиг», «Цейс — Икон», «Телефункен» и др. Представители посольства получали приглашения посетить предприятия этих фирм в различных районах Германии. Мне лично пришлось побывать на заводах Круппа в Эссене, на судостроительных верфях Бремена, на предприятии фирмы «Маннесман» в Магдебурге. Конечно, советским дипломатам показывали далеко не все.

Нельзя исключать, что некоторые из этих посещений устраивались в рамках гитлеровской кампании дезинформации. Но я уверен, что многие из наших собеседников-промышленников были действительно убеждены в том, что в экономическом отношении Советский Союз и Германия во многом дополняют друг друга и что развитие торговых связей на пользу обеим нашим странам.

Частым гостем в советском посольстве был один из директоров фирмы «Маннесман» — Гаспар. Это был высокий, всегда элегантно одетый господин средних лет. В петлице пиджака он неизменно носил красную гвоздику и не без кокетства говорил, что его называют «красным Гаспаром». Причем, уверял он, эта кличка пристала к нему не только из-за традиционной гвоздики, но и потому, что он придерживается «весьма левых» убеждений. Гаспар мог позволить себе подобную «экстравагантность», будучи очень состоятельным человеком, пользующимся к тому же большим весом в деловом мире.

Как раз в то время советское торгпредство сделало большой и выгодный заказ фирме «Маннесман» на партию стальных труб, и это лишний раз показывало директорам фирмы, что с Советским Союзом можно вести крупные дела.

— Я очень хотел бы,— говорил Гаспар во время одного из визитов в посольство,— чтобы отношения между нашими странами всегда складывались благоприятно. Наша фирма искренне в этом заинтересована. Но, к сожалению, в Германии действуют силы, которые не понимают, в чем заключаются подлинные интересы нашей нации. Они могут снова привести страну на край катастрофы...

Между прочим, Гаспар принадлежал к числу тех немногих деловых людей «третьего рейха», которые пре-

дупреждали нас о нависшей опасности, о необходимости бдительности и осторожности, хотя и не говорили ничего конкретного о скором нападении Гитлера на Советский Союз.

Мы старались использовать временную нормализацию отношений с гитлеровской Германией, чтобы вырвать из лап гестапо прогрессивных писателей, ученых, видных антифашистов, деятелей коммунистического движения. И в Берлине и в Москве немцы часто обращались с просьбой разрешить выезд в «рейх» того или иного лица. Некоторые из этих людей гитлеровцев особенно интересовали, и в тех случаях, когда советская сторона считала возможным удовлетворить подобные просьбы, нами выдвигались контртребования об отправке в Советский Союз тех, кого мы хотели вызволить. Таким образом были освобождены многие антифашисты, в том числе бывшие бойцы Интернациональной бригады в Испании, захваченные гитлеровцами во Франции.

Однако добиваться этого порой приходилось месяцами и притом не всегда успешно. Мы, например, так и не смогли получить от немцев согласия на отправку в Советский Союз всемирно известного французского физика Поля Ланжевена. Были все основания опасаться за жизнь этого талантливого ученого и видного прогрессивного деятеля. В 1935 году Ланжевен участвовал в Народном фронте во Франции, был избран почетным членом Академии наук СССР и никогда не скрывал своих антифашистских убеждений.

Этого гитлеровцы ему не простили. На наши многократные запросы министерство иностранных дел Германии сперва отвечало, будто Ланжевена не могут разыскать, а затем откровенно заявило, что, поскольку Ланжевен занимался не только наукой, но и «враждебной Германии» деятельностью, компетентные германские власти отказываются его нам передать. Чтобы добиться освобождения Ланжевена, мы даже задержали какого-то субъекта, выдачи которого настойчиво требовали немцы. Но и это не помогло. Ланжевен так и остался в руках гитлеровцев. В конце 1941 года он был арестован и брошен в тюрьму, а позднее отправлен в город Труа под надзор гестапо. Его жизнь могла окончиться трагически, но с помощью бойцов движения Сопротивления Ланжевену удалось бежать в нейтральную Швейцарию. После освобождения Франции в 1944 году Ланжевен вернулся в Па-

риж и вступил в Коммунистическую партию. Он умер в 1946 году и похоронен в Пантеоне как национальный герой...

Длительные переговоры, которые наше посольство в Берлине вело в начале 1941 года с целью освободить Жана-Ришара Блока — видного французского писателя-коммуниста, увенчались успехом. Помню, как я был взволнован, когда ранней весной 1941 года встретил Ж.-Р. Блока на вокзале Фридрихштрассе в Берлине. Перед моим взором и сейчас стоит невысокая фигура сильно исхудавшего человека с коричневым саквояжем и пледом в руке. Высокий лоб, выразительные глаза, подвижное лицо и печальная улыбка — таким я увидел его, когда он сделал свой первый шаг на свободу. Сопровождавший Блока агент гестапо в штатском сдал его мне, как говорится, с рук на руки и деловито попросил расписаться на квитанции, словно речь шла о багаже. Мы отвезли Ж.-Р. Блока в посольство, где для него была приготовлена комната. А на следующий день группа советских дипломатов провожала его с Восточного вокзала в Москву. Он шутил, смеялся, был рад, что уезжает в Советский Союз.

Жан-Ришар Блок — большой друг Ромена Роллана и Луи Арагона, находясь во время войны в Советском Союзе, многое сделал для мобилизации мировой прогрессивной общественности на борьбу против фашистской чумы. Он публиковал в советской и зарубежной прессе страстные обличительные статьи, часто выступал по радио с призывами к бойцам Сопротивления усилить удары по врагу. После войны Ж.-Р. Блок вернулся во Францию, где и умер в 1947 году.

Тревожные сигналы

На протяжении нескольких месяцев мы, работники посольства, видели, как в Германии неуклонно проводятся мероприятия, явно направленные на подготовку операций на Восточном фронте. Об этих приготовлениях свидетельствовала информация, поступавшая в посольство из разных источников.

Прежде всего ее доставляли нам наши друзья в самой Германии. Мы знали, что в нацистском «рейхе», в том числе и в Берлине, в глубоком подполье действуют анти-

фашистская группа «Красная капелла», группа Раби и др. Преодолевая невероятные трудности, порой рискуя жизнью, немецкие антифашисты находили пути, для того чтобы предупредить Советский Союз о нависшей над ним опасности. Они передавали важную информацию, говорившую о подготовке нападения гитлеровской Германии на нашу страну.

В середине февраля в советское консульство в Берлине явился немецкий типографский рабочий. Он принес с собой экземпляр русско-немецкого разговорника, печатавшегося массовым тиражом. Содержание разговорника не оставляло сомнения в том, для каких целей он предназначался. Там можно было, например, прочесть такие фразы на русском языке, но набранные латинским шрифтом: «Где председатель колхоза?», «Ты коммунист?», «Руки вверх!», «Буду стрелять!», «Сдавайся!» и тому подобное. Разговорник был сразу же переслан в Москву.

После того как гитлеровцы оккупировали Польшу, в бывшем посольстве СССР в Варшаве остался только комендант здания Васильев, который должен был заботиться и о советском имуществе на территории всего «генерал-губернаторства», как немцы называли тогда захваченные ими польские земли. В связи с этим ему приходилось посещать районы, примыкавшие к границе Советского Союза. Приезжая по делам в Берлин, Васильев, конечно, рассказывал нам о своих наблюдениях.

Разумеется, гитлеровцы старались ограничивать возможность передвижения Васильева и вообще тщательно скрывали свои агрессивные приготовления на Востоке. Но Васильев не мог не заметить, что железные дороги забиты воинскими эшелонами, а польские города наводнены солдатами вермахта, причем бросалось в глаза, что концентрация военщины на территории Польши все более усиливается. Сообщения Васильева давали нам дополнительный материал, подтверждавший имевшиеся у нас сведения из других источников.

Согласно заведенному в посольстве порядку, каждое утро пресс-атташе (им был А. А. Смирнов, а после его отзыва в Москву и назначения послом СССР в Иране — И. М. Лавров) делал для дипломатического состава краткий доклад о сообщениях немецкой и мировой печати. В первые месяцы 1941 года он все чаще обращал внимание на сетования немецких газет по поводу сообщений

мировой прессы о «военных приготовлениях» Советского Союза на германской границе. Нетрудно было проследить, из каких источников черпалась эта информация. Обычно она сначала появлялась в американской реакционной печати, причем нередко со ссылкой на немецкие источники в нейтральных странах. Несомненно, тут мы имели дело с провокационной дезинформацией, инспирированной германской агентурой. Не располагая никакими реальными фактами — их не было в природе — о «советской угрозе» Германии, гитлеровская пропаганда фабриковала вымышленные сведения о «военных приготовлениях» СССР на его западных границах, подсовывала эти насквозь лживые сведения информационным агентствам и органам печати других стран. Когда же их печатали американские и другие газеты, на них ссылалась германская пресса, ханжески жалуясь, что такие сообщения, дескать, «омрачают» советско-германские отношения. Вся эта возня также показывала, что германские власти заинтересованы в распространении по всему миру ложного представления о том, будто Советский Союз «угрожает» Германии.

В то же время в германской прессе стали чаще появляться ссылки на книгу Гитлера «Майн кампф», которые почти исчезли со страниц газет в первые месяцы после подписания советско-германского договора о ненападении в 1939 году. Правда, это евангелие нацизма, написанное Гитлером еще в 1924—1926 годах, никогда не подвергалось в «третьем рейхе» сомнению. Книга «Майн кампф» с фотографией Гитлера на обложке красовалась в витринах всех книжных магазинов и ежегодно издавалась огромными тиражами, приносившими Гитлеру гонорар в миллионы марок. Но теперь нацистские пропагандисты снова стали все чаще ссылаться на нее, рассуждая о дальнейших планах «Великой Германии».

В «Майн кампф» агрессивные цели и планы Гитлера были изложены с предельной ясностью. Там указывалось, что Германия не должна ограничиваться требованием восстановления границ 1914 года. Ей нужно куда большее жизненное пространство. В своей книге Гитлер указывал, что в Европе насчитывается 80 миллионов немцев. Менее чем через сто лет на континенте их будет 250 миллионов, заявлял он. Поэтому другие народы должны потесниться, чтобы дать место немцам. Вот что Гитлер писал в «Майн кампф» черным по белому: «Только достаточно большое

пространство на нашей планете обеспечивает свободу существования любой нации... Поэтому национал-социалистское движение должно, не обращая внимания на «традиции» и предрассудки, найти в себе мужество мобилизовать нашу нацию и ее силу для похода по тому пути, который выведет нас из нынешней ограниченности жизненного пространства этой нации к новым землям и тем самым навсегда освободит нас от опасности исчезнуть с лица земли или превратиться в нацию рабов, которые должны будут находиться в услужении другим. Национал-социалистское движение должно устранить несоответствие между численностью нашей нации и размерами нашей территории. Мы должны неотступно придерживаться нашей внешнеполитической цели, а именно: обеспечить немецкой нации подобающие ей на этой планете земли».

Такова была, так сказать, общая, принципиальная установка Гитлера. Не менее четко и откровенно были сформулированы в его книге и практические шаги к достижению этой «внешнеполитической» цели. В своей книге Гитлер называл Францию «смертельным врагом немецкой нации». Но ее «уничтожение» он считал лишь одной из предпосылок для достижения далеко идущих целей. Он писал о «решающей схватке» с Францией, но при условии, что «Германия видит в уничтожении Франции лишь одно из средств, с помощью которого можно будет вслед за этим предоставить, наконец, нашей нации возможность расширения в другом направлении...»

В каком именно? На это в «Майн кампф» тоже давался вполне определенный ответ. Сначала, писал Гитлер, должны быть захвачены районы на Востоке с преобладающим немецким населением — Австрия, Судеты, западные провинции Польши, включая Данциг...

Все эти захваты к началу 1941 года были уже осуществлены, хотя в несколько иной последовательности, но зато в большем масштабе. Что же следовало ожидать после этого? «Майн кампф» давала недвусмысленный, хотя и бредовый ответ: нападение на Советский Союз!

«Если мы хотим иметь новые земли в Европе,— писал Гитлер,— то их можно получить на больших пространствах только за счет России. Поэтому новый рейх должен вновь встать на тот путь, по которому шли рыцари ордена, чтобы германским мечом завоевать германскому плугу землю, а нашей нации — хлеб насущный!»

И далее:

«Мы, национал-социалисты, начинаем движение с того пункта, где оно закончилось шесть столетий назад. Мы приостанавливаем извечное движение германцев на юго-запад Европы и обращаем взгляд на земли на Востоке... И если мы сегодня в Европе говорим о новых землях, то мы можем в первую очередь думать только о России и о подвластных ей окраинных государствах...»

Ни одно из этих рассуждений не было ни опровергнуто, ни изменено. Намеченные в «Майн кампф» разбойничьи цели оставались в силе, и их, конечно, имели в виду нацистские пропагандисты, принявшиеся весной 1941 года, как по команде, восхвалять гитлеровское евангелие...

В середине мая Берлин был взбудоражен сообщением о неожиданном полете в Англию Рудольфа Гесса — первого заместителя Гитлера по руководству нацистской партией. Гесс, который сам пилотировал самолет «Мессершмитт-110», вылетел 10 мая из Аугсбурга (Южная Германия), взяв курс на Даунгавел Касл — шотландское имение лорда Гамильтона, с которым он был лично знаком. Однако Гесс ошибся в расчете горючего и, не долетев до цели 14 километров, выбросился с парашютом в районе Иглшэма, где был задержан местными крестьянами и передан властям. Несколько дней английское правительство хранило молчание по поводу этого события. Ничего не сообщал об этом и Берлин. Только после того как британское правительство предало этот полет гласности, германское правительство поняло, что секретная миссия, возлагавшаяся на Гесса, не увенчалась успехом. Тогда-то в штаб-квартире Гитлера в Бергхофе решили преподнести публике полет Гесса как проявление его умопомешательства. В официальном коммюнике о «деле Гесса» говорилось: «Член партии Гесс, видимо, помешался на мысли о том, что посредством личных действий он все еще может добиться взаимопонимания между Германией и Англией». В явно инспирированных комментариях германская пресса пошла еще дальше, указывая, что этот нацистский лидер «был душевно больным идеалистом, страдавшим галлюцинациями вследствие ранений, полученных в первой мировой войне». Авторы этих комментариев, видимо, не усматривали убийственной иронии в том, что этот «сумасшедший» до последнего дня был вторым после Гитлера человеком в нацистской партии. Более то-

го, согласно завещанию Гитлера, в случае его внезапной смерти и гибели Геринга Гесс должен был стать «фюрером германской нации».

Гитлер понимал, какой моральный ущерб причинил ему и его режиму неудачный полет Гесса. Чтобы замести следы, он распорядился арестовать приближенных Гесса, а его самого снял со всех постов и приказал расстрелять, если он вернется в Германию. Тогда же заместителем Гитлера по нацистской партии был назначен Борман.

Нет сомнения, однако, что гитлеровцы возлагали на полет Гесса немалые надежды. Германский империализм рассчитывал, что ему удастся привлечь к антисоветскому походу также и противников Германии, и прежде всего Англию. Гитлеровцы стремились превратить планировавшееся ими нападение на Советский Союз в «крестовый поход» против «большевистской опасности».

Из документов Нюрнбергского процесса и других материалов, опубликованных после разгрома гитлеровской Германии, известно, что с лета 1940 года Гесс состоял в переписке с видными английскими мюнхенцами. Эту переписку помог ему наладить герцог Виндзорский — бывший король Англии Эдуард VIII, которого под предлогом его увлечения разведенной американской миллионершей вынудили отречься от престола.

Герцог Виндзорский был известен своими пронацистскими симпатиями, и одно время Гитлер рассчитывал использовать его в целях деморализации английского народа и склонения британского правительства к сепаратному миру с Германией. Когда герцог Виндзорский по пути в добровольное изгнание на Багамские острова (он был назначен туда губернатором) остановился в Португалии, туда был послан бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг, занимавший пост начальника VI отдела главного управления имперской безопасности. Шелленбергу было поручено убедить герцога Виндзорского отправиться в Берлин и выступить оттуда по радио с призывом к английскому народу пойти на мировую с Германией. За эту услугу Гитлер предлагал герцогу 50 миллионов швейцарских франков. На крайний случай Шелленберг должен был похитить бывшего короля Англии и доставить его к Гитлеру. Однако гитлеровскому эмиссару не удалось выполнить этого поручения: бывший монарх усиленно охранялся агентами английской секретной службы, и Шелленберг не смог установить с ним контакт.

Используя свои связи, Гесс заранее договорился о визите в Англию. Первоначально это должно было произойти в декабре 1940 года, но затем визит был отложен до завершения гитлеровских захватов в Юго-Восточной Европе. Когда, наконец, в мае 1941 года Гесс прилетел в Англию и начал переговоры с высокопоставленными британскими представителями, положение в этой стране, да и вся международная обстановка не позволили мюнхенцам осуществить свой план сговора с нацистами.

Наиболее дальновидные политические деятели Англии и США понимали, что мир с ними Гитлеру нужен лишь для того, чтобы потом напасть на них в более подходящий для нацистов момент. Правящие круги Англии тогда уже отчетливо видели, какую угрозу несет их позициям и интересам германский империализм, стремившийся подчинить себе весь мир. Поэтому они остерегались новых сделок с Германией, тем более что в прошлом подобные политические эксперименты всегда оборачивались против них же самих.

В итоге миссия Гесса провалилась, а сам он после войны предстал перед Нюрнбергским трибуналом в числе главных нацистских преступников. Он, впрочем, избежал виселицы — медицинская экспертиза признала его ненормальным — и был приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Тогда, в мае 1941 года, мы конечно, не могли знать всей подоплеки полета Гесса в Англию. Но то, что это была попытка договориться с Лондоном против Советского Союза, не оставляло сомнения. Знаменателен и такой факт. Как-то придя в начале мая по текущим делам на Вильгельмштрассе, я увидел, что в приемной министерства иностранных дел на столиках разложены журналы и брошюры, изданные еще до войны и прославляющие «англо-германскую дружбу» и ее значение для судеб Европы и всего мира (одно время, в период Мюнхена, гитлеровцы носились с этой идеей). Все дипломаты, приезжавшие на Вильгельмштрассе, конечно, сразу обратили внимание на эти брошюры, расценив их появление как некий жест по отношению к Англии. Подобная демонстрация была предметом догадок, пересудов и спекуляций. Совпавший с ней подозрительный полет «сумасшедшего» Гесса в сочетании с фактами усиления военных приготовлений Германии на Восточном фронте не мог не привлечь к себе внимания.

Все более тревожные сведения концентрировались в этот период также у нашего военного атташе генерала Тупикова и военно-морского атташе адмирала Воронцова. Согласно их информации, с начала февраля 1941 года на Восток стали направляться эшелоны с войсками и боевой техникой. В марте — апреле уже непрерывным потоком туда шли составы с танками, артиллерией, боеприпасами, а к концу мая, по всем данным, в пограничной зоне были сосредоточены крупные немецкие соединения и военная техника.

В то же время гитлеровцы нагло и откровенно прощупывали советскую оборону вдоль государственной границы Советского Союза. Особенно усилились немецкие провокации на советско-германской границе в конце мая — начале июня. Чуть ли не каждый день посольство получало из Москвы указание заявить протест по поводу очередных нарушений на советской границе. Не только германские пограничники, но и солдаты вермахта систематически вторгались на советскую территорию, открывали огонь по нашим пограничникам. При этом были человеческие жертвы. Самолеты со свастикой нахально летали в глубь советской территории. Обо всех этих фактах, с точным указанием места и времени, мы сообщали германскому МИД, но на Вильгельмштрассе, принимая наши заявления, сначала обещали произвести расследование, а затем уверяли, будто «эти сведения не подтвердились».

Знаменателен и такой эпизод. Неподалеку от посольства, на Унтер ден Линден, находилось роскошное фотоателье Гофмана — придворного фотографа Гитлера. В этом ателье когда-то работала натурщицей Ева Браун, ставшая впоследствии любовницей Гитлера. С начала войны в одной из витрин ателье над портретом Гитлера обычно вывешивалась большая географическая карта. Стало привычным, что каждый раз карта показывала ту часть Европы, где происходили или намечались очередные военные действия. Ранней весной 1940 года это был район Голландии, Бельгии, Дании и Норвегии, затем довольно долго висела карта Франции. В начале 1941 года прохожие уже останавливались перед картой Югославии и Греции. И вдруг в конце мая, проходя мимо фотоателье Гофмана, я увидел большую карту Восточной Европы. Она включала Прибалтику, Белоруссию, Украину — весь обширный район Советского Союза от Баренцева до Чер-

ного моря. Меня это ошеломило. Гофман без стеснения давал понять, где развернутся следующие события. Он как бы говорил: теперь пришел черед Советского Союза!..

Начиная с марта по Берлину поползли настойчивые слухи о готовящемся нападении Гитлера на Советский Союз. При этом фигурировали разные даты, которые, как видно, должны были сбить нас с толку: 6 апреля, 20 апреля, 18 мая и, наконец, 22 июня.

Обо всех этих тревожных сигналах посольство регулярно докладывало в Москву. В начале мая группе наших дипломатов было предложено выключиться из всех текущих дел и специально засесть за изучение, обработку и обобщение имевшейся в распоряжении посольства информации относительно подготовки Гитлером войны на Востоке.

К концу мая группа работников посольства под руководством советника В. С. Семенова и атташе И. С. Чернышева составила обстоятельный доклад, включавший, между прочим, и соответствующие выдержки из книги Гитлера «Майн кампф». Основной вывод этого доклада состоял в том, что практическая подготовка Германии к нападению на Советский Союз закончена и масштабы этой подготовки не оставляют сомнения в том, что вся концентрация войск и техники завершена. Советский посол, опасаясь, что слишком решительные выводы могут не понравиться Сталину, несколько смягчил текст доклада. Но все же из этого документа со всей определенностью следовало, что можно в любой момент ждать нападения Германии на Советский Союз.

Мы, сотрудники советского посольства в Берлине, находились в состоянии какой-то раздвоенности. С одной стороны, мы располагали недвусмысленной информацией, свидетельствовавшей о том, что война вот-вот разразится. С другой стороны, ничего особенного как будто не происходило. Жен и детей работников советских учреждений в Германии и на оккупированной территории на Родину не отправляли. Более того, из Советского Союза почти каждый день прибывали новые сотрудники с многочисленными семьями и даже с женами, находившимися на последних месяцах беременности. Продолжались бесперебойные поставки в Германию советских товаров, хотя немецкая сторона почти совсем прекратила выполнение своих торговых обязательств. 14 июня (за неделю до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз!)

советская печать опубликовала сообщение ТАСС, в котором говорилось, что, «по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на Советский Союз лишены всякой почвы...».

Этим заявлением, текст которого был накануне передан германскому послу в Москве Шуленбургу, Сталин, видимо, стремился еще раз проверить намерения германского правительства. Но какие бы внешнеполитические цели ни преследовало это сообщение ТАСС, его опубликование за восемь дней до начала войны могло только притупить у нашего народа чувство бдительности. Берлин ответил на заявление ТАСС молчанием. Ни в одной германской газете не появилось даже упоминания об этом.

21 июня, когда до нападения гитлеровской Германии на СССР оставались считанные часы, посольство получило предписание сделать германскому правительству еще одно заявление, в котором предлагалось обсудить состояние советско-германских отношений.

Советское правительство давало понять германскому правительству, что ему известно о концентрации немецких войск на советской границе и что военная авантюра может иметь опасные последствия. Но содержание этой депеши говорило и о другом: в Москве еще надеялись на возможность предотвратить конфликт и были готовы вести переговоры по поводу создавшейся ситуации.

Ночь на 22 июня

В субботу 21 июня в Берлине стояла отличная погода. Уже с утра день обещал быть жарким, и многие наши работники готовились во второй половине дня выехать за город — в парки Потсдама или на озера Ванзее и Николасзее, где купальный сезон был в полном разгаре. Только небольшой группе дипломатов пришлось остаться в городе. Утром из Москвы пришла срочная телеграмма. Посольство должно было немедленно передать германскому правительству упомянутое выше важное заявление.

Мне поручили связаться с Вильгельмштрассе и условиться о встрече представителей посольства с Риббентро-

пом. Дежурный по секретариату министра ответил, что Риббентропа нет в городе. Звонок к первому заместителю министра, статс-секретарю Вейцзеккеру также не дал результатов. Проходил час за часом, а никого из ответственных лиц найти не удавалось. Лишь к полудню объявился директор политического отдела министерства Верман. Но он только подтвердил, что ни Риббентропа, ни Вейцзеккера в министерстве нет.

— Кажется, в ставке фюрера происходит какое-то важное совещание. По-видимому, все сейчас там,— пояснил Верман.— Если у вас дело срочное, передайте мне, а я постараюсь связаться с руководством...

Я ответил, что это невозможно, так как послу поручено передать заявление лично министру, и попросил Вермана дать знать об этом Риббентропу...

Дело, по которому мы добивались встречи с министром, никак нельзя было доверить второстепенным чиновникам. Ведь речь шла о заявлении, в котором от германского правительства требовались объяснения в связи с концентрацией германских войск вдоль границ Советского Союза.

Из Москвы в этот день несколько раз звонили по телефону. Нас торопили с выполнением поручения. Но сколько мы ни обращались в министерство иностранных дел, ответ был все тот же: Риббентропа нет, и когда он будет, неизвестно. Он вне пределов досягаемости, и ему, дескать, даже не могли сообщить о нашем обращении.

Часам к семи вечера все разошлись по домам. Мне же пришлось остаться в посольстве и добиваться встречи с Риббентропом. Поставив перед собой настольные часы, я решил педантично, каждые 30 минут, звонить на Вильгельмштрассе.

Сквозь открытое окно, которое выходило на Унтер ден Линден, было видно, как посреди улицы по бульвару, окаймленному молодыми липами, как обычно по субботам, прогуливаются берлинцы. Девушки и женщины в ярких цветастых платьях, мужчины, главным образом пожилые, в темных старомодных костюмах. У ворот посольства, облокотясь на косяк ворот, дремал полицейский в уродливой шуцмановской каске...

На столе у меня лежала большая пачка газет — утром удалось лишь бегло их просмотреть. Теперь можно было почитать повнимательнее. В нацистском официозе «Фёлькишер беобахтер» в последнее время было напечатано не-

сколько статей Дитриха — начальника пресс-отдела германского правительства. О них на одной из последних наших внутренних пресс-конференций докладывал пресс-атташе посольства. В этих явно инспирированных статьях Дитрих все время бил в одну точку. Он говорил о некоей угрозе, которая нависла над германской империей и которая мешает осуществлению гитлеровских планов создания «тысячелетнего рейха». Автор указывал, что германский народ и правительство вынуждены, прежде чем приступить к строительству такого «рейха», устранить возникшую угрозу. Эту идею Дитрих, разумеется, пропагандировал неспроста. Вспомнились его статьи накануне нападения гитлеровской Германии на Югославию в первые дни апреля 1941 года. Тогда он разглагольствовал о «священной миссии» германской нации на юго-востоке Европы, вспоминал поход принца Евгения в XVIII веке в Сербию, оккупированную в то время турками, и довольно прозрачно давал понять, что ныне этот же путь должны проделать германские солдаты. Теперь в свете известных нам фактов о подготовке войны на Востоке статьи Дитриха о «новой угрозе» приобретали особый смысл. Трудно было отделаться от мысли, что ходивший по Берлину слух, в котором фигурировала последняя дата нападения Гитлера на Советский Союз — 22 июня, на этот раз, возможно, окажется правильным. Казалось странным и то, что мы в течение целого дня не могли связаться ни с Риббентропом, ни с его первым заместителем, хотя обычно, когда министра не было в городе, Вейцзеккер всегда был готов принять представителя посольства. И что это за важное совещание в ставке Гитлера, на котором, по словам Вермана, находятся все нацистские главари?..

Когда я в очередной раз позвонил в министерство иностранных дел, взявший трубку чиновник вежливо произнес стереотипную фразу:

— Мне по-прежнему не удалось связаться с господином рейхсминистром. Но я помню о вашем обращении и принимаю меры...

На замечание, что мне придется по-прежнему его беспокоить, поскольку речь идет о неотложном деле, мой собеседник любезно ответил, что это нисколько его не утруждает, так как он будет дежурить в министерстве до утра. Вновь и вновь звонил я на Вильгельмштрассе, но безрезультатно...

Тем временем в Москве в половине десятого вечера 21 июня народный комиссар иностранных дел Молотов по поручению Советского правительства пригласил к себе германского посла Шуленбурга и сообщил ему содержание советской ноты по поводу многочисленных нарушений границы германскими самолетами. После этого нарком тщетно пытался побудить посла обсудить с ним состояние советско-германских отношений и выяснить претензии Германии к Советскому Союзу. В частности, перед Шуленбургом был поставлен вопрос: в чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется? Молотов спросил также, чем объясняется усиленное распространение слухов о близкой войне между Германией и СССР, чем объясняется массовый отъезд из Москвы в последние дни сотрудников германского посольства и их жен. В заключение Шуленбургу был задан вопрос о том, чем объясняется «отсутствие какого-либо реагирования германского правительства на успокоительное и миролюбивое сообщение ТАСС от 14 июня». Никакого вразумительного ответа на эти вопросы Шуленбург не дал...

Пока я продолжал тщетно дозваниваться на Вильгельмштрассе, из Москвы поступила новая депеша. Это было уже около часа ночи. В телеграмме сообщалось содержание беседы наркома иностранных дел с Шуленбургом и перечислялись вопросы, поставленные советской стороной в ходе этой беседы. Советскому послу в Берлине вновь предлагалось незамедлительно встретиться с Риббентропом или его заместителем и поставить перед ним те же вопросы. Однако мой очередной звонок в канцелярию Риббентропа был также безрезультатен, как и прежние...

Внезапно в 3 часа ночи, или в 5 часов утра по московскому времени (это было уже воскресенье 22 июня), раздался телефонный звонок. Какой-то незнакомый голос сообщил, что рейхсминистр Иоахим фон Риббентроп ждет советских представителей в своем кабинете в министерстве иностранных дел на Вильгельмштрассе. Уже от этого лающего незнакомого голоса, от чрезвычайно официальной фразеологии повеяло чем-то зловещим. Но, отвечая, я сделал вид, что речь идет о встрече с министром, которой советское посольство добивалось.

— Мне ничего не известно о вашем обращении, — сказал голос на другом конце провода. — Мне поручено

лишь передать, что рейхсминистр Риббентроп просит, чтобы советские представители прибыли к нему немедленно.

Я заметил, что понадобится время, чтобы известить посла и подготовить машину, на что мне ответили:

— Личный автомобиль рейхсминистра уже находится у подъезда советского посольства. Министр надеется, что советские представители прибудут незамедлительно...

Выйдя из ворот посольского особняка на Унтер ден Линден, мы увидели у тротуара черный лимузин. За рулем сидел шофер в темном френче и в фуражке с большим лакированным козырьком. Рядом с ним восседал офицер из эсэсовской дивизии «Тотенкопф». Тулью его фуражки украшала эмблема — череп с перекрещенными костями.

На тротуаре, ожидая нас, стоял в парадной форме чиновник протокольного отдела министерства иностранных дел. Он с подчеркнутой вежливостью распахнул перед нами дверцу. Посол и я в качестве переводчика сели на заднее сиденье, чиновник устроился на откидном стуле. Машина помчалась по пустынной улице. Справа промелькнули Бранденбургские ворота. За ними восходящее солнце уже покрывало багрянцем свежую зелень Тиргартена. Все предвещало ясный, солнечный день...

Выехав на Вильгельмштрассе, мы издали увидели толпу у здания министерства иностранных дел. Хотя уже рассвело, подъезд с чугунным навесом был ярко освещен прожекторами. Вокруг суетились фоторепортеры, кинооператоры, журналисты. Чиновник выскочил из машины первым и широко распахнул дверцу. Мы вышли, ослепленные светом юпитеров и вспышками магниевых ламп. В голове мелькнула тревожная мысль — неужели это война? Иначе нельзя было объяснить такое столпотворение на Вильгельмштрассе, да еще в ночное время. Фоторепортеры и кинооператоры неотступно сопровождали нас. Они то и дело забегали вперед, щелкали затворами, когда мы поднимались по устланной толстым ковром лестнице на второй этаж. В апартаменты министра вел длинный коридор. Вдоль него, вытянувшись, стояли какие-то люди в форме. При нашем появлении они гулко щелкали каблуками, поднимая вверх руку в фашистском приветствии. Наконец мы повернули направо, в кабинет министра.

В глубине комнаты стоял письменный стол. В проти-

воположном углу находился круглый стол, большую часть которого занимала грузная лампа под высоким абажуром. Вокруг в беспорядке стояло несколько кресел.

Сначала зал показался пустым. Только за письменным столом сидел Риббентроп в будничной серо-зеленой министерской форме. Оглянувшись, мы увидели в углу справа от двери группу нацистских чиновников. Когда мы через всю комнату направились к Риббентропу, эти люди не двинулись с места. Они на протяжении всей беседы оставались там, на значительном от нас расстоянии. По-видимому, они даже не слышали, что говорил Риббентроп: так велик был этот старинный высокий зал, который должен был, по замыслу его хозяина, подчеркивать важность персоны гитлеровского министра.

Когда мы вплотную подошли к письменному столу, Риббентроп встал, молча кивнул головой, подал руку и пригласил пройти за ним в противоположный угол зала за круглый стол. У Риббентропа было опухшее лицо пунцового цвета и мутные, как бы остановившиеся, воспаленные глаза. Он шел впереди нас, опустив голову и немного пошатываясь. «Не пьян ли он?» — промелькнуло у меня в голове.

После того как мы уселись за круглый стол и Риббентроп начал говорить, мое предположение подтвердилось. Он, видимо, действительно основательно выпил.

Советский посол так и не смог изложить наше заявление, текст которого мы захватили с собой. Риббентроп, повысив голос, сказал, что сейчас речь пойдет совсем о другом. Спотыкаясь чуть ли не на каждом слове, он принялся довольно путано объяснять, что германское правительство располагает данными относительно усиленной концентрации советских войск на германской границе. Игнорируя тот факт, что на протяжении последних недель советское посольство по поручению Москвы неоднократно обращало внимание германской стороны на вопиющие случаи нарушения границы Советского Союза немецкими солдатами и самолетами, Риббентроп заявил, будто советские военнослужащие нарушали германскую границу и вторгались на германскую территорию, хотя таких фактов в действительности не было.

Далее Риббентроп пояснил, что он кратко излагает содержание меморандума Гитлера, текст которого он тут же нам вручил. Затем Риббентроп сказал, что создавшуюся ситуацию германское правительство рассматри-

вает как угрозу для Германии в момент, когда та ведет не на жизнь, а на смерть войну с англосаксами. Все это, заявил Риббентроп, расценивается германским правительством и лично фюрером как намерение Советского Союза нанести удар в спину немецкому народу. Фюрер не мог терпеть такой угрозы и решил принять меры для ограждения жизни и безопасности германской нации. Решение фюрера окончательное. Час тому назад германские войска перешли границу Советского Союза.

Затем Риббентроп принялся уверять, что эти действия Германии не являются агрессией, а лишь оборонительными мероприятиями. После этого Риббентроп встал и вытянулся во весь рост, стараясь придать себе торжественный вид. Но его голосу явно недоставало твердости и уверенности, когда он произнес последнюю фразу:

— Фюрер поручил мне официально объявить об этих оборонительных мероприятиях...

Мы тоже встали. Разговор был окончен. Теперь мы знали, что снаряды уже рвутся на нашей земле. После свершившегося разбойничьего нападения война была объявлена официально... Тут уже нельзя было ничего изменить. Прежде чем уйти, советский посол сказал:

— Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы еще пожалеете, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз. Вы еще за это жестоко поплатитесь...

Мы повернулись и направились к выходу. И тут произошло неожиданное. Риббентроп, семеня, поспешил за нами. Он стал скороговоркой, шепотком уверять, будто лично он был против этого решения фюрера. Он даже якобы отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Лично он, Риббентроп, считает это безумием. Но он ничего не мог поделать. Гитлер принял это решение, он никого не хотел слушать...

— Передайте в Москве, что я был против нападения,— услышали мы последние слова рейхсминистра, когда уже выходили в коридор...

Снова защелкали затворы фотоаппаратов, зажужжали кинокамеры. На улице, где нас встретила толпа репортеров, ярко светило солнце. Мы подошли к черному лимузину, который все еще стоял у подъезда, ожидая нас.

По дороге в посольство мы молчали. Но моя мысль невольно возвращалась к сцене, только что разыгравшейся в кабинете нацистского министра. Почему он так нервни-

чал, этот фашистский головорез, который так же, как и другие гитлеровские заправилы, был яростным врагом коммунизма и относился к нашей стране и к советским людям с патологической ненавистью? Куда девалась свойственная ему наглая самоуверенность? Конечно, он лгал, уверяя, будто отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Но все же что означали его последние слова? Тогда у нас не могло быть ответа. А теперь, вспоминая обо всем этом, начинаешь думать, что у Риббентропа в тот роковой момент, когда он официально объявил о решении, приведшем в конечном итоге к гибели гитлеровского «рейха», возможно, шевельнулось какое-то мрачное предчувствие... И не потому ли он принял тогда лишнюю дозу спиртного?..

Подъехав к посольству, мы заметили, что здание усиленно охраняется. Вместо одного полицейского, обычно стоявшего у ворот, вдоль тротуара выстроилась теперь целая цепочка солдат в эсэсовской форме.

В посольстве нас ждали с нетерпением. Пока там наверняка не знали, зачем нас вызвал Риббентроп, но один признак заставил всех насторожиться: как только мы уехали на Вильгельмштрассе, связь посольства с внешним миром была прервана — ни один телефон не работал...

В 6 часов утра по московскому времени мы включили приемник, ожидая, что скажет Москва. Но все наши станции передали сперва урок гимнастики, затем пионерскую зорьку и, наконец, последние известия, начинавшиеся, как обычно, вестями с полей и сообщениями о достижениях передовиков труда. С тревогой думалось: неужели в Москве не знают, что уже несколько часов как началась война? А может быть, действия на границе расценены как пограничные стычки, хотя и более широкие по масштабу, чем те, какие происходили на протяжении последних недель?..

Поскольку телефонная связь не восстанавливалась и позвонить в Москву не удавалось, было решено отправить телеграфом сообщение о разговоре с Риббентропом. Шифрованную депешу поручили отвезти на главный почтамт вице-консулу Г. И. Фомину в посольской машине с дипломатическим номером. Это был громоздкий «ЗИС-101», который обычно использовался для поездок на официальные приемы. Машина выехала из ворот, но через 15 минут Фомин возвратился пешком один. Ему удалось вернуться лишь благодаря тому, что при нем была дипло-

матическая карточка. Их остановил какой-то патруль. Шофер и машина были взяты под арест.

В гараже посольства, помимо «зисов» и «эмок», был желтый малолитражный автомобиль «опель-олимпия». Решили воспользоваться им, чтобы, не привлекая внимания, добраться до почтамта и отправить телеграмму. Эту маленькую операцию разработали заранее. После того как я сел за руль, ворота распахнулись, и юркий «опель» на полном ходу выскочил на улицу. Быстро оглянувшись, я вздохнул с облегчением: у здания посольства не было ни одной машины, а пешие эсэсовцы растерянно глядели мне вслед.

Телеграмму сразу сдать не удалось. На главном берлинском почтамте все служащие стояли у репродуктора, откуда доносились истерические выкрики Геббельса. Он говорил о том, что большевики готовили немцам удар в спину, а фюрер, решив двинуть войска на Советский Союз, тем самым спас германскую нацию.

Я подозвал одного из чиновников и передал ему телеграмму. Посмотрев на адрес, он воскликнул:

— Да вы что, в Москву? Разве вы не слышали, что делается?..

Не вдаваясь в дискуссию, я попросил принять телеграмму и выписать квитанцию. Вернувшись в Москву, мы узнали, что эта телеграмма так и не была доставлена...

Когда, возвращаясь с почтамта, я повернул с Фридрихштрассе на Унтер ден Линден, то увидел, что около подъезда посольства стоят четыре машины защитного цвета. По-видимому, эсэсовцы уже сделали вывод из своей оплошности.

В посольстве на втором этаже несколько человек по-прежнему стояли у приемника. Но московское радио ни словом не упоминало о случившемся. Спустившись вниз, я увидел из окна кабинета, как по тротуару пробегают мальчишки, размахивая экстренными выпусками газет. Я вышел за ворота и, остановив одного из них, купил несколько изданий. Там уже были напечатаны первые фотографии с фронта: с болью в сердце мы разглядывали наших советских бойцов — раненых, убитых... В сводке германского командования сообщалось, что ночью немецкие самолеты бомбили Могилев, Львов, Ровно, Гродно и другие города. Было видно, что гитлеровская пропаганда пытается создать впечатление, будто война эта будет короткой прогулкой...

Снова и снова подходим к радиоприемнику. Оттуда по-прежнему доносится народная музыка и марши. Только в 12 часов московского времени по радио выступил Молотов. Он зачитал заявление Советского правительства:

— Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

«...Победа будет за нами... Наше дело правое...» Эти слова доносились с далекой Родины к нам, оказавшимся в самом логове врага.

Возвращение домой

*

В логове врага

Сразу же после нашего возвращения с Вильгельмштрассе были приняты меры по уничтожению секретной документации. С этим нельзя было медлить, так как в любой момент эсэсовцы, оцепившие здание, могли ворваться внутрь и захватить архивы посольства. Консульские работники занялись уточнением списков советских граждан, находившихся как в самой Германии, так и на территориях, оккупированных гитлеровцами.

В первой половине дня 22 июня в посольство смогли добраться только те, кто имел дипломатические карточки, то есть, помимо дипломатов, находившихся в штате посольства, также и некоторые работники торгпредства. Заместитель торгпреда Кормилицын по дороге из дома заехал в помещение торгпредства — оно находилось на Лиценбургерштрассе, но внутрь его не впустили. Здание торгпредства уже захватило гестапо, и он видел, как прямо на улицу полицейские выбрасывали папки с документами. Из верхнего окна здания валил черный дым. Там сотрудники торгпредства, забаррикадировав дверь от ломившихся к ним эсэсовцев, сжигали документы.

Уже много позднее один из участников этого эпизода

рассказывал мне, что происходило в торгпредстве на Лиценбургерштрассе. В ночь на 22 июня там дежурили К. И. Федечкин и А. Д. Бозулаев. Сначала все шло как обычно, но к полуночи внезапно прекратилось поступление входящих телеграмм, чего никогда раньше не наблюдалось. Это был как бы первый сигнал, который насторожил сотрудников. Второй сигнал прозвучал уже не в переносном, а в самом прямом смысле: когда первые лучи солнца начали пробиваться сквозь ставни, которыми были прикрыты окна комнаты, раздался резкий сигнал сирены. Федечкин снял трубку телефона, связывавшего помещение с дежурным у входа в торгпредство.

— Почему дан сигнал тревоги? — спросил он.

— Толпа вооруженных эсэсовцев ломится в двери, — взволнованно сообщил дежурный. — Произошло что-то необычное. Я не открываю им двери. Они стучат и ругаются и могут в любой момент сюда ворваться.

Сотрудники знали, что стеклянные входные двери торгпредства не выдержат серьезного натиска. Предохранительная металлическая сетка тоже не служила надежным препятствием. Следовательно, гитлеровцы могли ворваться в помещение в любой момент. В считанные минуты они оказались бы у закрытой двери помещения, которая лишь одна была способна задержать эсэсовцев на какое-то время. Нельзя было терять ни минуты. Федечкин вызвал своих коллег Н. П. Логачева и Е. И. Шматова, квартиры которых находились на том же этаже, что и служебное помещение. Все четверо, плотно закрыв дверь, принялись уничтожать секретную документацию.

Печка в комнате была маленькая. В нее вмещалось совсем немного бумаг, и пришлось разжечь огонь прямо на полу, на большом железном листе, на котором стояла печка. Дым заволакивал комнату, но работу нельзя было прекратить ни на минуту, фашисты уже ломились в дверь.

Железный лист накалился докрасна, стало невыносимо жарко и душно, начал гореть паркет, но сотрудники продолжали самоотверженно уничтожать документы — нельзя было допустить, чтобы они попали в руки фашистов. Время от времени кто-либо подбегал к окну, чтобы глотнуть свежего воздуха, и тут же возвращался к груде обгоревших бумаг, медленно превращавшихся в пепел...

Когда эсэсовцы взломали, наконец, дверь и с ревом ворвались в помещение, все было кончено. Они увидели лишь груду пепла и неподвижные фигуры на полу. Фашисты растолкали их сапогами, принялись обыскивать. Заставили спуститься в холл торгпредства. Вскоре прибыл закрытый черный фургон, в него втолкнули всех четырех сотрудников и повезли в гестапо. Там у них отобрали часы, деньги и другие личные вещи, а затем каждого бросили в одиночную камеру. По нескольку раз в день их вызывали на допрос, били, пытаясь выведать секретную информацию, заставляли подписать какие-то бумаги. Так продолжалось десять дней. Но советские люди держались стойко, и фашисты ничего не добились. Советские люди с честью выполнили свой долг. Их освободили только в день нашего отъезда из Берлина и доставили прямо на вокзал. Они еле держались на ногах. Когда я увидел хорошо знакомого мне прежде по работе в торгпредстве Логачева, то еле узнал его — он был весь в кровоподтеках...

В тот же день, 22 июня, около двух часов дня в канцелярии посольства внезапно зазвонил телефон. Из протокольного отдела министерства иностранных дел сообщали, что впредь до решения вопроса о том, какая страна возьмет на себя защиту интересов Советского Союза в Германии, наше посольство должно выделить лицо для связи с Вильгельмштрассе. Мы сказали, что через минут пятнадцать-двадцать сможем дать ответ и заодно попросили разрешения вывезти из клуба советской колонии фильмы и часть библиотеки.

Поддерживать связь с Вильгельмштрассе было поручено мне, и об этом представителю протокольного отдела сообщили через полчаса, когда он снова позвонил в посольство.

Записав мое имя, чиновник сказал:

— В порядке исключения одному представителю посольства разрешается съездить в клуб и увезти то, что посольство считает нужным. Но это должно быть сделано до 6 часов вечера. После этого всем находящимся в посольстве лицам категорически запрещается выходить за пределы территории посольства. Представитель посольства, уполномоченный для связи с Вильгельмштрассе, может выезжать только для переговоров в министерство иностранных дел, каждый раз договариваясь об этом заранее, причем в сопровождении начальника ох-

раны посольства — старшего лейтенанта войск СС Хейнемана. Через Хейнемана посольство в случае необходимости может связаться с министерством иностранных дел.

И он повесил трубку.

Как мы тут же выяснили, телефонная связь была односторонней: когда мы снимали трубку, аппарат попрежнему молчал.

Решили, что в клуб на посольской машине лучше всего поехать мне. Мы уговорились, что, поскольку за один рейс удастся вывезти лишь ограниченное количество предметов, следует забрать прежде всего фильмы о Ленине — в апреле, ко дню рождения Владимира Ильича, они были присланы нам из Москвы,— а также собрание сочинений Ленина и некоторые другие работы классиков марксизма. Мы не хотели, чтобы гитлеровцы устроили из этих фильмов и книг костры и организовали по этому поводу очередную антикоммунистическую демонстрацию.

Стоявший у здания клуба полицейский не был предупрежден о моем приезде и отказался меня впустить. Пришлось позвонить на Вильгельмштрассе. Напротив находилась небольшая лавочка, где торговали пивом, сигаретами и всякой мелочью. По пути в клуб мы часто заходили туда, чтобы выпить холодного пенистого пива и поболтать с хозяином лавчонки старым Исидором. Туда я и зашел, чтобы воспользоваться телефоном-автоматом. Исидор встретил меня очень приветливо и, понизив голос, сказал, что потрясен известием о нападении на Советский Союз.

— Теперь уже совершенно неизвестно, когда все это кончится. Мы действительно напобеждаемся до смерти,— проворчал Исидор, когда я, разменяв марку на мелочь, направился к телефонной будке. Набрав номер протокольного отдела министерства иностранных дел, я пожаловался, что, несмотря на договоренность, не могу попасть в помещение клуба, поскольку охраняющий его полицейский не имеет на этот счет указаний.

— Сейчас мы примем меры, очень сожалеем, подождите около клуба, — ответили мне.

Подойдя к стойке, я заказал пива, и у нас с Исидором завязалась беседа, которая, конечно, все время вращалась вокруг темы войны и бедствий, которые она с собой несет.

Спустя минут 15 сквозь открытую дверь я увидел, как к подъезду на противоположной стороне улицы подъехал мотоцикл с коляской, в которой сидел эсэсовский офицер. Он что-то сказал полицейскому, и тот, перебежав улицу, зашел в заведение Исидора и сообщил, что мне можно войти в здание клуба. Тем временем эсэсовский офицер укатил на своем мотоцикле, а полицейский вошел в клуб вместе со мной. Сперва он стоял молча в стороне, наблюдая, как я складываю круглые металлические коробки с фильмами. Но, когда я стал упаковывать книги, он принялся, не говоря ни слова, мне помогать: обвязывал стопки книг веревками и сносил их в машину. Я тоже ничего ему не говорил. Так молча мы работали довольно долго. Только когда я сел в машину и завел мотор, полицейский крикнул мне вслед:

— Желаю вам самого лучшего, товарищ...

Обернувшись, я помахал ему рукой. Эти две первые встречи с немцами после разбойничьего нападения гитлеровской Германии на Советский Союз — со старым Исидором и полицейским, охранявшим наш клуб,— показались мне знаменательными. Ни у того, ни у другого не чувствовалось ни злобы, ни отчужденности. Видимо, антисоветская пропаганда Геббельса не везде оказалась действенной!

Когда я вернулся в посольство, было без нескольких минут шесть — успел во-время! Двор посольства походил на цыганский табор. С узлами и чемоданами сюда съехались работники посольства с семьями. Вокруг было много детей самого различного возраста — от грудных до школьников. В жилом корпусе места всем не хватило. Многие разместились в служебных кабинетах. Но это была лишь небольшая часть всей советской колонии, о которой мы должны были позаботиться. По уточненным спискам, оказалось, что вместе с членами семей в Германии и на оккупированных территориях находится свыше тысячи советских граждан.

Спор на Вильгельмштрассе

Утром следующего дня мне было предложено явиться на Вильгельмштрассе для предварительных переговоров. Об этом сообщил нам обер-лейтенант Хейнеман, который сопровождал меня в машине до министерства.

Теперь главный подъезд здания выглядел снова будничным. Принявший меня чиновник протокольного отдела заявил, что ему поручено обсудить вопрос о советских гражданах в Германии и на оккупированных территориях. Он уже подготовил список, который, как я заметил, в основном совпадал с нашими данными. Чиновник сообщил, что все советские граждане интернированы. Однако, заявил он, проблема заключается в том, что в настоящее время в Советском Союзе находится только 120 германских граждан. Это главным образом сотрудники посольства и других германских учреждений в Москве.

— Германская сторона,— продолжал чиновник,— предлагает обменять этих лиц на такое же число советских граждан. Конкретные кандидатуры посольство может отобрать по своему усмотрению.

Я сразу же заявил решительный протест против подобного подхода к делу. Ведь именно тот факт, что в Советском Союзе осталось лишь 120 германских граждан, тогда как здесь находилось свыше тысячи советских людей, наглядно показывает, что не Советский Союз, как это утверждала германская пропаганда, а Германия заранее готовилась к нападению на нашу страну. Решив начать войну против Советского Союза, германские власти позаботились о том, чтобы отправить из Советского Союза в Германию как можно больше своих граждан и членов их семей. Я сказал, что доложу послу о германском предложении по обмену, но уверен, что мы не тронемся с места, пока всем советским гражданам не будет предоставлена возможность вернуться на Родину.

— Дискуссию об этом я вести не могу, — заявил чиновник, — я лишь передал то, что мне поручено. Должен также сказать, что германское правительство конфисковало в качестве военных трофеев все советские суда, оказавшиеся в германских портах.

Я поинтересовался, о каком числе кораблей идет речь.

— Точно не знаю, — сказал он и тут же, злорадно улыбаясь, добавил: — Кажется, в советских портах нет ни одного германского судна...

Впоследствии, уже вернувшись в Москву, мы узнали, что 20 и 21 июня германские суда, стоявшие в советских портах Балтийского и Черного морей, в срочном порядке, даже не закончив погрузки, ушли из советских территориальных вод.

А у нас этому не придали значения. Познее мне стало известно об одном факте, который объясняет, почему так случилось. Буквально накануне войны в Рижском порту скопилось более двух десятков немецких судов. Некоторые только что начали разгружаться, другие еще не были полностью загружены, но 21 июня все они стали сниматься с якоря. Начальник Рижского порта, почувствовав недоброе, задержал на свой страх и риск немецкие суда и немедленно связался по телефону с Москвой. Он сообщил о создавшейся зловещей ситуации в Наркомвнешторг и попросил дальнейших указаний. Об этом было сразу же доложено Сталину. Но Сталин, опасаясь, как бы Гитлер не воспользовался задержкой нами немецких судов для военной провокации, распорядился немедленно снять запрет на их выход в море. Видимо, по той же причине не были предупреждены капитаны советских судов, находившихся в германских портах.

Но вернемся к разговору на Вильгельмштрассе. Реакция всех наших дипломатов, когда они узнали о предложении гитлеровцев, была единодушной: мы решили категорически отклонить обмен на равное число лиц. При следующей встрече в министерстве мне было поручено заявить, что мы решительно настаиваем на том, чтобы всем советским гражданам было разрешено покинуть Германию. Лица, интернированные вне германской столицы, должны быть доставлены в Берлин и переданы нашему консулу.

На протяжении нескольких дней оставалось невыясненным, какая страна будет представлять интересы Советского Союза в Берлине. Между тем нельзя было терять времени, так как мы прекрасно понимали, какая трагическая судьба постигнет советских граждан, если им не удастся вернуться на Родину вместе с дипломатическим составом посольства. Надо было все же найти путь для связи с Москвой.

У некоторых из сотрудников посольства были среди немецких антифашистов хорошие друзья. Через них можно было передать информацию о создавшемся положении советскому посольству в какой-либо нейтральной стране. Связаться с ними было поручено работнику посольства Александру Михайловичу Короткову и мне. Но как это осуществить? Ведь теперь посольство было наглухо отрезано от внешнего мира. Ни одному человеку

не разрешалось выйти за ворота. А за мной неотступно следовал обер-лейтенант Хейнеман, да и вообще я мог выезжать из здания только по вызову с Вильгельмштрассе.

Мы долго ломали себе голову над тем, каким образом кто-либо из нас мог бы прорваться сквозь цепь эсэсовцев, окружавших здание посольства. Разведав обстановку, мы убедились, что попытка выбраться из посольства тайком, под покровом ночи, тоже не сулит успеха. К вечеру охрана усиливалась и фасад здания ярко освещался прожектором. За стеной дома, примыкавшего к зданию посольства с противоположной стороны, также патрулировали эсэсовцы с овчарками. Но все же надо было найти какой-то выход...

Эсэсовский офицер помогает большевикам

Обер-лейтенант войск СС Хейнеман был высокий, грузный и уже немолодой человек. Он оказался на редкость разговорчивым. На второй день нашего знакомства я уже знал, что у него больная жена, что брат его служит в охране имперской канцелярии, а сын Эрих заканчивает офицерскую школу, после чего должен отправиться на фронт: оказывается, это не очень-то устраивает Хейнемана, и он просит брата пристроить молодого Хейнемана где-нибудь в тылу.

Такие разговоры эсэсовского офицера, да к тому же еще и начальника охраны, с работником посольства в условиях войны несколько настораживали. Не хотел ли Хейнеман спровоцировать нас на доверительный разговор? А может быть, он в глубине души не относится к нам враждебно и — кто знает,— возможно, даже готов нам помочь? Во всяком случае стоило к нему повнимательнее присмотреться. Посоветовавшись, мы решили, что нужно попытаться наладить «дружеские» отношения с Хейнеманом, проявляя при этом величайшую осторожность, так как любой неверный шаг мог бы лишь осложнить положение посольства и дать повод гитлеровцам для провокации.

Как-то вечером, когда Хейнеман, обойдя вверенный ему караул, зашел в посольство спросить, не хотим ли мы что-либо передать на Вильгельмштрассе, я пригласил его отдохнуть в гостиной.

— Не согласитесь ли немного перекусить, — обратился я к Хейнеману. — За день вы, верно, устали, да и после обеда прошло много времени.

Хейнеман сперва отказался, ссылаясь, что это не положено при несении службы, но в конце концов согласился поужинать со мной.

В тот вечер у нас завязалась довольно откровенная беседа. После нескольких рюмок Хейнеман стал рассказывать, что, по сведениям его брата, в имперской канцелярии Гитлера весьма озабочены тем неожиданным сопротивлением, на которое германские войска наталкиваются в Советском Союзе. Во многих местах советские солдаты обороняются до последнего патрона, а затем идут врукопашную. Нигде еще за годы этой войны германские войска не встречали такого отпора и не несли таких больших потерь. На Западе, продолжал Хейнеман, все обстояло совсем по-другому — там была не война, а прогулка. В России — не то, и даже в имперской канцелярии кое-кто начинает сомневаться, стоило ли начинать войну против Советского Союза.

Это уже походило на оппозицию, чего никак нельзя было ожидать от эсэсовского офицера. Может быть, подумалось мне, Хейнеман не до конца отравлен нацистским фанатизмом? Не скрывал мой собеседник и того, что в связи с сообщениями с Восточного фронта его особенно беспокоила судьба сына.

— Если его отправят на Восточный фронт,— несколько раз повторил Хейнеман,— мало шансов, что он выберется оттуда живым...

Будучи все еще не уверен в Хейнемане, я молча слушал. Лишь когда он заговорил о своем сыне, я заметил, что этой войны могло бы вообще не быть и что тогда был бы в безопасности не только его Эрих, но была бы сохранена жизнь многим другим немцам.

— Вы совершенно правы,— ответил Хейнеман,— зачем эта война?

Наш ужин продолжался около двух часов, и у меня с Хейнеманом установился неплохой контакт.

На следующий день я пригласил Хейнемана позавтракать. На этот раз он и не думал отказываться. Мне хотелось выяснить, насколько он может оказаться нам полезен. Нужно было лишь найти подходящий для такого обращения повод, который в случае отрицательной реакции можно было бы обратить в шутку.

Порассуждав по поводу сообщений с фронта, Хейнеман снова коснулся больной для него темы:

— В ближайшие дни,— начал он,— Эрих закончит офицерскую школу, а по существующему в Германии обычаю мне придется за свой счет заказать ему парадную форму и личное оружие. А тут еще болезнь жены, пришлось истратить почти все сбережения...

Заговорив о деньгах, Хейнеман сам сделал первый шаг в нужном направлении. Я решил этим воспользоваться. Конечно, тут был немалый риск. Если Хейнеман понял, что мы хотим получить от него какую-то услугу, то, естественно, должен был возникнуть вопрос о вознаграждении. И он мог заговорить о деньгах, чтобы прощупать нас. Не провокация ли это? Ведь «попытка подкупа» начальника охраны советского посольства оказалась бы для гитлеровской пропаганды как нельзя кстати. Но решение надо было принимать немедленно. Такой случай мог больше не представиться, а нам необходимо было как можно скорее прорваться сквозь эсэсовский кордон.

— Я был бы рад вам помочь, г-н Хейнеман, — заметил я небрежным тоном,— я довольно долго работаю в Берлине и откладывал деньги, чтобы купить большую радиолу. Но теперь это не имеет смысла, и деньги все равно пропадут. Нам не разрешили ничего вывозить, кроме одного чемодана с личными вещами и небольшой суммы на карманные расходы. Мне неловко вам делать такое предложение, но, если хотите, я могу вам дать тысячу марок.

Хейнеман пристально посмотрел на меня и ничего не сказал. Видимо, он тоже думал над тем, стоит ли делать следующий шаг. Помолчав, Хейнеман сказал:

— Я очень благодарен за это предложение. Но как же я могу так, запросто взять столь крупную сумму?

— Ведь я вам сказал, что деньги эти все равно пропадут. Вывезти их не разрешат. Их конфискует ваше правительство вместе с другими суммами, имеющимися в посольстве. Для «третьего рейха» какая-то тысяча марок не имеет никакого значения, а вам она может пригодиться. Впрочем, решайте сами, мне в конце концов все равно, кому достанутся эти деньги...

Хейнеман закурил и, откинувшись на спинку кресла, несколько раз глубоко затянулся. Чувствовалось, что в нем происходит внутренняя борьба.

— Что ж, пожалуй, я соглашусь, — сказал он, наконец. — Но вы понимаете, что ни одна живая душа не должна об этом знать!

— Это мои личные сбережения, — успокоил я Хейнемана. — Никто не знает, что они у меня есть. Я их вам передам — и дело с концом.

Я вынул бумажник и, отсчитав тысячу марок, положил их на стол. Хейнеман медленно потянулся за купюрами. Он вынул из заднего кармана брюк большое портмоне и, аккуратно расправив банкноты, спрятал их в одно из отделений. Затем вернул портмоне на свое место, вздохнул.

Итак, первый шаг был сделан.

Хейнеман сказал:

— Еще раз хочу поблагодарить вас за эту услугу. Я был бы рад, если бы имел возможность быть вам чемлибо полезным...

Можно было бы тут же воспользоваться этим предложением, но, подумав, я решил, что на сегодня хватит. Лучше сейчас не делать следующего шага, а просто закрепить завоеванные позиции.

— Мне ничего не нужно, — ответил я. — Вы просто мне симпатичны, и я рад вам помочь. Тем более, что фактически мне это ничего не стоит: все равно эти деньги я использовать не могу.

Мы еще посидели некоторое время, а когда Хейнеман стал прощаться, я пригласил его зайти днем, чтобы вместе пообедать.

В течение десяти дней нашей жизни в Берлине на положении интернированных посольство снабжал всем необходимым хозяин небольшой бакалейной лавки, у которого мы и раньше покупали продукты. Флегматичный, толстый и ворчливый, он неизменно стоял за прилавком в грязном лоснящемся фартуке. Теперь он каждое утро приезжал к нам на своем автофургоне в коричневой форме СА. Жены сотрудников посольства организовали поварскую бригаду и под руководством повара Лакомова готовили завтраки, обеды и ужины для всех, кто оказался в посольстве. Но на этот раз Лакомов был всецело занят обедом для Хейнемана. К его приходу стол в небольшой гостиной на первом этаже был накрыт. Продукты, привезенные лавочником-штурмовиком, дополняли русские закуски. И, конечно, — коньяк, вино и пиво. Я готовился не только хорошо угостить Хейнема-

на, но и собирался сделать ему соответствующее предложение. Об этом мы заранее посоветовались и наметили ход действий. Когда за десертом Хейнеман вернулся к утреннему разговору и вновь высказал пожелание оказать мне какую-либо услугу, я ответил:

— Видите ли, г-н Хейнеман, мне лично ничего не нужно. Но один из работников посольства, мой приятель, просил меня об одной услуге. Это чисто личное дело, и я даже не обещал, что поговорю с вами. Он, конечно, ничего не знает о наших отношениях, — успокоил я Хейнемана.

— А о чем идет речь? — поинтересовался Хейнеман. — Может быть, мы вместе подумаем, можно ли помочь вашему приятелю.

— Он подружился тут с одной немецкой девушкой, а война началась так внезапно, что он даже не успел с ней попрощаться. Ему очень хочется получить возможность хотя бы на часок выбраться из посольства, чтобы увидеть ее в последний раз. Ведь вы сами понимаете, что означает война. Эти молодые люди, возможно, больше никогда не увидятся. Вот он и просил меня помочь. Но ведь всем нам строго запрещено покидать посольство. Видимо, придется его разочаровать...

— Надо подумать, — возразил Хейнеман.

Закурив сигарету, он задумался. Несколько минут он молчал. Затем, как бы рассуждая вслух, сказал:

— Мои ребята, охраняющие посольство, знают, что я выезжаю вместе с вами, когда надо ехать на Вильгельмштрассе. Они уже привыкли к тому, что мы выезжаем вместе. Это для них обычное дело. Вряд ли они обратят внимание, если мы посадим сзади вашего товарища, выедем в город и где-либо высадим его, а затем через час подберем его и возвратимся в посольство. Пожалуй, такой вариант вполне реален, как вы думаете?

Из соображений предосторожности я сперва принялся уверять Хейнемана, что ему нет смысла идти на риск из-за такого пустячного дела. В конце концов мой товарищ как-нибудь переживет разлуку, не попрощавшись со своей девушкой. Но Хейнеман все более энергично настаивал на своем плане, и в конце концов я дал себя убедить в том, что эту операцию можно осуществить.

— Если все хорошо продумать и заранее подготовить, — убеждал меня Хейнеман, — то операция пройдет благополучно.

Конечно, полной уверенности в том, что эсэсовский лейтенант искренне согласился помочь большевикам, у нас не было. Оказавшись с нами за воротами посольства, он запросто мог арестовать нас, препроводить в гестапо и поднять шум вокруг «подкупа» офицера войск СС. Надо было по-прежнему проявлять осторожность. Прощаясь с Хейнеманом, я сказал, что все еще не уверен, стоит ли осуществлять его предложение. Я пригласил обер-лейтенанта зайти вечером.

Когда Хейнеман ушел, мы стали совещаться, нужно ли идти до конца. Ведь с этим был связан большой риск, чреватый немалым политическим ущербом. В то же время перед нами открывалась возможность связаться с Москвой. После долгой дискуссии и взвешивания всех «за» и «против» было все же решено пойти на эту операцию.

Обер-лейтенант Хейнеман был, как всегда, точен. Мы ожидали его вместе с Коротковым, которого и надо было вывезти в город. Когда Хейнеман вошел, я представил своего друга:

— Знакомьтесь, Саша...

Они поздоровались за руку, и Хейнеман сказал:

— Так это вас обворожила наша девушка? Что же, я рад вам помочь.

Мы сели за стол. Хейнеман находился в отличном расположении духа. Он много шутил, рассказывал о своем сыне, о том, как они до войны ездили на лето в Баварские Альпы, где весело проводили время. Хейнеман то и дело подтрунивал над Сашей, вспоминая о том, как еще после первой мировой войны он, оказавшись в плену во Франции, влюбился в одну француженку, а потом должен был с ней расстаться.

— Хотя я уже и не молод, — сказал Хейнеман, — но я понимаю, что для вас означает возможность еще раз увидеться с этой девушкой.

Условились, что проведем намеченную операцию на следующее утро в 11 часов, когда Хейнеман после обхода караула зайдет в посольство. Предусмотрели мы и такую деталь: воспользоваться автомобилем «опель-олимпия», чтобы не привлекать к себе внимания на улицах Берлина. Хейнеман сказал, что заранее свяжется с министерством иностранных дел, чтобы выяснить, не собираются ли меня вызвать в утренние часы на Вильгельмштрассе. Помимо обсуждения этих деталей, все выглядело так, будто речь идет о каком-то невинном

пикнике. Может быть, Хейнеман и в самом деле поверил в нашу версию о девушке, а если нет, то он умело делал вид, что помогает свиданию влюбленных. Но у нас на душе все же скребли кошки. Мы распрощались с Хейнеманом довольно поздно, все еще не будучи полностью уверены в том, как он поведет себя завтра и что вообще принесет нам следующий день.

Окно на волю

В назначенное время Хейнеман не появился. Это нас встревожило. Что будет, если он нас обманул и гестапо уже узнало о нашей с ним договоренности? Легко понять то нервное напряжение, в котором все мы находились, когда около двух часов дня у ворот раздался звонок. То был Хейнеман. Он извинился за опоздание: внезапно ухудшилось состояние здоровья его жены, и он был внужден задержаться дома. Зато он договорился с министерством иностранных дел о том, чтобы из-за его личных дел сегодня никаких встреч на Вильгельмштрассе не назначали. Таким образом, мы можем спокойно осуществить наш план.

Мы зашли в приемную. Пока Саша угощал Хейнемана водкой, я отправился в гараж и выкатил к подъезду «опель». Хейнеман с трудом забрался на переднее сиденье рядом со мной. К тому же ему мешал болтавшийся на боку длинный палаш. В конце концов, отстегнув пряжку, он бросил палаш на заднее сиденье, где уже находился Саша. Курьер охраны распахнул ворота, Хейнеман козырнул эсэсовцам, и мы оказались на воле. Посмотрев в зеркало, я убедился, что за нами никто не увязался.

Все эти дни мы ездили только в министерство иностранных дел. Чтобы не вызвать подозрения, я и теперь повернул налево у Бранденбургских ворот и проехал несколько кварталов по Вильгельмштрассе. Затем «опель» помчался дальше по берлинским улицам. Они производили какое-то странное впечатление. Было пасмурно, но тепло и сухо. Блестели зеркальные стекла витрин, не торопясь шли прохожие, на углах продавали цветы, дамы прогуливали собак — как будто ничего не изменилось. И в то же время сознание, что на Востоке уже несколько дней бушует пожар войны, что мы нахо-

димся в логове нашего смертельного врага, налагало свою печать на казавшиеся мирными картинки Берлина.

Мы заранее условились, что высадим Сашу у большого универсального магазина КДВ («Кауфхауз дес Вестенс»). Там было легко затеряться в толпе. К тому же поблизости находился вход в подземку. Спустя два часа мы должны были подобрать Сашу в другом месте, у метро «Ноллендорфплатц».

Когда машина остановилась, наш пассажир быстро вышел и тут же исчез в толпе. Мы сразу же двинулись дальше и долго кружили по улицам без всякой цели. Вспомнив, что у меня кончаются лезвия для бритья, я подъехал к первому попавшемуся галантерейному магазину. Пока я выбирал лезвия, Хейнеман рассматривал роскошный помазок.

— Вот бы иметь такой! — с завистью сказал он.— Но это могут себе позволить только состоятельные люди...

Я предложил ему принять этот помазок в подарок. Он не заставил себя уговаривать и, когда я расплатился, спрятал пакетик в карман кителя.

По Шарлотенбургскому шоссе мы направились к знаменитому берлинскому «функтурму» — радиомачте. Днем в этом излюбленном месте вечерних прогулок берлинцев было обычно пустынно, и мы решили там скоротать время.

Сначала немного погуляли в парке, окружавшем радиомачту. В одном из его отдаленных уголков, около ящиков для отбросов, стояли две скамейки, выкрашенные в ядовито-желтый цвет. На спинках скамеек ярко выделялась черная буква «J» — первая буква слова «Jude». Как и во всех скверах и парках гитлеровской Германии, скамейки около мусорных ящиков были специально отведены для евреев. Когда мы с Хейнеманом прошли мимо скорбной фигуры женщины в черном, сидевшей согнув спину и опустив голову на краешке одной из скамеек, меня передернуло.

— Я вас понимаю, — тихо сказал Хейнеман.

Этот эсэсовский офицер и тут оказался белой вороной.

— Хотите я вам расскажу анекдот, который ходит сейчас в Берлине,— продолжал он, когда мы отошли подальше. — В вагоне метро сидит старушка с нашитой на груди желтой «звездой Давида». Рядом с ней место сво-

бодно. Входит немка с девочкой. Немка садится рядом со старухой, и та срузу же поднимается, чтобы уступить место арийской девочке. Девочка садится, но мать дергает ее за руку и заставляет встать.

— Как ты смеешь, Мальвина, —возмущенно говорит она. — Ведь ты взобралась на место, где только что сидела еврейка...

Некоторое время место пустует. Затем сидящий напротив пожилой рабочий поднимается и садится на место, с которого встала старуха-еврейка. Он усиленно ерзает задом по сиденью. Потом, встав, говорит, обращаясь к немке:

— Прошу покорно, сударыня, теперь ваша дочь может сесть, ничего не опасаясь. Это место опять стало чисто арийским...

— Это, кажется, даже не анекдот, а быль, — добавляет Хейнеман, смеясь...

Мы садимся за столик на террасе летнего кафе, расположенного у подножия радиомачты. Теперь Хейнеман решил проявить ко мне внимание и заказал две кружки мюнхенского пива. Он почти все время молчал в машине, после того как мы выехали из посольства, — видимо, тоже нервничал. Теперь к нему вернулась болтливость, и он без умолку рассказывал всякие забавные истории из своей школьной жизни. Я слушал его рассеянно, а сам думал о том, все ли сложится благополучно у Саши.

Наконец, настало время отправляться в условленное место. Подъезжая к Ноллендорфплатц, я издали увидел Сашу. Он стоял у витрины и, казалось, всецело был поглощен разложенными там товарами. Но краем глаза он следил за нами. Когда я притормозил, Саша подошел к краю тротуара, непринужденно помахал нам рукой и, сказав несколько приветственных слов, не спеша забрался в машину. Если кто и наблюдал за нами, то должен был подумать, что произошла случайная встреча друзей. Усаживаясь на заднее сиденье, Саша крепко сжал мое плечо. У меня весело екнуло сердце — значит, его миссия увенчалась успехом.

— Ну, как девушка? — спросил Хейнеман.

— Все в порядке, благодарю вас. Она так была рада меня увидеть, — последовал ответ.

Хейнеман стал отпускать какие-то шуточки, но мы слушали его невнимательно. Покружив немного по улицам, я подъехал к зданию посольства и нажал на клак-

сон. Ворота открылись. Оказавшись во дворе, мы вздохнули с облегчением.

В посольстве уже был приготовлен ужин на троих. Нам хотелось поскорее избавиться от Хейнемана, но все же пришлось посидеть с ним более часа и выслушивать его нескончаемые рассказы. Разрядка после нервного напряжения давала себя знать: нас охватила какая-то апатия.

Когда Хейнеман ушел, посвященные в эту операцию обсудили итоги. Она прошла успешно: нашим друзьям было передано короткое сообщение о сложившейся обстановке. Если не произойдет что-либо непредвиденное, то уже к вечеру наше послание будет в Москве. Но нам важно было знать это наверное, а также получить из Москвы подтверждение правильности нашей позиции. Поэтому было решено еще раз сделать вылазку, воспользовавшись лазейкой на волю, открытой для нас обер-лейтенантом Хейнеманом.

Тост за победу

На следующий день я и Саша угощали Хейнемана завтраком. Он сообщил нам последние новости с фронта, циркулировавшие в имперской канцелярии и резко отличавшиеся от победных реляций, публиковавшихся немецкими газетами. В действительности положение на советско-германском фронте складывалось совсем не так, как это изображала гитлеровская пропаганда. Советские части оказывали ожесточенное сопротивление. Многие укрепленные районы, в том числе Брестская крепость, продолжали стойко держаться. Германские войска несли огромные потери. Все это, по словам Хейнемана, вызывает серьезную озабоченность в кругах имперской канцелярии.

Затем разговор зашел о нашей вчерашней вылазке в город. Хейнеман шутя спросил, не хочет ли Саша еще раз повидать свою приятельницу. Это нам и было нужно.

— Конечно, хотел бы, — сказал Саша. — Но мне неловко снова утруждать вас...

Хейнеман заметил, что хотя это и связано с некоторым риском, но еще раз, пожалуй, можно повторить.

— Если уж вы соглашаетесь, — сказал Саша, — то

мне бы хотелось на этот раз иметь немного больше времени, часа три или четыре.

— Вижу, у вас, как говорят французы, аппетит приходит во время еды, — сказал Хейнеман. — Но я вас понимаю. Завтра — воскресенье, министерство иностранных дел закрыто, туда не вызовут, и весь день в нашем распоряжении. Давайте выедем часов в 10 и к обеду вернемся.

На следующее утро к назначенному часу «опель» уже стоял у ворот во внутреннем дворе посольства. Хейнеман пришел на десять минут раньше. Здороваясь с ним, я заметил, что у него на этот раз нет палаша. На широком поясе, затянутом поверх кителя, была прикреплена кабура, из которой тускло поблескивала ручка «вальтера». Мне стало не по себе. Снова возникли прежние сомнения. Надо полагать, Хейнеман и раньше имел при себе пистолет — возможно, он держал его в кармане брюк, но я его никогда не видел. Теперь же он был на виду, его можно было достать легким движением руки. Это наводило на неприятные мысли. Что, если Хейнеман решил нас поймать, что называется, «на месте преступления»? Что, если он, едва мы выедем за ворота, вытащит свой «вальтер» и прикажет ехать в гестапо? Я бросил быстрый взгляд на Сашу. Видимо, он думал о том же. Как быть? Отказаться от поездки? Надо как-то прощупать Хейнемана, может быть, он себя выдаст?

— Что-то вы сегодня без палаша, а он вам очень идет, — заметил я, выдавливая из себя улыбку.

Хейнеман ответил непринужденно:

— Видите ли, в прошлый раз я заметил, что палаш мне мешает в маленьком «опеле». Зная, что мы сегодня снова поедем на «опеле», я решил оставить палаш дома. По уставу, если нет палаша, надо иметь на поясе пистолет...

Это нас несколько успокоило. Мы вышли во двор и сели в машину в том же порядке, что и в прошлый раз.

Выехав за ворота, мы направились к метро на Уланштрассе. Там тоже всегда было людно. Я притормозил. Саша вышел из машины и исчез в подземке. Здесь же мы должны были встретиться без четверти два. Времени было много, и мы решили выехать на кольцевую автостраду. Остановились в лесу и, немного погуляв, вернулись в город. Хейнеман предложил куда-нибудь зайти перекусить. Остановив машину у ресторана на углу

Курфюрстендам, напротив Гедехнискирхе, мы прошли в просторный зал сквозь блестящие вращающиеся двери и стали подбирать подходящий столик. Вдруг раздался возглас:

— Эй, Хейнеман! Иди сюда.

За большим столом сидело шестеро офицеров-эсэсовцев. Стол был уставлен пивными кружками. Видимо, кампания сидела долго, так как на краю стола возвышалась целая стопка картонных кружочков, которые подставляют под кружки и по которым официант в конце трапезы подсчитывает количество выпитого пива. Несомненно, эта кампания хорошо знала Хейнемана. Эсэсовцы махали ему, приглашая за их столик. Что же делать? Не очень-то будет приятно, если обнаружится, что вместе с Хейнеманом по Берлину разгуливает интернированный советский гражданин. Но тут я услышал торопливый шепот Хейнемана:

— Я вас представлю как родственника жены из Мюнхена. Вы работаете на военном заводе и потому не распространяетесь о делах. Вас зовут Курт Хюскер. Будьте осторожны. Пойдемте...

Мы подошли к столику, где эсэсовцы — кто поднявшись во весь рост, а кто только едва привстав со стула — приветствовал нас возгласами «Хайль Гитлер!». Хейнеман ответил им зычным голосом, а я пробормотал невнятно.

После того как Хейнеман представил меня, мы расселись и заказали всем по кружке пива. Разговор шел, конечно, о военных действиях на советско-германском фронте, о ночных налетах на Берлин, которые возобновила английская авиация. Эсэсовцы говорили об ожесточенных боях на советско-германском фронте, о сопротивлении, оказываемом советскими войсками, таком ожесточенном, какого немцы еще ни разу не встречали за всю войну. Я не сомневался, что знание языка, закрепленное за время работы в Германии, меня не подведет, и был благодарен Хейнеману за его выдумку насчет военного завода в Мюнхене. Это давало мне повод больше отмалчиваться. Во всяком случае, никто из эсэсовцев не заподозрил, что я не тот, за кого себя выдаю.

Один из эсэсовцев произнес короткую речь во славу «Великой Германии», фюрера и немецкого оружия, закончив ее словами:

— За нашу победу...

Все встали. Я тоже поднялся и, осушая кружку, думал о нашей победе над гитлеровскими захватчиками, вероломно напавшими на мою Родину. И, ставя кружку на стол, сказал:

— За нашу победу...

Хейнеман посмотрел на часы. Нам было пора ехать. Но эсэсовцы никак не хотели нас отпускать. Мы выбрались только в два часа, и пришлось выжать из маленького «опеля» все, чтобы побыстрее добраться до Уланштрассе. Саша уже ждал нас. Было видно, что он нервничает. Сев в машину, он снова пожал мне плечо, и я понял, что его вылазка и на этот раз прошла успешно. Мы без помех вернулись в посольство.

Последняя встреча с Хейнеманом произошла 2 июля, в тот день, когда мы покидали Берлин. Прощаясь, он довольно откровенно дал понять, что понимает подлинный смысл проведенной с его помощью операции.

— Возможно, — сказал он, — когда-либо случится так, что мне придется сослаться на эту услугу, оказанную мной советскому посольству. Надеюсь, что это не будет забыто...

Что потом сталось с Хейнеманом, мне неизвестно. Может быть, он погиб на войне, а может, остался невредимым и сейчас где-то доживает свой век. Может быть, он, как эсэсовский офицер, запятнал себя кровью невинных жертв на оккупированных гитлеровцами территориях и теперь скрывается от руки правосудия или уже понес заслуженную кару. А может, сумел остаться в стороне от участия в зверствах гестапо — все может быть. Но справедливости ради надо сказать, что в те дни он, пусть не совсем бескорыстно, оказал нам немалую услугу.

По оккупированной Европе

Вылазка, осуществленная с помощью обер-лейтенанта Хейнемана, дала нам возможность еще более решительно настаивать на нашей позиции в переговорах с германским министерством иностранных дел. Нажим, который продолжали на нас оказывать представители Вильгельмштрассе, оставался безрезультатным. Мы требовали эвакуации всей советской колонии, так как знали, что немецких дипломатов не выпустят из Москвы, пока наше требование не будет удовлетворено. Так про-

ходил день за днем, а вопрос об эвакуации оставался открытым.

Когда в очередной раз меня вызвали на Вильгельмштрассе, я заметил, что чиновник протокольного отдела чем-то очень раздражен.

— Ну как, вы отобрали, наконец, тех, кому вы хотите дать возможность эвакуироваться? — спросил он резким тоном.

Я ответил отрицательно.

— Напрасно вы с этим тянете. Рейхсминистр фон Риббентроп очень недоволен этим. Мы не можем допустить дальнейших оттяжек. К тому же мы заинтересованы в скорейшем выезде из Москвы персонала немецкого посольства...

Итак, подумал я, посол Шуленбург и его сотрудники никуда не выехали из Москвы. А раздраженный тон риббентроповского чиновника — еще одно подтверждение тому, что в Москве не собираются приступать к эвакуации германской колонии. Из всего этого можно было сделать только один вывод: надо держаться твердо и настаивать на своем. И я спокойно ответил:

— Никого отбирать не собираемся. Наша позиция неизменная: всем советским гражданам должен быть разрешен выезд на Родину. Ни на какую сделку мы в этом вопросе не пойдем, и если вы будете снова нас уговаривать, то зря потеряете время. Мы не тронемся с места, пока наше требование не будет выполнено.

Мой собеседник вновь стал уверять, что германская сторона на это не согласится, что в Советский Союз должно быть возвращено столько же советских граждан, сколько германских граждан находится в настоящее время в Москве. Их там 120. Следовательно, из Берлина смогут выехать тоже только 120 советских граждан. Их список советское посольство должно без промедления представить в министерство, и тогда можно будет договориться о деталях эвакуации.

Мне ничего не оставалось, как вновь повторить, что посольство придерживается своей точки зрения: все советские граждане должны вернуться на Родину. Наша обязанность — позаботиться о всех наших людях, и мы не согласимся бросить на произвол судьбы более тысячи человек. Все они находились здесь в служебных командировках в соответствии с советско-германскими соглашениями. Мы требуем отправки их на Родину.

Каждый из нас еще раз повторил свои аргументы, но мы не продвинулись ни на шаг вперед. Чиновник угрожал, что если посольство не согласится с германским требованием, то германские власти сами составят список из 120 человек, подлежащих эвакуации, и найдут способ заставить нас подчиниться. Тогда я порекомендовал ему не забывать о том, что соответствующие меры могут быть приняты и в отношении германских представителей, находящихся в Москве. Так мы и расстались, ни о чем не договорившись.

Возвращаясь после разговора на Вильгельмштрассе, я думал о том, что дело может принять неприятный оборот и что нам нелегко будет добиться своего, особенно в условиях отсутствия постоянной связи с Москвой. Но в посольстве меня ждало приятное известие. Товарищи, слушавшие английское радио, узнали, что достигнута договоренность относительно того, что советские интересы в Германии будет представлять Швеция, а германские в Москве — Болгария. Любопытно, что чиновник протокольного отдела, безусловно, уже знавший об этой договоренности, ни словом не обмолвился о ней. Может быть, он потому и оказывал на меня усиленное давление в вопросе об обмене, так как знал, что, когда посредники приступят к своим обязанностям, нам будет легче настаивать на своей позиции.

Шифры и вся секретная документация были уничтожены еще в первый день войны. По дыму, который валил тогда из труб нашего дома, несомненно, догадывались об этом и германские власти. Тем не менее нельзя было исключить возможности нарушения экстерриториальности посольства и вторжения на его территорию агентов гестапо. Поэтому мы всегда были начеку. Работники посольства по очереди несли дежурство, ворота тщательно запирались, а когда у входа раздавался звонок, дежурный, прежде чем открыть дверь, смотрел из вахтерской, нет ли чего подозрительного.

Как-то ночью у ворот раздался звонок — настойчивый и непрекращающийся. Дежурный выглянул на улицу, но ничего не смог разглядеть. Он спросил: кто там? Никто не ответил, а между тем звонок продолжал дребезжать. Были подняты на ноги все руководящие работники посольства. Мы стали совещаться, как поступить. Если открыть ворота — к нам могут ворваться гитлеровцы. Не открывать — тоже невозможно. Непрекращаю-

щийся звонок переполошил всех. Во дворе посольства уже собралось много народа. Люди нервничали. Надо было как-то положить этому конец.

В итоге мы все-таки решили приоткрыть калитку в одной из створок ворот. Высунувшись на улицу, я ничего не увидел. Вокруг было тихо. Поодаль стояло несколько солдат. А рядом, прислонившись к углу ворот, дремал эсэсовец. Во сне он случайно нажал плечом на кнопку звонка. Я встряхнул его за локоть. Звонок перестал звонить, как только эсэсовец выпрямился. Я указал на его оплошность и снова закрыл калитку.

Этот небольшой трагикомический эпизод довольно показателен для атмосферы нервной напряженности, в которой мы все в то время находились. Однако за все 10 дней нашего пребывания в Берлине на положении интернированных гитлеровцы не спровоцировали против нас ни одного инцидента. Возможно, тут сыграло роль то, что германские дипломаты еще находились в Москве, и нацисты опасались ответных мер.

Но всей этой относительной безопасностью пользовались только дипломаты и те из советских работников, которые еще в первый день войны сумели укрыться в посольстве. Совсем по-иному гитлеровцы относились к остальным советским гражданам в Германии и на оккупированных территориях. Но об этом мы узнали лишь через несколько дней.

Когда в наше посольство явился шведский посредник, мы вручили ему текст телеграммы для передачи в Москву. Там говорилось о предпринятых нами шагах с целью добиться полной эвакуации из Германии советских граждан. К вечеру был получен ответ: нам сообщали, что посольство поступило правильно, настаивая на возвращении всех советских людей, и это должно быть осуществлено в порядке обмена на немецкую колонию, находящуюся в Советском Союзе. Уже на следующий день, как нам сообщил шведский представитель, в нейтральной прессе появились весьма нелестные для Берлина сообщения о попытке немцев задержать часть советской колонии. Теперь уже гитлеровцам стало ясно, что придется уступить. В министерстве иностранных дел согласились, наконец, принять составленные посольством списки советских работников и членов их семей, интернированных в Германии и на оккупированных территориях. Нам сообщили также, что все они, включая и шофера, задержан-

ного в первый день войны, будут в ближайшие день-два доставлены в Берлин, где к ним будет допущен советский консул в сопровождении шведского представителя.

Действительно, через день это обещание было выполнено. Всех интернированных предъявили нам в лагере на окраине Берлина. Размещенные в бараках, окруженных колючей проволокой, они были голодны и плохо одеты, большей частью только в пижамах, в домашних туфлях, а то и босые.

Теперь мы узнали, что в ночь на 22 июня гестаповцы врывались в квартиры советских граждан, вытаскивали их прямо из постелей. Им не разрешали брать с собой ничего из вещей. Под конвоем они сразу же были отправлены в концентрационный лагерь.

Мы обеспечили интернированных советских граждан питанием, но экипировать их гитлеровцы не разрешили. Так, полуодетые, они и были погружены в общие сидячие вагоны специального состава, который, как нас заверили немцы, должен был следовать за поездом с советскими дипломатами.

Условия в поезде интернированных были очень тяжелые. Люди терпели неудобства, прежде всего из-за страшной скученности. Один мог прилечь только тогда, когда остальные трое, располагавшиеся на этой же скамейке, стояли. Питание было крайне скудное. Из-за отсутствия теплой одежды многие простудились: временами — особенно при переезде через Альпы — в вагонах было очень холодно.

При уточнении списков на месте еще в берлинском лагере мы обнаружили трех лишних человек — женщину и двух мужчин. Они не были зарегистрированы в документах нашего консульства, их никто не знал, но все трое уверяли, что они советские граждане, работали в Германии и теперь возвращаются на родину вместе со всеми. Представитель Вильгельмштрассе тоже уверял, что эти трое прибыли в командировку в Голландию и всегда числились советскими гражданами. Они фигурировали в официальных немецких списках советских граждан, подлежащих эвакуации. Несмотря на наши протесты, они так и оставались среди интернированных советских людей. Только потом нам стало ясно, зачем понадобились немцам эти лица: при переезде через болгаро-турецкую границу все трое заявили, что они отказываются вернуться в Советский Союз. Они, дескать, «избрали свободу» и

решили остаться в «третьем рейхе». Гитлеровская пропаганда подняла по этому поводу невероятный шум. Газеты и радио в подробностях расписывали, как «три члена советской колонии отказались вернуться в большевистскую Россию и просят политического убежища в Германской империи».

Проглотили гитлеровскую тухлую «утку» и некоторые органы печати в нейтральных странах. Но вскоре этот пропагандистский мыльный пузырь лопнул. По прибытии в Стамбул мы сделали по этому поводу специальное заявление, разоблачив очередную нацистскую провокацию. Мы также сообщили в Москву, что речь шла вовсе не о советских гражданах, а о каких-то подозрительных субъектах, которых гитлеровцы специально нам подсунули, чтобы затем инсценировать их «побег на свободу».

Выезд советской колонии из Берлина был по соглашению, достигнутому через посредничество шведов, назначен на 2 июля. Дипломаты и сотрудники посольства эвакуировались в нормальных условиях. Им был предоставлен специальный поезд из спальных вагонов с мягкими двухместными купе. Наш маршрут шел через Прагу, Вену, Белград, Софию.

Согласно договоренности, обмен осуществлялся в следующем порядке: советская колония должна была перейти из Болгарии в Турцию, а немецкая — из Советского Закавказья также на турецкую территорию. Это должно было произойти одновременно и под наблюдением посредников. Но когда мы проехали Югославию и были уже на болгарской территории, представитель протокольного отдела германского МИД барон фон Ботман (он, как и большая группа вооруженных до зубов эсэсовцев, сопровождал нас на всем пути) сообщил нам, что получил из Берлина указание производить обмен не на болгаро-турецкой, а на югославско-болгарской границе.

— Ведь Болгария,— сказал он,— не является оккупированной страной, она находится в союзе с Германией. Поэтому, переезжая в Болгарию, советская колония покидает контролируемую рейхом территорию. Поскольку, однако, поезд с германскими представителями, эвакуирующимися из Москвы, еще не прибыл на советско-турецкую границу, оба состава с советскими гражданами не будут следовать дальше. Их возвращают назад,

в югославский город Ниш, где они будут находиться в ожидании дальнейших указаний...

Мы заявили протест, но практически ничего не могли сделать.

Вскоре поезд остановился на каком-то полустанке, паровоз прицепили с противоположной стороны, и состав двинулся в обратном направлении. На подъездных путях всех станций к приходу нашего поезда выстраивались вооруженные эсэсовцы. Они же нас встретили и по прибытии в Ниш. Эсэсовцы, как обычно, стояли лицом к поезду, расставив ноги, в касках и с автоматами на груди. А за их спиной югославские железнодорожники потихоньку приветствовали нас, махая красными флажками.

В Нише наш состав загнали на запасной путь. Выходить из вагонов не разрешали. Вскоре мы узнали, что в Ниш прибыл и второй состав с советскими гражданами. Его пассажиров из вагонов переправили в концентрационный лагерь, расположенный в помещении старой казармы. Только через несколько дней советскому консулу и еще двум сотрудникам посольства разрешили навестить интернированных в этом лагере. За пять дней пути люди еще больше похудели, одни были простужены, другие страдали от желудочных заболеваний. Никакой медицинской помощи им не оказывали. Только после наших настойчивых требований посольскому врачу разрешили посетить лагерь и осмотреть больных. Нам также удалось добиться некоторого улучшения питания интернированных.

Пробные шары барона Ботмана

В дни стоянки в Нише нас особенно беспокоило отсутствие связи с Москвой. Поскольку в Нише не было шведских представителей, мы не могли рассчитывать на их посредничество. Мы опасались, как бы по какому-либо недосмотру немецкая колония не была бы выпущена в Турцию. Тогда она оказалась бы на нейтральной территории, в то время как мы при переезде из Югославии в Болгарию фактически по-прежнему оставались бы в руках гитлеровцев. Болгария, будучи союзницей гитлеровской Германии, фактически находилась на положении оккупированной страны, там были размещены крупные контингенты германских войск.

Мне было поручено отправиться в вагон фон Ботмана и вновь заявить ему протест против намерения немцев произвести обмен нашей колонии на югославско-болгарской границе. Мы потребовали также, чтобы к нам из Белграда или Софии был приглашен шведский представитель, через которого мы хотели связаться с Москвой.

Барон фон Ботман — высокий, поджарый пожилой человек с моноклем в правом глазу — был чрезвычайно любезен. Выслушав меня, он сказал, что немедленно передаст наше заявление в Берлин и запросит новых инструкций. Что же касается шведского представителя, то организовать здесь с ним встречу вряд ли удастся — в Нише его нет. Нельзя ожидать, что он сможет сюда приехать из Белграда или Софии. Ботман заявил, что он лично понимает наше беспокойство, но вынужден действовать в соответствии с полученными из Берлина инструкциями. Попросив меня немного задержаться, он вынул из шкафчика бутылку рейнского и два бокала.

— Я давно искал возможность поговорить с вами, но все как-то не получалось,— сказал он, разливая вино.— Может быть, посидим немного. Все равно делать нечего...

Поскольку было ясно, что Ботман собирался мне что-то сообщить, я согласился задержаться. Стоило узнать, чем вызвана его необычная любезность. Начал он издалека. Говорил о трудностях и сложностях нашего путешествия, уверял, что он лично всячески старается облегчить наше положение. Он охотно помог бы и тем интернированным советским гражданам, которые едут во втором составе, но сталкивается с упорством эсэсовского офицера, который командует охраной. Поэтому ему не удалось пока что облегчить участь советских граждан, которые едут не в дипломатическом поезде. Ботман стал говорить о последних сообщениях с фронта и сообщил, что германские войска встречают сильное сопротивление со стороны советских армий. Затем он спросил:

— Могу ли я быть с вами откровенным?

— Конечно, — ответил я.

— Видите ли, — сказал Ботман, — я всегда считал, что и для Германии, и для России лучше жить в мире, чем воевать. Войны между нами всегда приносили выгоду лишь другим, а наши страны от этого только теряли.

Я сказал, что придерживаюсь такого же мнения и что Советское правительство делало все, чтобы предотвра-

тить конфликт. Агрессию совершила Германия, и на нее ложится все ответственность.

— Не будем сейчас спорить об ответственности, — возразил Ботман. — Я хотел вам сказать о другом. В Германии есть люди, причем весьма влиятельные, которые не хотят этой войны. Сейчас, когда на фронте идут ожесточенные бои, подобные рассуждения могут показаться странными. Но в конце концов надо смотреть не назад, а вперед, и думать о том, что будет дальше. Может настать такой момент, когда для обеих сторон будет лучше прекратить военные действия и полюбовно договориться...

Я повторил, что Советский Союз не несет ответственности за происходящую сейчас войну. Германия вероломно напала на нашу страну, занятую мирным трудом. И нам ничего не остается, как дать отпор захватчику. Мы уверены, что победим в этой войне, а те, кто совершил нападение на Советский Союз, горько об этом пожалеют. Поэтому мне непонятно, о каком мирном урегулировании можно сейчас говорить.

— Видите ли, — продолжал мой собеседник, — я говорю о таком моменте, который еще не наступил, но который может произойти. Вы заявляете, что уверены в победе. А фюрер считает, что быстро справится с Советским Союзом. В то же время в Германии есть влиятельные круги, которые думают по-иному: они полагают, что ни та, ни другая сторона не сможет одержать победу. Тогда наступит момент, и, возможно, это будет не так уж нескоро, когда обе стороны сочтут целесообразным мирно урегулировать конфликт на определенных условиях. Эти германские круги хотели бы, чтобы их точка зрения стала известна в Москве...

В ответ на эти рассуждения я сказал, что, как мне представляется, никакого серьезного разговора на поднятую Ботманом тему быть не может, пока германские войска не покинут советскую территорию, а на это вряд ли сейчас можно рассчитывать. Так что разговор, который затеял Ботман, мне кажется совершенно беспредметным.

Но я, конечно, доложил руководству о пробных шарах Ботмана, и по возвращении в Москву об этом была составлена докладная записка наркому иностранных дел.

Разговоры с бароном Ботманом на эту тему состоялись еще несколько раз за время нашего пути. Он вновь

и вновь уверял, что не одобряет нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, и специально подчеркивал, что это не только его личное мнение, но и точка зрения влиятельных кругов в Берлине. Он повторял, что дальнейшее развитие событий на фронте может привести к такому моменту, когда для обеих сторон станет очевидной необходимость прекращения войны и мирного урегулирования, и тогда те лица, на которых ссылается Ботман, смогут оказать соответствующее влияние и сыграть свою роль.

По-видимому, Ботман действительно выполнял поручение каких-то людей в Германии. Иначе трудно объяснить те рискованные разговоры, которые он вел. Он даже осмеливался рассказывать анекдоты о гитлеровцах. Рассказал, например, такой анекдот, который, впрочем, я и раньше слышал в Берлине: Гитлер инспектирует сумасшедший дом. Выстраивают всех умалишенных, и, когда появляется фюрер, они поднимают руку в фашистском приветствии и выкрикивают: «Хайль Гитлер!» Только стоящий в стороне человек никак не реагирует на появление фюрера. К нему подбегает разъяренный Гитлер и спрашивает, почему он не приветствует его. Тот отвечает: «Простите, но я не сумасшедший, я здешний врач».

Тот факт, что уже в первые недели войны какие-то влиятельные немцы решили через барона Ботмана пустить эти пробные мирные шары, мне представлялся весьма знаменательным.

Барон фон Ботман, несомненно, принадлежал к числу дипломатов «старой школы». Таких в германском министерстве иностранных дел осталось немало. Они исправно служили Гитлеру, были, разумеется, националистами и приветствовали победы вермахта, но в глубине души им претили введенные Риббентропом грубые методы нацистской дипломатии. Надо полагать, идеи, которые развивал фон Ботман, разделяли и многие другие политики старшего поколения, которые с большой тревогой восприняли решение Гитлера о нападении на Советский Союз. Это подтверждает, в частности, трагическая судьба бывшего германского посла в Москве графа фон дер Шуленбурга. Присутствовавший в Кремле в момент передачи Шуленбургом Советскому правительству официального объявления войны Павлов рассказывал, что Шуленбург сделал это заявление со слезами на глазах. От себя этот старый дипломат добавил, что считает решение Гитлера

безумием. Позднее Шуленбург оказался причастным к неудавшемуся покушению на Гитлера и был казнен.

В нейтральной Турции

Простояв в Нише несколько дней, мы, наконец, снова двинулись в путь. Гитлеровцам не удалось осуществить свой маневр. Им пришлось вернуться к первоначальному варианту обмена советской колонии на болгаро-турецкой границе. Детали этого обмена мы обговорили со шведскими представителями, когда наш поезд находился в Софии.

Затем наш состав двинулся в сторону Турции, к болгарскому пограничному городу Свиленграду. Здесь мы простояли еще два дня. Спустя сутки после нашего прибытия в Свиленград подошел второй состав с членами советской колонии. Мы вновь уточнили списки, после чего пересекли турецкую границу.

В турецком городке Эдирне нас ожидали новые железнодорожные составы. Здесь же нас встречали представители советского посольства в Турции и консульства в Стамбуле. Советскую колонию приветствовал также местный губернатор. Вечером он устроил прием в честь советских дипломатов. На следующее утро из Стамбула была доставлена одежда для экипировки интернированных немцами советских граждан.

Небольшая группа дипломатов в середине дня отправилась на машинах в Стамбул, а вся советская колония выехала туда поездом.

В Стамбул мы прибыли поздно вечером. Уже стемнело, улицы были пустынны. Блестели освещенные яркой луной минареты мечетей. Остановились мы в помещении советского консульства, здание которого окружал старинный парк. Следующий день был посвящен последним формальностям, связанным с эвакуацией на Родину. В порту стоял белоснежный теплоход «Сванетия», который служил местом кратковременного отдыха для прибывших из Германии советских граждан. Мы же — группа советских дипломатов — выехали поездом в Анкару. Прежде чем сесть в ночной экспресс, нам надо было пересечь на катере Босфор. В тот вечер водное пространство, отделяющее Европу от Азии, было спокойным. Заходившее солнце освещало воды Босфора в розовато-

свинцовый цвет. По мере того как мы удалялись от берега, все выше поднимался величественный купол и минареты Айя-София — крупнейшей стамбульской мечети, замечательного памятника византийской архитектуры.

В Анкаре нас ждал специальный советский самолет...

Возвращение в Москву

Сделав круг над крышами Москвы, наш самолет приземлился в Центральном аэропорту — там, где теперь находится главная вертолетная станция. Была вторая половина солнечного летнего дня. Когда затихли моторы и мы сошли по трапу на зеленую траву аэродрома, трудно было сдержать волнение. Царившая кругом тишина казалась обманчивой. Все это время мы только и думали о том, что наша страна дни и ночи ведет жесточайшую битву. А тут пахло разогретым на солнце клевером, над полем мирно вились жаворонки. Но уже Ленинградское шоссе встретило нас грозными приметами войны. Сразу же бросился в глаза укрепленный на торце одного из зданий плакат — строгое лицо русской женщины, в поднятой руке — текст военной присяги и надпись: «Родина-мать зовет». Несколько раз наша машина обгоняла нестройно марширующие ряды ополченцев. Фасады домов причудливо раскрашены зелеными и коричневыми разводами, оконные стекла заклеены крест-на-крест полосками бумаги. Так в первые же часы Москва предстала перед нами в суровом военном облике.

Ночью всех жильцов нашего дома поднял на ноги воздушный налет. Женщины и дети поспешили в подвал, мужчины поднялись на крышу. Мои первые трофеи: две небольшие зажигательные бомбы, потушенные в ведре с песком.

На следующий день — воскресенье — с утра вызвали на работу в Наркоминдел. Надо было срочно разобрать привезенную нами дипломатическую почту. Каждый час курьер приносит из ТАСС бюллетени с сообщениями телеграфных агентств. Большинство из них касается положения на советско-германском фронте. Чувствуется, что весь мир, затаив дыхание, следит за титанической схваткой на бескрайних просторах от Баренцева до Черного моря. Перерыв удается сделать лишь вечером. Иду обедать в ресторан «Метрополь». В огромном зале полно

народа. Много военных. Но в остальном все, как в мирное время.

Ночью продолжаем разбор почты. Составляем справки и записки о последних днях пребывания советской колонии в Берлине. Около полуночи снова воздушная тревога. Отправляюсь на площадь Дзержинского — там в метро оборудовано бомбоубежище. Люди не спеша, с суровым спокойствием спускаются вниз. На платформах и путях многие уже расположились на ночлег. Больше всего пожилых людей с детьми. Тут не слышно ни выстрелов зениток, ни разрывов бомб, и дети спят спокойно.

Наконец раздается сигнал отбоя. Возвращаюсь на работу. Небо на востоке уже заалело. Из моей комнаты на четвертом этаже здания Наркомата иностранных дел на Кузнецком мосту хорошо видно, как в Замоскворечье горит какой-то дом. Черный дым столбом поднимается в розово-зеленое небо. В четыре утра отправляюсь домой. Маленький серый «КИМ» — самая первая модель советской малолитражки, только что выпущенной заводом имени Коммунистического интернационала молодежи и совсем не похожий на современного «москвича», мчится по пустынным улицам. Дважды нас останавливает военный патруль, проверяет документы. Несколько часов тревожного сна, и в 9 часов — снова на работу.

Из работников аппарата Наркоминдела формируется отряд ополченцев. Каждый вечер ходим в парк в Марьиной роще на военные учения. Стрелковые занятия проводим за городом. Трижды в неделю ездим на электричке за 40 километров по Ярославской дороге. Там на опушке небольшого леса — стрельбище. Лежа в окопчиках, стреляем из винтовок по фанерным мишеням.

На площади Революции, напротив входа в метро, выставили на всеобщее обозрение немецкий бомбардировщик «Юнкерс». Он сбит на подступах к Москве. Видимо, упал на мягкое поле или спланировал. Самолет почти не поврежден, только немного помят фюзеляж и надломано одно крыло. Тут же несколько больших фугасных авиабомб. Они не разорвались, были обезврежены и сейчас экспонируются здесь, в центре Москвы. Прохожие останавливаются, смотрят на фашистский самолет с черными зловещими крестами. Слышатся замечания:

— Молодцы наши зенитчики, приземлили такую махину. Значит, можем мы бить гитлеровцев. Мы им еще покажем...

Но немцы не прекращают своих ночных налетов. Несмотря на упорное сопротивление наших войск, они все дальше продвигаются на Восток. В военных сводках Советского информбюро появляются новые названия городов, новые направления вражеских ударов. Фронт медленно приближается к Москве. Теперь все понимают, что война будет длительной, что предстоят долгие, долгие месяцы упорных боев.

За эти первые недели войны Москва уже многому научилась. Усилилась оборона столицы. Каждый вечер высоко в небо поднимаются на стальных тросах аэростаты заграждения. Огонь зениток заметно усилился. Команды по борьбе с зажигательными бомбами работают безотказно. Пожаров гораздо меньше. Город стал строгим, подтянутым. Он как бы олицетворяет решимость советских людей к борьбе с врагом, веру народа в конечную победу.

ТЕГЕРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В столицу Ирана

*

Встреча трех

не хочется рассказать об одном событии, свидетелем которого мне довелось быть и которое заняло видное место в дипломатической истории второй мировой войны. Речь пойдет о состоявшейся в Тегеране осенью 1943 года Конференции руководителей трех великих держав, объединившихся в антигитлеровскую коалицию.

Никого из трех главных участников тегеранской встречи теперь уже нет в живых. Последний из них — Уинстон Черчилль, доживший до 90 лет, был в 1965 году с почестями похоронен в своем фамильном имении в Англии. К тому времени прошло более десяти лет, как он отошел от государственных дел. Рузвельт умер в апреле 1945 года, буквально накануне капитуляции гитлеровской Германии. Сталин пережил его на неполных восемь лет. Но в момент тегеранской встречи все трое находились во главе держав антигитлеровской коалиции. Мир, терзаемый небывалой войной, пристально следил за каждым их шагом, вслушивался в каждое их слово. И естественно, что в дни Тегеранской конференции к ней были прикованы взоры всего человечества. Решений первой встречи «большой тройки» ждали не только народы порабощенной Европы. Результатов конференции трех с тревогой ожидали и державы оси. И от способности трех лидеров антигитлеровской коалиции совместно действовать во многом зависели в то время судьбы цивилизации, жизнь будущих поколений.

28 ноября 1943 г. в Тегеране впервые встретились три человека, имена которых прочно вошли в историю: И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль. Трудно найти людей более несхожих, чем они.

У каждого из этих трех лидеров были свои взгляды на историю и на будущее человечества. Каждый имел свои идеалы и убеждения. Но, несмотря на все это, логика борьбы против общего врага свела их вместе в Тегеране. И они приняли там согласованные решения.

Многие историки считают Тегеран зенитом антигитлеровской коалиции. Мне это мнение представляется справедливым. Но путь к этой вершине был нелегок. Правящие круги Англии и Соединенных Штатов с момента нападения Гитлера на СССР проявляли сдержанность и поначалу весьма неохотно шли на военное сотрудничество с Советским Союзом. В то время как Советское правительство стремилось в наикратчайший срок установить союзнические отношения с западными державами, видя в этом залог успешной борьбы против держав фашистской оси, Лондон и Вашингтон лишь под давлением обстоятельств включались в совместные действия против общего врага, всячески тянули с выполнением взятых на себя обязательств.

Вступление в войну Советского Союза придало ей подлинно антифашистский, освободительный характер. С героической борьбой Красной Армии люди повсюду, и особенно народы Европы, изнывавшие под игом фашистского «нового порядка», связывали надежды на избавление от коричневой чумы. Уже тогда было широко распространено понимание того, что без Советского Союза ни Англия, ни Соединенные Штаты не смогли бы одержать победу над державами оси. Более того, союз с Советской страной представлял в то время единственную возможность для Англии и США сохранить свою политическую независимость и национальный суверенитет. В этом отдавал себе отчет и Черчилль, который уже 22 июня 1941 г. в речи по радио заявил: «Опасность, грозящая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам...»

Понимание этого факта, в сущности, и предопределило англо-американо-советское сотрудничество в войне, создание антигитлеровской коалиции.

Не следует, однако, забывать, что западные участники этой коалиции преследовали в ходе войны свои специ-

фические цели, без понимания которых трудно уяснить характер взаимоотношений между союзниками, а также понять мотивы, которыми лидеры Англии и Соединенных Штатов руководствовались в ряде случаев, в том числе и на Тегеранской конференции.

Политику Вашингтона предопределяло в конечном счете стремление к установлению господства США над миром (Pax Americana), тогда как забота правящих кругов Англии состояла прежде всего в том, чтобы сохранить позиции Британской империи. Уже тут серьезно расходились их интересы. Но в то время обе эти державы видели главное препятствие к достижению своих целей в политике гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Они считали, что, лишь устранив этих опасных соперников, смогут закрепить и расширить сферу своего влияния. Иными словами, Англия и США — и после того как со вступлением Советского Союза в войну она приняла антифашистский характер — преследовали в этом конфликте свои корыстные цели.

Вместе с тем западные державы, входившие в антифашистскую коалицию, ставили и другую, первостепенную, с их точки зрения, задачу. Они стремились в ходе затяжной войны всячески ослабить Советское государство, а по возможности вообще добиться его ликвидации. Именно к этому была направлена их предвоенная политика возрождения германского милитаризма и поощрения гитлеровских амбиций. Этим же объяснялись и бесконечные оттяжки с открытием второго фронта в Европе.

Двойственность политики англо-американцев была очевидной. С одной стороны, Англия и США стремились руками Советского Союза ослабить своих главных конкурентов — Германию и Японию, а с другой — не оставляли надежды, что гитлеровской Германии, возможно, с помощью Японии удастся задушить Советское государство, что открыло бы путь для восстановления безраздельного господства капитализма на земном шаре.

Разумеется, в разгар войны руководящие деятели Англии и Соединенных Штатов не осмеливались открыто высказывать свои сокровенные чаяния. Ибо тогда в их же странах общественное мнение было самым решительным образом настроено в пользу активного сотрудничества с Советским Союзом. Правительства Англии и США не могли не считаться с широким движением английского и американского народов за эффективный военный союз с

СССР, за решительные совместные действия против общего врага.

Сложившаяся в годы войны антифашистская коалиция сыграла большую историческую роль в деле разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Она явилась практическим подтверждением ленинской идеи о возможности сосуществования и даже сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами. Участие в этой коалиции Советского Союза, последовательно проводившего политику мира, выступавшего за дружбу народов и их право на самостоятельное решение своей судьбы, придало новые силы всем, кто боролся за свободу и независимость. С особой силой значение антигитлеровской коалиции подтвердили решения, принятые в Тегеране.

Значительное место здесь отводится Сталину как одному из главных участников «большой тройки», руководителю советской делегации на Тегеранской конференции. Но пусть читатели не усматривают в этом попытку дать какую-то оценку роли Сталина вообще. Ничего похожего автор не имел, да и не мог иметь в виду, тем более, что рассматривается весьма ограниченный отрезок времени — Тегеранская конференция продолжалась всего четыре дня. Не имел автор в виду и давать всестороннюю характеристику участников этой встречи или рисовать их политические портреты. Эта часть книги не претендует и на то, чтобы дать исчерпывающий анализ Тегеранской конференции и вопросов, на ней обсуждавшихся. Скорее, ее следует рассматривать как воспоминания очевидца тех знаменательных событий, выполнявшего к тому же весьма скромную работу переводчика.

Выбор места конференции

Переписка между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем о возможности встречи велась на протяжении длительного времени. Все трое признавали необходимость и важность личной встречи. К тому времени, то есть к осени 1943 года, в ходе войны против гитлеровской Германии наметился явный поворот в пользу союзников. Поэтому уже не только военные, но и политические соображения диктовали настоятельную необходимость встречи трех лидеров антигитлеровской коалиции. Надо было

обсудить и согласовать дальнейшие совместные действия для ускорения победы над общим врагом, обменяться мнениями относительно послевоенного устройства.

Серьезные трудности представлял вопрос о том, где должна была произойти конференция. Сталин предпочитал провести ее поближе к советской территории. Он ссылался на то, что активные военные операции на советско-германском фронте не позволяют ему как Верховному главнокомандующему надолго отлучаться из Москвы. Это был, конечно, веский аргумент. Рузвельт, в свою очередь, ссылался на американскую конституцию, не позволявшую ему как президенту длительное время отсутствовать в Вашингтоне.

Еще осенью 1943 года, когда шла подготовка к Московскому совещанию министров иностранных дел Советского Союза, Англии и США, в переписке между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем обсуждался вопрос о возможной встрече глав правительств. В принципе была достигнута договоренность провести такую встречу между 15 ноября и 15 декабря 1943 г. Но место встречи, как уже сказано, вызывало серьезные разногласия. Переписка по этому вопросу проходила через мои руки, поскольку я в то время обычно переводил послания Рузвельта и Сталина, а нередко и Черчилля соответственно на русский или английский язык.

В послании на имя Сталина от 6 сентября 1943 г. Рузвельт заявил, что «мог бы выехать для встречи в столь отдаленный пункт, как Северная Африка». Черчилль, в свою очередь, писал, что предпочел бы встретиться на Кипре или в Хартуме. Однако Сталин уже 8 сентября предложил Иран как наиболее подходящее место встречи «большой тройки». Через два дня Черчилль ответил, что «готов отправиться в Тегеран».

Между тем Рузвельт, руководствуясь, видимо, прежде всего соображениями престижа, продолжал настаивать на другом пункте встречи, предлагая различные варианты. 14 октября он писал Сталину: «Каир во многих отношениях привлекателен, и мне известно, что там вне черты города, вблизи пирамид, имеется гостиница и несколько вилл, которые могут быть полностью изолированы. В бывшей итальянской столице Эритреи Асмаре имеются, как говорят, прекрасные здания, посадочная площадка, пригодная в любое время года. Затем имеется возможность встречи в каком-либо порту восточной

части Средиземного моря, при условии, что каждый из нас будет располагать кораблем. Если эта мысль Вам нравится, мы легко могли бы предоставить полностью в Ваше распоряжение хорошее судно для Вас и Вашей группы, с тем чтобы Вы были совершенно независимы и в то же время могли иметь постоянную связь с Вашим собственным флотом... Другое предложение, — это по соседству с Багдадом, где мы могли бы располагать тремя комфортабельными лагерями и достаточным количеством русской, британской и американской охраны. Эту последнюю мысль, кажется, стоит рассмотреть».

Предложение Рузвельта было тщательно рассмотрено Советским правительством, которое все же не сочло возможным его принять. В послании от 19 октября Сталин писал американскому президенту: «К сожалению, я не могу принять в качестве подходящего какое-либо из предлагаемых Вами взамен Тегерана мест встречи. Дело здесь не в охране, которая меня не беспокоит».

Далее Сталин объяснил, что в результате успешных операций советских войск летом и осенью 1943 года выяснилось, что они могут и впредь продолжать наступательные операции против германской армии, причем летняя кампания может перерасти в зимнюю. «Все мои коллеги, — продолжал Сталин, — считают, что эти операции требуют повседневного руководства Главной ставки и моей лично связи с командованием. В Тегеране эти условия могут быть обеспечены наличием проволочной телеграфной и телефонной связи с Москвой, чего нельзя сказать о других местах. Именно поэтому мои коллеги настаивают на Тегеране как на месте встречи».

На это послание Рузвельт ответил через неделю. Он по-прежнему отказывался отправиться в Тегеран, обосновывая это тем, что горы на подходе к иранской столице часто исключают возможность полетов на несколько дней подряд. Вследствие этого самолет, доставляющий из Вашингтона различные документы, требующие срочного рассмотрения президентом, может надолго задержаться. Далее Рузвельт писал: «Я смогу взять на себя риск, связанный с доставкой документов в пункты, расположенные в низменности вплоть до Персидского залива, путем системы смены самолетов. Однако я не смогу рисковать задержками, которые могут произойти при полетах через горы в обоих направлениях в ту впадину, где расположен Тегеран. Поэтому с большим сожалением я должен

сообщить Вам, что не смогу отправиться в Тегеран. Члены моего кабинета и руководители законодательных органов полностью согласны с этим».

Изложив свои соображения, Рузвельт назвал новое место встречи — Басру, куда он предлагал протянуть телефонную линию из Тегерана. Это послание было передано Сталину государственным секретарем Соединенных Штатов Корделлом Хэллом, находившимся в то время в Москве. Ознакомившись с посланием президента Рузвельта, Сталин сказал Хэллу, что не может не считаться с приведенными в послании аргументами относительно обстоятельств, мешающих президенту приехать в Тегеран.

— Разумеется, — продолжал Сталин, — только самому Рузвельту может принадлежать решение о возможности его поездки в столицу Ирана для встречи с представителями Советского Союза и Великобритании. Однако со своей стороны я должен сказать, что не вижу более подходящего пункта для встречи, чем указанный город. На меня возложены обязанности Верховного Главнокомандующего советскими войсками, и это обязывает меня к повседневному руководству военными операциями на нашем фронте. При таком положении для меня как Главнокомандующего исключается возможность направиться дальше Тегерана. Мои коллеги в правительстве считают вообще невозможным мой выезд за пределы Советского Союза в данное время ввиду большой сложности обстановки на фронте...

Далее Сталин сказал Хэллу, что у него возникла следующая идея: его мог бы вполне заменить на встрече его первый заместитель в правительстве В. М. Молотов, который при переговорах будет пользоваться, согласно Советской конституции, всеми правами главы Советского правительства. В этом случае вообще отпадают затруднения в выборе места встречи. Сталин выразил надежду, что внесенное им предложение устроит все заинтересованные стороны.

Хэлл пообещал незамедлительно передать это предложение президенту Рузвельту, но от себя добавил, что оно, несомненно, разочарует президента, который придает особое значение встрече лично со Сталиным.

Таким образом сложилось положение, при котором дальнейший отказ Рузвельта приехать в Тегеран мог бы привести к тому, что Сталин вообще не принял бы участия в намечавшейся встрече. Видя это и не желая упус-

тить возможность личного контакта с главой Советского правительства, Рузвельт в конце концов изменил свою точку зрения и в послании от 8 ноября сообщил Сталину, что решил отправиться в Тегеран.

Причины, которые побуждали Сталина настаивать на встрече в Тегеране, были, несомненно, весьма уважительные. Они ясно изложены в приведенных выше документах. Но тут, пожалуй, сыграли роль и традиционные дружеские отношения между Советским Союзом и Ираном, отношения, установленные сразу же после Октябрьской революции по инициативе В. И. Ленина. Советское правительство всегда подчеркивало стремление жить в дружбе со своими южными соседями, в том числе и с Ираном. Советско-иранские связи строились на взаимовыгодной равноправной основе и носили самый широкий и позитивный характер. К моменту тегеранской встречи отношения между нашими странами были сердечными, хотя им и пришлось пройти через довольно острый этап, последовавший вслед за вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз.

Советское правительство предложило устроить встречу в Тегеране, учитывая также и то, что там находились советские войска, введенные в Иран в соответствии с Договором 1921 года в целях пресечения подрывной шпионско-диверсионной деятельности германской агентуры в Иране. В южную часть страны были введены английские войска для обеспечения англо-американских поставок, шедших из Персидского залива в Советский Союз. Охрана участников Тегеранской конференции обеспечивалась главным образом силами советских войск и органов безопасности.

Вернувшись в конце ноября в Москву из кратковременной командировки, я узнал, что спорный вопрос о месте встречи «большой тройки» решен и что советская делегация уже отбыла из Москвы поездом, направляясь в Тегеран.

Из Москвы в Баку

В то время я был в ранге советника и занимался советско-американскими отношениями в Наркомате иностранных дел. Поскольку я хорошо владел английским языком, мне поручили выполнять роль переводчика на теге-

ранской встрече. Чтобы догнать нашу делегацию, пришлось воспользоваться самолетом. Все выездные документы были уже оформлены, и в ночь на 27 ноября я вылетел из Москвы. Вместе со мной летел отставший от делегации эксперт по ближневосточным проблемам профессор А. Ф. Миллер.

На шоссе, ведущем к аэродрому, бушевала вьюга. Ночь была темная, и большой неуклюжий «ЗИС-101» медленно пробирался вперед. По строгим правилам затемнения фары заклеивались черной тканью. Слабый свет, пробиваясь через узкие прорези, освещал небольшой участок проезжей части дороги. Шофер, прижавшись к ветровому стеклу, внимательно всматривался в край дороги, стараясь не угодить в кювет. Машину то и дело приходилось останавливать. Шофер вылезал из кабины, протирал снаружи стекло, залепленное снегом.

В темноте никак нельзя было разобрать, далеко ли еще до аэродрома. Но вот машина осторожно свернула с главного шоссе направо, потом налево, и из-за большого сугроба появился серый куб затемненного здания Внуковского аэропорта. Когда «ЗИС» остановился у подъезда, до отлета оставалось всего 15 минут.

Внутри аэровокзала было светло и, несмотря на ночное время, шумно и людно. Оформив документы, мы вышли на летное поле. Здесь уже прогревал моторы грузовой «Дуглас». Винты гнали снежинки, которые, как иглы, впивались в лицо. По приставной железной стремянке забрались внутрь. Половина кабины была заставлена какими-то ящиками. Только впереди было посвободнее. Прикрепленную к шпангоутам откидную железную скамью покрыл иней. Сидеть было холодно. Спина упиралась в обледенелый металлический корпус. После взлета включили отопление. Но от этого не стало лучше: горячий воздух шел сверху, голове было жарко, а ноги трясло, как в лихорадке.

Летели, как было принято во время войны, низко, над самым лесом: остерегались немецких истребителей. В кабине свет не включали, и в иллюминатор можно было разглядеть заснеженные поля и темные перелески. Под утро сделали посадку на каком-то аэродроме в степи. Пополнили баки бензином и отправились дальше. Внизу появились солончаки. Снега тут почти не было. Однообразно тянулись песчаные холмы с пучками сухой травы. К середине дня к нам вышел командир корабля и сказал:

— Через несколько минут пройдем над Сталинградом. Летим низко, и вы сможете увидеть, что осталось от города...

Мы молча приникли к иллюминаторам. Сначала появились разбросанные в снегу домики, а потом вдруг начался какой-то фантастический хаос: куски стен, коробки полуразрушенных зданий, кучи щебня, одинокие трубы. Все это черно-белыми зигзагами вздымалось над снежной пустыней. Еще не прошло и года, как здесь бушевал смерч войны, оставивший после себя мертвые руины, но уже можно было различить первые признаки жизни. На снегу виднелись черные фигурки людей, кое-где появились уже новые здания. Город возрождался, в нем начинал биться пульс жизни. Но вот кончились пределы Сталинграда, и снова под нами потянулся унылый, безжизненный пейзаж. То здесь, то там виднелись ржавые скелеты немецких танков и автомашин. Я отвернулся от иллюминатора, поднял воротник пальто, поджал под себя ноги в тщетной надежде согреться и задремал.

В Баку прилетели поздно вечером. Здесь было тепло. На аэродроме нас встречали дипломатический агент МИД в Азербайджане и представители местных властей. В город ехали на старом темно-синем «шевроле» дипагента. Узкое шоссе пролегало сквозь лес вышек, в воздухе разливался теплый и какой-то уютный запах сырой нефти. Он вселял чувство спокойствия, довольства, даже безмятежности. Но все знали, что бакинцы работают напряженно, день и ночь, чтобы обеспечить страну горючим, столь необходимым для победы. Они с честью справлялись со своей задачей. В самые тяжелые дни войны, когда гитлеровцы подошли к Волге и предгорьям Кавказа, бакинская нефть бесперебойно шла на нужды фронта и тыла.

Разместили нас в гостинице «Баку» в номере со всеми удобствами и с горячей водой, что было особенно приятно. В Москве в первые годы войны даже здание МИД не отапливалось. Работали мы в пальто, а ночевали в подвале мидовского здания на Кузнецком мосту, который служил и убежищем во время воздушных налетов. Но там было ужасно холодно, и перед сном мы соскабливали иней с кирпичных стен.

В Баку мы остались на ночь и рано утром должны были вылететь в Тегеран. После пронизывающего холода в самолете было приятно принять горячую ванну. Побрившись, спустились в ресторан поужинать. Нас поразило, что тут без карточек можно было заказать закуски, шашлык и другие блюда, перечисленные в объемистом меню. Метрдотель объяснил, что транспортные трудности не позволяют вывезти из Закавказья производимые тут продукты. Хранить их длительное время также невозможно — мало холодильников. Поэтому в ресторанах все выдается без карточек. Сравнительно недороги продукты и на колхозном рынке, так что население Закавказья не испытывает недостатка в питании. После этого разъяснения мы с Анатолием Филипповичем Миллером с чистой совестью принялись за ужин.

Это было мое первое знакомство с профессором А. Ф. Миллером. Правда, я и раньше слышал о нем, как о видном востоковеде, читал его работы. В пути мы почти все время молчали. Теперь разговорились. Анатолий Филиппович рассказал, что только накануне узнал о своей поездке и о том, что в Тегеране состоится встреча глав правительств трех держав. И он толком не знал, какая роль ему там предназначается.

— По-видимому, — рассуждал Миллер, — не обойтись без проблемы Турции. Восток, и в особенности турецкие проблемы, — моя специальность. Пожалуй, в этой связи я могу быть полезен.

Миллер продолжал:

— Для нас сейчас было бы выгодно, если бы Турция вступила в войну на стороне антифашистской коалиции. Трудно, конечно, сказать, в какой мере турецкая армия готова к активным военным действиям, но дело даже не в этом. Мне кажется, что сам факт объявления Турцией войны Германии имел бы немалое политическое и стратегическое значение. Это сделало бы уязвимыми позиции гитлеровцев на Балканах. Союзники могли бы воспользоваться турецкой территорией для создания своих баз, особенно авиационных, с которых можно было бы подвергать бомбежке немецкие позиции в районе Эгейского моря и на Балканах. Хотя это будет не так-то легко, все же можно попытаться побудить Турцию вступить в войну.

— Вы так думаете? — спросил я.

Миллер немного помолчал, взял бутылку, в которой еще оставалось немного вина, долил в рюмки. Отхлебнув, провел языком по верхней губе. Потом не спеша ответил:

— Полагаю, что турки все еще не уверены, проиграет ли Гитлер. Они боятся просчитаться. Думаю, история признает, что нейтралитет Турции сыграл свою положительную роль в этой войне. Но ее нейтралитет имел различные нюансы. Когда в 1941, а затем летом 1942 года гитлеровцы глубоко вклинились в нашу страну и даже подошли к Кавказу, турки старались делать так, чтобы их нейтралитет был больше приятен немцам, чем нам. Вспомните хотя бы дело Павлова и Корнилова...

Сейчас, вероятно, уже мало кто помнит о деле Павлова и Корнилова, но тогда оно наделало много шума. Эта история была весьма показательна для позиции Турции. В первые недели войны гитлеровской Германии против Советского Союза Турция всячески подчеркивала свой строгий нейтралитет. Это было, в частности, видно и по отношению турецких властей к советской колонии, возвращавшейся из Германии в июле 1941 года на родину через Турцию. Ей были оказаны знаки внимания.

Стоит также отметить, что в то время германские военные летчики, совершавшие вынужденную посадку на территории Турции, сразу же интернировались. Турецкая пресса давала сравнительно объективную картину обстановки на советско-германском фронте.

Турки, надо полагать, очень опасались германского вторжения. Для таких опасений были веские основания. В первые дни войны в руки советских войск попали оперативные карты и детальные планы германского нападения на Турцию. Советская пресса опубликовала эти «сверхсекретные» гитлеровские документы, а советский посол в Анкаре Виноградов подробно информировал об этом турецкое правительство.

В те дни генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Нумал Менеменджиоглу часто приходил к Виноградову «поиграть в шахматы». Неторопливо передвигая фигуры, Менеменджиоглу не упускал случая подчеркнуть решимость Турции соблюдать строжайший нейтралитет, а в случае необходимости даже защищать его с оружием в руках. Но по мере продвижения германских войск в глубь советской территории позиция Анкары начала меняться.

Стало известно, что интернированные в Турции германские летчики потихоньку возвращаются в «рейх». Турецкая пресса все шире воспроизводила геббельсовскую пропаганду, отводила все больше места победным реляциям гитлеровского верховного командования. Кульминационным пунктом тенденции к заигрыванию с гитлеровским «рейхом» и было пресловутое «дело Павлова и Корнилова».

Все началось с того, что 24 февраля 1942 г. на бульваре Ататюрка в Анкаре, неподалеку от здания германского посольства, взорвалась бомба. Каждый, кто хоть немного знал повадки нацистов, без труда распознал в этом взрыве их грубую провокацию. Но турецкие власти тогда сделали вид, что не понимают этого. Более того, они подхватили сфабрикованную Берлином версию, согласно которой «красные агенты» будто бы пытались совершить покушение на германского посла в Турции фон Папена. В подтверждение геббельсовской версии турецкая полиция арестовала двух советских граждан — Павлова и Корнилова, предъявив им вздорное обвинение. Судебный процесс длился с 1 апреля по 17 июня 1942 г. Турецкая и гитлеровская пресса подняла вокруг него невероятную шумиху. Павлов и Корнилов блестяще и стойко защищали себя (для консультаций и организации их защиты в Анкару был послан советский следователь и криминалист Лев Шейнин). С первых же дней процесса стало ясно, что оба они абсолютно непричастны к взрыву на бульваре Ататюрка. Но турецкие власти осудили их на 20 лет тюрьмы каждого. При этом в Анкаре пеклись вовсе не о торжестве правосудия, а старались угодить гитлеровцам, имевшим в то время успехи на советско-германском фронте.

Когда германское продвижение в глубь Советского Союза застопорилось и советские войска стали гнать гитлеровцев на запад, а в особенности после разгрома армии фельдмаршала Паулюса под Сталинградом, анкарские политики стали менять тон. Они давали понять, что дело Павлова и Корнилова может быть пересмотрено. Турецкое правительство заявляло, что хотело бы улучшить советско-турецкие отношения. К осени 1943 года, после летних поражений Германии и освобождения Киева, турки все более заигрывали и с нашими западными союзниками, давая понять, что их симпатии на стороне антигитлеровской коалиции (8 августа 1944 г.

Павлов и Корнилов были освобождены из анкарской тюрьмы).

Казалось, существовала реальная возможность вступления Турции в войну на стороне союзников. Но в действительности это произошло гораздо позже.

Пассажиры международной авиалинии

На рассвете мы отправились через заросли нефтевышек на аэродром. День обещал быть хорошим. Безоблачное небо уже блестело на востоке яркими красками. У аэровокзала нас ждал самолет, пожалуй, единственной в то время советской международной авиалинии Баку — Тегеран. Она обслуживалась двухмоторными самолетами, отлично оборудованными внутри. В звуконепроницаемом салоне стояли в два ряда мягкие удобные кресла с высокими спинками, сверху затянутыми белоснежными чехлами. Команда состояла из военных летчиков, облаченных в парадную офицерскую форму с блестящими золотыми погонами. Они казались особенно нарядными, так как в Москве командный состав носил полевые зеленые погоны с едва заметными значками различия.

Изящная отделка самолета, парадная форма экипажа, лучи солнца, мягко струившиеся сквозь иллюминаторы, — все это создавало праздничное настроение. Вскоре после того как машина поднялась в воздух, к нам в салон (кроме нас с Миллером было еще четверо военных) вошел один из членов экипажа, который, выполняя роль стюардессы, рассказал, на какой высоте и с какой скоростью мы летим, какая за бортом температура, когда прибудем в Тегеран. Немного позже он снова появился, неся поднос с шестью чашечками черного кофе. После вчерашнего дня в обледенелом, холодном самолете все это казалось сказкой.

Сначала летели вдоль побережья Каспийского моря, потом над бурыми складками Иранского Азербайджана: миновали Тавриз, окруженный россыпью глинобитных домиков. В полдень мы уже подлетали к Тегерану, который с птичьего полета выглядел очень красиво. Правильные квадраты городских кварталов, большие зеленые массивы, проспекты, отороченные кромкой деревьев, — вся эта картина как-то не вязалась с моим

представлением об этом восточном городе, имевшем, как казалось с воздуха, вполне европейский вид. Впрочем, минареты мечетей весьма убедительно напоминали о том, в какой части света мы находимся. Слева от раскинувшегося в долине города виднелся горный массив. Здесь расположены загородная шахская резиденция и виллы местной знати.

Выйдя из самолета на тегеранском аэродроме, мы внезапно очутились как бы в разгаре лета. Прогретый солнцем воздух ласкал лицо. После заснеженной Москвы необычно выглядели деревья с пышной листвой. Пришлось спешно снять не только пальто, но и пиджак, расстегнуть ворот рубашки.

С аэродрома нас повезли на военном «виллисе» по пыльным улицам, которые выглядели далеко не столь привлекательно, как с птичьего полета. Правда, центральная часть города была более современной. Наконец машина эта въехала в усадьбу советского посольства. Некогда эта усадьба, как мне потом рассказали, принадлежала богатому персидскому вельможе. С того времени тут и сохранился обширный тенистый парк с огромными кедрами, живописными ивами, отражающимися в прудах, и могучими платанами, в узловатых корнях которых освежающе журчал арык.

Познакомился я с Тегераном в один из последующих дней, но хочу сразу же рассказать о своих первых впечатлениях.

Утро восточного города

В тот день я встал пораньше, чтобы воспользоваться несколькими часами, остававшимися до заседания, для осмотра города.

Солнце еще только поднялось из-за холмов, окаймляющих иранскую столицу. В посольском парке под кронами старинных деревьев царил прохладный зеленый сумрак, но за воротами, на улице было светло и даже припекало. Вдоль тротуара тянулся арык. Едва тронутые осенним золотом платаны отбрасывали длинные тени.

Было пустынно, попадались лишь редкие прохожие. Не зная города, я шел наугад по направлению к центру. Улицы становились все более людными. Здесь уже со-

вершали утренний моцион состоятельные жители столицы: нарядные изящные женщины в темных очках, закрывавших почти половину лица, — мне подумалось, что это своеобразная ультрамодная паранджа. Впрочем, в отличие от многих пожилых персиянок, кутавшихся в просторные черные одежды, эти модницы щеголяли в цветастых платьях, плотно обтягивающих фигуры. Их сопровождали не менее модно одетые солидные господа с густо набриолиненными и гладко зачесанными волосами. Массивные кольца на руках мужчин, дорогие серьги, ожерелья и браслеты, украшавшие женщин, — все это как бы выставлялось напоказ, символизируя довольство и богатство, особенно кричащие в этом городе, где рядом давала себя знать нищета. Даже в этих богатых кварталах часто попадались оборванные люди, нищие вымаливали подаяние.

Выйдя на центральную площадь, я свернул в сторону рынка. Его близость чувствовалась. Мимо роскошных лимузинов медленно плелись тощие, тяжело навьюченные ослики. На них крестьяне из окрестных деревень доставляли в город для продажи овощи, фрукты и другие дары земли. На тротуаре, прислонившись к стене, рядком сидели уличные писцы, которые за сходную плату тут же сочиняли для неграмотных крестьян жалобы и прошения.

Площадь, на которую я попал, называлась Туп-Хане; рядом с ней находится самый крупный крытый базар страны «Эмир». Он состоит из нескольких обширных помещений, соединенных множеством высоких узких коридоров. Через небольшие отверстия в сводчатых потолках с трудом проникает дневной свет. По обе стороны коридоров множество мелких лавчонок.

Базар раскинулся на огромной территории. Он имеет свои мечети, бани, мусульманские духовные семинарии — медресе. Тут же помещаются и всевозможные кустарные мастерские. Они оглушают перестуком молотков чеканщиков, звоном медной посуды. Сюда же вплетаются выкрики зазывал лавок и харчевен. Ноздри щекочут пряные запахи, дым от поджариваемой тут же на углях баранины, ароматы фруктов.

Тегеранский базар — это не только чрево иранской столицы, но и важный барометр политической и экономической жизни страны. Он чутко откликается на все события. Подобно тому как в Нью-Йорке прислушива-

ются к Уолл-стриту, в Тегеране говорят: «Базар не возражает... базар волнуется... базар против...»

Вернувшись за ограду посольства, я сразу же окунулся в безмолвный зеленый сумрак.

Предупреждение из ровенских лесов

Пожалуй, трудно было найти место, более подходящее для секретных переговоров трех лидеров военного времени, чем усадьба советского посольства в Тегеране. Здесь ничто не могло помешать их работе, сюда не доносился шум восточного города. Обширная усадьба обнесена каменной стеной. Среди зелени парка разбросано несколько зданий из светлого кирпича, в которых разместилась советская делегация. Главный особняк, где обычно помещалась канцелярия посольства, был оборудован под резиденцию президента США Рузвельта.

Вопрос о том, чтобы американский президент остановился на время конференции в советском посольстве, заранее обсуждался участниками тегеранской встречи. В конечном счете его решили, исходя из соображений безопасности. Американская миссия в Тегеране находилась на окраине города, тогда как советское и английское посольства непосредственно примыкали друг к другу. Достаточно было с помощью высоких щитов перегородить улицу и создать временный проход между двумя усадьбами, чтобы весь этот комплекс образовал одно целое. Таким образом обеспечивалась безопасность советских и английских делегатов, поскольку вся территория надежно охранялась. Если бы Рузвельт остановился в помещении миссии США, то ему и другим участникам встречи пришлось бы по нескольку раз в день ездить на переговоры по узким тегеранским улицам, где в толпе легко могли бы скрываться агенты «третьего рейха».

Имелись сведения, что гитлеровская разведка готовит покушение на участников тегеранской встречи. В 1966 году небезызвестный головорез Отто Скорцени, которому Гитлер доверял наиболее ответственные диверсии, подтвердил, что он имел поручение выкрасть в Тегеране Рузвельта. Эту операцию гитлеровцы готовили в глубокой тайне.

Гитлер стал носиться с идеей покушения на руководителей трех держав антифашистской коалиции сразу

же после состоявшейся в 1943 году в Касабланке встречи президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля. Разработку этой операции, получившей название «Дальний прыжок», Гитлер поручил руководителю абвера (военной разведки) Канарису и начальнику главного управления имперской безопасности Кальтенбруннеру.

В специальных школах абвера и управления СС для большей маскировки подготовка к покушению на «большую тройку» проводилась под кодовым названием операция «Слон». О том, что в качестве одного из возможных мест встречи глав трех великих держав называется Тегеран, гитлеровская разведка, расшифровавшая американский военно-морской код, знала уже в середине сентября 1943 года.

Несколько раньше в Берлине по другому поводу вспомнили о некоем Романе Гамоте, имевшем опыт шпионской работы в Иране. Его вновь решили вернуть в эту страну для организации диверсий и изучения обстановки на месте. В личном письме Гитлеру от 22 мая 1943 г. Гиммлер сообщал: «...Хотя враги назначили большую цену за голову Гамоты и его жизнь неоднократно подвергалась опасности, он после излечения от малярии намерен вернуться в Северный Иран». Уже в августе 1943 года Роман Гамота был сброшен с парашютом недалеко от Тегерана. Он нашел убежище среди местных пронацистских элементов и установил двустороннюю радиосвязь с Берлином. Позднее к Гамоте присоединились отряды эсэсовских диверсантов. В их числе были также агенты гестапо Винфред Оберг и Ульрих фон Ортель. Эти отряды были сброшены с немецких самолетов, стартовавших из оккупированного в то время гитлеровцами Крыма. Гамота и его группа были засечены тайным английским резидентом в Тегеране швейцарцем Эрнстом Мерзером. Еще до войны Мерзера «порекомендовал» британской секретной службе английский разведчик, а впоследствии известный писатель Сомерсет Моэм. Позже, работая на «Интеллидженс сервис», Мерзер с ведома своих лондонских хозяев дал себя завербовать немецкому абверу. Адмирал Канарис долго изучал нового агента, но так и не обнаружил, что тот является «двойником». В конце 1940 года Мерзер по поручению абвера обосновался в Тегеране как представитель ряда торговых западноевропейских фирм. Когда летом 1941 года немцам пришлось покинуть Иран, Эрнст

Мерзер стал главным резидентом и связным гитлеровской разведки в Тегеране. С помощью хранившегося в доме Мерзера радиопередатчика Берлин, наряду с подпольной радиосвязью с заброшенными в Иран диверсантами, поддерживал контакт со своей агентурой, в частности и по вопросам, связанным с подготовкой покушения на лидеров трех великих держав антигитлеровской коалиции. Естественно, что Мерзер информировал обо всем своих главных хозяев — англичан.

В то время в Тегеране мало кто знал, что важные сведения о готовившейся диверсии против глав трех держав поступили также из далеких ровенских лесов, где в тылу врага действовала специальная группа под командованием опытных советских чекистов Дмитрия Медведева и Александра Лукина. В эту группу входил и легендарный разведчик Николай Кузнецов, осуществивший немало смелых операций в районе оккупированного нацистами города Ровно. Зная в совершенстве немецкий язык, Кузнецов отлично играл роль обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта. Гитлеровцы долгое время не подозревали, что за вылощенной внешностью высокого, всегда подтянутого офицера-фронтовика скрывается советский разведчик. В конце концов фашисты все же напали на след Кузнецова, и он вместе с двумя своими товарищами погиб 1 апреля 1944 г.

Александр Лукин в своих воспоминаниях рассказывает, как Николай Кузнецов, он же — Пауль Зиберт, расположил к себе приехавшего в Ровно штурмбанфюрера СС Ульриха фон Ортеля и выведал у него важную тайну. Началось с того, что фон Ортель сам предложил Зиберту перейти на службу в СС, где легко сделать карьеру. Когда Зиберт и фон Ортель снова встретились в офицерском ресторане в Ровно, фон Ортель напомнил о своем предложении и пообещал в скором времени познакомить Зиберта с Отто Скорцени, вместе с которым ему, фон Ортелю, предстояло выполнить какую-то важную операцию. Кузнецову не пришлось долго допытываться, о чем идет речь. Размякший от коньячных паров фон Ортель все выболтал.

— Вскоре я отправлюсь в Иран, мой друг, — доверительно шепнул он... — В конце ноября там соберется «большая тройка». Мы повторим прыжок в Абруццо! Только это будет дальний прыжок! Мы ликвидируем «большую тройку» и повернем ход войны. Мы сделаем

попытку похитить Рузвельта, чтобы фюреру легче было сговориться с Америкой... Вылетим несколькими группами. Людей готовим в специальной школе в Копенгагене...

Упомянув Абруццо, фон Ортель имел в виду проведенную Отто Скорцени по указанию Гитлера операцию по спасению Муссолини. После того как в июле 1943 года фашистский режим в Италии потерпел крах, Муссолини был арестован и доставлен под усиленной охраной в горный туристский отель «Кампо императоре», расположенный в труднодоступной местности близ местечка Абруццо. Новый итальянский премьер-министр маршал Бадольо изъявил готовность вести с англо-американцами переговоры о выходе Италии из войны. Это взбесило Гитлера, и он решил во что бы то ни стало выкрасть Муссолини, чтобы с его помощью заставить итальянцев продолжать сопротивление хотя бы в северной части страны. Добраться в отель «Кампо императоре» снизу можно было только по подвесной дороге, подступы к которой бдительно охранялись. Другой путь был с воздуха. Его и избрала гитлеровская секретная служба.

Осуществление операции Гитлер возложил на штурмбанфюрера СС Отто Скорцени. У него на счету было уже немало диверсий и кровавых операций. Убийство в 1934 году австрийского канцлера Дольфуса, арест во время аншлюса Австрии президента Микласа и канцлера Шушнига, зверские расправы над мирными жителями Югославии и Советского Союза — все это дело рук Скорцени и его банды.

Скорцени пользовался особой благосклонностью Гитлера и быстро продвигался по служебной лестнице. К 1943 году он был уже секретным шефом эсэсовских террористов и диверсантов в VI отделе главного управления имперской безопасности. Он пользовался особым доверием главаря СД кровавого палача Эрнста Кальтенбруннера.

Поручая Скорцени осуществить операцию «Дуб» — вызволение Муссолини, Гитлер не ошибся в выборе. Несмотря на все сложности обстановки, Скорцени добился своего. Вместе с группой, состоявшей из 106 опытных диверсантов, Скорцени на планерах особой конструкции неожиданно приземлился возле отеля «Кампо императоре», обезоружил растерявшуюся охрану, освободил дуче и на специальном самолете «Физелер Шторьх» вы-

вез его в Германию. Геббельсовская пропаганда выжала из операции «Абруццо» все, что можно. Вокруг имени Скорцени поднялась невероятная шумиха. Его окружили ореолом мистической легенды, превозносили как идола германской расы.

Не удивительно, что, когда разрабатывался план диверсии против участников Тегеранской конференции, окрещенный кодовым названием «Дальний прыжок», выбор снова пал на Скорцени. Но тут любимцу Гитлера удача изменила.

Узнав от фон Ортеля о готовящейся диверсии, Кузнецов поспешил в отряд Медведева. Там была составлена радиограмма, которая вместе со сделанным Кузнецовым словесным портретом фон Ортеля сразу же полетела по эфиру в Москву. Эта радиограмма подтверждала аналогичную информацию, полученную советской разведывательной службой из других источников. Немедленно были приняты необходимые меры, чтобы обезвредить нацистских диверсантов. Но все же надо было соблюдать величайшую бдительность и осторожность, чтобы обезопасить участников тегеранской встречи, поскольку нацисты могли иметь и другие варианты покушения.

В то время иранская столица кишмя кишела беженцами из разоренной войной Европы. Это были главным образом состоятельные люди, стремившиеся избавить себя от неудобств, ограничений, а главное — от опасности войны. Они сумели перевести изрядную часть своих капиталов в Тегеран и жили там вольготно. Их можно было видеть в роскошных автомобилях на улицах города, в дорогих ресторанах и магазинах.

Тогда как в большинстве стран, участвовавших в войне, не говоря уже об оккупированных гитлеровцами территориях, люди терпели всевозможные лишения, в невоюющих государствах лица, обладающие капиталами, могли иметь фактически все, что им вздумается. Тегеранский рынок поражал в те скудные годы богатством и разнообразием товаров. Их какими-то неведомыми путями доставляли сюда со всех концов света. Торговцы запрашивали баснословные цены. Хотя война непосредственно не захватила Иран, она привела к сильнейшей инфляции: цена мешка муки превысила средний годовой доход иранца. Но в Тегеране в то время находилось немало людей, которые сорили деньгами и жили в свое удовольствие.

Среди массы беженцев было и множество гитлеровских агентов. Широкие возможности для них в Иране создавались не только своеобразными условиями этой страны, но и тем покровительством, которое в предвоенные годы оказывал немцам престарелый Реза-шах, открыто симпатизировавший Гитлеру. Правительство Реза-шаха создало для немецких коммерсантов и предпринимателей весьма благоприятную обстановку, которой в полной мере воспользовалась гитлеровская разведка, насадив в Иране своих резидентов. Когда же после начала войны в Иран хлынула волна беженцев, гестапо воспользовалось этим, чтобы усилить свою агентуру в этой стране, игравшей важную роль как перевалочный пункт для англо-американских поставок в Советский Союз. И не случайно Реза-шаху пришлось отречься от престола и ретироваться в Южную Африку, прежде чем создались условия для дружественных отношений между Ираном и участниками антигитлеровской коалиции.

Но и после этого гитлеровская агентура продолжала тайно действовать в Иране, и это делало вполне реальной опасность всякого рода провокаций. Гитлеровцы заранее позаботились о том, чтобы сохранить в Иране свою тайную агентуру. Помимо упомянутого выше Романа Гамоты, ею руководили опытные офицеры секретной службы. Один из них, Шульце-Хольтус, занимая пост германского генерального консула в Тавризе, в действительности был резидентом абвера. Когда правительство Ирана приняло решение о высылке из страны представителей гитлеровской Германии, Шульце-Хольтус не репатриировался вместе с другими немецкими дипломатами. Он скрылся и на протяжении нескольких лет жил на нелегальном положении.

Отрастив бороду, покрасив ее хной и напялив одежду муллы, Шульце-Хольтус рыскал по стране, вербуя агентов в среде местных реакционеров. Летом 1943 года, когда Шульце-Хольтус обосновался у кашкайских племен в районе Исфагани, к нему была сброшена группа парашютистов с радиопередатчиком, что позволило Шульце-Хольтусу установить двустороннюю радиосвязь с Берлином. Это были люди из специальной школы Отто Скорцени. Они привезли с собой большое количество оружия, взрывчатку и золотые слитки для оплаты местной агентуры.

Шульце-Хольтус поддерживал также контакт с тайным гестаповским резидентом, орудовавшим в районе Тегерана. Это был некий Майер из СД. Уйдя в подполье одновременно с Шульце-Хольтусом, Майер в течение трех месяцев скрывался на армянском кладбище в Тегеране: преобразился в иранского батрака и работал могильщиком. Потом, развернув целую шпионскую сеть, Майер подстрекал кочевые племена Ирана к восстаниям против центрального правительства, организовывал диверсии и акты саботажа. Он поддерживал радиосвязь с Берлином, и незадолго до Тегеранской конференции к нему, в район иранской столицы, были сброшены шесть парашютистов-диверсантов.

Все эти, ставшие теперь известными, факты говорят о том, что Тегеран был одним из центров шпионской сети держав фашистской оси на Среднем Востоке. Когда речь зашла о необходимости принятия серьезных мер для обеспечения безопасности «большой тройки», представитель американской секретной службы Майкл Рейли также разделял опасения советской разведки. Он, в свою очередь, отметил, что, несмотря на все предосторожности и уже принятые меры, среди тысяч беженцев, нахлынувших в Тегеран из Европы, остались еще десятки нацистских агентов.

В советском посольстве

Рузвельт вначале отклонил приглашение остановиться в советском посольстве. Он объяснял, что чувствовал бы себя более независимым, не будучи чьим-то гостем. Кроме того, он уже раньше отклонил приглашение, полученное от англичан, и мог теперь обидеть их, приняв приглашение русских. Но в конечном счете соображения удобства, а главное безопасности, всех участников встречи побудили его согласиться. Это обстоятельство американцы особенно подчеркивали. Они ссылались, в частности, на посла США в Москве Аверелла Гарримана, который, помимо всего прочего, указал Рузвельту на то, что случись что-либо с английским или советским представителями на пути в американскую миссию, президент сам счел бы себя ответственным, если бы отклонил предложение русских.

Приняв предложение поселиться в советском посольстве, президент США, судя по всему, потом не жалел об этом. Большое удобство для Рузвельта, которому из-за паралича обеих ног было трудно передвигаться, состояло также и в том, что его комнаты выходили прямо в большой зал, где происходили пленарные заседания конференции.

Вернувшись в Вашингтон, президент Рузвельт сделал 17 декабря 1943 г. на пресс-конференции специальное заявление о том, что он остановился в Тегеране в советском посольстве, а не в американском, поскольку Сталину стало известно о германском заговоре. Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор с целью покушения на жизнь всех участников конференции. Он просил меня остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу.

Президент заявил далее, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана, поскольку советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра.

Советская сторона сделала все, чтобы пребывание американского президента в нашем посольстве было удобным и приятным. В апартаментах Рузвельта американцы могли распоряжаться по своему усмотрению. Питанием президента, как обычно, ведали его собственные повара и официанты.

Остальные члены американской делегации, а также технический персонал жили в миссии США и каждый день приезжали оттуда на заседания.

Советская делегация в составе И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова разместилась неподалеку от главного здания, в небольшом двухэтажном особняке — квартире советского посла в Иране.

Для технического персонала советской делегации было отведено помещение, где в прошлом находился гарем персидского вельможи. Одноэтажный дом в виде вытянутого прямоугольника обрамляла терраса с мавританскими колоннами. Каждая из многочисленных комнат имела две двери: на террасу и во внутренний

длинный коридор. Перед зданием был квадратный бассейн.

Но подробности, связанные с историей этой усадьбы, я узнал позже. Когда с аэродрома нас с Миллером привезли в бывший гарем, он выглядел отнюдь не романтично: кипы папок и досье, разбросанные по столам канцелярские принадлежности, раскладушки, в беспорядке расставленные по комнатам и накрытые серыми армейскими одеялами...

Не было времени и для знакомства с экзотическим парком: меня предупредили, что в два часа дня состоятся переговоры Сталина с Рузвельтом, где я должен переводить. Правда, мне удалось наскоро перекусить в оборудованной в соседнем флигеле скромной столовой для технического персонала.

Спустя десять минут я, схватив блокнот, побежал в главное здание.

Сталин встречается с Рузвельтом

*

Встреча со Сталиным

Мне уже не раз приходилось выполнять роль переводчика И. В. Сталина. В Москве я присутствовал на многих его встречах с Черчиллем, государственным секретарём США Корделлом Хэллом, Антони Иденом, тогдашним министром иностранных дел Англии, Авереллом Гарриманом, специальным представителем президента США, а позднее — американским послом в Москве.

Но всякий раз, когда предстояло увидеть Сталина, меня охватывало волнение. Насколько я мог заметить, даже те, кто работал с ним на протяжении долгих лет, чувствовали себя скованно, держались напряженно в его присутствии. А у нас, людей молодого поколения, для этого было еще больше оснований. С детства нас приучили смотреть на него как на мудрого и великого вождя, все видящего и знающего наперед. На портретах и в бронзовых изваяниях, в мраморных монументах мы привыкли видеть его возвышающимся над всеми, и наше юношеское воображение дорисовывало высокое,

стройное, почти мифическое существо. Естественно, что в моей памяти навсегда врезался день, когда я впервые увидел Сталина.

Это было в октября 1941 года, на позднем обеде в Кремле, устроенном по случаю приезда в Москву англо-американской миссии по военному снабжению во главе с лордом Бивербруком и Авереллом Гарриманом. Все, кто имел непосредственное отношение к переговорам с этой первой миссией западных союзников, собрались в половине восьмого вечера в Екатерининском зале Кремля. Старинное убранство этого зала всегда поражало знатных иностранных гостей. Роскошная мебель XVIII века, кресла и диваны с вензелями Екатерины II, муаровые зеленые обои, старинные картины в тяжелых золоченых рамах, фарфор и столовое серебро — вся эта необычайная роскошь озадачивала, видимо, многих представителей западного мира, которые впервые попадали в страну большевиков.

Сначала в зале было оживленно. Разбившись на группы, все громко разговаривали. Но по мере того как время приближалось к восьми — на этот час был назначен обед, — присутствующие все чаще поглядывали на высокую, украшенную позолотой и резьбой дверь, откуда должен был выйти Сталин. Атмосфера как-то сама собой становилась все более сдержанной, а в последние минуты в зале воцарилась тишина.

Наконец дверь открылась. Все обернулись, но это был не он. Вошли двое военных из правительственной охраны. Один занял позицию справа от двери, другой медленно пересек зал и остановился в противоположном углу. Все взгляды опять устремились на дверь. Никто не прерывал молчания. Но вот дверь снова отворилась, и появился Сталин.

При виде Сталина я ощутил какой-то внутренний толчок. Он был совсем не такой, каким я его себе представлял. Ниже среднего роста, сильно исхудавший, с землистым усталым лицом, изрытым оспой. Тогда на нем не было ни блестящей маршальской формы, ни золотых погон, ни звезд Героя. Китель военного покроя висел на его сухощавой фигуре. Бросалось в глаза, что одна рука у него короче другой — почти вся кисть пряталась в рукаве.

То были самые тяжелые дни войны, когда гитлеровские полчища безудержно рвались в глубь нашей стра-

ны, приближались к Москве, Ленинграду, захватили Киев. Нашим самоотверженно сражавшимся частям, вынужденным все дальше отступать, порой не хватало даже винтовок и патронов. Несомненно, бремя тяжелой ответственности и неудач наложило на облик Сталина свой отпечаток.

Сталин медленно обошел выстроившихся в длинный ряд гостей, с каждым поздоровался за руку. Пройдя весь ряд до конца, Сталин повернул обратно, неслышно ступая мягкими кавказскими сапогами по толстому ковру. Он остановился недалеко от меня и заговорил с каким-то военным из отдела внешних сношений. Произносил он слова очень тихо, медленно, со специфическим грузинским акцентом. Я искоса поглядывал на него, стараясь совладать с нахлынувшими на меня чувствами: вот он какой — Сталин — внешне совсем обыкновенный, даже неприметный человек...

Теперь, перед встречей Сталина с Рузвельтом, я старался быть как можно более собранным. Чтобы переводить Сталина, требовалось большое напряжение всех сил. Он говорил тихо, с акцентом, а о том, чтобы переспросить, нечего было и думать. Приходилось мобилизовать все внимание, чтобы мгновенно уловить сказанное и тут же воспроизвести на английском языке. К тому же надо было записывать все сказанное во время переговоров. Спасало лишь то, что Сталин говорил размеренно, делая после каждой фразы паузу для перевода.

В обязанности переводчика входило также составление официального протокола. Его надо было продиктовать стенографистке, а затем составить проект краткой телеграммы. Эту телеграмму Сталин лично просматривал и корректировал. Если переговоры происходили в Москве, то телеграмма направлялась шифром советским послам в Лондоне и Вашингтоне. В данном же случае такая информационная телеграмма посылалась также в Москву оставшимся там членам Политбюро.

Сейчас во многих странах уже накоплен большой опыт синхронного устного перевода. Имеются высококвалифицированные кадры. Они широко используются на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, на различных международных совещаниях и встречах. Но в то время, по крайней мере в нашей стране, специалистов в этой области не было. В Наркомате иностранных дел лишь несколько человек привлекались к переводам при встречах

на высшем уровне. В. Н. Павлову и мне приходилось совмещать роль переводчика с основной работой в наркомате. Правда, это имело свои плюсы, так как мы были обычно в курсе обсуждавшихся политических проблем. Но зато оставалось мало времени для совершенствования языковых знаний. Между тем устный перевод при дипломатических переговорах требует особых профессиональных навыков, сноровки, большой сосредоточенности. Надо постоянно пополнять языковые знания, непрерывно наращивать запас слов. Необходимо также хорошо знать скоропись, уметь быстро расшифровывать текст после беседы и определить самое главное при составлении краткого отчета.

Специальной подготовки для выполнения всей этой работы у меня лично не было, и я старался совершенствоваться по ходу дела.

Меня всегда поражали упорство и настойчивость В. Н. Павлова. В то время он вел референтуру по всей области англо-советских отношений. Текущих дел, естественно, было очень много.

Наш рабочий день продолжался обычно 14—16 часов с небольшим перерывом от восьми до десяти вечера. Но Павлов не упускал ни одной минуты для пополнения своих языковых знаний.

Диалог двух лидеров

На беседе, о которой идет речь, кроме Сталина, Рузвельта и меня, переводчика, никто больше не присутствовал. Рузвельт предупредил, что будет один, без Чарльза Болена, который обычно выполнял роль переводчика американской делегации. Видимо, Рузвельт решил не брать никого с собой, чтобы атмосфера беседы была более доверительной. Мне предстояло переводить всю беседу одному.

Когда я вошел в комнату, примыкавшую к залу пленарных заседаний конференции, там уже находился Сталин в маршальской форме. Поздоровавшись, я подошел к низенькому столику, вокруг которого стояли диван и кресла, и положил там блокнот и карандаш. Сталин медленно прошелся по комнате, вынул из коробки с надписью «Герцеговина флор» папиросу, закурил. Прищурившись, посмотрел на меня, спросил:

— Не очень устали с дороги? Готовы переводить? Беседа будет ответственной.

— Готов, товарищ Сталин. За ночь в Баку хорошо отдохнул. Чувствую себя нормально.

Сталин подошел к столику, положил на него коробку с папиросами. Зажег спичку и раскурил потухшую папиросу. Затем, медленным жестом погасив спичку, указал ею на диван и сказал:

— Здесь, с краю, сяду я. Рузвельта привезут в коляске, пусть он расположится слева от кресла, где будете сидеть вы.

— Ясно, — ответил я.

Сталин снова стал прохаживаться по комнате, погрузившись в размышления. Через несколько минут дверь открылась и слуга-филиппинец вкатил коляску, в которой, тяжело опираясь на подлокотники, сидел улыбающийся Рузвельт.

— Хэлло, маршал Сталин, — бодро произнес он, протягивая руку.— Я, кажется, немного опоздал, прошу прощения.

— Нет, вы как раз вовремя, — возразил Сталин. — Это я пришел раньше. Мой долг хозяина к этому обязывает, все-таки вы у нас в гостях, можно сказать, на советской территории.

— Я протестую,— рассмеялся Рузвельт.— Мы ведь твердо условились встретиться на нейтральной территории. К тому же тут моя резиденция. Это вы мой гость.

— Не будем спорить, лучше скажите, хорошо ли вы здесь устроились, господин президент. Может быть, что требуется?

— Нет, благодарю, все в порядке. Я чувствую себя как дома.

— Значит, вам здесь нравится?

— Очень вам благодарен за то, что вы предоставили мне этот дом.

— Прошу вас поближе к столу, — пригласил Сталин.

Перед тем как отправиться на эту встречу двух лидеров, я очень беспокоился — справлюсь ли со своей задачей? Смогу ли с первого раза понять все, что будет говорить Рузвельт, и тут же передать это по-русски его собеседнику? Ведь у многих американцев очень своеобразное произношение, а некоторые из них пересыпают свою речь образными и даже жаргонными выражениями, так что не сразу схватываешь смысл сказанного. Но все

прошло благополучно. Рузвельт говорил четко, внятно, несколько растягивая слова, короткими фразами, часто делал паузы. Видимо, у него был свой немалый опыт общения через переводчика...

Слуга-филиппинец подкатил коляску в указанное место, развернул ее, затянул тормоз на колесе и вышел из комнаты. Сталин предложил Рузвельту папиросу, но тот, поблагодарив, отказался, вынул свой портсигар, вставил длинными тонкими пальцами сигарету в изящный мундштук и закурил.

— Привык к своим, — сказал Рузвельт, обезоруживающе улыбнулся и, как бы извиняясь, пожал плечами. — А где же ваша знаменитая трубка, маршал Сталин, та трубка, которой вы, как говорят, выкуриваете своих врагов?

Сталин хитро улыбнулся, прищурился.

— Я, кажется, уже почти всех их выкурил. Но говоря серьезно, врачи советуют мне поменьше пользоваться трубкой. Я все же ее захватил сюда и, чтобы доставить вам удовольствие, возьму с собой ее в следующий раз.

— Надо слушаться врачей, — серьезно сказал Рузвельт,— мне тоже приходится это делать...

— У вас есть предложения по поводу повестки дня сегодняшней беседы? — перешел Сталин на деловой тон.

— Не думаю, что нам следует сейчас четко очерчивать круг вопросов, которые мы могли бы обсудить. Просто можно было бы ограничиться общим обменом мнениями относительно нынешней обстановки и перспектив на будущее. Мне было бы также интересно получить от вас информацию о положении на вашем фронте.

— Готов принять ваше предложение, — сказал Сталин. Он размеренным движением взял коробку «Герцеговины флор», раскрыл ее, долго выбирал папиросу, как будто они чем-то отличались друг от друга, закурил. Затем, неторопливо произнося слова, продолжал. — Что касается положения у нас на фронте, то основное, пожалуй, в том, что в последнее время наши войска оставили Житомир — важный железнодорожный узел.

— А какая погода на фронте? — поинтересовался Рузвельт.

— Погода благоприятная только на Украине, а на остальных участках фронта — грязь и почва еще не замерзла.

— Я хотел бы отвлечь с советско-германского фронта 30—40 германских дивизий,— сочувственно сказал Рузвельт.

— Если это возможно сделать, то было бы хорошо.

— Это один из вопросов, по которому я намерен дать свои разъяснения в течение ближайших дней здесь же, в Тегеране. Сложность в том, что перед американцами стоит задача снабжения войск численностью в два миллиона человек, причем находятся они на расстоянии трех тысяч миль от американского континента.

— Тут нужен хороший транспорт, и я вполне понимаю ваши трудности.

— Думаю, что мы эту проблему решим, так как суда в Соединенных Штатах строятся удовлетворительным темпом.

Коснувшись недавних волнений в Ливане, Сталин спросил, не знает ли Рузвельт, каковы причины этих волнений и кто тут виноват. Рузвельт ответил не сразу. Сняв пенсне, он протер стекла белым платком, торчавшим из нагрудного кармана, снова закрепил пенсне на переносице. Наконец, сказал, как бы размышляя вслух:

— Думаю, что виноват французский национальный комитет. Англичане и французы гарантировали независимость Ливана, и ливанцы получили свою конституцию и президента. Затем они захотели немного изменить конституцию. Однако французы отказали им в этом и арестовали президента и кабинет министров. Сейчас в Ливане все в порядке, там наступило спокойствие...

В ходе беседы Сталин и Рузвельт коснулись многих вопросов и проблем. Рузвельт, в частности, в общих чертах развивал мысль о послевоенном сотрудничестве между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Сталин приветствовал эту идею и отметил, что после окончания войны Советский Союз будет представлять собой большой рынок для Соединенных Штатов. Рузвельт с интересом воспринял это заявление и подчеркнул, что американцам после войны потребуется большое количество сырья, и поэтому он думает, что между нашими странами будут существовать тесные торговые связи. Сталин заметил, что если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье.

Далее речь зашла о будущем Франции. Рузвельт заявил, что де Голль ему не нравится, в то время как генерала Жиро он считает очень симпатичным челове-

ком и хорошим генералом. Рузвельт сообщил также, что американцы вооружают 11 французских дивизий, и коснулся в этой связи положения во Франции и настроений различных слоев населения этой страны.

— Французы, — заметил Рузвельт, — хороший народ, но им нужны абсолютно новые руководители не старше 40 лет, которые не занимали никаких постов в прежнем французском правительстве.

Сталин высказал мнение, что на такие изменения потребуется много времени. Что же касается некоторых нынешних руководящих слоев во Франции, продолжал он, то они, видимо, думают, что союзники преподнесут им Францию в готовом виде, и не хотят воевать на стороне союзников, а предпочитают сотрудничать с немцами. При этом французский народ не спрашивают.

Рузвельт заметил, что, по мнению Черчилля, Франция полностью возродится и скоро станет великой державой.

— Но я не разделяю этого мнения, — продолжал Рузвельт. — Думаю, что пройдет много лет, прежде чем это случится. Если французы полагают, что союзники преподнесут им готовую Францию на блюде, то они ошибаются. Французам придется много поработать, прежде чем Франция действительно станет великой державой...

За этими замечаниями американского президента скрывались серьезные разногласия между Соединенными Штатами и Англией по вопросу о том, кто должен осуществлять власть на освобожденной территории Северной Африки, а потом, после высадки в Нормандии, и в самой Франции. Как выяснилось впоследствии, Соединенные Штаты, осуществившие высадку в Северной Африке, рассчитывали установить свое военное и политическое господство не только над этой территорией, но и над всем французским движением Сопротивления, с с тем чтобы в дальнейшем получить точку опоры на европейском континенте — во Франции. В Северной Африке Вашингтон делал ставку на сотрудничавшего ранее с немцами адмирала Дарлана в противовес генералу де Голлю, который находился тогда в Лондоне и возглавлял Национальный комитет «Сражающейся Франции».

В опубликованных в 1965 году мемуарах Иден писал: «Мой парламентский заместитель Ричард Лоу сообщил из Вашингтона о своем разговоре с Сэмнером Уэллесом (заместителем государственного секретаря), который

сильно тревожился из-за генерала де Голля. По мнению Уэллеса, США скоро придется порвать связи с ним. Когда Лоу возразил, что это было бы тяжелым ударом для французской общественности, Уэллес с ним согласился, но, по-видимому, все-таки остался при своем убеждении, что, возможно, они будут вынуждены пойти на это. Если де Голль вступит во Францию вместе с оккупационными войсками и сформирует правительство, его уже не удастся отстранить от власти».

После убийства адмирала Дарлана американцы сделали ставку в Северной Африке на генерала Жиро. Иден продолжал: «Несмотря на все меры, которые я мог принять в Лондоне, а Макмиллан в Алжире, организовать встречу генерала де Голля с генералом Жиро оказалось делом нелегким. Американская политика усугубила связанные с этим трудности. Правительство Соединенных Штатов все еще было против создания единой французской власти до высадки союзников во Франции... Оно также по-прежнему относилось подозрительно и враждебно к генералу де Голлю. Оно побаивалось его активного и энергичного характера и склонно было преуменьшать поддержку, которую голлизм получал от движения Сопротивления во Франции».

В конце концов Вашингтону все же пришлось пойти на примирение с генералом де Голлем, который получил возможность отправиться во Францию вскоре после высадки союзников в Нормандии. Но характер отношений, который складывался тогда между американцами и де Голлем, несомненно сыграл свою роль в будущем.

В ходе этой беседы Рузвельта со Сталиным выявился различный подход Соединенных Штатов и Англии также и в отношении будущего колониальных владений. Рузвельт много говорил о необходимости нового подхода к проблеме колониальных и зависимых стран после войны. Может быть, он искренне думал о возможности предоставления им постепенно самоуправления и в конечном счете независимости — тема, к которой американский президент вновь и вновь возвращался в дни Тегеранской конференции. Но, выступая таким образом, он вольно или невольно отражал интересы тех кругов США, которые под прикрытием разговоров о пересмотре статуса колониальных владений европейских капиталистических держав готовили почву для проникновения США в колониальные страны.

В этом отношении показателен разговор, который произошел во время первой встречи между Сталиным и Рузвельтом в Тегеране. Касаясь будущего Индокитая, Рузвельт сказал, что можно было бы назначить трех-четырех попечителей и через 30—40 лет подготовить народ Индокитая к самоуправлению. То же самое, заметил он, верно в отношении других колоний.

— Черчилль, — продолжал президент, — не хочет решительно действовать в отношении осуществления этого предложения о попечительстве, так как он боится, что этот принцип придется применить и к английским колониям. Когда наш государственный секретарь Хэлл был в Москве, он имел при себе составленный мною документ о создании международной комиссии по колониям. Эта комиссия должна была бы инспектировать колониальные страны с целью изучения положения в этих странах и возможного его улучшения. Вся работа этой комиссии была бы предана широкой гласности...

Сталин поддержал идею создания такой комиссии и заметил, что к ней можно было бы обращаться с жалобами, просьбами и т. д. Рузвельт был явно доволен реакцией советской стороны, но не скрывал своего беспокойства по поводу возможного отношения Черчилля. Он даже предупредил Сталина, что в разговоре с британским премьером лучше не касаться Индии, так как, насколько ему, Рузвельту, известно, у Черчилля нет сейчас никаких мыслей в отношении Индии. Черчилль намерен вообще отложить этот вопрос до окончания войны.

— Индия — это больное место Черчилля, — заметил Сталин.

— Это верно,— согласился Рузвельт.— Однако Англии так или иначе придется что-то предпринять в Индии. Я надеюсь как-нибудь переговорить с вами подробнее об Индии, имея при этом в виду, что люди, стоящие в стороне от вопроса об Индии, могут лучше разрешить этот вопрос, чем люди, имеющие непосредственное отношение к данному вопросу...

На этот зондаж Сталин реагировал осторожно. Он лишь назвал замечания президента интересными.

Рузвельт взглянул на часы. До официального открытия конференции, назначенного на 16 часов, оставалось мало времени.

— Думаю, нам пора заканчивать, — сказал Рузвельт. — Надо немного отдохнуть и собраться с мыслями

перед пленарным заседанием. Мне кажется, у нас состоялся очень полезный обмен мнениями, и вообще мне было очень приятно познакомиться и откровенно побеседовать с вами.

— Мне тоже было очень приятно, — ответил Сталин и, поднявшись, слегка поклонился Рузвельту.

Я вышел в соседнюю комнату позвать слугу президента. Он тут же явился и, взявшись за ручку, приделанную к спинке кресла-коляски, увез Рузвельта в его апартаменты. Сталин прошел в соседнюю комнату, где его ждали Молотов и Ворошилов.

За круглым столом

Пленарные заседания конференции происходили в просторном зале, декорированном в стиле ампир. Посредине стоял большой круглый стол, покрытый скатертью из кремового сукна. Вокруг были расставлены обитые полосатым шелком кресла с вычурными подлокотниками из красного дерева. В центре стола — деревянная подставка с государственными флагами трех держав — участниц конференции. Перед каждым креслом на столе лежали блокноты и отточенные карандаши. Непосредственно у стола занимали место главные члены делегации и переводчики. Остальные делегаты и технический персонал размещались на стульях, стоявших симметричными рядами позади кресел.

Самой малочисленной была советская делегация. В нее, как уже сказано, входили И. В. Сталин, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов; Соединенные Штаты и Англию представляли более крупные делегации. Вот их состав.

От Соединенных Штатов: президент Ф. Д. Рузвельт, специальный помощник президента Г. Гопкинс, посол США в СССР А. Гарриман, начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл, главнокомандующий военно-морскими силами США адмирал Э. Кинг, начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Г. Арнольд, начальник снабжения армии США генерал Б. Сомэрвэлл, начальник штаба президента адмирал У. Леги, начальник военной миссии США в СССР генерал Р. Дин.

От Великобритании: премьер-министр У. Черчилль, министр иностранных дел А. Иден, посол Англии в СССР А. Керр, начальник имперского генерального штаба ге-

нерал А. Брук, фельдмаршал Д. Дилл, первый морской лорд адмирал флота Э. Кеннингхэм, начальник штаба военно-воздушных сил Великобритании главный маршал авиации Ч. Портал, начальник штаба министра обороны генерал Х. Исмей, начальник военной миссии Великобритании в СССР генерал Г. Мартель.

За столом справа от Черчилля сидел его личный переводчик — майор Бирз. Рядом с Рузвельтом — также в качестве переводчика — Чарльз Болен. Он работал тогда первым секретарем посольства Соединенных Штатов в Москве. От советской делегации в первом ряду сидели Сталин и Молотов, а также мы с Павловым как официальные переводчики советской делегации. Ворошилов обычно устраивался на стуле во втором ряду.

Дискуссия на пленарных заседаниях велась свободно, без заранее утвержденной повестки дня. Выступая, делегаты не пользовались никакими бумажками, а как бы высказывали вслух соображения по затронутым вопросам. Поэтому дискуссия порой перескакивала с одной темы на другую, а затем снова возвращалась к первоначальной проблеме. Стороны заранее условились, что на первом пленарном заседании председательствовать будет Рузвельт. Он выполнил эту обязанность с блеском: сказался его многолетний опыт руководителя.

Первое пленарное заседание открылось в 16 часов 28 ноября. Продолжалось оно три с половиной часа. Открывая заседание, Рузвельт сказал:

— Как самый молодой из присутствующих здесь глав правительств я хотел бы позволить себе высказаться первым. Я хочу заверить членов новой семьи — собравшихся за этим столом членов настоящей конференции — в том, что мы все собрались здесь с одной целью — с целью выиграть войну как можно скорее...

Далее Рузвельт сделал несколько замечаний о ведении конференции.

— Мы не намерены, — заявил он, — опубликовывать ничего из того, что будет здесь говориться, но мы будем обращаться друг к другу, как друзья, открыто и откровенно...

Несомненно, принятое участниками Тегеранской конференции взаимное обязательство ничего не публиковать из того, что там говорилось, способствовало свободному обмену мнениями и помогло каждой из сторон лучше понять позицию партнеров. Это облегчило создание

атмосферы, которая позволила, несмотря на коренные различия в общественно-политическом строе Советского Союза, с одной стороны, и Соединенных Штатов и Англии — с другой, осуществить плодотворное сотрудничество трех держав в борьбе против общего врага, укрепить на этом этапе единство антигитлеровской коалиции.

После войны правящие круги западных держав, затеяв антисоветскую пропагандистскую кампанию, в нарушение взятого ими на себя обязательства не предавать гласности материалы тегеранской встречи, односторонне опубликовали многочисленные документы и мемуары об этой конференции, цель которых состояла в том, чтобы фальсифицировать политику Советского Союза, исказить его позицию по важнейшим проблемам периода второй мировой войны. В связи с этим в 1961 году в Москве были опубликованы советские записи бесед и заседаний на Тегеранской конференции.

Но тогда, в день открытия Тегеранской конференции, слова Рузвельта о соблюдении секретности звучали как торжественная клятва.

Говоря дальше о порядке работы конференции, американский президент заявил, что штабы делегаций могут рассматривать военные вопросы отдельно, а сами делегации могли бы тем временем обсудить и другие проблемы, например проблемы послевоенного устройства.

— Я думаю, — сказал Рузвельт в заключение, — что это совещание будет успешным и что три нации, объединившиеся в процессе нынешней войны, укрепят связи между собой и создадут предпосылки для тесного сотрудничества будущих поколений...

Прежде чем перейти к практической работе, Рузвельт поинтересовался, не желают ли Черчилль и Сталин сделать заявления общего порядка о важности этой встречи и о том, что означает она для всего человечества.

Черчилль сразу же поднял правую руку, прося слова. Говорил он очень четко, размеренно, произнося слово за словом, подобно тому, как каменщик кладет кирпичи. Делая паузы для перевода, он беззвучно шевелил губами, как бы произнося сначала про себя фразу, которую собирался затем высказать вслух. Он словно внутренне прислушивался к ее звучанию. Потом, убедившись, что подобраны нужные слова, он снова чеканил их своим хорошо поставленным голосом профессионального оратора. Подчеркивая торжественность минуты, он встал из-за сто-

ла и отодвинул кресло, чтобы дать простор своей грузной фигуре.

— Эта встреча, — сказал Черчилль, — пожалуй, представляет собой величайшую концентрацию мировой мощи, которая когда-либо существовала в истории человечества. В наших руках решение вопроса о сокращении сроков войны, о завоевании победы, о будущей судьбе человечества. Я молюсь за то, чтобы мы были достойны замечательной возможности, данной нам богом, — возможности служить человечеству...

Окинув взором всех присутствовавших, Черчилль медленно погрузился в кресло.

Обращаясь к главе советской делегации, Рузвельт спросил, не желает ли он что-либо сказать. Не вставая с места, Сталин заговорил. В зале наступила тишина. Может, потому, что большинство присутствовавших впервые услышали голос Сталина. А может быть, из-за того, что он говорил совсем негромко. Он сказал:

— Приветствуя конференцию представителей трех правительств, я хотел бы сделать несколько замечаний. Я думаю, что история нас балует. Она дала нам в руки очень большие силы и очень большие возможности. Я надеюсь, что мы примем все меры к тому, чтобы на этом совещании в должной мере, в рамках сотрудничества, использовать ту силу и власть, которые нам вручили наши народы. А теперь давайте приступим к работе...

Рузвельт кивком головы подтвердил свое согласие. Потом обвел взглядом всех участников конференции, как бы приглашая их к первому деловому выступлению. Но никто не изъявил такого желания. Тогда президент открыл лежавшую перед ним черную папку, полистал находившиеся в ней бумаги, немного откашлялся и сказал:

— Может быть, мне начать с общего обзора военных действий и нужд войны в настоящее время. Я, конечно, буду говорить об этом с точки зрения Соединенных Штатов. Мы, так же как и Британская империя и Советский Союз, надеемся на скорую победу. Я хочу начать с обзора той части войны, которая больше касается Соединенных Штатов, чем Советского Союза и Великобритании. Я говорю о войне на Тихом океане, где Соединенные Штаты несут основное бремя войны, получая помощь от австралийских и новозеландских войск...

Президент Рузвельт сделал краткий обзор военного положения в этой части земного шара. Более конкретно

он коснулся операций в районе Бирмы, сообщив о планах освобождения от японцев северной части этой страны. Все эти мероприятия намечались, по словам Рузвельта, с целью оказания помощи Китаю в войне, открытия бирманской дороги и обеспечения позиций, с которых можно было бы нанести поражение Японии как можно скорее, после того как будет разгромлена Германия. Затем президент кратко обрисовал положение на Европейском театре военных действий.

Сделав обзор военных действий, Рузвельт как бы задал тон. После него с обзора положения на фронте начал свою речь Сталин.

Глава советской делегации приветствовал успехи Соединенных Штатов в районе Тихого океана. Он добавил, что в настоящее время Советский Союз не может присоединиться к борьбе против Японии, поскольку требуется концентрация всех его сил для войны против Германии. Советских войск на Дальнем Востоке более или менее достаточно, чтобы держать оборону. Но их надо по крайней мере удвоить, прежде чем предпринять наступление. Время для присоединения к западным союзникам на Тихоокеанском театре военных действий может наступить только тогда, когда произойдет крах Германии.

— Что касается войны в Европе, — продолжал советский представитель, — то прежде всего скажу несколько слов отчетного характера о том, как мы вели и продолжаем вести операции со времени июльского наступления немцев. Может быть, я вдаюсь в подробности, тогда я мог бы сократить свое выступление?

— Мы готовы выслушать все, что вы намерены сказать, — вмешался Черчилль.

Сталин продолжал:

— Я должен сказать, между прочим, что мы сами в последнее время готовились к наступлению. Немцы опередили нас. Но поскольку мы готовились к наступлению и нами были стянуты большие силы, после того как мы отбили немецкое наступление, нам удалось сравнительно быстро перейти в наступление самим. Должен сказать, что, хотя о нас говорят, что мы все планируем заранее, мы сами не ожидали успехов, каких достигли в августе и в сентябре. Против наших ожиданий немцы оказались слабее, чем мы предполагали. Теперь у немцев на нашем фронте, по данным нашей разведки, имеется 210 дивизий и еще 6 дивизий находятся в процессе переброски на

фронт. Кроме того, имеется 50 ненемецких дивизий, включая финнов. Таким образом, всего у немцев на нашем фронте 260 дивизий, из них до 10 венгерских, до 20 финских, до 16 или 18 румынских...

Рузвельт поинтересовался, какова численность германской дивизии. Сталин пояснил, что вместе со вспомогательными силами немецкая дивизия состоит примерно из 12—13 тысяч человек. Он добавил, что с советской стороны на фронте действуют от 300 до 330 дивизий.

Перейдя к последним событиям на советско-германском фронте, Сталин сказал, что излишек в численности войск используется советской стороной для наступательных операций. Но поскольку мы ведем наступательные действия, по мере того как идет время, наш перевес становится все меньше. Большую трудность представляет также то, что немцы все уничтожают при отступлении. Это затрудняет нам подвоз боеприпасов. В этом причина того, что наше наступление замедлилось.

— В последние три недели, — продолжал советский представитель, — немцы развернули наступательные операции на Украине — южнее и западнее Киева. Они отбили у нас Житомир — важный железнодорожный узел, о чем было объявлено. Должно быть, на днях они заберут у нас Коростень — также важный железнодорожный узел. В этом районе у немцев имеется 5 новых танковых дивизий и 3 старые танковые дивизии, всего 8 танковых дивизий, а также 22—23 пехотные и моторизованные дивизии. Их цель — вновь овладеть Киевом. Таким образом, у нас впереди возможны некоторые трудности...

— Поэтому, — сказал Сталин, — было бы очень важно ускорить вторжение союзников в Северную Францию.

Черчилль, который выступал после Сталина, сразу же обратился к планам англо-американцев, связанным с высадкой во Франции и открытием второго фронта в Европе. Этот вопрос, бесспорно, был главным на Тегеранской конференции, и вокруг него шли наиболее горячие дискуссии как на официальных совещаниях, так и на неофициальных встречах.

Немного истории

Вопрос об открытии второго фронта в Европе имел свою историю. Известно, что с момента нападения гитлеровской Германии на Советский Союз основные силы

вермахта находились на Восточном фронте. Гитлер мог это сделать, потому что на Западе, да и вообще в других местах европейского континента, фактически не велось серьезных военных действий. Всю тяжесть удара гитлеровской военной машины Советский Союз принял на себя. В немецкие вооруженные силы, действовавшие в первые дни вторжения на советско-германском фронте, входило пять с половиной миллионов человек. Всего на границах СССР были сосредоточены 190 дивизий. На их вооружении находилось 50 000 орудий и минометов, около 3 500 танков, более 3 000 самолетов и другая военная техника. Германское командование смогло собрать в один кулак такую боевую мощь, поскольку оно было избавлено от необходимости вести войну на два фронта.

В этих условиях Советский Союз был кровно заинтересован в том, чтобы его союзники активно участвовали в борьбе против общего врага и оказали Красной Армии эффективную помощь, прежде всего операциями на европейском континенте. Первые месяцы войны на советско-германском фронте были особенно благоприятны для открытия второго фронта в Западной Европе, поскольку в этом районе гитлеровцы значительно ослабили свои силы.

Следует отметить, что и некоторые английские политики сразу же после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз поддерживали идею скорейшего открытия второго фронта в Европе.

Министр иностранных дел Антони Иден заявил 30 июня 1941 г., что английские руководители «думают о десантах во Франции». Но время шло, и никаких конкретных шагов в этом отношении британское правительство не предпринимало. Те, кто помнит тяжелое положение, в котором находилась тогда Советская страна, сражавшаяся один на один с гитлеровскими полчищами, поймет, что бездеятельность союзников не могла не беспокоить Советское правительство. Москва считала необходимым напоминать Лондону о его обещаниях насчет «крупных рейдов» в Западной Европе.

В послании Черчиллю от 18 июля 1941 г. Сталин писал: «Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)... Я представляю трудности создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не толь-

ко ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Германии отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции».

Черчилль ответил на это обращение отказом, заявив, что, хотя его правительство «с первого дня германского нападения на Россию рассматривало возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды», в настоящее время «начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести вам хотя бы самую малую пользу».

А тем временем гитлеровская Германия перебросила на Восточный фронт еще 30 свежих пехотных дивизий и большое количество танков и самолетов. Гитлеровцы продолжали продвигаться на Восток. Они заняли больше половины Украины, а на севере вышли на подступы к Ленинграду. Было ясно, что немецкое командование не опасалось ударов с Запада.

«Немцы считают опасность на Западе блефом, — писал Сталин английскому премьеру 3 сентября 1941 г., — и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет». Советское правительство выразило настоятельное пожелание «создать уже в этом году» второй фронт, который смог бы оттянуть с Восточного фронта 30—40 немецких дивизий. Но Черчилль и на этот раз ответил отказом.

Любопытно, что, уклоняясь от каких-либо существенных операций против немцев в Западной Европе, да и в других местах, где можно было ожидать тяжелых сражений, английское правительство было готово послать своих солдат туда, где они не подвергались бы особому риску, но зато обеспечили бы Англии известные политические и стратегические козыри. Характерна в этой связи переписка между Лондоном и Москвой относительно использования английских войск на советско-германском фронте.

Впервые эта идея была выдвинута в послании Сталина, направленном Черчиллю 13 сентября 1941 г. В этом послании Сталин предложил Англии «высадить 25—30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того,

как это имело место в прошлую войну во Франции», где, как известно, в первую мировую войну сражался русский экспедиционный корпус. Далее в послании говорилось: «Эта была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии».

Как же реагировало на это предложение английское правительство? Устами Черчилля оно заявило, что посылка британских дивизий на советско-германский фронт «абсолютно вне наших сил». В то же время Черчилль предложил заменить советские войска английскими в Иране и послать британские соединения на Кавказ «для охраны нефтяных районов», имея в виду, что высвободившиеся советские войска перебросят на усиление фронта. Советское правительство решительно отклонило эти домогательства Черчилля. Но весь этот эпизод показателен: для несения гарнизонной службы в Иране и на Кавказе у Англии нашлись войска, а послать эти же силы на фронт, в помощь советскому союзнику — на это, видите ли, сил не было!

Возникает вопрос, была ли у Англии возможность открыть второй фронт в Европе в первые годы Великой Отечественной войны Советского Союза или такой возможности не было?

По свидетельству лорда Бивербрука, в то время английские военные руководители «постоянно проявляли нежелание предпринимать наступательные действия». Конечно, дело было не только в нежелании военных. Тут, несомненно, играли роль и определенные политические соображения. В Лондоне имелись влиятельные круги, которые рассчитывали, что Советский Союз и Германия настолько ослабят друг друга в происходившей на советско-германском фронте схватке, что Англия сможет затем легко диктовать свою волю обеим сторонам. Эти сокровенные мысли высказал вслух тогдашний министр авиационной промышленности в кабинете Черчилля Мур Брабазон. Он заявил, что «лучшим исходом борьбы на Восточном фронте было бы взаимное истощение Германии и СССР, вследствие чего Англия смогла бы занять господствующее положение в Европе». Стоит напомнить и скандально известное изречение тогдашнего сенатора, впоследствии вице-президента, а затем и президента США Гарри Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выиг-

рывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Как показали дальнейшие события, подобного рода взгляды оказывали немалое влияние на позицию правящих кругов Англии и США в вопросе об открытии второго фронта в Европе.

После того как вслед за японской атакой на Пёрл-Харбор гитлеровская Германия объявила 11 декабря 1941 г. войну Соединенным Штатам, к дискуссии о втором фронте активно подключился и Вашингтон. Президент Рузвельт неоднократно подчеркивал, что считает важной задачей западных союзников скорейшую высадку в Западной Европе, но в США были влиятельные круги, которые всячески тормозили это дело.

Весной 1942 года был все же подготовлен американский план вторжения в Северную Францию путем форсирования Ла-Манша в его самом узком месте и высадки на французском побережье между Кале и Гавром, восточнее устья Сены. Докладывая об этом плане Рузвельту, генерал Маршалл указывал, что «успешное наступление в этом районе явится максимальной поддержкой для русского фронта». Но уже тогда осуществление этого плана, носившего сперва кодовое название «Раундап», а затем «Оверлорд», намечалось лишь на весну 1943 года. Что же касается 1942 года, то американский генеральный штаб предусматривал ограниченную операцию «Следжхэммер», которая к тому же должна была осуществляться лишь при следующих условиях:

«1. Положение на русском фронте станет отчаянным, то есть, если успех германского оружия будет настолько полным, что создастся угроза неминуемого краха русского сопротивления... в этом случае атаку следует рассматривать как жертву во имя общего дела.

2. Положение немцев в Западной Европе станет критическим».

Как видим, и здесь победила тактика выжидания. В то время как в 1942 году на советско-германском фронте шли ожесточенные бои, в Лондоне и Вашингтоне взвешивали на аптекарских весах момент, когда западным союзникам было бы выгоднее всего вмешаться и открыть второй фронт.

Особенно вашингтонских стратегов заботил вопрос о том, как бы не опоздать с высадкой в случае разгрома гитлеровской Германии Советским Союзом. Но тут, как

полагали тогда за океаном, у США было еще достаточно времени.

Во время состоявшихся летом 1942 года англо-американо-советских переговоров в Лондоне Советское правительство вновь поставило вопрос о необходимости ускорить вторжение в Западную Европу. Рузвельт высказался за, после чего Черчиллю пришлось отступить. Подписанное 12 июня 1942 г. англо-советское коммюнике повторяло ранее согласованную в Вашингтоне формулировку, а именно: «Была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Казалось, что трудная задача согласования конкретного срока открытия второго фронта, наконец, решена. Но западные державы и на этот раз не выполнили своего обязательства. Летом того же 1942 года Черчилль пересмотрел только что принятое решение, отказавшись от высадки в Нормандии. Любопытно, что Рузвельт, проявив свойственную ему в таких вопросах непоследовательность, а вернее, продемонстрировав классовую солидарность с лидером английских тори, сразу же согласился с Черчиллем. После этого британский премьер поспешил в Москву «разъяснить» советскому правительству «причины невозможности» осуществить операцию через Ла-Манш в 1942 году. Его сопровождал в советскую столицу Аверелл Гарриман в качестве личного представителя Рузвельта. При этом оба они — и Черчилль и Гарриман — клятвенно уверяли, что уж в 1943 году вторжение в Северную Францию обязательно состоится. Однако уже подходил к концу 1943 год, а Советский Союз все еще вынужден был сражаться один на один с гитлеровской Германией, использовавшей военно-промышленные ресурсы и людскую силу почти всей Европы.

Когда в конце ноября 1943 года открылась Тегеранская конференция, по-прежнему не было известно, когда же появится второй фронт во Франции. Естественно поэтому, что, наряду с обсуждением широкого круга проблем, стоявших на повестке дня тегеранской встречи, Советское правительство стремилось получить четкий ответ и на вопрос о втором фронте.

На первом же пленарном заседании Тегеранской конференции вопросу об открытии второго фронта в Европе было уделено основное внимание.

Инициативу, как уже сказано выше, проявил Сталин. Президент Рузвельт подчеркнул, что операция через Ла-Манш является очень важной и особенно интересует Советский Союз. Рузвельт сказал, что западные союзники уже на протяжении полутора лет составляют соответствующие планы, но все еще не смогли определить срока этой операции из-за недостатка тоннажа.

— Мы хотим, — сказал президент, — не только пересечь Ла-Манш, но и преследовать противника в глубь территории. Между тем Ла-Манш — это такая неприятная полоска воды, которая исключает возможность начать экспедицию до 1 мая. Поэтому план, составленный англичанами и американцами в Квебеке, исходит из того, что экспедиция через Ла-Манш могла бы начаться около 1 мая 1944 г. ...

Сославшись на то, что любая десантная операция требует специальных судов, Рузвельт коснулся вопроса о приоритете и очередности тех или иных операций. Он сказал:

— Если мы будем проводить крупные десантные операции в Средиземном море, то экспедицию через Ла-Манш, возможно, придется отложить на два или три месяца. Поэтому мы хотели бы получить ответ от наших советских коллег в этом вопросе, а также совет о том, как лучше использовать имеющиеся в районе Средиземного моря войска, учитывая, что там в то же время имеется мало судов. Мы не хотим откладывать дату вторжения через Ла-Манш дальше мая или июня. В то же время имеется много мест, где могли бы быть использованы англо-американские войска: в Италии, в районе Адриатического моря, в районе Эгейского моря, наконец, для помощи Турции, если она вступит в войну. Все это мы должны здесь решить. Мы очень хотели бы помочь Советскому Союзу и оттянуть часть германских войск с советского фронта. Мы хотели бы получить от наших советских друзей совет о том, каким образом мы могли бы лучше всего облегчить их положение.

Закончив свое выступление, Рузвельт спросил, не желает ли Черчилль что-либо добавить к сказанному.

Черчилль немного помолчал, пожевал губами и, медленно произнося слова, ответил:

— Я хотел бы просить разрешения отложить мое выступление и высказаться после того, как выскажется маршал Сталин. В то же время я в принципе согласен с тем, что сказал президент Рузвельт.

По-видимому, английский премьер, отказавшись излагать свою позицию, которая по сути дела значительно отличалась от точки зрения американского президента, хотел прощупать советских представителей, чтобы затем выдвинуть соответствующую аргументацию. Сталин разгадал маневр Черчилля. Говоря о втором фронте, он дал понять, что советская сторона рассчитывает на высадку союзников именно в Северной Франции, причем без дальнейших оттяжек, ибо только такая операция может облегчить положение на советском фронте.

— Может быть, я ошибаюсь, — сказал Сталин, — но мы, русские, считали, что Итальянский театр важен лишь в том отношении, чтобы обеспечить свободное плавание судов союзников в Средиземном море. Мы так думали и продолжаем так думать. Что касается того, чтобы из Италии предпринять наступление непосредственно на Германию, то мы, русские, считаем, что для таких целей Итальянский театр не годится...

Пока шел перевод на английский язык, Сталин вынул из кармана кителя кривую трубку, раскрыл коробку «Герцеговины флор», взял несколько папирос, неторопливо разломал их, высыпал табак в трубку, закурил, прищурился, оглядел всех присутствовавших. Когда его взгляд встретился с Рузвельтом, тот улыбнулся и лукаво подмигнул, давая понять, что вспомнил обещание Сталина насчет трубки. А может быть, этот жест Рузвельта имел более глубокий смысл: он хотел выразить сочувствие тому как Сталин парировал еще не высказанное вслух намерение Черчилля поставить под сомнение целесообразность высадки союзников во Франции.

Перевод был окончен, и Сталин, отложив трубку, продолжал:

— Мы, русские, считаем, что наибольший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Наиболее слабым местом Германии является Франция. Конечно, это трудная операция, и немцы во Франции будут бешено защищаться, но все же это самое лучшее решение. Вот все мои замечания...

Рузвельт поблагодарил Сталина и спросил, готов ли выступить Черчилль. Тот кивнул, откашлялся и начал речь в своей особой манере, тщательно отбирая и взвешивая слова. Он сказал, что Англия и Соединенные Штаты давно договорились атаковать Германию через Северную или Северо-Западную Францию, для чего проводятся обширные приготовления. Потребовалось бы много цифр и фактов, продолжал английский премьер, чтобы доказать, почему в 1943 году не удалось осуществить эту операцию, но теперь решено атаковать Германию в 1944 году. Место нападения выбрано, и сейчас перед англо-американцами стоит задача создать условия для переброски армии во Францию через Ла-Манш в конце весны 1944 года. Силы, которые удастся накопить для этой цели в мае или июне, будут состоять из 16 британских и 19 американских дивизий. За этими дивизиями последовали бы главные силы, причем предполагается, что всего в ходе операции «Оверлорд» в течение мая, июня, июля будет переправлено через Ла-Манш около миллиона человек.

Сделав эти заверения, Черчилль перешел к проблеме использования англо-американских сил в других районах Европейского театра. Осторожно выбирая формулировки и как бы рассуждая вслух, он всякий раз оговаривался, что выдвигает свои предложения лишь в порядке постановки вопроса. Но за всеми этими оговорками скрывалось вполне определенное намерение британского премьера атаковать Германию не с запада, а с юга и юго-востока или, как любил выражаться Черчилль, «с мягкого подбрюшья Европы».

Начав с того, что до осуществления операции «Оверлорд» остается еще много времени — около шести месяцев, — премьер-министр поставил вопрос об использовании в этот период сил западных союзников в Средиземном море. Это также мотивировалось желанием поскорее помочь Советскому Союзу. Конечно, заверил снова Черчилль, «Оверлорд» будет осуществлен в свое время или, быть может, с некоторым опозданием. Этим замечанием Черчилль как бы невзначай снова поставил под сомнение названный Рузвельтом срок начала операции через Ла-Манш.

Сталин и Рузвельт не реагировали на этот ход английского представителя. Когда майор Бирз закончил перевод последней фразы своего шефа, Черчилль продлил паузу, ожидая реплик. Он взял из пепельницы сигару, на-

половину превратившуюся в пепел, осторожно поднес ее к губам, затянулся и, не дождавшись возражений, продолжал:

— Мы уже отправили семь испытанных дивизий из района Средиземного моря, а также часть десантных судов для «Оверлорда». Если принять это во внимание и, кроме того, плохую погоду в Италии, то необходимо сказать, что мы немного разочарованы тем, что до сих пор не взяли Рим. Наша первая задача состоит в том, чтобы взять Рим, и мы полагаем, что в январе произойдет решительное сражение, и битва будет нами выиграна. Находящийся под руководством генерала Эйзенхауэра генерал Александер — командующий 15-й армейской группой — считает, что выиграть битву за Рим вполне возможно. При этом, может быть, удастся захватить и уничтожить более 11—12 дивизий врага. Мы не думаем продвигаться дальше в Ломбардию или же идти через Альпы в Германию. Мы предполагаем лишь продвинуться несколько севернее Рима до линии Пиза — Римини, после чего можно будет высадиться в Южной Франции и через Ла-Манш.

Обращаясь к советской делегации, Черчилль спросил:

— Представляют ли интерес для советского правительства наши действия в восточной части Средиземного моря, которые, возможно, вызвали бы некоторую отсрочку операции через Ла-Манш?

Не дожидаясь ответа, он поспешно добавил:

— В этом вопросе мы пока еще не имеем определенного решения и мы прибыли сюда, для того чтобы принять его...

— Имеется еще одна возможность, — вмешался Рузвельт. — Можно было бы произвести десант в районе северной части Адриатического моря, в то время как советские армии подошли бы к Одессе.

— Если мы возьмем Рим и блокируем Германию с юга, — продолжал английский премьер, — то мы дальше можем перейти к операциям в Западной и Южной Франции, а также оказывать помощь партизанским армиям. Можно было бы создать комиссию, которая смогла бы изучить этот вопрос и составить подробный документ.

Сталин, внимательно слушавший рассуждения Черчилля, попросил слова.

— У меня несколько вопросов, — сказал он. — Я понял, что имеется 35 дивизий для операций по вторжению в Северную Францию?

— Да, это правильно, — ответил Черчилль.

— До начала операций по вторжению в Северную Францию, — продолжал Сталин, — предполагается провести операцию на Итальянском театре для занятия Рима, после чего в Италии предполагается перейти к обороне?

Черчилль утвердительно кивнул.

Сталин продолжал задавать вопросы:

— Я понял, что, кроме того, предполагается еще три операции, одна из которых будет заключаться в высадке в районе Адриатического моря. Правильно я понимаю?

— Осуществление этих операций, может быть, будет полезно для русских, — сказал Черчилль. В его тоне звучало разочарование.

Затем он принялся разъяснять, что наибольшую проблему представляет вопрос о переброске необходимых сил. Операция «Оверлорд» начнется 35 дивизиями, потом количество войск должно увеличиваться за счет дивизий, которые будут перебрасываться из Соединенных Штатов, причем число их достигнет 50—60. Британские и американские воздушные силы, находящиеся в Англии, будут в ближайшие шесть месяцев удвоены и утроены. Кроме того, уже сейчас непрерывно проводится работа по накоплению сил в Англии.

Однако Сталин не дал себя сбить этими рассуждениями. Он снова спросил:

— Правильно ли я понял, что, кроме операции по овладению Римом, намечается провести еще одну операцию в районе Адриатического моря, а также операцию в южной части Франции?

Уклонившись от прямого ответа, английский представитель заметил, что в момент начала операции «Оверлорд» предполагается совершить атаку на юге Франции. Для этого могут быть высвобождены некоторые силы в Италии, но эта операция еще не выработана в деталях. Что касается планов высадки в районе Адриатики, то Черчилль вообще обошел этот вопрос.

Сталин пристально посмотрел на него и довольно мрачным тоном сказал:

— По-моему, было бы лучше, чтобы за базу всех операций в 1944 году была взята операция «Оверлорд». Если бы одновременно с этой операцией был предпринят десант в Южной Франции, то обе группы войск могли бы соединиться во Франции. Поэтому было бы хорошо, если

бы имели место две операции: операция «Оверлорд» и в качестве поддержки этой операции — высадка в Южной Франции. В то же время операция в районе Рима была бы отвлекающей. Осуществляя высадку во Франции с севера и с юга, при соединении этих сил можно было бы добиться их наращивания. Не следует забывать, что именно Франция является слабым местом Германии.

Поединок между Сталиным и Черчиллем продолжался. Лидер британских тори никак не хотел сложить оружия. Он вновь и вновь настаивал на своем, изображая дело так, будто, предлагая развернуть операции на юго-востоке Европы, он печется лишь о скорейшей победе над общим врагом.

— Я согласен, — заявил английский премьер,—с соображениями маршала Сталина относительно нежелательности того, чтобы силы распылялись. Но я боюсь, что в этот шестимесячный промежуток, во время которого мы могли бы взять Рим и подготовиться к большим операциям в Европе, наша армия останется в бездействии и не будет оказывать давления на врага. Я опасаюсь, что в таком случае парламент упрекнул бы меня в том, что я не оказываю никакой помощи русским...

Это был уже прямой вызов.

— Я думаю, — парировал Сталин, — что «Оверлорд» — это большая операция. Она была бы значительно облегчена и дала бы наверняка эффект, если бы имела поддержку с юга Франции. Я лично пошел бы на такую крайность: перешел бы к обороне в Италии, отказавшись от захвата Рима, и начал бы операцию в Южной Франции, оттянув силы немцев из Северной Франции. Месяца через два-три я начал бы операции на севере Франции. Этот план обеспечил бы успех операции «Оверлорд», причем обе армии могли бы встретиться и произошло бы наращивание сил.

Черчиллю такое предложение явно не понравилось. Он резко возразил, что мог бы привести еще больше всяких аргументов, но должен заметить, что союзники были бы слабее, если бы не взяли Рима. Предложив, чтобы весь этот вопрос обсудили военные специалисты, Черчилль решительно заявил, что борьба за Рим уже идет и что отказ от взятия Рима означал бы поражение. А это английское правительство никак не могло бы объяснить палате общин. «Оверлорд», в конце концов, можно осуществить и в августе.

Обстановка накалялась, и Рузвельт постарался ее смягчить.

— Мы могли бы, — сказал он, — осуществить в срок «Оверлорд», если бы не было операций в Средиземном море. Если же в Средиземном море будут операции, то это оттянет срок начала «Оверлорда». Я не хотел бы оттягивать эту операцию.

Черчилль сидел насупившись и отчаянно дымил сигарой. Несколько минут длилось молчание. Первым заговорил Сталин. Он вновь подчеркнул, что считает наиболее целесообразным высадку во Франции, причем одновременно или почти одновременно на севере и на юге. Опыт операций на советско-германском фронте, сказал он, показывает, что наибольший эффект дает удар по врагу с двух сторон, чтобы он вынужден был перебрасывать силы то в одном, то в другом направлении. Союзникам вполне можно было бы учесть этот опыт при высадке во Франции.

Трудно было возражать против этого, но Черчилль попрежнему не хотел уступать.

— Я полагаю, — сказал он, — что мы могли бы предпринять диверсионные акты независимо от вторжения в Южную и Северную Францию. Я лично считаю очень отрицательным фактом праздное пребывание нашей армии в районе Средиземного моря. Поэтому мы не можем гарантировать, что будет точно выдержана дата 1 мая, намеченная для начала «Оверлорда». Установление твердой даты было бы большой ошибкой. Я не могу пожертвовать операциями на Средиземном море только ради того, чтобы сохранить дату 1 мая. Конечно, мы должны прийти к определенному соглашению по этому поводу. Этот вопрос могли бы обсудить военные специалисты...

Отбросив маскировку, Черчилль таким образом дал понять, что намерен драться за осуществление своих планов в Средиземноморье и ради этого готов пойти на срыв уже согласованного в принципе срока начала операций в Северной Франции. Было видно, что дальнейшая дискуссия может на данной стадии лишь привести к нежелательному обострению и к взаимным резкостям.

— Хорошо, — сказал Сталин решительно. — Пусть обсудят военные специалисты. Правда, мы не думали, что будут рассматриваться чисто военные вопросы. Поэтому мы не взяли с собой представителей Генерального штаба. Но полагаю, маршал Ворошилов и я сможем это дело как-либо устроить...

В этот первый вечер в Тегеране я освободился очень поздно. Но усталости не чувствовалось, и я не спеша шел по аллеям парка к нашему особняку. Яркая луна пробивалась сквозь листву деревьев, воздух был пропитан ароматами осенних цветов, увядающих листьев, земли, водорослей, разросшихся в прудах. Подойдя к бассейну, сел на мраморную скамью, еще теплую от дневного солнца. Нервное напряжение, накопившееся за день, еще не улеглось, и я чувствовал, что уснуть не смогу.

Только сейчас ощутил я с особой силой значение всего того, свидетелем чего оказался. Пока переводил на переговорах, а потом приводил в порядок протокол и составлял проекты телеграмм в Москву, я был всецело поглощен работой и не вдумывался в то, что здесь, в столице Ирана, вдали от фронтов, происходит нечто важное для дальнейшего хода войны, для победы. Однако теперь я вдруг осознал, что на моих глазах как бы в концентрированном виде совершается процесс творения истории. В Тегеране, несомненно, происходили тогда события огромной исторической важности, события, значение которых выходило далеко за рамки текущего момента и которым суждено было наложить отпечаток на дальнейшее развитие мировых событий.

Противоречия между союзниками

*

Балканская авантюра Черчилля

В последующие годы Черчилль неоднократно пытался отрицать, что вместо операции «Оверлорд» он строил планы вторжения на континент в восточной части Средиземного моря, прежде всего на Балканах. Конечно, и с этим он не торопился. Его планы были связаны с намерением в соответствующий момент выйти наперерез Красной Армии, закрыв ей дальнейшее продвижение на запад.

Поскольку этот замысел провалился, Черчилль стал потом уверять, будто ничего подобного вообще не существовало. В своих мемуарах он по разным поводам возвращается к этой проблеме, говоря, будто его неправильно поняли. Он даже называет эти балканские планы «легендой». В частности, во втором томе своих мемуаров Черчилль пишет:

«Было много сомнительных сообщений о той линии, которую я проводил в полном согласии с британскими начальниками штабов на Тегеранской конференции. В Америке стало легендой, что я стремился предотвратить операцию через Ла-Манш под названием «Оверлорд» и что я тщетно пытался заманить союзников в какое-то массовое вторжение на Балканах или в широкую кампанию в восточной части Средиземного моря, которая самым эффективным образом сорвала бы операцию „Оверлорд"».

В действительности, как показывают переговоры в Тегеране, Черчилль проводил именно такую линию. Это и было его главной целью. Потерпев неудачу, он вынужден был согласиться на высадку в Нормандии.

Подлинный план Черчилля был вполне ясен и президенту Рузвельту. Его сын Эллиот, находившийся в те дни в Тегеране, вскоре после смерти отца опубликовал запись своей беседы с ним в иранской столице. Касаясь переговоров об открытии второго фронта в Европе, Рузвельт сказал сыну, что у Черчилля была особая позиция.

«Всякий раз, — пояснил Рузвельт, — когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные...

— Но он этого не сказал?

— Конечно, нет, — ответил Рузвельт. — А когда Дядя Джо (так Рузвельт называл Сталина) говорил о преимуществах вторжения на западе с военной точки зрения и о нецелесообразности распыления наших сил, он тоже все время имел в виду и политические последствия. Я в этом уверен, хотя он об этом не сказал ни слова...

Отец снова лег и замолчал...

— Я не думаю... — начал я нерешительно.

— Что?

— Я хочу сказать, что Черчилль... словом, он не...

— Ты думаешь, что он, быть может, прав? И, быть может, нам действительно было бы целесообразно нанести удар и на Балканах?

— Ну...

— Эллиот, наши начальники штабов убеждены в одном: чтобы истребить как можно больше немцев, потеряв

при этом возможно меньше американских солдат, надо подготовить одно крупное вторжение и ударить по немцам всеми имеющимися в нашем распоряжении силами. Мне это кажется разумным... Представителям Красной Армии это тоже кажется разумным. Так обстоит дело. Таков кратчайший путь к победе. Вот и все. На беду премьер-министр (Черчилль) слишком много думает о том, что будет после войны и в каком положении окажется тогда Англия. Он смертельно боится чрезмерного усиления русских. Может быть, русские и укрепят свои позиции в Европе, но будет ли это плохо, зависит от многих обстоятельств. Я уверен в одном: если путь к скорейшей победе ценой минимальных потерь со стороны американцев лежит на западе и только на западе и нам нет нужды напрасно жертвовать своими десантными судами, людьми и техникой для операций в районе Балкан, — а наши начальники штабов убеждены в этом, — то больше не о чем и говорить.

Отец хмуро улыбнулся.

— Я не вижу оснований рисковать жизнью американских солдат ради защиты реальных или воображаемых интересов Англии на европейском континенте. Мы ведем войну, и наша задача выиграть ее как можно скорее и без авантюр. Я думаю, я надеюсь, Черчилль понял, что наше мнение именно таково и что оно не изменится...»

Я позволил себе привести столь длинную выдержку по двум причинам. Во-первых, она поможет читателю лучше уяснить себе цели, которые преследовал Черчилль, настаивая на своей балканской авантюре. Во-вторых, она показывает, что Рузвельт прекрасно понимал подлинный смысл планов Черчилля. Из того, что американский президент говорил об этом своему сыну, причем в дни Тегеранской конференции, видно, что планы правящих кругов Англии расходились с задачами достижения скорейшей победы над общим врагом. По-видимому, Рузвельт действительно не одобрял эту линию Черчилля. Но следует иметь в виду, что в Вашингтоне были влиятельные круги, которые, так же как и Черчилль, не торопились с открытием второго фронта.

Совещание военных экспертов

Встреча военных представителей трех держав состоялась 29 ноября в 10 часов 30 минут утра. Американская делегация была представлена адмиралом Леги и генералом Маршаллом; от англичан присутствовали генерал Брук и главный маршал авиации Портал, советскую сторону представлял маршал Ворошилов.

Климент Ефремович предложил мне быть переводчиком на этом совещании, и я, запасшись блокнотом и карандашами, в начале одиннадцатого прогуливался по аллее, ведущей к главному зданию посольской усадьбы, где в комнате, примыкавшей к большому залу пленарных заседаний, должна была происходить встреча военных экспертов.

Аллея соединяла главное здание с особняком, в котором разместились советские делегаты, и я то и дело поглядывал туда — не идет ли Ворошилов. Погода была очень приятная, в воздухе еще сохранилась ночная свежесть, а солнце, пробиваясь веселыми зайчиками сквозь густую листву, играло на посыпанной желтым песком дорожке. Было мирно и тихо в этом уединенном месте встречи руководителей трех держав, многомиллионые армии которых где-то на далеких фронтах вели титаническую борьбу в грохоте взрывов, в дыму пожаров, среди бушующих валов необозримых морей и океанов.

Наконец открылась дверь особняка и оттуда вышли Сталин и Ворошилов. Сталин что-то говорил своему спутнику, а тот молча слушал и лишь время от времени кивал головой. Возможно, в этот момент Ворошилов получал последние указания насчет предстоящей встречи с англичанами и американцами, а может быть, речь шла и о чем-то совсем другом.

В это утро Сталин выглядел отлично. Бодрая походка и весь его облик говорили, что он полон энергии и решимости. Порой он улыбался, похлопывал Ворошилова по плечу.

Поровнявшись со мной, Сталин кивнул мне, отрывисто бросил Ворошилову:

— Желаю успеха!..

И свернул в боковую аллею.

Пока мы шли к главному зданию, Климент Ефремович спросил, справлюсь ли я с переводом и с записью беседы. Протокол, пояснил Ворошилов, надо составить особенно

тщательно: его будет читать Сталин. Я ответил, что постараюсь сделать все как надо. Ворошилов одобрительно улыбнулся и сказал:

— Между прочим, вы нравитесь товарищу Сталину, но он считает, что вы очень уж застенчивы. Советую вам быть понапористей, иначе далеко не уйдете. Сталин это любит, и сейчас в вашей судьбе многое зависит от вас...

Я пробормотал что-то невнятное, видимо, лишний раз подтвердив тем самым безнадежное отсутствие у меня «напористости». К тому же замечание Климента Ефремовича было неожиданным и привело меня в некоторое замешательство. Я ни разу не замечал, чтобы Сталин проявлял ко мне особое внимание. Он никогда со мной не говорил ни о чем не относящемся к моим непосредственным функциям переводчика, и мне казалось, что он вообще меня не замечает. Поэтому я никак не мог взять в толк, в чем же мне следует проявить «напористость». И действительно ли это пришлось бы ему по вкусу? Так или иначе никаких последствий этот разговор для меня не имел...

Мы прошли в комнату заседаний. Посреди стоял длинный стол, покрытый красным сукном. В центре его, как и в большом зале, на подставке были укреплены государственные флажки трех держав. По обе стороны стола — длинные ряды стульев. Когда мы вошли, американцы уже сидели на своих местах. Видимо, они успели побывать у жившего в этом же здании президента Рузвельта и из его апартаментов сразу же перешли сюда. Мы приветствовали друг друга, после чего начался традиционный обмен новостями с фронтов. Тем временем появились англичане. Можно было начинать совещание. Американцы и англичане разместились по одной стороне стола. Русские — по другой, напротив.

Открыл совещание адмирал Леги, который председательствовал на этом заседании. Леги предложил английскому генералу Бруку сделать сообщение о Средиземноморском театре военных действий.

Брук, как бы развивая вчерашний тезис Черчилля, заявил, что важнейшая задача англичан и американцев заключается в том, чтобы оказывать давление на врага везде, где это возможно. В то же время они стремятся задержать поток германских дивизий, который мог бы быть направлен немцами в Северную Францию, где их увеличение нежелательно. Конечно, сказал Брук, опера-

ция «Оверлорд» отвлечет большое количество германских дивизий, но она будет проведена только через шесть месяцев. За этот отрезок времени необходимо что-то сделать для отвлечения германских дивизий. Генерал Брук напомнил, что англичане имеют крупные силы в Средиземном море, которые они желают использовать как можно лучше. После этого общего замечания Брук обратился к генералу Маршаллу:

— Если я скажу что-либо, что не будет соответствовать мнению американцев, то прошу меня прервать.

Генерал Маршалл кивнул:

— Продолжайте, пожалуйста...

Разработанные англичанами и американцами планы, сказал генерал Брук, предусматривают активные действия на всех фронтах, в том числе и в районе Средиземного моря. Англичане имеют специальные десантные баржи, которые можно было бы использовать для операций в данном районе. Нужно только отложить «Оверлорд» на срок, который потребовался бы для использования этих судов в Средиземном море. Эти операции задержали бы германские войска, которые в противном случае были бы использованы немцами против операции «Оверлорд».

Рассмотрев далее различные варианты операций с целью отвлечения немецких сил в момент высадки союзников в Северной Франции, Брук стал говорить о сложностях операций, в которых приходится подбрасывать морем резервы то одной, то другой группировке. Поэтому, пояснил он, нелегко будет своевременно пополнить войсками любой вспомогательный десант. Но нужно сделать все, что возможно, чтобы немцы не могли усиливать свои войска до тех пор, пока высадившиеся силы союзников будут еще незначительны.

Выступивший вслед за Бруком американский генерал Маршалл начал с проблемы десантных судов, которая, по его словам, стоит весьма остро. Речь идет прежде всего о судах, способных перебрасывать танки и мотомехчасти. Именно таких судов недостает для успешного осуществления операций в Средиземном море, о которых говорил генерал Брук. Преимущество операции «Оверлорд» заключается в том, что тут речь идет о самой короткой дистанции, которую необходимо преодолеть в первоначальный момент. В дальнейшем предполагается перебрасывать войска во Францию непосредственно из Соединенных Штатов — в общем, примерно до 60 американских ди-

визий. Что касается действий в районе Средиземного моря, то тут еще не принято определенных решений, так как этот вопрос предполагалось обсудить в Тегеране.

Сейчас, продолжал Маршалл, вопрос заключается в том, что следует делать в ближайшие три, а в зависимости от этого — в ближайшие шесть месяцев. Предпринимать атаку в Южной Франции за два месяца до операции «Оверлорд» очень опасно. Но в то же время совершенно правильно, что операция в Южной Франции способствовала бы успеху «Оверлорда». Поэтому на юге Франции надо было бы высадиться за две-три недели до открытия второго фронта в Нормандии. Необходимо иметь в виду, что серьезным препятствием при осуществлении этих операций будут действия немцев, которые разрушат все порты. В течение длительного времени придется снабжать армии через открытое побережье. В заключение генерал Маршалл еще раз подчеркнул, что для американцев проблема не в недостатке войск и снабжения, а в недостатке десантных судов.

Таким образом, генерал Маршалл, хотя и не отверг английские планы высадки союзников в районе Средиземного моря, все же дал понять, что недостаток десантных средств приведет в случае осуществления этой операции к значительной затяжке «Оверлорда».

Ворошилов внимательно слушал рассуждения генералов Брука и Маршалла и воздержался от каких-либо замечаний. Он предложил, чтобы англичане и американцы сделали доклад о воздушных операциях. На эту тему выступил английский маршал авиации Портал. Отметив, что до настоящего времени основные налеты на Германию производились из Англии, Портал подчеркнул, что теперь такие налеты начинают осуществляться и из района Средиземного моря. Предупредив, что предстоит еще тяжелая борьба, он выразил убеждение, что англо-американский план уничтожения военно-воздушных сил немцев все же увенчается успехом. Немцы очень чувствительны к массированным налетам, особенно на Южную Германию, предпринимаемым из района Средиземного моря. Он, Портал, понимает, что советская авиация почти полностью занята поддержкой наземных операций в районе фронта, но было бы хорошо, если бы советское командование выделило некоторую часть авиации для бомбардировки Восточной Германии. Это оказало бы большое влияние на положение на всех остальных фронтах.

Адмирал Леги спросил, каково мнение маршала Ворошилова по поводу только что сделанных докладов.

— Прежде всего, — сказал Ворошилов, — я хотел бы задать два вопроса. Во-первых: что делается для того, чтобы разрешить проблему транспортных и десантных средств? Во-вторых: отдают ли приоритет операции «Оверлорд»? Из доклада генерала Маршалла следует, что американцы считают операцию «Оверлорд» основной. Но считает ли генерал Брук как глава британского генерального штаба эту операцию также главной? Не считает ли он, что эту операцию можно было бы заменить какой-либо другой в районе Средиземного моря или где-либо в ином месте?

Резкость постановки этих вопросов вызвала в зале некоторое замешательство. Генерал Брук стал перебирать лежавшие перед ним бумаги. Он, видимо, хотел уклониться от ответа. Слово взял генерал Маршалл.

— Что касается Соединенных Штатов, — сказал он, — то мы делали все, чтобы необходимые приготовления были закончены к моменту начала операции «Оверлорд». В частности, готовятся десантные баржи, каждая из которых сможет перевозить до 40 танков.

Когда генерал Маршалл заканчивал последнюю фразу, генерал Брук поднял вверх палец, давая понять, что хочет взять слово сразу же после американского представителя. Адмирал Леги кивнул в знак согласия.

— Прежде всего, — заявил Брук, — я хочу ответить на вопрос маршала Ворошилова о том, как рассматривают англичане операцию «Оверлорд». Англичане придают этой операции важное значение и считают ее существенной частью войны. Но для ее успеха должны существовать определенные предпосылки, которые не позволяли бы немцам использовать хорошие дороги Северной Франции для подбрасывания резервов...

Так и не дав прямого ответа на вопрос — считают ли англичане «Оверлорд» главной операцией, Брук принялся рассуждать о том, что вообще-то, как полагает британское командование, необходимые предпосылки для высадки через Ла-Манш должны существовать в 1944 году, и потому англичане готовятся осуществить эту операцию в течение будущего года. Но сложность заключается в десантных судах. Чтобы быть готовыми к 1 мая 1944 г., необходимо уже сейчас перебросить основную массу десантных судов из Средиземного моря, а это, подчеркнул Брук,

привело бы к приостановке операций в Италии в момент, когда англичане хотят постоянно удерживать в сражениях максимальное число германских дивизий. Такие сражения необходимы не только для того, чтобы оттягивать германские силы с русского фронта, но и для последующего успеха «Оверлорда». Вот и получается, что в настоящий момент нельзя все бросить на подготовку «Оверлорда». Следовательно, трудно сказать, когда удастся начать вторжение в Северную Францию.

В заключение генерал Брук указал на сложности создания временных плавучих портов. В этом отношении сейчас проводятся опыты, причем некоторые из них были не столь удачны, как это предполагалось, хотя в целом имеется некоторый успех. Так или иначе, успех или неуспех операции «Оверлорд» будет в значительной степени зависеть от наличия этих портов. Таким образом, генерал Брук в дополнение к уже и без того нагроможденным англичанами препятствиям выдвинул новую преграду к своевременному осуществлению «Оверлорда».

Разъяснения английского представителя не удовлетворили Ворошилова, и он повторил свой вопрос к генералу Бруку:

— Я хотел бы знать, считают ли англичане операцию «Оверлорд» главной операцией?

Английский генерал продолжал уклоняться от прямого ответа. Он сказал:

— Я ждал этого вопроса и должен заметить, что не желаю видеть неудачу операций как в Северной, так и в Южной Франции. Но при некоторых обстоятельствах эти операции обречены на неудачу...

Видя, что ему так и не удастся вытянуть из англичан определенного ответа, Ворошилов принялся излагать советскую точку зрения на эту проблему. Он напомнил сделанное на вчерашнем пленарном заседании конференции заявление главы советской делегации о том, что советский Генеральный штаб считает операции в районе Средиземного моря второстепенными и что было бы целесообразно осуществить лишь такие операции в Южной Франции, которые имели бы решающее значение для успеха «Оверлорда». Опыт войны и успехи англо-американских войск в Северной Африке, уже проведенные операции по высадке десантов в Италии, действия англо-американской авиации против Германии, степень организации войск Соединенных Штатов и Соединенного Коро-

левства, могучая техника Соединенных Штатов, морская мощь союзников и в особенности их господство в Средиземном море — все это, сказал Ворошилов, показывает, что при желании «Оверлорд» может быть успешно осуществлен. Необходима лишь воля.

Далее Ворошилов напомнил, что предложения советской стороны заключаются в том, чтобы операция через Ла-Манш была поддержана действиями союзных войск с юга Франции. С этой целью можно было бы перейти в Италии к обороне, а освободившимися силами произвести высадку в Южной Франции, с тем чтобы ударить по врагу с двух сторон. Эта высадка может быть осуществлена либо за два-три месяца, либо одновременно, либо даже немного позже операции «Оверлорд». Но она обязательно должна состояться.

— Мы рассматриваем операцию через Ла-Манш, — продолжал Ворошилов, — как операцию нелегкую. Мы понимаем, что эта операция труднее форсирования рек, но все же на основании нашего опыта по форсированию таких крупных рек, как Днепр, Десна, Сож, правый берег которых гористый и при этом хорошо был укреплен немцами, мы можем сказать, что операция через Ла-Манш, если она по-серьезному будет проводиться, окажется успешной. Немцы построили на правом берегу указанных рек современные железобетонные укрепления, установили там мощную артиллерию и могли обстреливать левый низкий берег на большую глубину, не давая возможности нашим войскам приблизиться к реке. Все же после концентрированного артиллерийского и минометного огня, после мощных ударов авиации нашим войскам удалось форсировать эти реки, и враг был разгромлен. Поэтому я уверен, что хорошо подготовленная, а главное, полностью обеспеченная сильной авиацией операция «Оверлорд» увенчается полным успехом. Союзная авиация должна обеспечить за собой, разумеется, полное господство в воздухе еще до начала действий наземных войск...

Генерал Брук, отвечая Ворошилову, в примирительном тоне заявил, что англичане и американцы рассматривают операции в Средиземном море как операции второстепенного значения. Но, поскольку в этом районе имеются крупные войска, операции там могут и должны быть проведены, для того чтобы помочь основной операции. Эти операции тесно связаны со всем ведением войны, и

в частности с успехом военных действий в Северной Франции.

Далее Брук перевел разговор на проблему форсирования водных рубежей. Он сказал, что англичане с большим интересом и восхищением следили за форсированием рек Красной Армией и считают, что русские достигли больших успехов в десантных операциях. Но операция через Ла-Манш требует специальных средств и нуждается в детальной разработке. Англичане и американцы изучают все необходимые детали уже в течение нескольких лет. Значительные трудности заключаются также в том, что берег во Франции пологий и что там имеются большие отмели. Поэтому во многих местах судам трудно подойти к самому берегу.

Генерал Маршалл также обратил внимание на сложности, связанные с высадкой в Северной Франции. Он не согласился с оптимистическим высказыванием Ворошилова по поводу десанта через Ла-Манш. Маршалл сказал, что обучался в свое время наземным операциям и форсированию рек. Но когда он столкнулся с десантными операциями через океан, ему пришлось полностью переучиваться. Если при форсировании реки поражение может означать лишь неудачу, то неудача при десанте через океан означает катастрофу.

Ворошилов возразил Маршаллу. По его мнению, в такой операции, как «Оверлорд», главное заключается в организации, планировании и продуманной тактике. Если тактика будет соответствовать поставленной задаче, даже неудача передовых частей будет только неудачей, а не катастрофой. Авиация должна завоевать господство в воздухе и разгромить артиллерию противника. После интенсивной артиллерийской подготовки посылаются лишь передовые части, а когда они закрепятся и успех обозначится, высаживаются основные части.

В итоге каждый так и остался при своем мнении. Но военные представители не смогли найти общий язык не только по вопросу о десантных операциях. Остался нерешенным и более важный вопрос — о сроке открытия второго фронта в Северной Франции.

Когда во второй половине дня собралось пленарное заседание делегаций трех держав, военные представители не могли доложить ничего утешительного.

Королевский меч — Сталинграду

Перед началом пленарного заседания конференции 29 ноября состоялась торжественная церемония, вылившаяся в демонстрацию единства союзников в борьбе против общего врага. Такая демонстрация была как нельзя кстати. Она несколько разрядила сгустившиеся над конференцией тучи и как бы напомнила о том, что перед антигитлеровской коалицией стоят еще очень большие и сложные задачи, которые могут быть решены лишь при условии общих, согласованных действий.

Вручение жителям Сталинграда от имени короля Георга VI и английского народа специально изготовленного меча было обставлено с подчеркнутой пышностью. Большой блестящий меч с двуручным эфесом и инкрустированными ножнами, выкованный опытнейшими потомственными оружейниками Англии, символизировал дань уважения героям Сталинграда — города, где был надломлен хребет фашистского зверя.

Зал заполнился задолго до начала церемонии. Здесь уже находились все члены делегаций, а также руководители армий, флотов и авиации держав — участниц антигитлеровской коалиции, когда появилась «большая тройка».

Сталин был в светло-сером кителе с маршальскими погонами. Черчилль на этот раз также явился в военной форме. С того дня своей формы английский премьер в Тегеране не снимал, и все считали, что это его своеобразная реакция на маршальскую одежду Сталина. Сначала Черчилль носил синий в полоску костюм, но, увидев Сталина в форме, он тут же затребовал себе серо-голубоватый мундир высшего офицера королевских военно-воздушных сил. Эта форма как раз подоспела к церемонии вручения меча. Рузвельт, как обычно, был в штатском.

Почетный караул состоял из офицеров Красной Армии и британских вооруженных сил. Оркестр исполнил советский и английский государственные гимны. Все стояли навытяжку. Оркестр смолк, и наступила торжественная тишина. Черчилль медленно приблизился к лежавшему на столе большому черному ящику и раскрыл его. Меч, спрятанный в ножнах, покоился на бордовой бархатной подушке. Черчилль взял его обеими руками и, держа на весу, сказал, обращаясь к Сталину:

— Его величество король Георг VI повелел мне вручить вам для передачи городу Сталинграду этот почетный меч, сделанный по эскизу, выбранному и одобренному его величеством. Этот почетный меч изготовлен английскими мастерами, предки которых на протяжении многих поколений занимались изготовлением мечей. На лезвии меча выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа».

Сделав несколько шагов вперед, Черчилль передал меч Сталину, позади которого стоял советский почетный караул с автоматами наперевес. Приняв меч, Сталин вынул клинок из ножен. Лезвие сверкнуло холодным блеском. Сталин поднес его к губам и поцеловал. Потом, держа меч в руках, тихо произнес:

— От имени граждан Сталинграда я хочу выразить свою глубокую признательность за подарок короля Георга VI. Граждане Сталинграда высоко оценят этот подарок, и я прошу вас, господин премьер-министр, передать их благодарность его величеству королю...

Наступила пауза. Сталин медленно обошел вокруг стола и, подойдя к Рузвельту, показал ему меч. Черчилль поддерживал ножны, а Рузвельт внимательно оглядел огромный клинок. Прочтя вслух сделанную на клинке надпись, президент сказал:

— Действительно, у граждан Сталинграда стальные сердца...

И он вернул меч Сталину, который подошел к столу, где лежал футляр, бережно уложил в него спрятанный в ножны меч и закрыл крышку. Затем он передал футляр Ворошилову, который в сопровождении почетного караула перенес меч в соседнюю комнату...

Все вышли фотографироваться на террасу. Было тепло и безветренно. Солнце освещало позолоченную осенью листву. Сталин и Черчилль остановились в центре террасы, куда подвезли в коляске и Рузвельта. Сюда же были принесены три кресла для «большой тройки». Позади кресел выстроились министры, маршалы, генералы, адмиралы, послы. Вокруг сновали фоторепортеры и кинооператоры, стараясь отыскать позицию получше. Потом свита отошла в сторону, и «большая тройка» осталась одна на фоне высоких дверей, которые вели с террасы в зал заседаний. Этот снимок стал историческим и обошел весь мир.

В поисках главнокомандующего

На заседании, начавшемся после церемонии вручения королевского меча Сталинграду, торжественно-приподнятое настроение быстро рассеялось. По-прежнему оставался нерешенным важнейший вопрос об открытии второго фронта в Европе. Обращаясь к английскому и американскому представителям, глава советской делегации спросил:

— Я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией «Оверлорд»?

— Этот вопрос еще не решен, — ответил Рузвельт.

— Тогда ничего не выйдет из операции «Оверлорд», — мрачно произнес Сталин, как бы рассуждая вслух. — Кто несет моральную и военную ответственность за подготовку и выполнение операции «Оверлорд»? Если это неизвестно, тогда операция «Оверлорд» является лишь разговором.

На противоположной стороне стола проскользнула какая-то тень неловкости. Воцарилось молчание. Потом Рузвельт сказал:

— Английский генерал Морган несет ответственность за подготовку операции «Оверлорд».

— А кто несет ответственность за проведение операции «Оверлорд»? — продолжал настаивать Сталин.

— Нам известны все лица, которые будут участвовать в осуществлении операции, — пояснил президент, — за исключением главнокомандующего этой операцией.

Это объяснение, конечно, не решало проблемы. Вопрос, поставленный советской делегацией, имел большое принципиальное значение. Ведь без командира, без ответственного военного руководителя не может быть осуществлена ни малая, ни крупная операция. Тем более невозможно без главнокомандующего планировать и осуществить такую операцию, как высадка огромной массы войск, оснащенных тяжелой боевой техникой, через Ла-Манш.

Поэтому постановка вопроса о главнокомандующем вскрыла всю несостоятельность позиции англичан и американцев.

— Может случиться, — продолжал Сталин все тем же мрачным тоном, — что генерал Морган сочтет операцию подготовленной, но после назначения командующего, который будет отвечать за осуществление этой операции,

окажется, что командующий сочтет операцию не подготовленной. Должно быть одно лицо, которое отвечало бы как за подготовку, так и за проведение операции.

— Генералу Моргану, — возразил Черчилль, — поручены предварительные приготовления.

— Кто поручил это генералу Моргану? — быстро спросил Сталин.

Черчилль ответил, что несколько месяцев назад такое поручение генерал Морган получил от англо-американского Объединенного штаба с согласия президента Рузвельта и его, Черчилля. Генералу Моргану было поручено вести подготовку «Оверлорда» совместно с американскими и английскими штабами, однако главнокомандующий еще не назначен. Британское правительство выразило готовность поставить свои силы под командование американского главнокомандующего в операции «Оверлорд», так как Соединенные Штаты несут ответственность за концентрацию и пополнение войск и имеют тут численное превосходство. Вопрос о назначении главнокомандующего, продолжал Черчилль, нельзя решить на таком обширном заседании, как сегодняшнее. Этот вопрос следует обсудить трем главам правительств между собой, в узком кругу. Пока Черчилль говорил, Рузвельт что-то написал на листке бумаги и переслал ее английскому премьеру. Тот быстро пробежал текст и сказал:

— Как мне сейчас передал президент,— и я тоже это подтверждаю, — решение вопроса о назначении главнокомандующего будет зависеть от переговоров, которые мы ведем здесь...

— Я хочу, чтобы меня правильно поняли, — пояснил Сталин. — Русские не претендуют на участие в назначении главнокомандующего, но русские хотели бы знать, кто будет командующим. Мы хотели бы, чтобы он был поскорее назначен и чтобы он отвечал как за подготовку, так и за проведение операции «Оверлорд».

— Я вполне согласен с тем, что сказал маршал Сталин, — воскликнул Черчилль. Его явно приободрило, что советская сторона не претендует на участие в обсуждении этого вопроса. — Я думаю, что президент согласится со мной в том, что через две недели мы назначим главнокомандующего и сообщим его фамилию.

Проблема главнокомандующего «Оверлордом» была снова затронута в беседе, которую на следующий день

Сталин имел с Черчиллем. Признавая, что это назначение имеет жизненную важность, британский премьер сказал, что до августа существовало мнение, согласно которому главнокомандующим «Оверлордом» должен быть английский офицер. Однако на недавней встрече Рузвельта и Черчилля в Квебеке президент внес другое предложение: «Оверлордом» должен командовать американский офицер, а операциями в Средиземном море — английский. Британское правительство согласилось с этим, поскольку даже в самом начале операции «Оверлорд» американцы будут иметь численное превосходство, которое с течением времени должно возрастать.

— Означает ли это, что в Средиземном море вместо Эйзенхауэра будет назначен английский командующий? — спросил Сталин.

Черчилль ответил утвердительно и добавил, что, как только американцы назначат своего командующего, он, Черчилль, назначит британского командующего в районе Средиземного моря.

— Задержка в назначении американского командующего, — многозначительно добавил британский премьер, — связана с внутренними соображениями и имеет отношение к некоторым высокопоставленным лицам в Соединенных Штатах...

Объяснения Черчилля содержали только половину правды. Ибо проблема назначения главнокомандующего вызвала разногласия не только среди вашингтонских политиков, но и еще больше между англичанами и американцами. Дело в том, что к лету 1943 года в Вашингтоне стало складываться мнение о необходимости объединить операции в Средиземном море и в Северной Франции под одним командованием, а именно — американским. Тогда же была намечена кандидатура командующего всеми операциями. Им должен был стать американский генерал Джордж Маршалл, занимавший пост начальника штаба армии Соединенных Штатов. Но вокруг этой кандидатуры и возникли расхождения. Влиятельные военные круги, а также некоторые видные деятели конгресса США считали, что в Вашингтоне трудно найти замену такому опытному в военном и политическом отношении деятелю, как генерал Маршалл. Эти круги соглашались на его перевод в Европу лишь в том случае, если будет найдена какая-то формула, которая позволит сохранить за Маршаллом и его вашингтонский пост.

С другой стороны, президент Рузвельт и его ближайшее окружение полагали, что только в случае выдвижения генерала Маршалла на пост главнокомандующего можно рассчитывать на согласие англичан объединить под его единоличным командованием оба театра военных действий — Средиземноморский и Западноевропейский. Рузвельт считал это тем более важным, поскольку к тому времени весьма четко проявилась тенденция Черчилля развернуть широкие военные действия прежде всего в восточной части Средиземного моря. Внутриполитические сложности, возникшие в этой связи, привели к тому, что на протяжении осенних месяцев 1943 года вопрос о кандидатуре главнокомандующего так и оставался нерешенным.

Но все дело усугублялось также тем, что британское правительство решительно сопротивлялось созданию общего командования под эгидой американцев. Правда, Лондон поддерживал идею назначения Маршалла, но лишь главнокомандующим «Оверлорда». В итоге кандидатура главнокомандующего не была окончательно согласована и после того, как в Квебеке американская идея о совместном командовании окончательно отпала и было решено поставить англо-американские силы, действующие в Средиземноморье, под английское командование.

Уступив в этом вопросе Лондону, американцы показали, что они готовы смотреть сквозь пальцы на планы Черчилля в восточной части Средиземного моря. Смысл этих планов ясен: во-первых, затянуть войну действиями на второстепенных направлениях, во-вторых, установить английский контроль над Балканами и над всем югом Европы, где в то время широко распространилось партизанское движение, носившее не только антифашистский, но и антиимпериалистический характер.

Все эти интриги не имели, разумеется, ничего общего ни с задачей скорейшего окончания войны, ни с оказанием действенной помощи Советскому Союзу.

В Тегеране имя главнокомандующего «Оверлордом» так и не было названо. Правда, спустя четыре дня после окончания конференции руководителей трех держав, 5 декабря 1943 г. Рузвельт назначил верховным командующим англо-американскими войсками, участвующими в операции «Оверлорд», генерала Эйзенхауэра.

Участники конференции вновь и вновь возвращались к теме «Оверлорда», но это не приближало их ни на шаг к главному вопросу — о сроках и очередности вторжения в Северную Францию. Между тем Черчилль не оставлял своих попыток заменить «Оверлорд» какой-то другой операцией — в Средиземном море или на Балканах. На одном из пленарных заседаний он вновь заявил, что в Средиземноморье англичане располагают значительной армией и хотят, чтобы эта армия вела активную борьбу там в течение всего года, а не находилась в бездействии. Поэтому, заявил Черчилль, он просит, чтобы русские рассмотрели всю эту проблему и различные альтернативы, которые англичане предлагают в отношении наилучшего использования имеющихся вооруженных сил в районе Средиземного моря. Британский премьер выдвинул ряд вопросов, которые, по его мнению, необходимо детально изучить.

Во-первых, какую помощь можно будет оказать операции «Оверлорд», используя войска, находящиеся в Средиземноморье? Англичане хотели бы иметь там достаточное количество десантных судов для переброски двух дивизий. При этом можно было бы ускорить продвижение англо-американских войск вдоль Апеннинского полуострова для уничтожения войск противника. Имеется и другая возможность использования этих сил. Их было бы достаточно для захвата острова Родос в том случае, если бы Турция вступила в войну. Третья возможность использования этих сил заключается в том, что они, за вычетом потерь, могли бы быть использованы через шесть месяцев в Южной Франции для поддержки операции «Оверлорд». Ни одна из указанных возможностей не исключена, но возникает вопрос о сроке. Использование этих двух дивизий, независимо от того, какими из трех перечисленных операций они будут заняты, не может быть осуществлено без отсрочки операции «Оверлорд» или отвлечения части десантных средств из района Индийского океана.

— В этом состоит наша дилемма, — патетически воскликнул Черчилль, вздымая руки к небу. — Чтобы решить, какой путь нам избрать, мы хотим услышать точку зрения маршала Сталина по поводу общего стратегического положения, так как военный опыт наших русских

союзников приводит нас в восхищение и воодушевляет нас...

Но есть и еще одна проблема, продолжал глава британской делегации, которая носит скорее политический, нежели военный характер. Речь идет о Балканах. Там находятся 21 германская дивизия и, помимо того, гарнизонные войска. Из этого количества 54 тысячи немецких солдат сконцентрированы на Эгейских островах. На Балканах имеется также не менее 12 болгарских дивизий.

Указав на значение вражеских сил, расположенных на Балканах, Черчилль принялся уверять, что Англия не имеет на Балканах ни интересов, ни честолюбивых устремлений. Она лишь хочет сковать 21 германскую дивизию на Балканах и, по мере возможности, уничтожить их.

— Мы стремимся дружно работать с нашими русскими союзниками, — заверил Черчилль.

Эти заверения звучали не очень убедительно. В ответ на них советский представитель вновь заявил, что из военных проблем основным и решающим вопросом следует считать операцию «Оверлорд».

— Конечно, — продолжал Сталин, — русские нуждаются в помощи. И если речь идет о помощи нам, то мы ожидаем помощи от тех, кто должен выполнять намеченные операции, и мы ожидаем действенной помощи.

Прежде всего, подчеркнул он, необходимо, чтобы срок операции «Оверлорд» не был отложен, чтобы май оставался предельным временем для осуществления этой операции. Следует также предусмотреть поддержку «Оверлорда» десантом на юге Франции. По мнению русской делегации, лучше было бы решить все эти вопросы в ходе Тегеранской конференции, и советская сторона не видит причин, по которым это не могло бы быть сделано.

Рузвельт, внимательно слушавший Сталина, сказал, что он придает большое значение срокам и, если имеется общее согласие на операцию «Оверлорд», следует договориться о дате ее проведения. По мнению Рузвельта, можно принять один из двух вариантов: либо провести «Оверлорд» в течение первой недели мая, либо несколько отложить эту операцию. Отсрочка «Оверлорда» могла бы быть вызвана одной-двумя операциями в Средиземном море, которые потребовали бы десантных средств и самолетов. Если осуществить экспедицию в восточной части Средиземного моря и если при этом не будет успе-

ха, то придется перебросить туда дополнительные материалы и войска. Тогда «Оверлорд» не удастся осуществить в срок. Поэтому, продолжал американский президент, наши штабы должны разработать планы операций на Балканах таким образом, чтобы операции там не нанесли ущерба «Оверлорду».

— Правильно, — поддержал президента Сталин и добавил: — Если возможно, то хорошо было бы осуществить операцию «Оверлорд» в пределах мая, скажем, 10—15—20 мая.

— Я не могу дать такого обязательства, — отпарировал Черчилль.

Сталин пожал плечами, давая понять, что считает в этих условиях трудным продолжать разговор. Его явно раздражала уклончивая позиция британского премьера. Но он держал себя в руках и спокойным тоном учителя, который старается втолковать суть вопроса непонятливому ученику, сказал:

— Если осуществить «Оверлорд» в августе, как об этом говорил Черчилль вчера, то из-за неблагоприятной погоды в этот период ничего путного не выйдет. Апрель и май являются наиболее подходящими месяцами для «Оверлорда».

Известно, что Сталин был порой раздражительным и нетерпимым. Малейшее возражение могло вызвать у него весьма бурную реакцию. Однако на протяжении работы Тегеранской конференции он хорошо владел собой. Даже в самые острые моменты он был выдержан, корректен. И это выгодно отличало его от Черчилля, который часто срывался, проявлял нервозность, а иногда и вовсе не мог держать себя в руках.

Спокойный тон Сталина возымел свое действие.

— Мне кажется, — примирительно сказал Черчилль, — что мы не расходимся во взглядах настолько, насколько это может показаться. Я готов сделать все, что во власти британского правительства, чтобы осуществить операцию «Оверлорд» в возможно ближайший срок. Но я не думаю, что те многие возможности, которые имеются в Средиземном море, должны быть немилосердно отвергнуты как не имеющие значения из-за того, что использование их задержит «Оверлорд» на два-три месяца. По нашему мнению, многочисленные британские войска не должны находиться в бездействии в течение шести месяцев. Они должны вести бои с врагом, и с помощью аме-

риканских союзников мы надеемся уничтожить немецкие дивизии в Италии. Мы не можем оставаться пассивными в Италии, ибо это испортит всю нашу кампанию там. Мы должны оказывать помощь нашим русским друзьям...

Таким образом, Черчилль снова вернулся к своему тезису о развертывании операций в Средиземноморье и к тому же изобразил дело так, будто это и есть наилучшая помощь Советскому Союзу. Сталин саркастически заметил:

— По Черчиллю выходит, что русские требуют от англичан, чтобы они бездействовали...

Черчилль сделал вид, что не замечает иронии, и принялся снова рассуждать о том, что необходимо сковать возможно большее количество германских дивизий в Италии и на Балканах и что пассивность на фронте в Италии позволит немцам снова перебросить свои дивизии во Францию в ущерб «Оверлорду». Англичане, уверял Черчилль, всегда готовы обсудить все подробности с союзниками, но дело в количестве десантных средств. Если эти десантные средства будут оставлены в районе Средиземного моря или в Индийском океане в ущерб «Оверлорду», тогда не может быть гарантирован успех «Оверлорда» и операции в Южной Франции.

— Для операций в Южной Франции потребуется большое количество десантных средств, и это надо учесть, — многозначительно закончил свою речь британский премьер.

В этих условиях предложение провести дальнейшее обсуждение в комиссии военных экспертов выглядело как уловка, рассчитанная на то, чтобы вообще похоронить это дело. Ведь все понимали: время, которое главы трех держав могут уделить Тегеранской конференции, весьма ограничено.

Поэтому, когда Рузвельт снова предложил поручить военной комиссии обсудить оставшиеся неразрешенными вопросы, Сталин решительно возразил:

— Не нужно никакой военной комиссии. Мы можем решить все вопросы здесь, на совещании. Мы должны решить вопрос о дате, о главнокомандующем и вопрос о необходимости вспомогательной операции в Южной Франции.

Советский представитель добавил, что русские ограничены сроком пребывания в Тегеране. Можно еще пробыть 1 декабря, но 2 декабря советская делегация дол-

жна уехать. Ведь заранее было договорено, что конференция продлится от трех до четырех дней.

Рузвельт все же продолжал настаивать на передаче всех вопросов в военную комиссию, но Сталин не соглашался. Он пояснил, что русские хотят знать дату начала операции «Оверлорд», чтобы подготовить свой удар по немцам.

Черчилль поддержал предложение президента о военной комиссии.

— Что касается определения срока операции «Оверлорд», — заметил он, — то если будет решено провести расследование стратегических вопросов в военной комиссии...

Сталин резко перебил Черчилля:

— Мы не требуем никакого расследования...

Рузвельт, чувствуя, что атмосфера накаляется, поспешил вмешаться.

— Нам всем известно, — заметил он, — что разногласия между нами и англичанами небольшие. Я возражаю против отсрочки операции «Оверлорд», в то время как Черчилль больше подчеркивает важность операций в Средиземном море. Военная комиссия могла бы разобраться в этих вопросах.

— Мы можем решить эти вопросы сами, — настойчиво повторил Сталин, — ибо мы больше имеем прав, чем военная комиссия. Если можно задать вопрос, то я хотел бы спросить англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд» или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских.

Черчилль закусил удила.

— Если, — сказал он уклончиво, — будут налицо условия, которые были указаны на Московской конференции, то я твердо убежден в том, что мы будем обязаны перебросить все наши возможные силы против немцев, когда начнется осуществление операции «Оверлорд»...

Условия, на которые ссылался Черчилль, были определены на Московской конференции трех держав, состоявшейся незадолго до тегеранской встречи. Они определяли, в каком случае высадка через Ла-Манш может быть успешной: во Франции к моменту вторжения должно находиться не более 12 германских мобильных дивизий, в течение 60 дней немцы не должны иметь возможности перебросить во Францию для пополнения своих войск более 15 дивизий.

Напоминая об этих условиях, Черчилль дал понять, что при определенных обстоятельствах операция «Оверлорд» вообще может оказаться под вопросом. В итоге после долгих дебатов проблема «Оверлорда» снова оказалась в тупике. Казалось, что продолжать переговоры вообще бессмысленно.

Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал:

— Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте...

Черчилль заерзал в кресле, покраснел и невнятно пробурчал, что его «не так поняли».

Чтобы как-то разрядить атмосферу, Рузвельт примирительным тоном сказал:

— Мы очень голодны сейчас. Поэтому я предложил бы прервать наше заседание, чтобы присутствовать на обеде, которым нас сегодня угощает маршал Сталин...

Лосось для президента

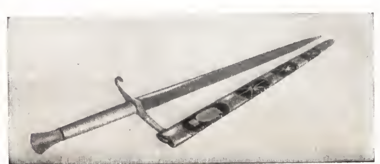
Стол на девять персон был накрыт в небольшой гостиной, примыкавшей к залу заседаний. На белой скатерти ярким пятном выделялись миниатюрные флажки трех держав. Между приборами были свободно разбросаны красные гвоздики. Когда я вошел в гостиную, там, кроме официантов, еще никого не было. Обойдя стол, проверил, как разложены карточки с именами участников обеда. Напротив Сталина должен был занять место президент Соединенных Штатов. На его фужере лежала карточка из белого картона с надписью: «Франклин Делано РУЗВЕЛЬТ» на русском и английском языках. Справа от Сталина должен был сидеть Черчилль, слева — я в качестве переводчика. Напротив меня, по правую руку президента — Молотов. Слева от президента — Чарльз Болен. По правую руку Черчилля — майор Бирз. На остальных местах — Гарри Гопкинс и Антони Иден. У каждого прибора лежала карточка с меню, которое также было напечатано на русском и английском языках. Набор блюд был обычным для такого случая. Разнообразная закуска, бульон, бифштекс, пломбир, кофе. Из напитков — сухое кавказское вино, минеральная вода, лимонад и «Советское шампанское». Когда все собрались, но еще не сели за стол, официант принес на подносе рюм-

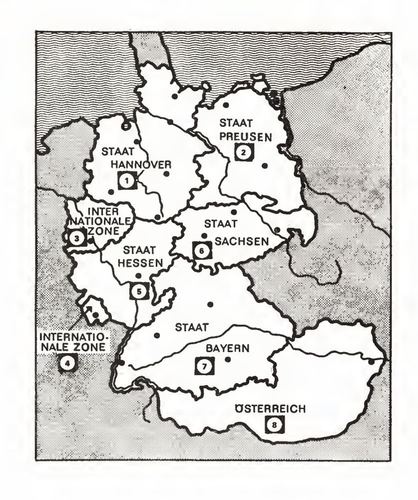
Здание советского посольства
В Тегеране во время конференции трех.

$^{1}/_{2}7$—868

Церемония вручения
королевского меча Сталинграду.

Почетный меч.





Американский план
расчленения Германии:
1 — Ганновер; 2 — Пруссия;
3, 4 — международные зоны;
5 — Гессен; 6 — Саксония;
7 — Бавария;
8 — Австрия.

Сталин, Рузвельт и Черчилль на Тегеранской конференции.

ки с водкой, коньяком, вермутом. Сталин произнес короткий приветственный тост.

Высоко оценив кавказские вина, Рузвельт сказал, что в Калифорнии недавно начали производить сухие вина и что виноделие в южной части Тихоокеанского побережья США быстро развивается. Было бы неплохо испробовать там некоторые кавказские сорта, заметил президент. Сталин поддержал эту идею. Он на память приводил цифры производства по каждому сорту кавказского вина, подробно говорил об особенности почв в различных районах Грузии, рассказал об экспериментах с «Хванчкарой», которую, несмотря на все усилия, не удается получить в других районах, поскольку климатические и почвенные условия, где произрастает соответствующий сорт винограда, совершенно исключительны.

Черчилль сказал, что ему лично больше нравится коньяк и что у него есть много интересных соображений насчет импорта в Англию армянских марок. Рузвельт, как выяснилось, предпочитает более легкие напитки. Ему особенно нравится «Советское шампанское». Не согласится ли Советский Союз, спросил президент, экспортировать это чудесное вино в Соединенные Штаты. Сталин ответил утвердительно. По его словам, мощности заводов шампанских вин в Советском Союзе уже сейчас превышают спрос внутреннего рынка, а после войны производство шампанского можно будет значительно увеличить, что позволит в больших количествах экспортировать его за границу, в том числе и в Соединенные Штаты.

Обед проходил в непринужденной обстановке. Но для меня лично он начался не очень удачно. Обычно перед официальным обедом я забегал перекусить в служебную столовую. По опыту знал, что на приемах происходит оживленный обмен репликами, которые требуют точного и быстрого перевода. К тому же, если разговор заходит на серьезную тему, надо успеть его запротоколировать. Переводчику в этих условиях нечего и думать о том, чтобы поесть за таким столом, хотя, разумеется, официант кладет и ему на тарелку то, что полагается по меню. Как правило, все это уносят нетронутым.

На этот раз пленарное заседание затянулось, и до обеда, на который Сталин пригласил своих партнеров по переговорам, оставалось всего несколько минут. Мне же надо было составить краткую запись только что закончившейся беседы. Таково было твердое правило, которое

неукоснительно соблюдалось. Словом, я не успел забежать в столовую.

Когда все разместились за столом, начался оживленный разговор. Закуску унесли, подали и унесли бульон с пирожком: я к ним не притронулся, так как все время переводил и поспешно делал пометки в блокноте. Наконец, подали бифштекс, и тут я не выдержал: воспользовавшись небольшой паузой, отрезал изрядный кусок и быстро сунул в рот. Но именно в этот момент Черчилль обратился к Сталину с каким-то вопросом. Немедленно должен был последовать перевод, но я сидел с набитым ртом и молчал. Воцарилась неловкая тишина. Сталин вопросительно посмотрел на меня. Покраснев, как рак, я все еще не мог выговорить ни слова и тщетно пытался справиться с бифштексом. Вид у меня был самый дурацкий. Все уставились на меня, отчего я еще больше смутился. Послышались смешки, потом громкий хохот.

Каждый профессиональный переводчик знает, что я допустил грубую ошибку — ведь мне была поручена важная работа и я должен был нести ответственность за свою оплошность. Я сам это прекрасно понимал, но надеялся, что все обернется шуткой. Однако Сталина моя оплошность сильно обозлила. Сверкнув глазами, он наклонился ко мне и процедил сквозь зубы:

— Тоже еще, нашел где обедать! Ваше дело переводить, работать. Подумаешь, набил себе полный рот, безобразие!..

Сделав над собой усилие, я проглотил неразжеванный кусок и скороговоркой перевел то, что сказал Черчилль. Я, разумеется, больше ни к чему не прикоснулся, да у меня и аппетит пропал...

Во время этого обеда много внимания уделялось темам гастрономическим. Рузвельт интересовался особенностями кавказской кухни, и в этой области Сталин, естественно, проявил себя тонким знатоком. Напомнив, что во время прошлого завтрака Рузвельту особенно понравилась лососина, Сталин сказал:

— Я распорядился, чтобы сюда доставили одну рыбку, и хочу вам ее теперь презентовать, господин президент.

— Это чудесно, — воскликнул Рузвельт, — очень тронут вашим вниманием. Мне даже неловко, что, похвалив лососину, я невольно причинил вам беспокойство...

— Никакого беспокойства, — возразил Сталин. — Напротив, мне было приятно сделать это для вас.

Обращаясь ко мне, он сказал:

— Пойдите в соседнюю комнату, скажите, пусть принесут сюда рыбу, которую сегодня доставили самолетом.

Выполнив поручение, я вернулся к столу. Рузвельт в это время говорил о том, что после войны откроются широкие возможности для развития экономических отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

— Конечно, — продолжал президент, — война нанесла России огромные разрушения. Вам, маршал Сталин, предстоят большие восстановительные работы. И тут Соединенные Штаты с их экономическим потенциалом могут оказать вашей стране существенную помощь. Полагаю, мы могли бы предоставить Советскому Союзу после нашей совместной победы над державами оси кредит в несколько миллиардов долларов. Разумеется, это еще только общая наметка. Все это нужно обсудить в соответствующих сферах, но в общем и целом подобная перспектива мне представляется вполне реальной.

— Очень признателен вам за это предложение, господин президент, — сказал Сталин. — Наш народ терпит большие лишения. Вам трудно себе представить разрушения на территории, где побывал враг. Ущерб, причиненный войной, огромен, и мы, естественно, приветствуем помощь такой богатой страны, как Соединенные Штаты, если, конечно, она будет сопровождаться приемлемыми условиями.

— Я уверен, что нам удастся договориться. Во всяком случае, я лично позабочусь об этом, — ответил Рузвельт.

В этот момент в комнату вошел офицер охраны и спросил, можно ли внести посылку. Получив согласие, он исчез за дверью, а Сталин сказал:

— Сейчас принесут рыбку.

Все повернулись в сторону двери, из которой через несколько мгновений появились четыре рослых парня в военной форме. Они несли рыбину метра в два длиной и полметра в диаметре. Процессию замыкали два повара-филиппинца и работник американской службы безопасности. Чудо-рыбину поднесли поближе к Рузвельту, и он несколько минут любовался ею. Тем временем американский детектив попросил меня узнать у его советских коллег, какой обработке подверглась рыба, в ка-

ких условиях и как долго можно ее хранить, не подвергая риску здоровье президента. Записав все в блокнот, детектив удалился. За ним последовала и вся процессия с лососем, хвост которого, покачиваясь в такт шагам, как бы махнул нам на прощанье.

Когда все перешли в соседнюю комнату, где подали кофе, Черчилль вернулся к утренней церемонии вручения меча Георга VI Сталинграду. Он высказал мысль, что этот акт британского монарха символизирует рожденную в боях англо-советскую дружбу.

— Сам Сталинград, — заявил далее Черчилль, — стал символом мужества, стойкости русского народа и вместе с тем символом величайшего человеческого страдания. Этот символ сохранится в веках. Надо, чтобы будущие поколения могли воочию увидеть и почувствовать все величие одержанной у Волги победы и все ужасы бушевавшей там истребительной войны. Хорошо бы оставить нетронутыми страшные руины этого легендарного города, а рядом построить новый, современный город. Развалины Сталинграда, подобно развалинам Карфагена, навсегда остались бы своеобразным памятником человеческой стойкости и страданий. Они привлекали бы паломников со всех концов земли и служили бы предупреждением грядущим поколениям...

Рузвельту понравилась идея Черчилля, и он согласился, что было бы неплохо сохранить развалины Сталинграда в назидание потомкам, хотя, добавил он, это, разумеется, прежде всего дело русских.

Взоры всех устремились на Сталина. Насупившись, он медленно потягивал кофе из маленькой чашечки. Потом, неторопливым движением поставив чашку на столик, взял лежавшую тут же коробку «Герцеговины флор», закурил, затянулся, выпустив тонкую струйку дыма, сказал:

— Не думаю, чтобы развалины Сталинграда следовало оставить в виде музея. Город будет снова отстроен. Может быть, мы сохраним нетронутой какую-то часть его: квартал или несколько зданий как памятник Великой Отечественной войне. Весь же город, подобно Фениксу, возродится из пепла, и это уже само по себе будет памятником победе жизни над смертью...

Вскоре Рузвельт, сославшись на усталость, отправился на свою половину. За ним последовали и другие американцы. После их ухода остались Сталин, Молотов,

Черчилль, Иден и мы с майором Бирзом как переводчики. Продолжали пить кофе, курили сигары, которыми угощал Черчилль. Вновь обсуждали перспективы войны, прикидывали приблизительно сроки, в которые можно будет заставить Гитлера безоговорочно капитулировать. Черчилль заметил, что он уверен в скорой победе союзников, и добавил:

— Я полагаю, что бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы он стал нашим верным союзником...

Сталин поднял голову, с хитрецой посмотрел на Черчилля, сказал:

— Ну, а дьявол, разумеется, на моей стороне. Потому что, конечно же, каждый знает, что дьявол — коммунист. А бог, несомненно, добропорядочный консерватор...

Британский премьер оправдывается...

На следующий день вскоре после двенадцати состоялась встреча Черчилля и Сталина. Первым взял слово Черчилль. Напомнив о своем полуамериканском происхождении, он заявил, что относится с большой любовью к американцам. Поэтому не следует понимать то, что он собирается сейчас сказать, как попытку унизить американцев. Но есть некоторые вещи, которые лучше говорить один на один. Во-первых, следует иметь в виду, что численность британских вооруженных сил в Средиземном море значительно превышает численность находящихся там американских сил. Соотношение составляет примерно один к трем или четырем. Отсюда особая заинтересованность английского правительства в том, чтобы огромная британская армия в Средиземноморье не оставалась в бездействии.

— В настоящее время,— продолжал Черчилль,— положение таково, что приходится делать выбор между датой операции «Оверлорд» и операциями в Средиземном море. Но это не все. Американцы хотят, чтобы англичане предприняли десантную операцию в Бенгальском заливе в марте будущего года.

Так Черчилль раскрыл смысл своего вчерашнего неожиданного упоминания о каких-то десантных операциях в районе Индийского океана. Получалось, что именно они теперь становятся препятствием к своевре-

менному проведению «Оверлорда». Черчилль сказал далее, что относится «не особенно положительно» к операции в Бенгальском заливе. Конечно, дело обстояло бы по-иному, если бы имелось достаточно десантных средств как для этой операции, так и для действий в Средиземном море. Тогда можно было бы осуществить то, что хочет он, Черчилль, и то, на чем настаивают американцы, сохранив при этом сроки «Оверлорда». В нынешней же ситуации, убеждал Черчилль, речь идет не столько о выборе между операциями в Средиземном море и «Оверлордом», сколько о выборе между десантом в Бенгальском заливе и датой высадки в Северной Франции.

Черчилль заявил, что решил все это рассказать, с тем чтобы маршалу Сталину стал ясным смысл спора, происходившего вчера в присутствии американцев.

— Маршал Сталин, возможно, думает,— говорил британский премьер,— что я уделяю недостаточное внимание операции «Оверлорд». Это неверно. Все дело в проблеме десантных судов и в позиции американцев, которые слишком много внимания концентрируют на операциях в Индийском океане...

Внимательно выслушав Черчилля, Сталин не стал вдаваться в подробности его объяснений, но предупредил британского премьера о серьезных последствиях, к которым может привести дальнейшая задержка с началом операции «Оверлорд».

— Должен сказать,— заметил Сталин,— что Красная Армия рассчитывает на осуществление десанта в Северной Франции. Боюсь, что если этой операции в мае не будет, то ее не будет вообще, так как через несколько месяцев погода испортится и высадившиеся войска нельзя будет снабжать в должной мере. Если же эта операция не состоится, то должен предупредить, что это вызовет большое разочарование и плохие настроения. Отсутствие этой операции может вызвать очень нехорошее чувство одиночества. Поэтому мы хотим знать, состоится ли операция «Оверлорд» или нет. Если она состоится, то это хорошо. Если же не состоится, то я должен знать об этом заранее, для того чтобы воспрепятствовать настроениям, которые может вызвать отсутствие этой операции. Это — наиболее важный вопрос.

Несмотря на всю серьезность сделанного ему таким образом предупреждения, британский премьер и на

этот раз уклонился от прямого ответа. Он вновь ограничился замечанием, что операция состоится лишь при условии, если враг не сможет иметь больше определенного числа войск к моменту высадки англичан и американцев.

— Я не боюсь самой высадки,— заявил Черчилль,— но боюсь того, что произойдет через тридцать-сорок дней.

На это Сталин ответил, что, как только будет осуществлен десант в Северной Франции, Красная Армия, в свою очередь, перейдет в наступление. Если бы было известно, что высадка состоится в мае или июне, то русские могли бы подготовить не один, а несколько ударов по врагу. Пока же положение таково, что немцы перебрасывают свои войска на Восточный фронт, и они будут продолжать их перебрасывать, пока для них не возникнет серьезной угрозы на западе.

— Немцы очень боятся нашего продвижения к германским границам,— продолжал Сталин.— Они понимают, что их не отделяет от нас ни Ла-Манш, ни море. С востока имеется возможность подойти к Германии. В то же время немцы знают, что на западе их защищает Ла-Манш, затем нужно пройти территорию Франции, для того чтобы подойти к Германии. Немцы не решатся перебрасывать свои войска на запад, в особенности, если Красная Армия будет наступать, а она будет наступать, если получит помощь со стороны союзников в виде операции «Оверлорд».

В этих словах явно звучал намек на то, что англичанам и американцам, даже в случае успешной высадки, предстоит еще очень много сделать, прежде чем они подойдут к территории Германии, тогда как советские войска могут вступить на германскую территорию первыми, если союзники будут слишком мешкать.

На Черчилля это произвело заметное впечатление, и, когда Сталин вновь спросил, не может ли премьер-министр все же назвать дату начала операции «Оверлорд», тот решил больше не уклоняться и серьезным тоном сказал, что ответ будет дан во время завтрака с президентом, на который оба они должны отправиться несколько позже.

Нацистский шпион в британском посольстве

*

Тегеранские решения и «Цицерон»

Когда руководители трех держав собрались за завтраком, сразу стало заметно приподнятое настроение Рузвельта. На его лице сверкала улыбка, весь он был какой-то праздничный. Обращаясь к присутствующим, он с подчеркнутой торжественностью заявил:

— Господа, я намерен сообщить маршалу Сталину приятную для него новость. Дело в том, что сегодня объединенные штабы с участием британского премьера и американского президента приняли следующее предложение: «Операция «Оверлорд» намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Сила этой вспомогательной операции будет зависеть от количества десантных средств, которые будут иметься в наличии к тому времени».

Советские представители внешне спокойно восприняли это заявление. Но мне кажется, что внутренне каждый из нас испытывал глубокое волнение: ответ, которого так упорно добивалась советская делегация, был наконец получен. И хотя до реализации этого обязательства оставалось еще много времени, казалось, что уже сам факт его получения снимает часть огромного бремени, лежавшего на нашем народе, вольет новые силы в борцов против фашизма. Меня охватило чувство приподнятости, к горлу подкатил клубок, и я едва сдержался, чтобы не захлопать в ладоши. Волнение Сталина выдавали только его необычная бледность и голос, ставший еще более глухим, когда он, немного наклонив голову, произнес:

— Я удовлетворен этим решением...

Несколько минут все молчали. Потом Черчилль сказал, что точная дата начала операции будет, очевидно, зависеть от фазы луны. Сталин заметил, что он, разумеется, не требует, чтобы ему была названа точная дата, и что для маневра, конечно, будут необходимы одна-две недели в пределах мая. Он сказал:

— Я хочу заявить Черчиллю и Рузвельту, что к моменту начала десантных операций во Франции русские подготовят сильный удар по немцам.

Рузвельт поблагодарил Сталина за такое решение, отметив, что это не позволило бы немцам перебрасывать свои войска на запад.

Так закончилось обсуждение на Тегеранской конференции проблемы открытия второго фронта в Северной Франции.

Данные тогда англичанами и американцами обязательства были, как известно, еще раз пересмотрены в сторону оттяжки: операция «Оверлорд» началась не в мае, а 6 июня 1944 г. Возможно, что ее отложили бы на еще более дальний срок, если бы не успешные действия советских войск, которые теснили гитлеровцев все дальше на запад и уже приближались к территории Германии. Англичане и американцы боялись опоздать и потому осуществили наконец вторжение.

Со своей стороны советское командование приурочило к операции «Оверлорд» крупное наступление Красной Армии на германские позиции. 6 июня 1944 г., сразу же по получении из Лондона сообщения об успехе начала операции «Оверлорд», Сталин направил Черчиллю и Рузвельту идентичные телеграммы, в которых говорилось: «Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июля на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развертываться этапами путем последовательного ввода армий в наступательные операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск...»

Советский Союз полностью выполнил свое обязательство перед союзниками...

После того как вопрос об «Оверлорде» был решен, участники конференции уделили значительное внимание проблеме сохранения в строгой тайне достигнутой договоренности. Черчилль заметил, что так или иначе противнику в скором времени должно стать известно о приготовлениях союзников, поскольку он это сможет обнаружить по большому скоплению железнодорожных составов, по активности в портах и т. д.

Черчилль предложил, чтобы военные штабы союзников подумали над тем, как замаскировать эти приготовления и ввести неприятеля в заблуждение.

В этой связи Сталин поделился опытом советской стороны. Он рассказал, что мы в таких случаях обма-

ываем противника, строя макеты танков, самолетов, создавая ложные аэродромы. Затем при помощи тракторов эти макеты приводятся в движение, а разведка противника доносит своему командованию об этих передвижениях, и немцы думают, что именно в этом месте готовится удар. В ряде мест создается до пяти-восьми тысяч макетов танков, до двух тысяч макетов самолетов, большое количество ложных аэродромов. Кроме того, противника обманывают при помощи радио. В тех районах, где не предполагается наступление, производится перекличка между радиостанциями. Ее засекает противник, и у него создается впечатление, что здесь находятся крупные войсковые соединения. Самолеты противника иной раз день и ночь бомбят эти местности, которые в действительности совершенно пусты. В то же время там, где действительно готовится наступление, царит полное спокойствие. Все перевозки производятся ночью.

Выслушав эти объяснения, Черчилль высокопарно заявил:

— В военное время правда столь драгоценна, что ее должны оберегать телохранители из лжи.

Потом более деловым тоном добавил:

— Во всяком случае, будут приняты меры, для того чтобы ввести врага в заблуждение...

Участники конференции договорились о том, что круг лиц, знающих о принятых в Тегеране решениях, должен быть, по возможности, ограничен, что будут проведены дополнительные мероприятия с целью исключить возможность утечки информации.

С советской стороны такие меры были приняты. Нам даже предложили не диктовать содержание последней беседы, как обычно, а сделать от руки запись о точных сроках вторжения и о других решениях, с тем чтобы потом оформить протоколы в Москве. В целях предосторожности мы должны были сдать в диппочту наши рукописные записи тегеранских решений. Они были упакованы в специальные толстые черные конверты и брезентовые мешки, опечатаны множеством сургучных печатей, и их доставили в Москву вооруженные дипкурьеры. Надо полагать, аналогичные меры были приняты англичанами и американцами. Но все же сохранить в тайне от врага важнейшие решения Тегеранской конференции не удалось.

Как стало известно уже после войны, Антони Иден, вернувшись из Тегерана в Лондон, подробно информировал о решениях конференции британского посла в Анкаре сэра Нэтчбэлл-Хьюджессена. В зашифрованных телеграммах содержались сведения не только о переговорах, касавшихся Турции, что было бы естественно, но и информация по другим важным вопросам, включая и сроки «Оверлорда». Вся эта информация попала через германского платного агента Эльяса Базна — камердинера сэра Хью — к гитлеровцам. Базна, получивший из-за обилия важных материалов, которые он поставил гитлеровской секретной службе СС, кличку «Цицерон», регулярно фотографировал и передавал резиденту СС в Анкаре Мойзишу секретные депеши, поступавшие к британскому послу. А сэр Хью проявлял поразительную беспечность, нередко оставляя черный чемоданчик с документами в своей спальне без всякого присмотра. Таким образом, секретные телеграммы легко попадали в руки «Цицерона».

В мемуарах, вышедших в 1950 году, Мойзиш рассказывает, как однажды, проведя в фотолаборатории над проявлением полученных от «Цицерона» пленок целую ночь, он обнаружил, что в его руках находятся протоколы Каирской и Тегеранской конференций. Вспоминает об этом в своей книге, опубликованной несколько позже, и Э. Базна. Он пишет, что из документов, сфотографированных им для немцев, можно было «распознать намерения англичан, американцев и русских».

Занимавший во время войны пост германского посла в Турции фон Папен писал:

«Информация «Цицерона» была весьма ценной по двум причинам. Резюме решений, принятых на Тегеранской конференции, были направлены английскому послу. Это раскрыло намерения союзников, касающиеся политического статуса Германии после ее поражения, и показало нам, каковы были разногласия между ними. Но еще большая важность его информации состояла прежде всего в том, что он представил в наше распоряжение точные сведения об оперативных планах противника».

Впрочем, судя по всему, нацистские главари не использовали в полной мере эту бесценную информацию. С одной стороны, они продолжали сомневаться: не подкинуты ли им эти документы англичанами в целях дез-

информации. С другой,— понимая значение информации, полученной от «Цицерона», они боялись расширять круг лиц, знавших о ней, из опасения раскрыть источник. Поэтому руководство вермахта, по-видимому, никак не использовало эти документы в своих оперативных разработках, а возможно, и вообще не знало о них. Так или иначе, осуществленное на рассвете 6 июня 1944 г. англо-американское вторжение в Нормандии было для немецкого командования полной неожиданностью.

Не обогатился на этой операции и сам «Цицерон»: 300 тысяч фунтов стерлингов, которыми с ним расплатились гитлеровцы, оказались фальшивыми.

После того как вышли мемуары Мойзиша, в английском парламенте был сделан запрос относительно утечки к немцам во время войны совершенно секретной информации из британского посольства в Анкаре. Вот что содержится в протокольной записи о заседании палаты общин от 18 октября 1950 г.:

«Мистер Шеперд обратился к министру иностранных дел с запросом по поводу сообщений о том, что совершенно секретные документы, включая документы, касающиеся операции «Оверлорд», были украдены из нашего посольства в Турции и переданы немцам. Мистер Шеперд спросил, было ли проведено расследование, каковы его результаты и какие меры приняты для того, чтобы предотвратить повторение подобных случаев.

Министр иностранных дел Бевин ответил, что никакие документы фактически не были украдены во время войны из посольства его величества. Но следствие по делу показало, что камердинер посла сфотографировал в посольстве несколько секретных документов особой важности и продал пленку немцам. Он не смог бы сделать этого, если бы посол соблюдал существующие правила хранения секретных документов. После этого случая всем тем, кого это касалось, были направлены новые инструкции и приняты прочие меры с целью предотвратить повторение подобных случаев.

Мистер Шеперд заметил, что заявление, опубликованное в книге Мойзиша по этому вопросу, вызвало большое беспокойство в нашем обществе. И если планы, касающиеся операции «Оверлорд», фактически не были украдены, то почему в таком случае министерство иностранных дел не опубликовало опровержения этого заявления?

Мистер Бевин снова подчеркнул, что документы не были украдены. Их сфотографировали, а это в конечном итоге одно и то же».

Таким образом, факт получения гитлеровцами сверхсекретных документов, в том числе и важнейших решений Тегеранской конференции, был официально подтвержден Лондоном.

Проблема Турции

Вопрос о том, как побудить Турцию вступить в войну на стороне союзников, был поднят Черчиллем на первом же пленарном заседании Тегеранской конференции 28 ноября.

По мнению британского премьера, вступление Турции в войну позволило бы открыть коммуникации через Дарданеллы и Босфор и направить снабжение в Советский Союз через Черное море. Можно было бы также использовать турецкие аэродромы для борьбы против общего врага.

— До настоящего времени,— продолжал Черчилль,— англичане и американцы смогли отправить в северные порты России лишь четыре конвоя. Мешает то, что нет достаточного количества военных кораблей, чтобы эскортировать эти караваны грузовых судов с военными материалами. Но в случае открытия пути через Черное море можно будет регулярно осуществлять поставки в южные русские порты. Мы думаем выделить не более двух-трех дивизий для операций в районе Турции в случае вступления ее в войну, не считая военно-воздушных сил, которые мы также выделяем при этом...

Сталин в этот момент прервал Черчилля и заметил, что конвои, о которых идет речь, пришли без потерь, не встретив на своем пути врага.

Черчилль пропустил мимо ушей это замечание и выдвинул ряд вопросов, которые, по его мнению, следует рассмотреть в связи с проблемой Турции:

— Каким образом мы сможем заставить Турцию вступить в войну? Что она должна делать? Должна ли она напасть на Болгарию и объявить войну Германии? Должна ли она предпринять наступательные операции или же она должна продвигаться во Фракию? Какова была бы позиция русских в отношении болгар, которые

все еще помнят, что Россия освободила их от турок? Какое влияние оказало бы это на румын, которые уже сейчас ищут путей для выхода из войны? Как это повлияло бы на Венгрию? Не будет ли результатом всего этого то, что среди многих стран произойдут большие политические перемены?

Обрушив на присутствовавших эти вопросы, Черчилль сделал многозначительную паузу, обвел всех взглядом, пожевал губами и закончил свое выступление так:

— Все это — вопросы, по которым наши русские друзья имеют, конечно, свою точку зрения.

После этого обсуждались некоторые другие проблемы, а к Турции вернулись несколько позже, когда Сталин, в свою очередь, спросил Черчилля:

— Если Турция вступит в войну, то что предполагается предпринять в этом случае?

— Я могу сказать,— ответил Черчилль,— что не более двух или трех дивизий потребовалось бы для того, чтобы занять острова вдоль западного побережья Турции. Тогда суда с поставками могли бы идти в Турцию и в Черное море. Но первое, что мы сделаем,— отправим туркам 20 эскадрилий и несколько полков противовоздушной обороны. Это не принесет ущерба другим операциям.

Выслушав это объяснение, глава Советского правительства высказал сомнение насчет перспектив привлечения Турции на сторону союзников.

— Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее ни оказывали,— сказал Сталин.— Это мое мнение.

— Мы понимаем это так,— уточнил Черчилль,— что Советское правительство весьма заинтересовано в том, чтобы заставить Турцию вступить в войну. Конечно, нам, может быть, не удастся заставить ее сделать это, но мы должны предпринять все возможное в этом отношении.

— Да, мы должны попытаться заставить Турцию вступить в войну,— согласился Сталин.— Было бы хорошо, если бы Турция вступила в войну.

Британский премьер спросил, не следует ли передать вопрос о Турции на рассмотрение военных специалистов? Сталин возразил:

— Это и политический и военный вопрос,— сказал он.— Турция является союзницей Великобритании и на-

ходится в дружественных отношениях с Советским Союзом и Соединенными Штатами. Надо, чтобы Турция больше не вела игры с нами и Германией.

После этого слово взял Рузвельт, который до того не высказывал позиции США в отношении проблемы Турции.

— Конечно,— сказал он,— я за то, чтобы заставить Турцию вступить в войну, но будь я на месте турецкого президента, я запросил бы за это такую цену, что ее можно было бы оплатить, лишь нанеся ущерб операции «Оверлорд».

Сталин на это заметил, что надо все же попытаться заставить Турцию воевать, поскольку у нее много дивизий, которые бездействуют.

На состоявшемся 29 ноября и описанном ранее совещании военных экспертов вопрос о Турции был также затронут. Английский генерал Брук, докладывая о военной ситуации, как она представлялась англичанам и американцам, отметил, что даже если отбросить политические соображения, то с чисто военной точки зрения вступление Турции в войну было бы очень желательным и дало бы союзникам большие преимущества. Это открыло бы морские коммуникации через Дарданеллы и имело бы большое значение в смысле возможного выхода из войны Румынии и Болгарии. Кроме того, англичане и американцы могли бы установить контакт с Советским Союзом через Черное море и осуществлять этим путем поставки в Россию. Наконец, создание в Турции авиабаз союзников дало бы возможность осуществлять налеты на важные объекты немцев, в частности на необходимые немцам нефтяные источники Румынии.

Сокращение маршрута при перевозке грузов через Черное море высвободило бы часть тоннажа. Для открытия пути в Черное море достаточно было бы захватить несколько островов вдоль турецкого побережья, начиная с острова Родос. Это, по мнению Брука, не будет трудной операцией и не повлечет за собой использование больших сил. Далее британский генерал пояснил, что в Средиземном море англичане имеют специальные десантные баржи, которые можно было бы использовать для этих операций. В соответствии с основной линией, занятой Черчиллем, Брук подчеркнул, что для осуществления этого плана нужно было бы только отложить операцию «Оверлорд».

Видя, что советская сторона проявила заинтересованность в скорейшем вступлении Турции в войну, англичане попытались обусловить решение и этого вопроса оттяжкой вторжения в Северную Францию. Естественно, что советский представитель на совещании военных экспертов маршал Ворошилов решительно выступил против такого варианта.

На втором пленарном заседании участники конференции вновь вернулись к вопросу о Турции. Черчилль сказал, что Англия, являясь союзницей Турции, берет на себя ответственность за то, чтобы убедить или заставить Анкару вступить в войну еще до рождества.

— Если президент,— продолжал Черчилль,— пожелает к нам присоединиться или захочет взять на себя руководящую роль, то для нас, англичан, это будет приемлемо. Но мы будем нуждаться и в помощи со стороны маршала Сталина. От имени британского правительства я могу сказать, что оно готово предупредить Турцию о том, что, если она не примет предложения о вступлении в войну, это может иметь серьезные последствия для Турции и отразиться на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл.

Английский премьер напомнил, что ранее он поставил несколько вопросов, являющихся главным образом политическими. В частности, он хотел бы знать, что думает советское правительство по поводу Болгарии? Расположено ли оно, в случае если Турция объявит войну Германии, а Болгария нападет на Турцию, заявить болгарам, что оно будет считать их страну своим врагом? Это, по мнению Черчилля, оказало бы огромное воздействие на Болгарию.

Английский премьер предложил, чтобы британский и советский министры иностранных дел, а также представитель президента Соединенных Штатов изучили этот и другие политические вопросы и представили рекомендации, как заставить Турцию вступить в войну и каковы могут быть результаты этого.

Впрочем, Черчилль тут же добавил, что эти результаты представляются ему громадными, если не решающими. Объявление Турцией войны Германии будет сильным ударом. Если умело воспользоваться ситуацией, то это должно также нейтрализовать Болгарию. Что касается других балканских государств, продолжал Черчилль, то Румыния уже сейчас ищет страну, перед ко-

торой она могла бы капитулировать, а Венгрия в смятении.

— Словом,— заключил Черчилль,— союзникам пора приступать к жатве.

Рассуждая далее о перспективах вступления Турции в войну, Черчилль отметил, что, если Анкара на это решится, нужно будет прежде всего воспользоваться турецкими авиабазами в Анатолии и захватить остров Родос. Для этой операции будет достаточно одной штурмовой дивизии. Получив Родос и турецкие базы, можно будет изгнать немецкие гарнизоны с других островов Эгейского моря и открыть путь через Дарданеллы.

— Если Турция не вступит в войну,— сказал Черчилль,— то мы не будем горевать об этом, а я не буду просить о выделении войск для захвата Родоса и островов Эгейского моря. Но в этом случае не станет горевать и Германия, так как она будет по-прежнему господствовать в данном районе. Я предлагаю основательно обсудить этот вопрос. Мы потерпим большую неудачу, если Турция не вступит в войну. Кроме того, я хочу, чтобы войска и самолеты, действующие в Египте, были бы как можно быстрее использованы в случае вступления Турции в войну.

Соображения, высказанные британским премьером, не вызвали особой дискуссии и были приняты к сведению.

К турецкой теме вернулись только в последний день конференции, 1 декабря, во время завтрака, в котором приняли участие главы делегаций и их помощники.

Когда все сели за стол и обменялись несколькими замечаниями общего характера, Гарри Гопкинс сказал, что хотел бы высказать кое-какие мысли по поводу турецкой проблемы. Вопрос о приглашении Турции вступить в войну, заметил он, связан с вопросом о том, какую поддержку Турция может получить от Великобритании и Соединенных Штатов. Кроме того, необходимо координировать вступление Турции в войну с общей стратегией союзников.

— Другими словами,— вмешался Рузвельт,— Иненю спросит нас, поддержим ли мы Турцию. Я думаю, что этот вопрос необходимо разобрать.

Советский представитель напомнил, что Черчилль обещал предоставить для помощи Турции 20—30 эскадрилий и две-три дивизии.

Английский премьер, который на одном из предыдущих заседаний действительно говорил о выделении двух-трех дивизий в случае вступления в войну Турции, теперь почему-то стал отказываться.

— Мы не давали согласия в отношении двух-трех дивизий,— возразил он.— У нас в Египте имеется 17 эскадрилий, которые не используются в настоящее время англо-американским командованием. Эти эскадрильи в случае вступления Турции в войну послужили бы целям ее обороны. Кроме того, Англия дала согласие на предоставление Турции трех полков противовоздушной обороны. Вот все, что было обещано Турции англичанами. Англичане не обещали Турции войск. У турок имеется 50 дивизий, они хорошие бойцы, но у них нет современного вооружения. Что касается двух-трех дивизий, о которых говорит маршал Сталин, то британское правительство выделило эти дивизии для овладения Эгейскими островами в случае вступления Турции в войну, а не для помощи Турции.

Черчилль замолчал и стал шарить в кармане жилета. Достав сигару, он аккуратно обрезал ее и приготовился закурить, когда Рузвельт обратился к нему со словами:

— Не правда ли, операция против Родоса потребует большого количества десантных средств?

— Эта операция потребует десантных средств не больше того количества, которое находится в Средиземном море,— ответил британский премьер.

— Мое затруднение состоит в том,— продолжал Рузвельт,— что американский штаб еще не изучил вопроса о количестве десантных судов, необходимых для операции в Италии, подготовки «Оверлорда» в Англии и действий в Индийском океане. Поэтому я должен быть осторожен в отношении обещаний Турции. Я боюсь, как бы эти обещания не помешали выполнению нашего вчерашнего соглашения, — многозначительно заключил Рузвельт, имея в виду согласованное накануне решение о сроках высадки в Северной и Южной Франции.

Видя, что дальнейшее обсуждение проблемы Турции может привести к новым нежелательным спорам вокруг «Оверлорда», а возможно, и к попыткам снова пересмотреть дату его осуществления, Сталин предложил прекратить дискуссию.

— Я думаю, что с этим вопросом покончено,— сказал он.

Однако Черчилль то ли не расслышал, то ли не захотел расслышать это предложение и вновь пустился в рассуждения насчет британских обещаний Турции. Он заявил, что Англия не предлагала ничего такого, чего она не могла бы дать.

— Может быть, американцы добавят что-нибудь к этому количеству? — спросил Черчилль.— Мы обещали предоставить туркам части ПВО, но мы не обещали им никаких войск, так как у нас их нет. Что касается десантных средств, то они потребуются в марте, но я полагаю, что мы можем их найти в период между занятием Рима и началом «Оверлорда».

— Я хочу посоветоваться с военными,— сказал Рузвельт.— Я надеюсь, что Черчилль прав, но мои советники говорят, что возможны трудности в использовании десантных судов в период между занятием Рима и началом «Оверлорда». Они полагают, что совершенно необходимо иметь к 1 апреля десантные суда, которые будут использованы в операции «Оверлорд».

— А я не вижу затруднений,— отпарировал Черчилль.— Но мы пока никаких предложений Турции не делали, и я не знаю, примет ли их Иненю. Он должен быть в Каире и познакомиться там с положением дел. Я могу предоставить туркам 20 эскадрилий. Никаких войск я туркам не дам. Кроме того, я думаю, что войска им и не требуются. Однако все дело в том, что я не уверен, приедет ли Иненю в Каир.

— Не захворает ли Иненю? — спросил иронически Сталин.

— Легко может захворать,— подхватил Черчилль.— Если Иненю не согласится поехать в Каир для встречи со мной и президентом, то я готов поехать к нему на крейсере в Адану. Иненю приедет туда, и я нарисую ему неприятную картину, которая предстанет перед турками, если они не согласятся вступить в войну, и приятную картину в противоположном случае. Я сообщу вам потом о результатах своих бесед с Иненю.

В разговор вновь вмешался Гопкинс. Он сказал, что, поскольку вопрос о поддержке Турции в войне не обсуждался американскими военными, вряд ли целесообразно приглашать Иненю в Каир, пока военные не изучили этот вопрос.

— Следовательно,— перебил его Сталин,— Гопкинс предлагает не приглашать Иненю?

— Я не предлагаю не приглашать Иненю,— возразил Гопкинс,— но подчеркиваю, что предварительно было бы полезно получить сведения о той помощи, которую мы можем оказать туркам.

Черчилль поддержал Гопкинса, заявив, что союзники должны договориться о возможной помощи туркам. На это Рузвельт заметил, что он согласен с предложением Черчилля о предоставлении для целей обороны Турции 20 эскадрилий, а также некоторого количества бомбардировщиков.

— Мы предлагаем Турции,— повторил Черчилль,— ограниченное прикрытие с воздуха и ПВО. Сейчас зима, и вторжение немцев в Турцию невероятно. Мы предполагаем продолжить снабжение Турции вооружением. Турция получает главным образом американское вооружение. Но главное в том, что в настоящее время мы можем предложить Турции неоценимую возможность принять приглашение Советского правительства участвовать в мирной конференции.

На вопрос советского представителя о том, какого вооружения не хватает Турции, английский премьер ответил, что у турок имеются винтовки, неплохая артиллерия, но у них нет противотанковой артиллерии, нет авиации и нет танков. Мы, продолжал Черчилль, организовали в Турции военные школы, но турки их плохо посещают. У них нет опыта в обращении с радиоаппаратурой. Но турки — хорошие бойцы.

— Вполне возможно, что если турки дадут аэродромы союзникам,— как бы размышляя вслух, сказал Сталин,— то Болгария не нападет на Турцию, а немцы будут ждать нападения Турции. Турция не нападет на немцев, а будет с ними находиться просто в состоянии войны. Но зато союзники получат от Турции аэродромы и порты. Если бы события приняли такой оборот, то это было бы тоже неплохо.

— Я говорил туркам,— вставил Иден,— что они могут предоставить авиабазы союзникам не воюя, ибо Германия не нападет на Турцию. Мой турецкий коллега Нуман Менеменджиоглу не хотел согласиться с моей точкой зрения. Он сказал, что Германия будет решительно реагировать и что Турция предпочла бы вступить в войну по своей доброй воле, а не быть в нее втянутой.

— Это правильно,— сказал Черчилль.— Когда вы просите Турцию растянуть свой нейтралитет путем пре-

доставления нам авиабаз, то турки отвечают, что предпочитают серьезную войну, когда же вы говорите туркам о вступлении в серьезную войну, они отвечают, что у них нет для этого вооружения. Если турки ответят нам на наше предложение отрицательно, то мы должны изложить им серьезные соображения. Мы должны им сказать, что они не будут в этом случае участвовать в мирной конференции. Что касается Англии, то мы скажем, что нас не интересуют дела турок. Кроме того, мы прекратим снабжение Турции вооружением.

— Я хочу,— заметил Иден,— уточнить требования, которые мы должны предъявить Турции в Каире. Я понимаю, что мы должны требовать от турок вступления в войну против Германии.

— Именно против Германии,— подтвердил Сталин, делая характерный жест указательным пальцем правой руки...

Турецкий вопрос еще раз вскользь упоминался на дневном пленарном заседании конференции за круглым столом. Черчилль внес предложение о переброске в Черное море нескольких британских подводных лодок в помощь советскому морскому флоту. При этом он заметил, что если Турция побоится вступить в войну, но согласится растянуть свой нейтралитет, то, может быть, она позволит пропустить несколько подводных лодок через Босфор и Дарданеллы в Черное море, а также корабли для снабжения этих лодок. Одновременно Черчилль подчеркнул, что Англия не имеет в Черном море ни интересов, ни притязаний.

Сталин довольно сухо ответил, что советская сторона будет благодарна за всякую помощь, но от углубления в эту тему уклонился. Желая закончить дискуссию, он спросил:

— Вопрос исчерпан?

— Да,— ответил Черчилль.

Больше никто не отозвался, и конференция перешла к другой теме.

На этом обсуждение турецкой проблемы закончилось.

Через несколько дней турецкий президент Исмет Иненю прилетел в Каир. 4—6 декабря там происходили беседы между ним, Черчиллем и Рузвельтом. Встреча эта не дала практических результатов. Турция продолжала уклоняться от вступления в войну против нацист-

ской Германии и воздерживалась от любых шагов, которые могли бы вызвать неудовольствие Гитлера. Только тогда, когда победа антигитлеровской коалиции отчетливо определилась, в Анкаре решили, что пора действовать.

2 августа 1944 г., то есть спустя почти два месяца после открытия второго фронта в Северной Франции, турецкое правительство заявило о разрыве дипломатических и экономических отношений с Германией. Любопытно, что все это время англичане и американцы, несмотря на данное Черчиллем в Тегеране обязательство прекратить всякие дела с Турцией, если она откажется вступить в войну, продолжали снабжать ее оружием. Были все основания полагать, что Черчилль, который все еще рассчитывал опередить Красную Армию на Балканах, в действительности не очень был заинтересован в «преждевременном» вступлении Турции в войну. Он полагал, что ее миллионная армия сможет пригодиться ему позднее для операций на Балканах.

Но этим планам не суждено было свершиться. Советские войска быстро продвигались на запад, и турецкие политики стали опасаться, что могут прийти к шапочному разбору. 23 февраля 1945 г. Турция наконец объявила войну Германии и Японии. К тому времени уже были освобождены Болгария, Румыния, Югославия, и фронт отодвинулся от турецких границ на тысячу километров. Турецкой армии уже негде было войти в соприкосновение с врагом на Европейском театре. Тем более ничего не стоило Турции объявить войну Японии.

Бывший в то время министром иностранных дел Турции Хасан Сака, мотивируя в меджлисе решение своего правительства о вступлении в войну, откровенно заявил, что, как его известил английский посол, объявление Турцией войны до 1 марта 1945 г. позволит турецкому правительству участвовать в Сан-Франциско в первой конференции Объединенных наций.

Именинный пирог

На торжественный прием, устроенный вечером 30 ноября в английском посольстве по случаю дня рождения Черчилля — ему в этот день исполнилось 69 лет,— гости стали собираться в начале девятого. Сталин был в па-

радной маршальской форме. Вместе с ним пришли Молотов и Ворошилов. Приветствуя Черчилля, Сталин преподнес ему каракулевую шапку и большую фарфоровую скульптурную группу на сюжет русских народных сказок. Рузвельт явился во фраке. В руках он держал свои именинные подарки: старинную персидскую чашу и исфаганский коврик.

Гости входили через парадную дверь, по обе стороны которой безмолвно застыли бородатые индийские солдаты в огромных тюрбанах.

День был жаркий, но к вечеру из старинного парка потянуло приятной свежестью. К нашему приходу в гостиной уже собралось блестящее общество: военные щеголяли в расшитых золотом мундирах, дипломаты во фраках соперничали с ними яркостью белоснежных манишек. Единственной дамой в этой компании была дочь Черчилля — Сара Черчилль-Оливер. Она стояла рядом с сияющим именинником, и подобно тому как на арене цирка партнерша артиста особенно вдохновенно раскланивается на адресованные ему аплодисменты, так Сара отвечала на приветствия и поздравления, с которыми гости подходили к Черчиллю. Впрочем, и сам виновник торжества весело улыбался и бодро дымил своей сигарой.

Вскоре все перешли из гостиной в столовую, где стояли длинные столы, заставленные всевозможными яствами. На главном столе возвышался огромный именинный пирог с 69 зажженными свечами.

Произнеся первый тост, Сталин сказал:

— За моего боевого друга Черчилля!..

Сталин подошел к имениннику, чокнулся с ним, обнял за плечо, пожал руку. А когда все осушили бокалы, он с теми же словами обратился к президенту Соединенных Штатов:

— За моего боевого друга Рузвельта!..

Повторилась та же процедура чокания и рукопожатий.

Черчилль решил не отставать, но несколько дифференцировал свое обращение. Он провозгласил:

— За могущественного Сталина! За моего друга — президента Рузвельта!..

После этого Рузвельт, обращаясь к Черчиллю и Сталину, сказал:

— За наше единство в войне и мире!..

Черчиллю понравился русский обычай произносить тосты, американцы поддержали его в этом. В итоге большую часть времени гости провели стоя, так как тосты следовали один за другим, а после каждой речи все поднимались со своих мест. К тому же Черчилль перенял манеру Сталина подходить к каждому, за кого провозглашался тост, и чокаться с ним. Так оба они с бокалами в руках неторопливо разгуливали по комнате. Настроение у всех было приподнятое. В зале стало жарко и шумно.

В тосты, какими бы тривиальными они ни были, каждый из участников встречи, казалось, вкладывал свой особый смысл.

Так же, как и в рабочем зале конференции, Рузвельт и здесь счел нужным напомнить о послевоенном мире, о важности сохранения единства и сотрудничества великих держав не только сейчас, но и в будущем. Здесь, за именинным столом Черчилля, казалось, что задачи борьбы и победы над общим врагом, которые привели этих людей в разгар жесточайшей войны в иранскую столицу, как бы создали новую атмосферу в отношениях между ними и между их странами. В этом зале как бы собралась одна большая семья, которая всегда будет вместе. Но это ощущение длилось недолго. Его нарушил начальник генерального штаба Англии генерал Алан Брук.

Дав знать, что хочет произнести тост — обычно каждый в таком случае постукивал ножом по бокалу,— Брук поднялся с места и стал рассуждать о том, кто больше из союзников пострадал в этой войне. Он заявил, что наибольшие жертвы понесли англичане, что их потери превышают потери любого другого народа, что Англия дольше и больше других сражалась и больше сделала для победы.

В зале наступила неловкая тишина. Большинство, конечно, почувствовало бестактность выступления генерала Брука. Ведь все знали — основная масса гитлеровских войск прикована к советско-германскому фронту, а Красная Армия ценой невероятных жертв и усилий шаг за шагом освобождает от оккупантов советскую территорию, превращенную гитлеровцами в сплошное пепелище. Сталин помрачнел. Он тут же поднялся и окинул всех суровым взглядом. Казалось, сейчас разразится буря. Но он, взяв себя в руки, спокойно произнес:

— Я хочу сказать о том, что, по мнению советской стороны, сделали для победы президент Рузвельт и Соединенные Штаты Америки. В этой войне главное — машины. Соединенные Штаты доказали, что они могут производить от 8 до 10 тысяч самолетов в месяц. Англия производит ежемесячно 3 тысячи самолетов, главным образом тяжелых бомбардировщиков. Следовательно, Соединенные Штаты — страна машин. Эти машины, полученные по ленд-лизу, помогают нам выиграть войну. За это я и хочу поднять свой тост...

Рузвельт сразу же ответил:

— Я высоко ценю мощь Красной Армии. Советские войска применяют не только американскую и английскую, но и отличную советскую военную технику. В то время как мы здесь празднуем день рождения британского премьер-министра, Красная Армия продолжает теснить нацистские полчища. За успехи советского оружия!

Инцидент был исчерпан, но царившая в начале вечера атмосфера непринужденности исчезла.

Польша и ее границы

Проблема Польши была рассмотрена только на последнем пленарном заседании конференции, 1 декабря. Первым эту тему затронул Рузвельт. Он выразил надежду, что Советское правительство сможет начать переговоры и восстановить свои отношения с польским эмигрантским правительством, находившимся в Лондоне.

В то время у Советского Союза были все основания относиться с недоверием к этому эмигрантскому правительству, поскольку на протяжении ряда лет оно вело антисоветскую кампанию. Именно эта враждебность польского эмигрантского правительства и вынудила Москву разорвать с ним отношения, восстановленные вскоре после нападения гитлеровской Германии на СССР. Поэтому Сталин, отвечая Рузвельту, прежде всего обратил внимание на то, что агенты польского эмигрантского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами.

— Они убивают партизан, — сказал Сталин.— Вы не можете себе представить, что они там делают.

— Это большой вопрос, — вмешался Черчилль. —

Мы объявили войну Германии из-за того, что она напала на Польшу. В свое время меня удивило, что Чемберлен не стал вести борьбу за чехов в Мюнхене, но внезапно в апреле 1939 года дал гарантию Польше. Но одновременно я был также и обрадован этим обстоятельством. Ради Польши и во исполнение нашего обещания мы, хотя и не были подготовлены, за исключением наших военно-морских сил, объявили войну Германии и сыграли большую роль в том, чтобы побудить Францию вступить в войну. Франция потерпела крах, но мы благодаря нашему островному положению оказались активными бойцами. Мы придаем большое значение причине, по которой вступили в войну. Я понимаю историческую разницу между нашей и русской точками зрения в отношении Польши. Но у нас Польше уделяется большое внимание, так как нападение на Польшу заставило нас предпринять нынешние усилия. Я также очень хорошо понимал положение России в начале войны и, принимая во внимание нашу слабость в начале войны и тот факт, что Франция изменила данным ею гарантиям в Мюнхене, я понимаю, что Советское правительство не могло рисковать тогда своей жизнью в этой борьбе. Но теперь другое положение, и я надеюсь, что, если нас спросят, почему мы вступили в войну, мы ответим, что это случилось потому, что мы дали гарантию Польше. Я хочу прибегнуть к примеру о трех спичках, одна из которых представляет Германию, другая — Польшу, а третья — Советский Союз. Все эти три спички должны быть передвинуты на запад, чтобы разрешить одну из главных задач, стоящих перед союзниками,— обеспечение безопасности западных границ Советского Союза.

— Я должен сказать,— ответил Сталин,— что Россия не меньше других, а больше других держав, заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы — за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому, что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз. Все это было опубликовано в печати.

Пока переводились последние фразы этого выступ-

ления, Сталин раскрыл лежавшую перед ним темно-бордовую сафьяновую папку и извлек оттуда листовку. То был кусок довольно плотной желтой бумаги, изрядно потертый, побывавший, видно, уже во многих руках. На листовке была изображена голова с двумя лицами, наподобие древнеримского бога Януса. С одной стороны был нарисован профиль Гитлера, с другой — Сталина.

Держа высоко над столом листовку, чтобы все могли ее хорошо разглядеть, Сталин сказал:

— Вот что распространяют в Польше агенты эмигрантского правительства. Хотите посмотреть поближе?

С этими словами Сталин передал листовку Черчиллю. Тот взял ее брезгливым жестом, двумя пальцами, поморщился и, ничего не сказав, передал Рузвельту, который пожал плечами, покачал головой и вернул листовку Сталину. Выждав немного, Сталин продолжал:

— Где у нас гарантии в том, что польское эмигрантское правительство не будет и дальше заниматься этим гнусным делом? Мы хотели бы иметь гарантию в том, что агенты польского правительства не будут убивать партизан, что эмигрантское польское правительство будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься какими-то махинациями. Мы будем поддерживать хорошие отношения с правительством, которое призывает к активной борьбе против немцев. Однако я не уверен, что нынешнее эмигрантское правительство в Лондоне является таким, каким оно должно быть. Если оно солидаризируется с партизанами и если мы будем иметь гарантию, что его агенты не будут иметь связей с немцами в Польше, тогда мы будем готовы начать с ними переговоры. Что касается замечания насчет трех спичек, то я хотел бы знать подробнее, что это означает.

Черчилль объяснил, что он имел в виду проблему границ и что было бы хорошо здесь, за круглым столом, ознакомиться с мыслями русских относительно будущих границ Польши. Потом он, Черчилль, или Иден могли бы изложить эти соображения полякам.

— Мы полагаем,— продолжал Черчилль,— что Польшу следует удовлетворить, несомненно, за счет Германии. Мы были бы готовы сказать полякам, что это хороший план и что лучшего плана они не могут ожидать. После этого мы могли бы поставить вопрос о восста-

новлении отношений. Но я хотел бы подчеркнуть, что мы хотим существования сильной, независимой Польши, дружественной по отношению к России.

Сталин, в свою очередь, изложил позицию Советского правительства по этому вопросу.

— Речь идет о том,— сказал он,— что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белоруссии. Иными словами, между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная Конституцией нашей страны. Советское правительство стоит на точке зрения этой границы и считает это правильным.

Молотов пояснил, что обычно эту границу называют линией Керзона.

— Нет,— возразил Иден,— там были сделаны существенные изменения.

Молотов заявил, что Иден располагает неправильными сведениями.

Тут Черчилль извлек карту, на которой, как он сказал, нанесена линия Керзона и линия 1939 года. Тут же была указана линия Одера. Иден, водя пальцем по карте, принялся объяснять, что южная часть линии Керзона не была точно определена, и добавил, что, как предполагалось, линия Керзона должна была проходить восточнее Львова.

Сталин возразил, что линия на карте Черчилля нанесена неправильно. Львов должен оставаться в пределах Советского Союза, а линия границы должна идти западнее. Сталин добавил, что Молотов располагает точной картой с линией Керзона и с ее подробным описанием. Он при этом подчеркнул, что Польша должна быть действительно большим, промышленно развитым государством и дружественным по отношению к Советскому Союзу.

Тем временем Молотов распорядился доставить карту, о которой упомянул Сталин. Через несколько минут принесли большую черную папку. Раскрыв ее, Молотов развернул карту на столе и указал на нанесенную там линию Керзона. Молотов зачитал также текст радиограммы, подписанной лордом Керзоном. В ней точно указывались пункты, по которым проходит эта линия. После уточнения этих пунктов по карте вопрос стал предельно ясен. Позицию советской стороны больше нельзя было оспаривать. Черчилль и Иден ничего не

могли возразить. Обращаясь к Сталину, Черчилль сказал:

— По-видимому, участники конференции не имеют существенных расхождений по поводу западных границ Советского Союза, включая и проблему Львова...

Рузвельт спросил, можно ли будет осуществить переселение лиц польской национальности по их желанию в Польшу. Сталин ответил утвердительно. После этого Черчилль сказал, что посоветует полякам принять разработанные здесь предложения. Он добавил, что приготовил проект специального документа по польскому вопросу, который он хочет тут же зачитать. Черчилль оговорился, что не просит соглашаться с данным предложением в том виде, в каком оно представлено, поскольку он сам еще не принял окончательного решения. Затем Черчилль зачитал следующий текст: «В принципе было принято, что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах».

Сталин согласился в принципе с формулой, предложенной Черчиллем.

Проекты послевоенного устройства мира

*

Спор о военных преступниках

Хочу рассказать об одной неофициальной встрече, на которой между советским и английским представителями произошло серьезное столкновение. То был совместный обед трех лидеров и их ближайших соратников, который поначалу проходил очень мирно. Тостов было много: за здоровье участников конференции, за успехи разных родов войск, за победу над общим врагом, за послевоенное сотрудничество. Были и весьма конкретные политические тосты. Например, с советской стороны среди других был провозглашен такой тост:

— Предлагаю тост за будущие поставки по ленд-лизу. Пусть они прибывают вовремя, не запаздывая, как сейчас!

К концу обеда Сталин поднялся с места и стал говорить о нацистских военных преступниках.

— Я предлагаю поднять тост за то,— сказал он,— чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее свершилось правосудие и чтобы они все были сурово наказаны. Мы должны, действуя совместно, покарать их, как только они попадут в наши руки. Пусть ни один из них не избежит кары, пусть ни один из них не спрячется даже на краю света. Думаю, что таких нацистских преступников наберется немало...

Едва закончился перевод этой речи на английский язык, как Черчилль, словно ужаленный, вскочил с места. После каждого из ранее произнесенных тостов он добросовестно осушал по рюмке коньяку и был уже в весьма возбужденном состоянии. Теперь британский премьер резким жестом отодвинул рюмку, она опрокинулась и коньяк разлился большим желтым пятном по скатерти. Черчилль не заметил этого — он уже едва владел собой. Его лицо и шея побагровели, глаза налились кровью. Размахивая руками, он выкрикнул:

— Подобный взгляд коренным образом противоречит нашему английскому чувству справедливости! Англичане никогда не потерпят такого массового наказания. Я решительно убежден в том, что ни одного человека, будь он нацист или кто угодно, нельзя казнить без суда, какие бы улики против него ни имелись!

Все посмотрели в сторону Сталина. Он совершенно спокойно реагировал на бурную речь английского премьера. Его, казалось, даже забавляла нервозность Черчилля. Его глаза чуть-чуть посмеивались.

Сталин принялся невозмутимо и весьма обстоятельно опровергать доводы Черчилля, чем приводил последнего в еще большее бешенство. Советский представитель подчеркнул, что никто не собирается наказывать нацистских преступников без суда. Дело каждого должно быть тщательно разобрано. Но уже сейчас очевидно, что при массовых зверствах, совершаемых гитлеровцами, среди них должны быть десятки тысяч преступников, закончил Сталин. Потом, обратившись к Рузвельту, который молча наблюдал за этой сценой, Сталин осведомился о его мнении.

— Как обычно,— сказал президент,— мне, очевидно, придется выступить в качестве посредника в этом споре. Совершенно ясно, что необходимо найти какой-то компромисс между вашей позицией, маршал Сталин, и позицией моего доброго друга, премьер-министра.

Советские представители и американцы, оценив ответ президента, рассмеялись. Но англичане, поглядывая на своего лидера, сидели молча, с мрачными лицами. Черчилль опустился в кресло, но чувствовалось, что в нем все еще клокочет ярость.

— Давайте прекратим эту дискуссию,— сказал Гопкинс.— До Германии еще много миль, а до победы над нацистами еще много месяцев...

Но Сталин продолжал опрашивать каждого из присутствующих о его мнении. Наконец, очередь дошла до Эллиота Рузвельта, который также присутствовал на обеде. Он поднялся с места и несколько смущаясь, но довольно твердо сказал:

— Не слишком ли академичен этот вопрос? Ведь когда наши армии двинутся с запада, а русские будут продолжать наступление с востока, вся проблема и разрешится, не так ли? Русские, американские и английские солдаты разделаются с большинством из этих преступников в бою...

Сталину понравился этот ответ. Обойдя с бокалом вокруг стола, он остановился около Эллиота, обнял его, улыбаясь, воскликнул:

— Превосходный ответ! Предлагаю тост за ваше здоровье, Эллиот!

Тут Черчилль снова взорвался. Перегнувшись через стол и грозя Эллиоту пальцем, он прорычал:

— Вы что же, хотите испортить отношения между союзниками? Вы понимаете, что вы сказали? Как вы осмелились произнести подобную вещь?..

Эллиот плюхнулся в кресло с растерянным видом и так забавно прикрыл лицо руками, что все присутствующие разразились смехом. Напряжение было снято.

Вскоре все перешли в соседнюю комнату пить кофе. Но Черчилль в этот вечер не подходил к советским делегатам. Его помрачневшее лицо покрылось красными пятнами, и он еще более энергично, чем всегда, дымил сигарой.

Бурная реакция Черчилля на предложение покарать нацистских военных преступников была не случайна.

Само по себе это требование не могло быть неожиданным для английского премьера. Его подпись стояла под Декларацией глав правительств трех держав антигитлеровской коалиции, опубликованной 3 ноября 1943 г. во время происходившего в Москве совещания министров иностранных дел трех держав.

В «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», которая была также скреплена подписями Рузвельта и Сталина, говорилось: «...Немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага, должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия. Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей, с тем чтобы смогло совершиться правосудие...»

Казалось бы, после этой Декларации предложение покарать гитлеровских военных преступников не могло вызвать возражений. Ведь речь шла именно о наказании нацистских преступников, а не о мести по отношению к невинным. Но, по-видимому, Черчилль рассматривал Декларацию трех держав лишь как пропагандистский жест, а в душе думал совсем другое. К тому же, по мере того как советские войска продвигались дальше на запад и все ближе подходили к территории «третьего рейха», Черчилль стал задумываться над тем, как бы использовать гитлеровских разбойников при осуществлении уже бродивших у него в голове планов создания нового «санитарного кордона» вокруг Советской страны.

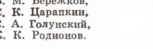
Англо-американский план расчленения Германии

От тегеранской встречи до победы над гитлеровской Германией было еще очень далеко. Советским армиям предстояло в тяжелых боях пройти сотни километров,

Думбартон-Окс.

Торжественное открытие конференции.

Кадоган, Стеттиниус, Громыко
на конференции в Думбартон-Оксе.



Советская делегация.

Слева направо:

Н. Н. Юнин, Н. В. Славин,
С. Б. Крылов, А. А. Соболев,
Г. Н. Долбин, А. А. Громыко,
В. М. Бережков,
С. К. Царапкин,
С. А. Голунский,
К. К. Родионов.

форсировать крупные водные рубежи, взять штурмом множество городов. И еще многие тысячи советских, американских, английских воинов, борцов Сопротивления должны были отдать жизнь в этой титанической схватке. Предстояли тяжелые бои на Восточном фронте, высадка в Нормандии, кровопролитные бои в Арденнах, освобождение Франции и других стран, оккупированных нацистами.

В Тегеране все понимали, что до того момента, когда с востока, запада, севера и юга войска союзников пересекут германские границы и пойдут на последний штурм общего врага, пройдет немало времени. Но то, что этот момент наступит, ни у кого не вызывало сомнения. Все были уверены в конечной победе антигитлеровской коалиции.

Естественно поэтому, что на Тегеранской конференции встал вопрос о том, как следует союзникам поступить с Германией после победы. То, что державы фашистской оси должны безоговорочно капитулировать, не вызывало разногласий: тут царило единодушие. Но надо было думать и о том, что предпринять, чтобы Германия, которая на протяжении жизни одного поколения дважды ввергла человечество в мировую войну, никогда больше не смогла развязать новую агрессию.

Впервые этот вопрос подвергся обсуждению после позднего обеда 28 ноября. День был довольно напряженный, и Рузвельт, который выглядел усталым, попросив у своих коллег прощения, отправился к себе сразу же после того, как все встали из-за стола. Черчилль, Сталин, Иден и Молотов перешли в соседнюю комнату, где был подан кофе.

Раскуривая сигару, Черчилль заметил, что союзники должны нанести такой сокрушительный удар по Германии, чтобы она никогда больше не могла угрожать другим народам. Сталин согласился с этим, но добавил, что, если не будут приняты особые меры, Германия скоро восстановит свой потенциал и будет снова представлять угрозу для мира. Черчилль не согласился с этой точкой зрения. Он сказал, что уже сейчас в результате огромных потерь на советском фронте, а также бомбардировок, которыми подвергает Германию авиация союзников, ее людские резервы и военно-промышленный потенциал в значительной мере истощены, а к концу войны Германия подвергнется таким ударам и

будет настолько разрушена, что никак не сможет скоро восстановиться.

— Вы, я вижу, большой оптимист,— улыбнулся Сталин. Поставив чашку с недопитым кофе на столик, он провел белым платком по усам и более серьезно добавил: — К сожалению, я не могу разделить этого оптимизма. Специфические условия Германии с ее юнкерством и крупными военными концернами таковы, что она может еще не раз представлять угрозу для мира. Но мы, конечно, могли бы попытаться изменить эти условия...

Черчилль, почувствовав, что Сталин коснулся вопроса об общественном строе послевоенной Германии, резко перевел разговор на другую тему. Больше в этот вечер к германскому вопросу не возвращались.

Когда на следующий день Сталин встретился с Рузвельтом один на один, он рассказал ему о разговоре с Черчиллем.

— Когда вы ушли,— сказал Сталин,— я имел разговор с Черчиллем относительно сохранения мира в будущем. Черчилль очень легко смотрит на это дело. Он считает, что Германия не сможет скоро восстановиться. Я с этим не согласен и думаю, что это может скоро произойти. Для этого ей потребуется всего 15—20 лет. Если Германию ничто не будет сдерживать, то я опасаюсь, что она скоро сможет восстановить свою силу. Первая большая война, начатая Германией в 70-м году прошлого столетия, закончилась в 1871 году. Всего через 42 года после этой войны, то есть в 1914 году, немцы начали новую войну, а еще через 21 год, в 1939 году, они вновь начали войну. Как видно, срок, необходимый для восстановления Германии, сокращается. Он и в дальнейшем, очевидно, будет сокращаться.

Рузвельт слушал, не перебивая. Его заинтересовал ход мыслей Сталина. Лишь изредка в знак согласия он кивал головой и легонько постукивал пальцами правой руки по подлокотнику коляски.

Между тем Сталин продолжал говорить о том, как трудно добиться того, чтобы Германия не стала снова угрожать другим народам. Какие бы запреты мы ни налагали, сказал он, немцы будут иметь возможность их обойти. Если мы запретим строительство самолетов, то мы не можем закрыть мебельные фабрики, а известно, что мебельные фабрики можно быстро перестроить на

производство самолетов. Если мы запретим Германии производить снаряды и торпеды, то мы не можем закрыть ее часовых заводов, а каждый часовой завод может быть быстро перестроен на производство самых важных частей снарядов и торпед.

Поэтому Германия может снова восстановиться и начать агрессию.

На этот раз Сталин не упомянул о социальных условиях Германии. Возможно, резкая реакция Черчилля подсказала ему, что в вопросе о социальной структуре Германии он может встретить лишь сопротивление англичан и американцев. Во всяком случае, теперь он говорил только о стратегических мерах, которые могли бы помочь союзникам держать побежденную Германию в определенных рамках.

— Для того чтобы предотвратить агрессию,— пояснял свою мысль Сталин,— тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты, с тем чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии. Должен быть создан специальный орган, который имел бы право занимать стратегически важные пункты. В случае угрозы агрессии со стороны Германии или Японии эти пункты должны быть немедленно заняты, с тем чтобы окружить Германию и Японию и подавить их...

— Я согласен с вами на 100 процентов,— сказал Рузвельт.— Я могу быть так же тверд, как маршал Сталин. Конечно, немцы могут перестроить свои заводы на военное производство, но в этом случае необходимо будет действовать быстро, и если будут приняты решительные меры, то Германия не будет иметь достаточно времени, для того чтобы вооружиться.

— В таком случае все обеспечено,— улыбнулся Сталин.

Во время пленарного заседания 1 декабря участники конференции вновь вернулись к вопросу о Германии. Рузвельт сказал, что имеется предложение о расчленении Германии и что этот вопрос следует обсудить подробнее.

Вслед за американским президентом слово взял Черчилль, который, видимо, уже был подготовлен к та-

кой постановке вопроса. Он энергично поддержал Рузвельта:

— Я за расчленение Германии. Но я хотел бы обдумать вопрос о расчленении Пруссии. Я также за отделение Баварии и других провинций от Германии.

Предложение Черчилля прозвучало несколько неожиданно, и в зале воцарилось молчание. Снова заговорил Рузвельт.

— Чтобы стимулировать нашу дискуссию,— заявил он,— я хотел бы изложить составленный мною лично два месяца назад план расчленения Германии на пять государств.

— Я хотел бы подчеркнуть,— перебил Черчилль,— что корень зла Германии — Пруссия.

Рузвельт одобрительно кивнул и продолжал:

— Желательно, чтобы мы сначала имели перед собой картину в целом, а потом уже говорили об отдельных компонентах. По моему мнению, Пруссия должна быть, по возможности, ослаблена и уменьшена в своих размерах. Она должна составлять первую самостоятельную часть Германии. Во вторую самостоятельную часть должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть — Саксония и район Лейпцига. Четвертая часть — Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна, а также старые города Вестфалии. Пятая часть — Бавария, Баден и Вюртемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собой независимое государство. Кроме того, из состава Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбурга. Этими районами должны будут управлять Объединенные нации, или четыре державы. Рурская и Саарская области должны быть поставлены под контроль либо Объединенных наций, либо попечителей всей Европы. Вот мое предложение. Я должен предупредить, что оно является лишь ориентировочным...

В обстановке тех дней, когда еще почти вся Европа находилась под фашистской пятой, предложение Рузвельта о расчленении Германии звучало как-то нереально. К тому же сразу возникло сомнение — можно ли в середине XX века заставить немецкий народ примириться с возрождением карликовых государств времен курфюрстов? Не слишком ли смело решил перекроить карту Германии американский президент?

Но Черчилль, этот опытный и хитрый политик, как будто поддерживал идею Рузвельта.

— Вы изложили полный короб всякой всячины,— сказал он, обращаясь к президенту.— Я считаю, что существуют два вопроса: один — разрушительный, а другой — конструктивный. У меня две идеи: первая — это изоляция Пруссии от остальной Германии; вторая — это отделение южных провинций Германии — Баварии, Бадена, Вюртемберга, Палатината[1], от Саара до Саксонии включительно. Я держал бы Пруссию в жестких условиях. Я считаю, что южные провинции легко оторвать от Пруссии и включить в дунайскую федерацию. Люди, живущие в дунайском бассейне, не являются причиной войны. Во всяком случае, с пруссаками я поступил бы гораздо более сурово, чем с остальными немцами. Южные немцы не начнут новой войны.

Эти рассуждения Черчилля вносили новый элемент в вопрос о судьбе Германии. Выступая за расчленение Германии и подавление Пруссии, он в то же время клонил дело к созданию некоего нового образования, наподобие лоскутной габсбургской монархии. Именно так можно было понять смысл его рассуждений насчет дунайской федерации. Само собой разумеется, что, по мысли британского премьера, такая федерация должна была находиться под контролем западных держав и изолировать Советский Союз от Западной Европы. Этот план явно перекликался с идеей самого Черчилля о высадке англо-американских войск на Балканах с целью «опередить» русских в Юго-Восточной Европе.

Сталин весьма отрицательно воспринял этот план.

— Мне не нравится план новых объединений государств,— сказал он ледяным тоном.— Если будет решено разделить Германию, то не надо создавать новых объединений. Будь то пять или шесть государств и два района, как предполагает Рузвельт, этот план может быть рассмотрен. Что же касается предложений английской стороны, то надо иметь в виду следующее. Черчиллю скоро придется иметь дело с большими массами немцев, как приходится сейчас нам. Он увидит тогда, что в германской армии сражаются не только пруссаки, но и немцы из остальных провинций Германии. Лишь австрийцы, сда-

[1] Административный район «Оберпфальц» на границе с Чехословакией.

ваясь в плен, кричат: «Я — австриец!» — и наши солдаты их принимают. Что касается немцев из отдельных провинций Германии, то они дерутся с одинаковым ожесточением. Как бы мы ни подходили к вопросу о расчленении Германии, не нужно создавать какого-то нового нежизнеспособного объединения дунайских государств. Венгрия и Австрия должны существовать отдельно друг от друга. Австрия существовала как самостоятельное государство до тех пор, пока она не была захвачена Гитлером.

Рузвельт согласился со Сталиным в том, что между немцами, происходящими из разных германских провинций, не существует разницы. Пятьдесят лет назад эта разница существовала, сказал президент, но сейчас все немецкие солдаты одинаковы.

После этого снова выступил Черчилль.

— Я не хочу, чтобы меня истолковали так, будто бы я не за расчленение Германии,— заявил он.— Но я хотел бы сказать, что, если раздробить Германию на несколько частей и не создать комбинаций из этих частей, тогда, как это говорил маршал Сталин, наступит время, когда немцы объединятся.

— Нет никаких мер, которые могли бы исключить возможность объединения Германии,— возразил глава советской делегации.

— Маршал Сталин предпочитает раздробленную Европу? — язвительно спросил Черчилль.

— Причем здесь Европа? — отпарировал Сталин.— Просто я не знаю, нужно ли создавать четыре, пять или шесть самостоятельных германских государств. Этот вопрос нужно обсудить...

Рузвельт спросил, не следует ли создать для изучения вопроса о Германии специальную комиссию или, быть может, передать этот вопрос в Лондонскую комиссию представителей трех держав. Сталин согласился передать этот вопрос в Лондонскую комиссию.

Эта проблема была вновь поднята западными державами на Крымской конференции в феврале 1945 года. Но и там их идея расчленения Германии не встретила поддержки с советской стороны. Советский делегат в трехсторонней комиссии отклонил предложения англичан и американцев о расчленении Германии. Тем временем позиция Советского правительства в этом вопросе была четко определена. Выступая 9 мая 1945 г., в День Победы над гитлеровской Германией, глава Советского прави-

тельства заявил, что Советский Союз «не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию».

Западные пропагандисты любят разыгрывать фальшивую карту, утверждая, будто Советский Союз повинен в расколе Германии. Это злобная выдумка. Наоборот, именно благодаря принципиальной позиции Советского правительства англо-американские планы расчленения Германии, впервые выдвинутые на Тегеранской конференции, не были претворены в жизнь.

На проходившей летом 1945 года Потсдамской конференции трех держав были приняты важные решения о денацификации, демократизации и демилитаризации Германии как единого целого. Если бы эти решения были выполнены полностью, то и сейчас Германия существовала бы как единое государство. Но решения Потсдамской конференции не были выполнены в западных зонах оккупации, и западные державы, не добившись раздробления Германии, раскололи ее явочным порядком. В Западной Германии начался процесс ремилитаризации. Военные монополии вновь набрали силу. Были созданы так называемая «бизония», а затем «тризония». Наконец, была провозглашена Федеративная Республика Германии, в которой пышным цветом расцвели милитаризм и реваншизм.

В этих условиях демократические силы немецкого народа на востоке страны создали государство рабочих и крестьян — Германскую Демократическую Республику.

Так появились два германских государства, которые в наши дни идут различными историческими путями.

Послевоенное устройство

Участники тегеранской встречи лишь в общих чертах коснулись проблемы послевоенного устройства мира. Несмотря на противоречивость интересов держав, представленных на конференции, уже на этом этапе войны делались попытки найти общий язык в отношении обеспечения сохранности мира после победы антигитлеровской коалиции. Лидеры западных держав видели, что народы всего мира, прилагавшие титанические усилия для разгрома фашизма, для избавления человечества от угрозы порабощения, кровно заинтересованы в том, чтобы больше никогда не повторилась мировая бойня. Эти настрое-

ния широких кругов общественности оказывали сильное давление на лидеров капиталистических государств, воевавших против держав оси. Особенно чувствителен к этому давлению был Рузвельт. Он, несомненно, много думал над будущим устройством мира.

В беседе со Сталиным 29 ноября Рузвельт сказал, что хотел бы обсудить вопрос о будущем устройстве мира до отъезда из Тегерана. По мнению американского президента, следовало создать такую организацию, которая действительно обеспечила бы длительный мир после войны. Встретив положительный отклик с советской стороны, Рузвельт сказал, что, как он себе представляет, после окончания войны должна быть создана всемирная организация, которая будет основана на принципах Объединенных наций. Эта организация не будет заниматься военными вопросами. Она не должна быть похожа на Лигу наций. В нее войдут 35, а может быть, 50 Объединенных наций, и она будет лишь давать рекомендации. Никакой другой власти эта организация не должна иметь.

Рузвельт высказал мнение, что такая организация должна заседать не в одном определенном месте, а в разных местах. На вопрос, идет ли речь о европейской или о всемирной организации, президент ответил, что это должна быть всемирная организация.

Сталин спросил, из кого должен состоять исполнительный орган этой организации. Рузвельт ответил, что, как он полагает, исполнительный комитет должен включать Советский Союз, Великобританию, Соединенные Штаты, Китай, две европейские страны, одну южноамериканскую, одну страну Среднего Востока, одну страну Азии (кроме Китая), один британский доминион. Он сказал, что Черчилль не согласен с последним предложением, поскольку в данном случае англичане будут иметь лишь два голоса — от Великобритании и от одного из доминионов. Далее Рузвельт предложил, чтобы исполнительный комитет занимался сельскохозяйственными, продовольственными, экономическими проблемами, а также вопросами здравоохранения.

По мысли Рузвельта, должен также существовать полицейский комитет, состоящий из стран, которые следили бы за сохранением мира и за тем, чтобы не допустить новой агрессии со стороны Германии.

Советская сторона не выдвигала в Тегеране конкретных предложений по вопросам послевоенного устройства.

Сталин в беседе с Рузвельтом ограничился тем, что ставил уточняющие вопросы и высказывал лишь самые общие соображения.

Когда Рузвельт упомянул о полицейском комитете, советский представитель поинтересовался, будет ли этот комитет принимать решения, обязательные для других стран?

— Что было бы, если бы какая-то страна отказалась выполнять принятое этим комитетом решение? — поинтересовался Сталин.

— В таком случае страна, отказавшаяся выполнить решение, была бы лишена возможности в дальнейшем участвовать в решениях этого комитета,— ответил президент.

— Будут ли исполнительный и полицейский комитеты частью общей организации или же это будут самостоятельные органы?

— Это будут три отдельных органа. Общая организация из 35 Объединенных наций. Исполнительный комитет из 10 или 11 стран. Полицейский комитет из четырех держав. Если возникнет опасность агрессии или же нарушения мира каким-либо иным образом, то необходимо иметь такой орган, который мог бы действовать быстро, так как тогда не будет времени для обсуждения даже в таком органе, как исполнительный комитет.

— Следовательно,— уточнил Сталин,— это будет такой орган, который принуждает.

Не давая прямого ответа, Рузвельт сказал, что он хотел бы привести такой пример: когда в 1935 году Италия без предупреждения напала на Абиссинию, он, Рузвельт, просил Францию и Англию закрыть Суэцкий канал, чтобы не позволить Италии продолжать эту войну. Однако ни Англия, ни Франция ничего не предприняли, а передали этот вопрос на разрешение Лиги наций. Таким образом, Италии была предоставлена возможность продолжать агрессию. Предлагаемый сейчас орган, в который входили бы только четыре державы, будет иметь возможность действовать быстро, и в такого рода ситуациях он мог бы, не мешкая, принять решение о закрытии Суэцкого канала.

На замечание Сталина, что он понимает это, Рузвельт выразил удовлетворение тем, что ему удалось познакомить советского премьера со своими соображениями. Эти наметки, пояснил он, носят еще общий характер и

нуждаются в дальнейшей разработке. Но суть их в том, чтобы избежать ошибок прошлого.

Выслушав американского президента, советский представитель высказал некоторые общие соображения. Он заметил, что, как ему кажется, малые страны Европы будут недовольны такого рода организацией. Может быть, было бы целесообразно создать европейскую организацию, в которую входили бы три страны: Соединенные Штаты, Англия и Россия и, быть может, еще какая-либо из европейских стран. Кроме того, существовала бы вторая организация, например по Дальнему Востоку. Сама схема, предложенная президентом, по мнению советской стороны, хорошая. Но, может быть, следует создать не одну организацию, а две организации: одну — европейскую, а вторую — дальневосточную, или, может быть, всемирную. Таким образом могли бы быть либо европейская и дальневосточная, либо европейская и всемирная организации. Каково мнение президента?

Рузвельт ответил, что это предложение до некоторой степени совпадает с предложением Черчилля. Разница только в том, что Черчилль предложил одну европейскую, одну дальневосточную и одну американскую организацию. Но дело в том, что Соединенные Штаты не могут быть членами европейской организации. Рузвельт пояснил, что нужно только такое огромное потрясение, как нынешняя война, чтобы заставить американцев направить свои войска за океан.

— Если бы,— сказал Рузвельт,— Япония в 1941 году не напала на Соединенные Штаты, то я никогда не смог бы заставить конгресс послать американские войска в Европу...

В то время в этой фразе как будто нельзя было усмотреть ничего особенного: простое объяснение причин, побудивших конгресс дать президенту необходимые полномочия. Но подобного рода высказывания Рузвельта, которые он делал неоднократно, позже дали повод ко всякого рода домыслам. Еще и сейчас многие в США придерживаются мнения, что Белый дом в 1941 году сознательно игнорировал поступавшие из разных источников сигналы о готовившейся японской атаке на Пёрл-Харбор. За послевоенные годы опубликовано много документов и мемуаров, свидетельствующих о том, что в Вашингтоне было известно о намерениях японцев. Американцам, в частности, удалось раскрыть японский дипломатический

код и расшифровать важные телеграммы, поступавшие японскому послу в Соединенных Штатах: они свидетельствовали о том, что атака готовится в районе Тихого океана. О точном месте в Вашингтоне знали за несколько часов до нападения на Гавайские острова, но по какому-то странному стечению обстоятельств гарнизоны американских баз в районе Тихоокеанского театра не были предупреждены и не подготовились к отражению атаки. Японские самолеты, поднявшиеся с подкравшихся почти вплотную к Гавайским островам авианосцев, нанесли сокрушительный удар по крупнейшей американской военно-морской базе Пёрл-Харбор, уничтожив или выведя из строя стоявший там тихоокеанский флот США.

До сих пор тайна катастрофы в Пёрл-Харборе не разгадана. Но так или иначе, после этого шока конгресс США проголосовал за вступление в войну.

...На замечание Рузвельта об условиях, при которых американское правительство смогло послать войска за океан, Сталин реагировал вопросом:

— В случае создания мировой организации, которую предлагают Соединенные Штаты, придется ли американцам посылать свои войска в Европу?

— Это не обязательно,— ответил Рузвельт.— В случае если бы возникла необходимость применения силы против возможной агрессии, Соединенные Штаты могли бы предоставить свои самолеты и суда, а ввести войска в Европу должны были бы Англия и Россия.

Для применения силы против агрессии, продолжал президент, имеются два метода. Если создастся опасность революции или агрессии, или другого рода опасность нарушения мира, то страна, о которой идет речь, может быть подвергнута карантину, с тем чтобы разгоревшееся там пламя не распространилось на другие территории. Второй метод заключается в том, что четыре нации, составляющие комитет, могут предъявить данной стране ультиматум прекратить действия, угрожающие миру, указав, что в противном случае эта страна подвергнется бомбардировке или даже оккупации.

На этом, собственно, и закончилось обсуждение проблем послевоенного устройства в Тегеране. Этот вопрос в дальнейшем явился предметом переписки между тремя лидерами, а потом уже практически разрабатывался на конференции в Думбартон-Оксе осенью 1944 года.

Любопытно сделанное Рузвельтом замечание насчет

«опасности революции» как «нарушения мира», а также предложение установить «карантин» в отношении стран, в которых создастся революционная ситуация, и даже оккупировать такую страну. Несомненно, американский президент отражал тут позицию определенных англо-американских кругов, опасавшихся, как бы победоносная антифашистская война не привела к подъему революционных сил, к усилению борьбы народов за социальные преобразования.

Сталин оставил без внимания все эти замечания Рузвельта и, мне кажется, сделал это не случайно.

Известно, что накануне войны, да и в военные годы западная пропаганда не уставала твердить, будто Советский Союз преследует цели «мировой революции» и намерен «экспортировать революцию» в другие страны. Эта пропагандистская кампания, подогревавшаяся ведомством Геббельса, имела целью вбить клин между союзниками, вызвать подозрения, осложнить борьбу против гитлеровской Германии. Учитывая все это, Сталин старался не давать повода для подобного рода обвинений и подозрений.

«Большая тройка» покидает Тегеран

2 декабря утро было серое и хмурое. Внезапно похолодало. Порывистый ветер кружил по парку желтые листья. У подъезда главного здания советского посольства стояло три военных «виллиса». Вокруг сновали американские детективы. Их пиджаки оттопыривали спрятанные под мышкой автоматические пистолеты. Все было готово к отъезду президента Соединенных Штатов.

По предварительной договоренности конференция должна была работать на протяжении всего дня 2 декабря. Но снег, внезапно выпавший в горах Хузистана, вызвал резкое ухудшение метеорологических условий и вынудил Рузвельта поторопиться с отлетом. Поздно вечером 1 декабря в спешном порядке была согласована заключительная декларация. Уже не было времени ни начисто перепечатать ее текст на русском и английском языках, ни устроить торжественную церемонию ее подписания. Пришлось собирать подписи под этим важнейшим документом как бы методом «опроса». Каждый из главных участников конференции в отдельности наскоро поставил

свою визу. У нас в руках остался изрядно помятый листок с подписями, сделанными карандашом. Внешний вид листка никак не гармонировал с торжественным содержанием этого документа, который вскоре стал известен всему миру как Тегеранская декларация трех держав. Вот ее текст:

«Мы, Президент Соединенных Штатов, Премьер-Министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырех дней в столице нашего союзника — Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мирную семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушить их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уве-

ренно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

РУЗВЕЛЬТ
СТАЛИН
ЧЕРЧИЛЛЬ

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года».

Среди других решений, связанных с ведением войны, была достигнута договоренность об оказании всесторонней помощи югославским партизанам.

Была также согласована Декларация трех держав об Иране, где были гарантированы суверенитет и территориальная неприкосновенность Ирана. Руководители трех держав обязались предоставлять Ирану возможную экономическую помощь как во время войны, так и после ее завершения.

...Я стоял напротив широкого крыльца с белыми колоннами. Вокруг толпились фоторепортеры и кинооператоры. Каждый из них старался протиснуться поближе к ступенькам сквозь кордон советской и американской военной охраны, чтобы не отстать от других, когда появится Рузвельт. Дверь открылась, и на площадке показался президент. Его везли в коляске два филиппинца. Поверх черной накидки, схваченной вверху золотой цепочкой, закрепленной между двумя пряжками в виде львиных голов, на плечи Рузвельта был наброшен клеенчатый плащ защитного цвета. Голову покрывала изрядно помятая старомодная шляпа. Лицо его было таким, каким его привыкли видеть на портретах: пенсне, длинный мундштук с сигаретой в крупных зубах, раскрытых в широкой улыбке. Но на его облике лежала печать усталости. Это неприветливое утро особенно подчеркивало болезненную бледность президента. Почти физически ощущалось, как трудно Рузвельту — тяжелобольному человеку — нести лежащее на нем бремя. Но силы его поддерживались неукротимой волей и внутренней энергией.

К коляске подошли два дюжих американских сержанта, поднесли ее поближе к «виллису» и пересадили Рузвельта на переднее сиденье автомашины. Ноги его накры-

ли пледом, сверху натянули брезент. Тем временем к группе провожающих присоединились Сталин и Черчилль. Сталин подошел к машине, крепко пожал президенту руку, пожелал ему счастливого пути.

— Я считаю, что мы проделали здесь хорошую работу,— сказал Рузвельт.— Согласованные решения обеспечат нам победу...

— Теперь уже никто не усомнится в том, что победа за нами,— ответил Сталин улыбаясь.

Черчилль также попрощался с Рузвельтом. Шофер включил мотор, и тут же на подножки «виллиса» вскочили четыре детектива. Двое из них, выхватив из-под пиджаков автоматы, легли на передние крылья машины. Все выглядело так, словно машина президента должна прорваться сквозь вражеское окружение. Я впервые видел, как организована охрана американского президента, и мне казалось, что нарочитая демонстрация, которую устраивают детективы, способна лишь привлечь внимание злоумышленников. Но Рузвельт, видимо, считал это близкое к опереточному представление в порядке вещей. Он спокойно улыбался, а когда «виллис» тронулся, поднял правую руку с расставленными указательным и средним пальцами в виде буквы «V» — «виктори» — «победа». Вскоре «виллис» президента исчез за деревьями парка.

Тут же распрощался с советскими делегатами и Черчилль. Он отправился в свое посольство и вскоре выехал на аэродром.

Советская делегация покинула Тегеран в середине дня. На аэродроме нас ожидало несколько двухмоторных пассажирских самолетов. В первой машине отправилась группа военных, во второй улетел Сталин. Мы ждали, пока не поступило сообщение о том, что он благополучно приземлился в Баку. После этого, с интервалом в несколько минут, в воздух поднялись остальные машины.

Когда мы вышли из самолета на бакинском аэродроме, Сталин еще находился там. Он стоял перед аэровокзалом уже не в маршальском облачении, а в простой солдатской шинели и в фуражке, без знаков различия. Рядом с ним находился генерал авиации Голованов и еще несколько военных. Вскоре на поле появилась вереница лимузинов. Сталин сел во вторую машину, рядом с шофером. На заднем сиденье поместилась его личная охрана. Все остальные быстро расселились по другим машинам, и кортеж на большой скорости направился в город, к же-

лезнодорожному вокзалу. Там стоял специальный поезд из длинных тяжелых салон-вагонов.

На пути в Москву, помнится, была только одна длительная стоянка — в Сталинграде. Мы оставались в поезде. Но Сталин в сопровождении близких к нему лиц совершил поездку по городу. На четвертый день рано утром наш поезд прибыл в Москву. Его подали к пустынному перрону электрички на участке между Белорусским и Савеловским вокзалами. Как только состав остановился, Сталин вышел из вагона, сел в черный лимузин, поданный прямо на перрон, и уехал в Кремль.

Только на следующий день, 7 декабря, в советской печати было опубликовано сообщение о состоявшейся в Тегеране конференции руководителей трех держав и были напечатаны тексты Декларации и других официальных сообщений.

До этого дня никто в Советском Союзе, кроме сравнительно небольшой группы посвященных, не знал о том, что на протяжении четырех дней «большая тройка» совещалась в Тегеране.

* * *

Итоги Тегеранской конференции свидетельствуют о плодотворности военного и политического сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы второй мировой войны. Решения конференции способствовали сплочению, укреплению антигитлеровской коалиции. Они могли также иметь большое значение для развития дружественных советско-англо-американских отношений в послевоенные годы. Однако вскоре после окончания второй мировой войны правящие круги США и Великобритании отошли от согласованных решений и стали на путь обострения международной обстановки, на путь холодной войны.

Тегеранская конференция была крупным успехом советской внешней политики. Возвращаясь сегодня к дискуссиям, которые вели в Тегеране лидеры трех держав, перечитывая решения, принятые на этой встрече, особенно ясно видишь ее историческое значение.

У ИСТОКОВ ООН

Из Москвы в Вашингтон

*

Двадцать четыре года спустя

аходясь осенью 1968 года в Вашингтоне, я в одно погожее утро заехал в Думбартон-Окс. Хотелось посмотреть, как он выглядит по прошествии 24 лет после проходившей во время войны конференции союзников. Оказалось, что в Джорджтауне — фешенебельном районе американской столицы — по-прежнему тихо и уединенно: окаймленные большими деревьями пустынные улицы, особнячки, выкрашенные в белый цвет, зеленые лужайки. В расположенном в центре этого района Думбартон-Оксе шел сезонный ремонт. Рабочие в синих комбинезонах приводили в порядок ворота, ведущие в парк, еще двое красили фасад здания. Я позвонил. Двери открыл привратник в серой форменной одежде университетского служителя: в этом здании находится научная библиотека Гарвардского университета. Я объяснил цель своего визита.

— Придется вам зайти позднее, после двух часов,— сказал привратник.— Сейчас не время для посетителей.

— Очень жаль. Но в два часа дня я должен быть на аэродроме, улетаю в Лос-Анджелес. Нельзя ли попросить кого-либо показать мне помещение сейчас?

Привратник снял трубку, набрал номер:

— Тут пришел человек. Говорит, что из Москвы и был здесь во время войны, участвовал в конференции Объединенных наций. Хочет посмотреть зал, где происходили заседания...

Через несколько минут в холле появилась миловидная девушка лет 20. Она с любопытством посмотрела на меня, предложила снять плащ. Мы вошли в зал, где на стенах висели те же, что и в 1944 году, старинные гобелены, с потолка спускалась знакомая мне вычурная огромная люстра. Только мебель была другая. Там, где стену тогда прикрывала драпировка, ткань отсутствовала и здесь оказалась дверь наружу. Мы вышли в парк. Несмотря на позднюю осень, было еще тепло. Лужайку покрывали опавшие листья. Девушка — она оказалась техническим работником библиотеки — с интересом выслушала мой рассказ о происходившей здесь конференции. Потом, мило улыбнувшись, сказала:

— Я слыхала, что тут во время войны проходила важная конференция союзников, но думала, что те люди давно умерли...

Этой молодой девушке, которой тогда и на свете не было, события 1944 года должны представляться чуть ли не древней историей. С тех пор действительно многое изменилось. Организация Объединенных Наций вступила в третье десятилетие своего существования. Ее членами являются более 130 государств мира. Она играет важную роль в международной жизни. Но в то время, когда происходила конференция в Думбартон-Оксе, намечались лишь контуры будущей международной организации. Ее предшественница — Лига наций — фактически прекратила свое существование уже в первые годы второй мировой войны. Неспособность Лиги наций пресечь агрессию заставила многих политических деятелей еще в разгар жестоких сражений второй мировой войны думать о том, что нужно сделать, чтобы обеспечить прочный мир для грядущих поколений, чтобы никогда больше не мог потенциальный агрессор ввергнуть народы в новую войну.

Уже в первый день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Советское правительство твердо заявило: враг будет разбит, победа будет за нами! В конце концов так и произошло. Но важно было закрепить эту победу, чтобы тяжелейшие жертвы, которые несли народы в этой войне, были не напрасными, чтобы мир на земле был надежно огражден.

Советское правительство решительно подчеркивало необходимость создания эффективной международной организации по поддержанию мира. Еще 4 декабря

1941 г., когда гитлеровские полчища стояли у ворот Москвы, в совместной Декларации правительств Советского Союза и Польши проблеме послевоенного устройства уделялось серьезное внимание. «После победоносной войны, — говорилось в Декларации, —и соответственного наказания гитлеровских преступников задачей Союзных Государств будет обеспечение прочного и справедливого мира. Это может быть достигнуто только новой организацией международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз. При создании такой организации решающим моментом должно быть уважение к международному праву, поддержанному коллективной вооруженной силой всех Союзных Государств».

Поражения гитлеровцев на советско-германском фронте показали, что их планам не суждено свершиться. Советское правительство продолжало свою линию на создание в послевоенном мире таких условий, которые исключали бы возможность возникновения новой мировой войны. Это нашло свое отражение и в официальном заявлении, которое было сделано на Московском совещании трех министров иностранных дел — В. М. Молотова, Кордэлла Хэлла и Антони Идена, состоявшемся осенью 1943 года.

В принятой на совещании Декларации говорилось, что, признавая необходимость быстрого и организованного перехода от войны к миру и установления и поддержания международного мира и безопасности при наименьшем отвлечении мировых человеческих и экономических ресурсов для вооружений, державы антифашистской коалиции совместно заявляют, что они «признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей Международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые».

Позднее, на Тегеранской конференции руководителей трех держав в ноябре 1943 года, состоялся дальнейший обмен мнениями о послевоенном устройстве и создании международной организации по поддержанию мира и безопасности. В Тегеранской декларации три державы заявили, что прочный мир может быть обеспечен лишь на основе существующего согласия между ними.

Этот вывод указывал реальный курс в международной политике для обеспечения прочного мира — единство действий великих держав. Именно из этого единственно правильного положения исходило Советское правительство при разработке принципов будущей международной организации безопасности.

Перед участниками переговоров в Думбартон-Оксе был еще свежий, но плачевный опыт Лиги наций, которая оказалась неспособной предотвратить вторую мировую войну. Провозглашая своей целью поддержание «вечного мира», Лига наций ничего серьезного не предпринимала для пресечения или подавления грубейших актов агрессии. Вторжение фашистской Италии в Абиссинию, германо-итальянская интервенция в Испании, агрессия японских милитаристов против Китая, угрожающая миру милитаризация германской экономики, наглые захваты гитлеровцев в Европе — все это проходило безнаказанно. Лига наций оставалась глуха к настойчивым требованиям Советского Союза о создании системы коллективной безопасности. В итоге мир был вновь ввергнут в войну.

Главный порок Лиги наций заключался в том, что она оказалась не в состоянии принимать эффективные и решительные меры против нарушений мира. Да она и не располагала действенным механизмом для пресечения агрессии. К тому же западные державы, игравшие первую скрипку в этой организации, вовсе не были заинтересованы в этом, рассчитывая, что агрессоры нанесут первый удар по социалистическому государству.

Печальный опыт Лиги наций необходимо было учесть при создании новой организации безопасности. Вот почему столь большое внимание при переговорах в Думбартон-Оксе было уделено вопросу о процедуре голосования в Совете Безопасности — одном из руководящих органов будущей мировой организации, которому предстояло принимать действенные меры против нарушителей мира. В этом органе важные решения должны были приниматься лишь при согласии всех держав, на которых лежит главная ответственность за поддержание мира.

Но как раз в этом кардинальном вопросе возникли наибольшие трудности. В принципе все участники переговоров в Думбартон-Оксе были согласны, что при принятии важных решений в Совете Безопасности требуется единогласие его постоянных членов (т. е. Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании, Китая и Фран-

ции), поскольку на них лежит главная ответственность за поддержание мира. Однако англо-американские представители предложили сделать изъятие из этого общего правила, если вопрос касается спора, затрагивающего постоянного члена Совета. В таком случае представитель данной державы не должен был участвовать в голосовании. Нетрудно увидеть, что принятие такого предложения подорвало бы столь необходимое единство действий великих держав. Их сотрудничеству был бы нанесен серьезный ущерб, если бы какой-то из постоянных членов Совета лишился права участвовать в голосовании и Совет Безопасности принял бы решение без него, а тем более против него. Во всяком случае Советский Союз не мог пойти на то, чтобы допустить такую ситуацию, когда западные державы путем механического большинства получили бы возможность диктовать свою волю социалистическому государству.

Кому, зачем и почему понадобилось выдвигать подобное сомнительное предложение, способное подорвать самою основу успешной деятельности Совета Безопасности? Не скрывалось ли за этим стремление ослабить международную организацию по поддержанию мира к выгоде одной определенной державы или группировки держав, рассчитывавших противопоставить себя Советскому Союзу? Некоторые выводы читатель сможет сделать, ознакомившись с последующим изложением дискуссий, которые велись в Думбартон-Оксе осенью 1944 года. Речь пойдет также и о той работе, которую пришлось проделать на этой конференции советской делегации, выступавшей в пользу международной организации безопасности, которая не повторяла бы роковых ошибок Лиги наций и могла бы действовать быстро и эффективно в защиту мира.

В советскую делегацию, назначенную для участия в переговорах в Думбартон-Оксе, вошли: А. А. Громыко (посол СССР в США, глава делегации), А. А. Соболев, С. К. Царапкин, контр-адмирал К. К. Родионов, генерал-майор Н. В. Славин, проф. С. А. Голунский, проф. С. Б. Крылов, Г. Г. Долбин, М. М. Юнин (секретарь делегации), В. М. Бережков (секретарь-переводчик).

Вылетели мы из Москвы 12 августа 1944 г., а прибыли в Вашингтон лишь накануне открытия конференции, назначенной на 21 августа. Из-за интенсивности военных действий в Атлантике и на Тихом океане был выбран маршрут через Сибирь, Чукотку, Аляску и Канаду.

На четвертый день нашего полета, когда мы уже пересекли Урал и летели над Сибирью, из пилотского отсека в салон стремительно вошел командир корабля и взволнованно сказал:

— Союзники высадились на юге Франции! Только что сообщили по радио...

Сразу со всех слетела дремота. А сидевший рядом со мной Сергей Борисович Крылов, расплывшись в улыбке, принялся выкрикивать:

— Ура союзникам! Молодцы, бейте гитлеровцев!..

Высадка на юге Франции, осуществленная почти через два с половиной месяца после того, как 6 июня был наконец открыт второй фронт в Нормандии, явилась важным событием. Она прибавляла еще одну успешную операцию в растущем списке победоносных действий союзников как на Восточном, так и на Западном фронтах. Удары эти, наносимые гитлеровской Германии со всех сторон, звучали в те дни, как прекрасная музыка, возвещавшая приближение долгожданной победы.

Когда все немного успокоились, оба профессора — Крылов и Голунский принялись рассуждать о том, была ли операция на юге Франции запланирована заранее или же это своего рода импровизация англичан и американцев, предпринятая для поддержки наступления, развернувшегося в Нормандии.

— Решение о высадке на юге Франции,— вмешался в разговор Андрей Андреевич Громыко,— было принято в конце прошлого года на Тегеранской конференции, когда обсуждался вопрос об операции «Оверлорд». Ставилась задача лишить немцев возможности подбрасывать подкрепления в Нормандию. Мы тогда, в свою очередь, обязались предпринять летом, вслед за форсированием англичанами и американцами Ла-Манша, наступление на нашем фронте, что и было сделано. Союзники, как видите, тоже выполнили свое обязательство. Нам остается их поздравить...

Все согласились с этим и решили при первой же посадке надлежащим образом отметить данное событие.

К тому времени мы уже проделали значительную часть пути и вскоре должны были приземлиться в Марково.

Наше путешествие через Сибирь заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробнее. В то время самолеты летали на сравнительно небольшой высоте — около двух тысяч метров, и земля хорошо просматривалась. Трасса сначала пролегала над старинным «сибирским трактом», по которому некогда шел гужевой и санный путь, а потом протянулась транссибирская железнодорожная магистраль. Первую посадку мы совершили в Куйбышеве, на хорошо знакомом мне аэродроме. Осенью 1941 года в этот город перебралась основная часть аппарата МИД во главе с заместителем министра А. Я. Вышинским, а также весь дипломатический корпус. Тем из нас, кто все время оставался в Москве, приходилось нередко летать в Куйбышев по делам.

Следующие посадки были в Челябинске, Омске, Новосибирске, после чего трасса поворачивала на север, в сторону Красноярска, где мы провели ночь. До того мы останавливались в городах, имевших свои давние традиции, жили в отличных по тому времени гостиницах. Весь район «сибирского тракта» был вполне освоен. С самолета мы видели огромные квадраты возделанных полей, широко раскинувшиеся поселки, гигантские промышленные предприятия, многие из которых эвакуировались сюда в первые месяцы войны с территорий, временно оккупированных гитлеровцами,— все это производило внушительное впечатление. Здесь днем и ночью ковалось оружие для победы над врагом, отсюда шла немалая часть сельскохозяйственной продукции, обеспечивавшей питанием фронты Великой Отечественной войны. Здесь же формировались и новые армии, которые должны были пополнять советские вооруженные силы. В этих краях обучались военные летчики, танкисты, артиллеристы, отсюда они, вместе с произведенным здесь же оружием, отправлялись на Запад. То был глубокий тыл советской страны, но, как и весь советский народ, люди здесь жили интересами фронта, трудились во имя победы.

Свою новую роль Сибирь выполняла с честью. В те трудные годы там была заложена основа великих преобразований, которые произошли и происходят в этом богатейшем крае в наши дни.

В Красноярске нас разместили за городом, в тайге, где на высоком берегу Енисея стоял просторный бревенчатый дом. С его террасы открывался замечательный вид на зеленые дали противоположного берега. Комен-

дант этой загородной гостиницы рассказал, что незадолго до нас тут останавливался вице-президент Соединенных Штатов Генри Уоллес (Уоллес был гостем нашего правительства и совершил поездку по Сибири и Средней Азии).

Такие же уютные гостиницы нас ждали в Якутске, в Марково и даже в далеком Уэлькале, на берегу залива Креста, где, впрочем, домик, установленный на многометровой толще вечной мерзлоты, был несколько поскромней.

В Марково нас встретили представители местных властей и, поскольку мы прибыли туда в середине дня, нас прежде всего пригласили на обед. За столом, кроме нас, было несколько представителей местного начальства. Что подавалось на обед, уже позабыл. Хорошо запомнил только огромное круглое блюдо с красной кетовой икрой, такой, какой я до того не видывал. Свежие икринки, сверкающие, как хорошо отполированные рубины, были величиной чуть ли не с виноградину, а уж вкус-то у них был божественный.

Тут мы и отметили подобающим образом успешную высадку союзников на юге Франции...

Туман в Уэлькале

Из Марково наш путь лежал на самый край Советской земли, к заливу Креста, где на неприветливом плоском, как стол, берегу, покрытом скудным лишайником, приютился поселок чукчей Уэлькаль. В то время ранее малоизвестный Уэлькаль приобрел важное значение: через него проходила трасса, по которой из Соединенных Штатов своим ходом перегонялись в Советский Союз истребители «аэрокобра», поступавшие к нам по ленд-лизу. В поселке постоянно находилась группа советских летчиков, которые на транспортном самолете перелетали отсюда на Аляску, в Ном, где принимали очередную партию «аэрокобр». К крыльям этих истребителей со сравнительно небольшим радиусом действия подвешивались дополнительные баки с горючим, и они, стартовав в Номе, перелетали через Берингов пролив в Уэлькаль, а отсюда летели дальше на запад, на фронт.

Наш самолет сел в тундре. Был уже поздний вечер, но в это время года в здешних краях темнота не наступает,

и солнце висело над горизонтом. Тут была наша последняя остановка на советской земле, дальше предстоял путь над Аляской, Канадой и Соединенными Штатами, поэтому надо было тщательно проверить машину. Вылет в Ном назначили на следующий день. Нас отвели в домик, стоявший на самом краю поселка, почти сплошь состоявшего из яранг. Поужинав, мы сразу же улеглись спать.

Проснувшись, я никак не мог сообразить, что происходит за окном. Наш домик как бы плавал в густом молоке. Присмотревшись, я понял, что на Уэлькаль спустился нередкий здесь непроницаемый туман. После завтрака решил все же выйти из дому. Хозяйка, убиравшая со стола, посоветовала быть поосторожнее.

— В таком тумане и заблудиться нетрудно,— сказала она.— Держитесь все время за веревку, пока не дойдете до следующего здания...

Только теперь мне стало понятно назначение веревок, которыми были соединены между собой многие здания и яранги. Я их мельком увидел, когда мы шли вечером в гостиницу. В условиях густых туманов, а зимой в слепящую пургу, когда тропинки мгновенно заметает, веревка, протянутая между зданиями, позволяет уверенно идти в нужном направлении, не сбиваясь с дороги. Держась за веревку, вы придете по назначению в любую непогоду, в черную полярную ночь, не страшась метели и ураганного ветра, который, разогнавшись по бескрайней тундре, сбивает человека с ног...

Я вышел на крыльцо, нащупал веревку. Она была мокрая от повисших на ней капелек тумана. Стараясь не терять из виду спасительный шнур, осторожно двинулся вперед. Через несколько десятков шагов из тумана выплыл темный куб здания. Где-то поблизости тарахтел движок. Поднявшись на несколько ступенек, я толкнул дверь и вошел в просторную комнату, ярко освещенную электричеством. Дежурный сказал, что туман, видимо, продержится пару дней.

— Ваш вылет задерживается до улучшения погоды,— добавил он. И помолчав, продолжал: — Летчики, которые вчера вылетели за «аэрокобрами», остаются в Номе и будут ждать летной погоды там...

Прослушав последние известия, в которых вслед за сводкой с наших фронтов сообщалось о боях в Северной Франции, я вернулся в наш домик. Коротали время

за шахматами и домино. Вечером Громыко, Соболев и некоторые из членов делегации, устроившись в гостиной, просматривали документацию, связанную с предстоящими переговорами.

На следующий день туман стал немного слабее. Уже можно было видеть метров на двадцать вперед, но облачность оставалась низкой, и лететь было невозможно. После завтрака мы с Долбиным отправились погулять. К нашей гостинице примыкали строения чуть побольше того, в котором мы жили. Дальше полукругом стояли яранги разных размеров. Мы пошли между ними по дороге и вскоре оказались в поселке чукчей.

Здесь все концентрировалось вокруг деревянного здания школы, стоявшего на высоком кирпичном фундаменте. Было время каникул, и школа казалась пустой, но мы все же решили зайти. Не успели подняться на крыльцо, как дверь распахнулась и перед нами предстал плотный, круглолицый, молодой мужчина со щелочками-глазами и коротко подстриженными, стоявшими торчком черными волосами. Вероятно, он увидел нас в окно и вышел навстречу. Приветливо улыбаясь, пригласил нас внутрь и представился как директор школы. Он отлично говорил по-русски, лишь с едва заметным акцентом. Директор пояснил, что тут занимаются не только дети местных жителей, но и те, кто живет поодаль. Зимой приезжают на оленях или собачьих упряжках.

— Все школьники,— сказал директор,— очень прилежны, у них поразительная жажда к знаниям. Я сам учился в этой же школе. Потом поехал в Ленинград в Институт народов Севера, на филологический факультет. Но, проучившись три года, простудился и тяжело заболел. Врачи нашли туберкулез, делали все, чтобы вылечить, даже в Крым возили, но ничего не помогало. Я стал совсем худой, как скелет, мне сказали — безнадежен...

Просто не верилось, что скелет снова превратился в такого кругленького, лоснящегося от избытка здоровья, жизнерадостного человека.

— Что же было дальше? — спросил я.

— Решил умереть на родине и приехал домой. А тут то ли климат, то ли моржовый жир... Быстро встал на ноги. Так и остался здесь учителем, а потом стал директором...

Наш новый знакомый рассказал, что за годы Советской власти его родной край преобразился. В Анадыре — столице Чукотского национального округа, образованного в 1930 году, теперь существуют педагогическое, медицинское и музыкальное училища, там издаются газеты на чукотском и русском языках. Во всех районах округа имеются школы. Преподавание в первых трех классах ведется на чукотском языке, а в старших — на русском. Это дает возможность после окончания школы учиться в высших учебных заведениях в любом городе Советского Союза. Теперь население Чукотки занимается не только оленеводством, охотой и рыбной ловлей. В районе Анадыря возникли промышленные предприятия — рудники по добыче олова и каменного угля и заводы по переработке рыбных продуктов, шкур и жира морского зверя.

— У нас растут национальные кадры,— продолжал свой рассказ директор,— которых вы встретите повсюду в нашем округе...

Выйдя из школы, мы с директором отправились осмотреть поселок. Яранги стояли на расстоянии метров десяти друг от друга. Вокруг возились мохнатые собаки. Тут же были растянуты для просушки и прибиты колышками к земле тюленьи шкуры. Такие же шкуры прикрывали вырытые в вечной мерзлоте круглые ямы, в которых хранится солонина из моржового мяса. Директор приподнял одну из шкур, и, заглянув внутрь, я увидел, что яма, подобная той, в каких у нас в деревнях зимой держат картошку, заполнена солониной более чем наполовину. Вид у этого блюда, как мне показалось, был не очень привлекателен. Но, видимо, моржовое мясо действительно полезно, если оно спасло нашего собеседника от туберкулеза.

Остановившись у одной из яранг, директор приподнял полог, что-то крикнул внутрь и пригласил нас войти. Нагнувшись, я переступил через порожек и оказался в просторном и гораздо более высоком, чем можно было себе представить по его наружному виду, помещении. Пол был весь устлан тюленьими шкурами, на которых резвилось трое совершенно голых ребятишек. Это, видимо, были погодки, очень кругленькие, веселые, с лоснящимися от моржового сала волосами. В глубине, где часть яранги была отгорожена шкурами, у очага стряпала женщина, одетая в длинную рубаху с короткими

рукавами. Волосы у нее были закручены на затылке в тугой узел. Она приветливо улыбнулась и что-то сказала директору. Тот перевел:

— Она говорит, что муж уехал на рыбную ловлю...

Внутренность яранги, видимо, выглядела так, как и сотни лет назад. Но были тут и приметы новой жизни: швейная машина, патефон. В ящике лежал набор различных инструментов. Видно было, что семья хорошо питается, все детишки здоровы и жизнерадостны. Директор пояснил, что старшая девочка этой осенью пойдет в первый класс. Мы заглянули еще в несколько яранг и повсюду видели примерно ту же картину.

Погода улучшилась только на следующее утро. Пока мы ждали на аэродроме вылета, приземлилось несколько «аэрокобр». Наконец и нам была объявлена посадка. Вскоре наш самолет, пропрыгав по решетчатой металлической дорожке, поднялся в воздух и, пролетев над последним кусочком советской земли, взял курс на Ном.

Медвежья отбивная

В Номе мы сели на бетонную посадочную полосу. Уже из иллюминатора было видно, что здесь сооружается крупная авиационная база. Вокруг высились солидные сооружения, строительные работы шли полным ходом. Рядом с действующей посадочной полосой укладывали еще одну. Экскаваторы, бульдозеры и другие дорожные машины с грохотом, скрежетом и лязгом врезались в мерзлую землю, а поодаль уже настилали стальную арматуру и огромные самосвалы сбрасывали бетонный раствор.

Нас провели в длинное приземистое здание офицерского клуба. У стойки бара каждый мог заказать себе напиток по вкусу. В гостиной пол сверкал лаком, стояли низкие кожаные кресла и полированные столики с разбросанными на них яркими иллюстрированными журналами. На бревенчатых, покрытых лаком стенах висели эстампы, над столиками низко спускались эффектные светильники.

Когда церемония с напитками закончилась, нас пригласили в расположенную рядом столовую. Большой стол был накрыт белой скатертью. Все выглядело так, будто мы не на отдаленной авиационной базе воюющей

страны, а где-то в обжитом спокойном городе. Разве что большое число окружавших нас американских военных напоминало о том, где мы находимся. Первым застольным тостом нас приветствовал командир базы, американский полковник с одутловатым лицом. Поздравив с прибытием на американскую землю, он сказал несколько слов о своей базе, о планах ее развития, всячески подчеркивая, что Соединенным Штатам еще предстоит тяжелая и длительная война с Японией. Поэтому, говорил он, база в Номе еще далеко не отвечает тем задачам, которые перед ней стоят. Потом полковник объявил, что нам придется пробыть тут сутки, так как из-за задержки в Уэлькале намеченный ранее график дальнейшего продвижения делегации нарушился и теперь снова придется уточнить маршрут, особенно это касается трассы полета через Аляску и Канаду.

— Но я надеюсь, что вам будет приятно провести у нас этот день,— заключил полковник, улыбаясь, и поднял бокал...

Два сержанта разносили еду. Сперва принесли салат: свежую капусту, помидоры, огурцы и большие стебли сельдерея. Затем подали отбивную с жареной картошкой. Отбивная была так велика, что свешивалась с тарелки. Я спросил сидевшего рядом американского майора, что это за мясо.

— Медвежатина,— ответил он.— Мы часто ходим на охоту, а когда случается убить медведя, мясо сдаем в столовую...

Признаться, меня поразила тогда эта огромная отбивная. В скудные военные годы мы привыкли к миниатюрным порциям. А тут вдруг такое расточительство: гигантские отбивные, целые горы овощей, хлеба. Сахар в высокой стеклянной банке подан на стол так же, как соль, перец и уксус...

В Европе, да и почти во всем мире, миллионы людей находились тогда на скудном пайке, а то и на грани голода. Советские люди также ограничивали себя во всем, чтобы обеспечить армию питанием, теплой одеждой и вообще всем необходимым. Совсем иначе обстояло дело в Соединенных Штатах. По сути, американцам в тылу вообще не пришлось нести и малой части тех тягот, какие выпали на долю почти всех других народов, участвовавших во второй мировой войне. Правда, страны антигитлеровской коалиции получали от Соединенных Штатов

по ленд-лизу некоторое количество продуктов питания. У нас, пожалуй, и сейчас многие еще помнят яркие баночки с американским колбасным фаршем, который кто-то окрестил «улыбкой Рузвельта»...

Мы разговорились с сидевшим рядом американским майором. Я рассказывал ему о нашей поездке через Сибирь, о своей экскурсии по поселку чукчей в Уэлькале. Спросил, как живут здесь американские эскимосы.

— А, наши индейцы!..— протянул майор.— Говорят, что их селение где-то тут поблизости, среди болот, но я ни разу туда не ходил. Те, кто бывал там, рассказывают, что у них грязь, нищета, болезни. Иногда они приходят к нам — обменивают шкурки на виски. Это неплохой бизнес...

Майор весело рассмеялся, и я как-то вдруг очень явственно представил себе некогда гордых и сильных исконных обитателей Аляски, теперь загнанных в болота где-то здесь, совсем близко от сверкающего офицерского клуба. Они живут в ужасных условиях, их дети гибнут от болезней, и все, что им может предложить обосновавшаяся рядом американская цивилизация,— это бутылка виски в обмен на драгоценную шкурку полярного зверька. И я снова вспомнил школу в Уэлькале, ее директора и ребятишек, весело игравших в теплой яранге на тюленьей шкуре...

После обеда нас отвезли на новеньких джипах в гостиницу. Ее трехэтажное здание стояло в самом центре военного поселка. Каждый из нас получил отдельный номер со всеми удобствами. Было приятно полежать в горячей ванне после долгого пути.

Вечером решили пойти развлечься: в гарнизонном театре показывали фильм «Сестра его дворецкого» с Диной Дурбин, только что вышедший на экраны. Но едва мы собрались в кино, как на поселок обрушился ливень. Я спросил у портье, нельзя ли достать машину.

— В этом нет нужды, кинотеатр совсем близко,— ответил портье.

— Но ведь мы промокнем под таким дождем,— возразил я.

— А вы спуститесь вниз, в подвал,— пояснил портье.— Вот возьмите план подземных переходов. Там установлены указатели, и вы легко найдете кинотеатр. В непогоду мы всегда пользуемся подземными переходами. Они соединяют все основные здания поселка...

Портье протянул карточку-схему, и мы, поблагодарив его, спустились вниз. Из ярко освещенного подземного зала в разных направлениях вели широкие туннели. Под потолком тянулись трубы различной толщины: водопровод, горячая вода, перегретый пар для отопительных систем, канализация. Здесь же были проложены электропровода и телефонные кабели. У входа в каждый туннель висел указатель с надписями: «штаб», «госпиталь», «столовая», «офицерский клуб», «аэродром», «кинотеатр»... Мы пошли в нужном направлении. Из боковых проходов в туннель вливались группы солдат и офицеров — они тоже шли в кинотеатр. У большой афиши с улыбающейся Диной Дурбин стрелка показывала вверх. Мы поднялись по лестнице и оказались в вестибюле кинотеатра.

По масштабам строительства, которое шло на этой авиационной базе, можно было сделать вывод, что американское командование придает ей большое значение. То, что тут не поскупились на такое дорогостоящее и трудоемкое дело, как целая система подземных переходов,— а это в здешних климатических условиях, разумеется, представляет особое удобство,— показывало, что руководство ВВС Соединенных Штатов собирается обосноваться в Номе всерьез и надолго. За обедом командир базы — видимо, не без умысла — всячески подчеркивал роль этого опорного пункта для войны с Японией. Но ведь уже тогда было ясно, что Япония в конечном счете проиграет войну, что победа над ней — дело не столь уж отдаленного будущего. Зачем же тут вкладывали такие огромные средства, почему так разворачивалось строительство? Очевидно, военное ведомство Соединенных Штатов имело в виду не только войну с Японией, но и какие-то другие, далеко идущие цели глобальной стратегии, связанной с уже начавшей вырисовываться идеей «Pax Americana» — господства США над послевоенным миром.

Форт «Белая лошадь»

После кратковременной остановки в Фербенксе — главном городе Аляски, мы полетели дальше над Канадой. Места здесь похожи на Сибирь. Под крылом тянулась бескрайняя тайга. Поросшие лесом горы вздыма-

лись подобно океанским валам, кое-где словно зеркальца мелькали озера. Во второй половине дня совершили посадку на арендованной правительством Соединенных Штатов у Канады авиационной базе, носившей романтическое название «Белая лошадь». Здесь когда-то находился старинный форт, обнесенный высоким частоколом, один из тех опорных пунктов белых поселенцев, которые так красочно описал Фенимор Купер. Форт «Белая лошадь» неоднократно подвергался атакам индейцев, здесь происходили ожесточенные стычки, но потом форт потерял свое значение и, возможно, в конце концов был бы и вовсе поглощен тайгой, если бы с началом войны этот пункт не облюбовали американцы для сооружения военно-воздушной базы.

Тут также шли большие строительные работы, хотя они еще и не продвинулись так далеко, как в Номе. Вокруг взлетно-посадочной дорожки корчевали пни, повсюду работали землеройные снаряды, бульдозеры, самосвалы. Поселок был еще временный: длинные полукруглые бараки из рифленого железа стояли рядами и соединялись переходами, крытыми брезентом. Вход в бараки закрывала помимо двери деревянная рама с густой металлической сеткой, предохранявшей от бесчисленных москитов. В бараке, несмотря на теплый день, отопление действовало на полную мощность. Батареи находились под потолком, и потому голове было особенно жарко. Солдаты и офицеры, расхаживавшие по бараку, были совершенно нагие, что нас несколько озадачило. Но все встало на свое место, когда наши хозяева объяснили, что хотели прежде всего предложить нам горячий душ. После душа нас провели по брезентовому переходу, наподобие тех, что соединяют железнодорожные вагоны, в другой барак, где была оборудована столовая...

Совершив по пути еще несколько посадок, мы поздно ночью приземлились в Эдмонтоне. С аэродрома отправились в гостиницу, расположенную в самом центре города, очень напоминающего своей старинной архитектурой Англию. Но осмотреть город нам не удалось — рано утром пришлось отправляться дальше. Днем снова пересекли границу Соединенных Штатов и к вечеру приземлились в Миннеаполисе; для меня это было первое знакомство с крупным американским городом.

Когда мы ехали с аэродрома, было еще светло. Я с интересом разглядывал аккуратные беленькие особнячки

пригорода, с неизменными террасами. В некоторых окнах виднелись небольшие флажки со звездочками: кто-то из членов семьи погиб на фронте. То была, пожалуй, одна из немногих внешних примет участия Америки в войне. В остальном же война как бы вовсе не сказалась на облике города. Затемнения тут не было и в помине, улицы ярко освещались, бешено сверкала и мигала реклама, витрины магазинов были завалены товарами.

Америка 1944 года

Забегая немного вперед, хочу рассказать о впечатлении, которое произвели на меня Соединенные Штаты в 1944 году. Участие в военных действиях безусловно стимулировало экономику. В связи с ростом военного производства безработица рассосалась, а в ряде районов даже ощущалась нехватка рабочих рук. Во многих семьях работали и муж и жена, что раньше было редкостью. Американская действующая армия несла сравнительно небольшие потери, пожалуй не больше, чем число жертв автомобильных катастроф. И хотя случалось, что та или иная семья получала похоронную, в массе население не ощущало особых тягот войны. По вечерам люди развлекались, заполняя кинотеатры, бары и рестораны, где им напоминал о войне лишь строгий плакат с надписью огненными буквами: «Помни Пёрл-Харбор!»

Удар, который японцы нанесли 7 декабря 1941 г. по Пёрл-Харбору, положил начало войне на Тихом океане, побудив американцев сплотиться вокруг президента Рузвельта, державшего курс на сотрудничество со странами, подвергшимися гитлеровской агрессии. Гитлер, демонстрируя солидарность с японскими милитаристами, поспешил объявить войну Соединенным Штатам. Так началось участие американцев в борьбе против гитлеровской Германии и ее союзников.

Общая картина Америки тех лет, которая предстала перед нами в 1944 году, отражала в какой-то мере последствия мероприятий, проведенных администрацией Рузвельта для борьбы с экономическим кризисом 1929—1933 годов. Разумеется, лекарство «нового курса» не излечило всех язв, присущих капиталистическому обществу, но кое-что, несомненно, изменилось, страна сделала в своем развитии значительный шаг вперед. Соединенные

Штаты начала 40-х годов были уже не те, какими увидел и описал их Максим Горький в своем блестящем памфлете «Город желтого дьявола».

Важную роль в этих изменениях сыграла, несомненно, и деятельность прогрессивных сил Америки, Коммунистической партии США, а также борьба американского рабочего класса, хотя она и носила в основном экономический характер. Наконец, немалое значение имело то, что определенная часть буржуазных политиков стала лучше понимать, какими опасностями их же классу могут угрожать новые экономические потрясения, что, между прочим, нашло свое отражение и в рузвельтовском «новом курсе».

На внутренней обстановке в Соединенных Штатах в огромной степени сказалось успешное строительство социалистического общества в Советском Союзе. Накануне второй мировой войны американский писатель Теодор Драйзер писал, что в Соединенных Штатах «сорокачасовая рабочая неделя, минимальная заработная плата, попытки планирования в сельском хозяйстве стали вопросами дня. Мы поставили вопрос о запрещении детского труда. На очереди вопросы здравоохранения, государственного страхования от безработицы и по старости, вопросы помощи потерпевшим от таких стихийных бедствий, как засуха, наводнения, неурожаи и прочее. Откуда этот внезапный интерес к социальным реформам в стране, которая в 1914 году не слишком отличалась своим демократизмом даже от какой-нибудь Германии или царской России? Откуда в самом деле?.. Все это произошло благодаря Октябрьской революции».

Американская буржуазия вынуждена была раскошелиться и хотя бы частично пойти на уступки рабочему классу.

Уже тогда нам не могло не броситься в глаза большое количество автомашин в Соединенных Штатах. Выезжая за город, можно было видеть, как лавина легковых автомобилей, автобусов, грузовиков, фургонов, целых поездов из прицепов, огромных платформ, на которых перевозят до десятка новеньких «фордов», почти непрерывно несется по дорогам. Порой кажется, что вся Америка мчится с головокружительной быстротой по нескончаемым бетонным лентам.

Многие специфические особенности американской жизни диктуются автомобилем. В городах встречается

немало улиц только с проезжей частью, без тротуаров. Часто попадаются дорожные рестораны, где нет ни залов, ни столиков, ни стульев для гостей — одна лишь кухня. Вокруг нее в живописном беспорядке останавливаются машины, и официантки бегают с подносиками, протягивая сидящим в кабинах посетителям чашку кофе или сосиски. Имеются даже специальные кино для автомобилистов: перед асфальтированной треугольной площадкой установлен огромный экран, высотой этажа в четыре, на асфальт нанесены белой краской квадраты, в которые въезжают автомобили, пассажиры со своих сидений смотрят фильм.

Перенасыщенность Америки автомобилями имеет свои теневые стороны. Улицы многих городов запружены машинами до отказа. Парковаться негде. Многие вынуждены оставлять машину вне черты города и добираться в центр городским транспортом.

При всем том большое количество автомашин в стране и сравнительная их доступность, конечно, положительный факт. Но дело не только в том, что многие американские семьи имеют автомобиль. Мы видели, что значительная прослойка американцев уже тогда жила в относительном достатке. В быту у них широко применяются всяческие технические новинки, облегчающие труд.

У меня сложилось впечатление, что американцы в своей массе — это гостеприимные, открытые люди, умеющие повеселиться, обладающие большим чувством юмора. Широко известны их деловые качества, техническая сноровка, энергия, предприимчивость.

В то время поражало, однако, весьма безразличное отношение американцев к вопросам политики — внутренней, а особенно внешней. Даже тогда, в годы войны, многие в Соединенных Штатах оставались при своем старом мнении, что политика — это неизбежное зло, с которым приходится мириться, но от которого лучше держаться подальше. По-видимому, здесь сыграло свою роль недоверие, которое рядовой американец испытывает по отношению к профессиональным политикам, или, как их называют в Соединенных Штатах, «политиканам», нередко дискредитирующим себя всякими темными махинациями. В Соединенных Штатах бытует такой анекдот: чтобы заранее определить, какая карьера ожидает младенца, родители кладут перед ним на стол доллар и бутылку виски. Если ребенок потянется к доллару — это хорошо: он

станет деловым человеком. Если же его привлечет бутылка, то из него ничего путного не выйдет... Один младенец сразу схватил и доллар и бутылку.

— О боже,— воскликнула мать,— он будет политиканом!

Именно недоверием к «политиканам» некоторые наши собеседники объясняли уклонение почти половины американских избирателей от участия в выборах.

Однако здравый смысл, которым обладает американский народ, побуждал его, особенно после вступления Соединенных Штатов в войну, все внимательнее присматриваться к политическим проблемам, в частности к вопросу об отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

В этой связи не следует слишком переоценивать влияние американской буржуазной прессы. В тех случаях, когда американец имеет дело с сомнительной информацией, он скорее полагается на природную смекалку. Между двумя мировыми войнами трубадуры антикоммунизма обрушивали на народ Соединенных Штатов потоки антисоветской клеветы. Ежедневно аршинные заголовки на первых полосах газет запугивали обывателя «красной угрозой». А каков оказался результат? Общаясь в Соединенных Штатах с разными людьми, мы встречали много благожелательно относящихся к нам американцев. Многие американцы выражали самое искреннее пожелание успехов в боевом содружестве наших стран, много говорили о важности развития дружественных отношений с Советским Союзом в послевоенный период.

Среди американцев мы встречали немало людей с широким кругозором, обширными знаниями и разносторонними интересами. Но сами же они нередко жаловались на ограниченность запросов значительного числа своих соотечественников. Это, несомненно, не случайное явление. Оно порождается определенными причинами.

Специфическая пропаганда, так же как и вообще вся атмосфера жизни в Соединенных Штатах, толкает многих американцев к одному: заработать побольше долларов. В результате в глазах рядового неискушенного американца каждый, кто умеет «делать деньги», достоин восхищения.

В журналах и газетах печатается множество всяких историй об удачливых бедняках, ставших миллионерами, причем читателям внушают, что каждый может пробить-

ся в богачи. Прибегают ко всевозможным ухищрениям, чтобы убедить американца, что все в Соединенных Штатах — «потенциальные капиталисты» и что каждый может разбогатеть, если проявит предприимчивость. В итоге у многих круг интересов крайне узкий. Такие люди не читают книг, фактически не знают не только мировой, но и своей, американской литературы, имеют смутное представление об истории и о международных делах. Даже газету они читают очень своеобразно: пробегают на первой странице заголовки, затем раскрывают экономический раздел, чтобы посмотреть, как обстоит дело с курсом акций — уж хотя бы одну акцию какой-либо компании американец, как правило, имеет и потому следит за колебанием цен на бирже. Потом, справившись на спортивной странице, как играет бейсбольная команда их колледжа, газету выбрасывают.

Система образования в высших учебных заведениях организована так, что студент, получая хорошие, глубокие профессионально-технические знания, не имеет многих необходимых общих сведений. Это приводит к тому, что среди интеллигенции иной раз встречаешь людей с совершенно непонятными на первый взгляд провалами в образовании.

Уже тогда многих в США тревожил рост преступности. Она связана с ростом трущоб в американских городах. В Нью-Йорке, например, мы видели целые районы, где сотни тысяч людей ютятся в ужасно запущенных домах. В провинции немало городков, состоящих из жалких лачуг, сколоченных из фанеры, кусков картона и жести. Вокруг этих хижин нет ни зеленых лужаек, ни пестрых газонов. Они стоят среди мусора и пыли, поднимающейся при каждом порыве ветра...

Встреча в Вашингтоне

Нам оставалось преодолеть последний отрезок пути. Погода стояла отличная, ветра почти не было, и самолет плавно скользил в голубом безоблачном небе. Внизу раскинулась американская земля с полноводными реками и озерами, зелеными дубравами, золотыми пшеничными полями. Бросались в глаза квадраты, на которые были как бы расчерчены поля. Словно бы под нами лежала гигантская шахматная доска. То были проселоч-

ные дороги, пересекающие вдоль и поперек все пахотные земли Соединенных Штатов. Американских фермеров уже давно заботила проблема быстрого вывоза урожая с полей, причем в любую погоду. Выход нашли такой: провели дорогу с каждой стороны обрабатываемого участка. Таким образом к полю удобно подъехать отовсюду. Это облегчает подвозку семян, удобрений, механизмов для культивации и, наконец, вывоз урожая. Дороги эти, хотя и чисто местного значения, обычно заасфальтированы или имеют щебеночное покрытие — бездорожья весной и осенью не бывает. По этим дорогам легко также выехать на шоссейные магистрали и автострады. Разумеется, в свое время надо было вложить немало средств и труда, чтобы охватить такими дорогами почти по всей стране квадраты полей, но теперь это значительно облегчает работу фермера.

Квадраты кончились, потянулись перелески, и наш самолет, сделав крутой поворот и немного снизившись, направился вдоль реки. Спокойная гладь поблескивала на солнце между холмистыми изумрудными берегами. Можно было легко различить идущую параллельно реке автостраду и мчавшиеся по ней разноцветные коробочки автомобилей. Потом на горизонте появился купол Капитолия. Мы подлетали к Вашингтону — цели нашего путешествия, которое заняло в общей сложности девять дней.

Самолет подрулил к зданию аэровокзала, двигатели затихли, второй пилот, быстро пробежав между рядами кресел, открыл дверцу. В кабину хлынули лучи яркого солнца и поток горячего влажного воздуха. Первым спустился по трапу А. А. Громыко, за ним последовали все мы. Аэровокзал украшали американские, советские и британские флаги, оркестр играл бравурный марш. Поодаль застыл почетный караул, а дальше на краю поля рядами стояли самолеты с американскими опознавательными знаками.

Делегацию нашу встречали заместитель государственного секретаря США Эдвард Стеттиниус, постоянный заместитель министра иностранных дел Англии, глава британской делегации на предстоящих переговорах Александр Кадоган, члены английской делегации, представители госдепартамента и сотрудники советского посольства в Вашингтоне со своими семьями. Кадогана я узнал сразу, так как встречался с ним еще в Москве: он не-

сколько раз приезжал в свите главы Форин оффис Антони Идена. Одет Кадоган был в легкий светлый просторный костюм и его всегда усталое лицо с мешками под глазами и коротко подстриженными усиками казалось в этой вашингтонской духоте совсем изможденным. Стеттиниуса я видел впервые. Он явно чувствовал себя здесь, как рыба в воде. На нем был темно-серый двубортный костюм с белоснежным платочком в нагрудном кармане, белая рубашка с жестким воротничком и в косую полоску галстук. Энергичное, загорелое, еще совсем молодое лицо с густыми черными бровями контрастировало с седой шевелюрой и ровными рядами белых зубов.

После взаимных приветствий Громыко и Стеттиниус обошли строй почетного караула и, вернувшись, остановились напротив входа в аэровокзал. К ним присоединился Кадоган. Наша делегация и все встречавшие выстроились за ними в ряд. Раздались звуки государственного гимна Советского Союза, затем гимна Соединенных Штатов. Оркестр снова заиграл марш, и перед нами бодро продефилировал почетный караул. Впереди шли три знаменосца: они несли государственные флаги Соединенных Штатов, Советского Союза и Великобритании. Эта торжественная церемония как бы символизировала решимость народов антигитлеровской коалиции совместно одержать победу в войне и общими усилиями обеспечить мир. Ради этого, собственно, тут собрались представители трех великих держав.

На площади перед аэровокзалом стояли большие черные лимузины и эскорт полицейских-мотоциклистов. Как только мы разместились в машинах, вся процессия тронулась в путь. Мчавшиеся впереди мотоциклисты включили полицейские сирены, вдруг напомнившие мне уже давно не раздававшийся в Москве сигнал воздушной тревоги. Вначале ехали по автостраде, затем по улицам города, не обращая внимания на красные сигналы светофора. Всех нас, кроме Громыко, который отправился к себе на квартиру, расположенную в особняке посольства, поселили в отеле «Статлер», считавшемся тогда в Вашингтоне самым роскошным.

Во второй половине дня Громыко пригласил членов советской делегации на обед. Было там по-домашнему непринужденно. Много шутили по поводу различных эпизодов нашего длинного путешествия. Андрей Андреевич знакомил нас с особенностями вашингтонской жизни,

давал меткие характеристики тамошним политическим деятелям, наставлял практическими советами.

Мы допоздна засиделись у посла. Многодневный перелет давал себя знать, и я уже подумывал о том, как приятно будет отдохнуть в удобной статлеровской постели. Но не тут-то было. Громыко, который как бы вовсе и не чувствовал усталости, предупредил, что через сорок минут ждет нас в своем рабочем кабинете в посольстве.

В назначенный час все собрались в просторном кабинете посла. Высокие окна, выходившие в небольшой палисадник, отделяющий особняк от проезжей части улиц, были прикрыты плотными занавесками. Мы уселись в глубоких кожаных креслах. Помимо членов нашей делегации были тут и руководящие работники посольства. Сначала происходил обмен мнениями по поводу предстоящей конференции. Громыко предупредил, что работа будет нелегкой, так как по многим проблемам позиции участников переговоров значительно расходятся. Затем посол кратко изложил советскую точку зрения на характер будущей всемирной организации безопасности.

Громыко предложил всем еще раз внимательно ознакомиться с советским меморандумом, подготовленным к конференции, а также с проектами американской и английской делегаций. Этими документами все три страны — участницы конференции обменялись заранее.

Обращаясь к генералу Славину и адмиралу Родионову, посол сказал, что в соответствии с нашей общей позицией им как военным экспертам надо продумать конкретную аргументацию, поскольку, судя по составу американской и английской делегаций, включающих значительное число высших чинов всех трех родов войск, военные аспекты, несомненно, подвергнутся детальному обсуждению. Повернувшись в мою сторону, Громыко напомнил, что надо будет тщательно фиксировать существо дискуссии и следить за тем, чтобы наша позиция была правильно отражена в протоколах конференции.

Затем посол сделал краткий обзор внутриполитического положения Соединенных Штатов. Тут, подчеркнул он, решающее влияние оказывает сейчас предвыборная кампания, размах которой становится все шире. Выборы президента должны были состояться в ноябре, и естественно, что и сам Рузвельт, и, по существу, весь правительственный аппарат уделяли им большое внимание. У Рузвельта, сказал Громыко, положение сложное. Крайняя

реакция ведет на него атаку. Хотя многое делается завуалированно, несомненно, что главный удар наносится по рузвельтовскому курсу, направленному на сотрудничество с Советским Союзом как в войне, так и в послевоенный период. На этой негативной платформе объединились разные группировки. В целом они представляют значительную силу. В этой связи особенно неблагоприятно сложилась обстановка для вице-президента Уоллеса, прогрессивные взгляды которого давно являются бельмом на глазу здешней реакции. Поэтому Рузвельт в попытке нейтрализовать противников, видимо, решил пожертвовать Уоллесом и взять себе напарником такого человека, который устроил бы крайне правые группировки. Среди возможных кандидатов, в частности, называют сенатора Трумэна. Такой выбор кандидатуры вице-президента серьезно осложнит обстановку, поскольку враждебное отношение Трумэна к Советской стране не составляет секрета. Сейчас идет закулисная борьба, чем она закончится, пока трудно сказать, но все это, несомненно, скажется и на работе конференции в Думбартон-Оксе.

Совещание закончилось поздно, но каждый чувствовал, что вечер проведен с пользой. Всем нам нужна была такая политическая зарядка, нужна была внутренняя собранность и мобилизация сил для предстоящих переговоров.

Царапкин, Долбин и я решили пройтись перед сном по ночным вашингтонским улицам. Дневная жара спала, листву деревьев шевелил легкий ветерок. Мы пошли вниз по направлению к Белому дому — вдалеке виднелись его подсвеченные колонны. Погуляв в небольшом парке Лафайета, мы вышли на нарядную Пенсильвания-авеню, витрины которой отбрасывали яркий свет.

В Вашингтоне, во всяком случае в его центральной части, мы смогли ориентироваться в первый же вечер. С севера на юг идут улицы, имеющие номера, с запада на восток — улицы, которым присвоены буквы алфавита. Наш отель находился на углу улиц 16-й и К, поэтому, выйдя на 16-ю улицу в районе улицы О, мы легко определили нужное направление.

Открытие конференции

*

Думбартон-Окс

Утром 21 августа у подъезда «Статлера» на 16-й улице нас ожидали два больших черных лимузина. По пути я заехал в посольство взять папку с бумагами. Прошел к послу. Он, сидя за большим письменным столом, читал газеты. Громыко сказал, чтобы мы не дожидались его, он приедет вслед за нами. Машины выехали на Массачусетс-авеню, потом свернули налево и оказались в тенистом парке. Шоссе шло вдоль порожистой речушки, которая так и называется — Скалистый ручей. Местность здесь холмистая, очень живописная. Казалось, что город остался позади, но переехав через ручей по высокому мосту, мы снова оказались в городских кварталах, но уже в районе 30-х улиц. Еще несколько поворотов, и мы въехали сквозь узорчатые чугунные ворота в красиво распланированный парк. Это и был Думбартон-Окс. Машины замедлили ход и, прошуршав шинами по мелкой гальке, остановились у подъезда с широкой лестницей. К парадной двери вело несколько ступенек. Портик над дверью поддерживали круглые колонны.

Старинное имение, некогда принадлежавшее богатой семье американского дипломата Роберта Вудс Блисса, затем стало собственностью Гарвардского университета. Государственный департамент арендовал усадьбу на время конференции. Трехэтажный особняк, увитый плющом и окруженный высокими деревьями, возвышался на холме на краю парка, спускавшегося террасами далеко вниз. Трава на лужайках была коротко подстрижена. Цвели олеандры. В нижней части парка находился бассейн для плавания и беседка с душем.

В первом этаже особняка — очень высокие окна, схваченные редким переплетом. Во втором этаже на фоне серой стены выделялись зеленые жалюзи. Окна третьего этажа — мансарды — были как бы врезаны в высокую черепичную крышу. Зал пленарных заседаний находился на первом этаже: большая гостиная с мраморным камином, со старинными гобеленами во всю стену, с блестящим, как зеркало, полом и огромной бронзовой люстрой. Мебель, которая в обычных условиях, надо полагать, до-

полняла убранство этой роскошной гостиной, отсутствовала. Вместо нее были установлены три длинных полированных стола из темного дерева для делегаций и четвертый стол, поменьше, для секретариата конференции.

Кроме этого зала в восточном крыле здания, несколько выше, как бы в бельэтаже, находился небольшой кабинет, предназначенный для совещаний руководителей делегаций трех держав. Кабинет украшали панели мореного дуба, прикрывавшие нижнюю часть стен, книжные полки и камин. Обставлена эта комната была более уютно, тут стояли мягкие кресла и диваны, обитые полосатым шелком. Посредине — круглый полированный стол красного дерева.

На втором этаже помещались объединенный секретариат конференции и рабочие комнаты каждой из делегаций.

Здесь, пожалуй, уместно привести состав американской и английской делегаций.

Делегация Соединенных Штатов: заместитель государственного секретаря Эдвард Стеттиниус (глава делегации), советник госдепартамента по политическим вопросам Джеймс Данн, советник госдепартамента Исайя Боумен, генеральный советник управления военной мобилизации Бенджамин Коэн, специальный помощник государственного секретаря Джозеф Грю, председатель комитета специальных исследований госдепартамента Лео Пасвольский, генералы Эмбик, Фэйрчайлд и Стронг, адмиралы Хэмберн, Вильсон и Трейн, сотрудники госдепартамента Стэнли Хорнбек, Брекинридж Лонг и Эдвин Вильсон. Кроме того, в конференции принимали участие советники и секретари, среди них Чарльз Болен, Элджер Хисс, Хекворт и др. Американская делегация была самой многочисленной.

Делегация Великобритании: постоянный заместитель министра иностранных дел Александр Кадоган (глава делегации), глава политического департамента Форин оффис Глэдвин Джебб, адмирал Нобл, маршал авиации Уэлш, генералы Макреди и Гроув-Уайт, профессора Уильям Малкин и Чарльз Вебстер, работники Форин оффис — советники и секретари: Маккензи, Поинтон, Фалла, мисс Томас, Локсли, Гроув-Бут, полковник Кэпл-Данн.

Незадолго до 10 часов утра зал пленарных заседаний заполнили участники конференции, начавшейся с торжественного открытия. По этому случаю в дальнем кон-

це зала, около задрапированной серой тканью стены, был поставлен небольшой стол, за которым должны были сидеть государственный секретарь США Корделл Хэлл, три руководителя делегаций, а также посол Великобритании в Вашингтоне лорд Галифакс. А. А. Громыко присутствовал в двух качествах: как глава советской делегации и как посол Советского Союза в Соединенных Штатах.

На столе президиума лежал деревянный председательский молоток и были установлены микрофоны. Торжественное открытие конференции передавалось по радио.

Первый день

Когда каждая делегация заняла место за своим столом, в зал вошли руководители конференции, а также Корделл Хэлл и лорд Галифакс. Раздались аплодисменты. Хэлл поклонился. Он совсем не изменился с тех пор, как я видел его в Москве год назад: высокий, худощавый, со спокойными размеренными движениями. Вошедшие постояли немного у драпировки, о чем-то разговаривая, потом Хэлл, Громыко и Стеттиниус сверили часы: было ровно 10. Хэлл подошел к центру стола. Громыко, Стеттиниус, Кадоган и Галифакс опустились в кресла.

Лорд Галифакс оказался по правую руку Хэлла. Глядя на его вытянутую физиономию, я думал о той роли, которую этот человек сыграл в предвоенные годы. Его имя, наряду с именем Чемберлена, стало синонимом мюнхенской политики умиротворения. Занимая пост министра иностранных дел в возглавляемом Чемберленом правительстве Англии, Галифакс делал все, чтобы направить агрессию Гитлера на Восток, против Советского Союза. С его участием был выработан курс предвоенной британской политики — невмешательство в Испании, когда Франко готовился потопить в крови республику; поощрение ремилитаризации нацистской Германии; предательство в Мюнхене; отклонение советских предложений, направленных на создание системы коллективной безопасности в Европе и организацию совместного отпора гитлеровской агрессии; наконец, нелепая комедия переговоров с Советским Союзом летом 1939 года, когда в Москву нарочито были посланы третьестепенные чиновники, не

имевшие полномочий для достижения соглашения. Это якобы должно было убедить Гитлера, что Англия не собирается вести серьезные дела с большевиками и что путь для вермахта на Восток открыт. Вся эта предвоенная политика поощрения агрессора была связана с именем Галифакса.

Его дипломатические маневры провалились, западным державам пришлось испытать на себе первые удары военной машины Гитлера, и логика событий привела к объединению Англии и Советского Союза в антигитлеровской коалиции. Галифаксу ничего не оставалось, как покинуть министерский пост и довольствоваться креслом посла его величества в Вашингтоне.

Теперь он был со всеми нами очень любезен, устроил в своем роскошном посольском особняке прием по случаю пребывания нашей делегации в Вашингтоне. Но, конечно, он едва ли мог примириться с тем, что история пошла не по намеченному им пути. И он, надо полагать, не упускал случая оказать в Думбартон-Оксе соответствующее влияние на английскую, а возможно, и на американскую позицию...

Хэлл стукнул три раза молотком. В зале воцарилась тишина. Надев пенсне и немного откашлявшись, Хэлл раскрыл лежащую перед ним папку и начал читать речь скрипучим негромким голосом:

— От имени президента Рузвельта и от своего собственного имени я приветствую вас в Вашингтоне. Открывая эту важную конференцию, я хочу от имени нас обоих сделать некоторые краткие замечания. Серия переговоров, которую мы начинаем сегодня, знаменует собой новый шаг к созданию прочной системы организованных мирных взаимоотношений между странами. Мы встретились в момент, когда силы свободы идут к блестящему триумфу в войне. Наша задача состоит в том, чтобы заложить основу, на которой после победы и заключения мира можно обеспечить мир, свободу и все возрастающее процветание для будущих поколений...

Сам характер нынешней войны заставляет нас искать прочного мира, основанного на правосудии и справедливом отношении к отдельным странам. Мы были и до сих пор являемся свидетелями разгула сил такого дикого варварства, какое добрые цивилизованные люди считали больше невозможным. Вооруженным всеми орудиями современной науки, техники и столь же мощными средства-

ми насилия и обмана, этим силам почти удалось добиться успеха в порабощении человечества. В годы, в течение которых эти агрессоры готовились к нападению, среди миролюбивых стран не было единства, у них не было силы, ибо у них отсутствовала бдительность и сознание опасности, нависшей над ними. Сейчас этим силам зла угрожает полный разгром, так как в конце концов страны, намеченные ими в жертвы, достигли единства и вооружились, что сейчас и приносит нам победу.

Уроки, полученные нами в результате нашей прошлой разобщенности и слабости, должны глубоко запасть в умы и сердца нашего поколения и будущих поколений. То же должно произойти и с уроками, полученными в результате единства и силы, накопленной вследствие этого Объединенными нациями в данной войне. Единство общих действий ради общего блага и против общей опасности представляет собой единственный эффективный способ, которым во время войны миролюбивые страны могут обеспечить свою безопасность, порядок и прогресс вместе со свободой и справедливостью...

Далее Хэлл перешел к вопросу о важности создания организаций, с помощью которых воля к миру могла бы претворяться в действия, и коснулся той работы, которая уже проделана союзными державами по разработке основ справедливого и прочного мира.

— Эти основы, — заявил Хэлл, — должны поддерживать мероприятия по мирному разрешению международных конфликтов и совместному использованию силы, если это потребуется для предотвращения или ликвидации угрозы миру или нарушения мира. Они также должны поддерживать мероприятия для обеспечения совместными усилиями условий для прочного благосостояния, необходимого для установления мирных и дружественных отношений между странами и существенно важных для сохранения безопасности и мира...

— Правительства, представленные здесь, — продолжал государственный секретарь, — полностью разделяют убеждение, что сохранение мира и безопасности в будущем, являющееся главной целью международного сотрудничества, должно стать совместной задачей и лежать на ответственности всех миролюбивых стран, малых и великих. Они торжественно провозгласили это убеждение в Декларации министров иностранных дел в Москве 30 октября 1943 г...

Касаясь существа Московской декларации, Хэлл заявил, что каждое правительство взяло на себя долю ответственности за руководство в создании международной организации, преследующей эту цель, путем совместных действий миролюбивых стран.

В заключение Хэлл сказал:

— Всеми признано, что любая мирная организация безопасности неизбежно потерпит крах, если она не будет поддержана силой, которая будет использоваться в конечном счете в случае неуспеха всех других средств сохранения мира. Эта сила должна быть под рукой в необходимых размерах и вне всяких сомнений. Страны мира должны иметь в соответствии со своими возможностями достаточные силы для совместных действий, когда это потребуется, чтобы предотвратить нарушения мира...

Закончив речь, Хэлл снова стукнул молотком и сказал:

— Теперь я хотел бы предоставить слово руководителю советской делегации послу Громыко. Прошу вас, господин посол...

Громыко обратился к присутствовавшим со следующей речью:

— Я полностью разделяю выраженные государственным секретарем Хэллом мысли по поводу важности настоящих переговоров. Народы наших стран ведут борьбу не на жизнь, а на смерть против злейшего врага человечества — гитлеровской Германии. Эта борьба уже стоила нашим странам, а также многим другим свободолюбивым странам мира тяжелых человеческих и материальных жертв...

Громыко сказал далее, что народы мира, естественно, ищут средства, чтобы предотвратить повторение аналогичной трагедии в будущем. Они пролили слишком много крови и принесли слишком много жертв, чтобы безразлично относиться к своему будущему.

— Вот почему, — продолжал советский представитель, — они стремятся создать международную организацию, которая будет в состоянии позаботиться о том, чтобы подобные трагедии не повторялись, а также о том, чтобы обеспечить народам в будущем мир, безопасность и процветание. Членами такой организации могут быть, как указано в Декларации четырех наций, подписанной на Московской конференции 30 октября 1943 г., все большие и малые свободолюбивые страны мира...

— Само собой понятно, — сказал Громыко, — что для сохранения мира и безопасности недостаточно обладать только желанием обуздать агрессора и применить против него силу, если этого потребуют обстоятельства. Чтобы обеспечить мир и безопасность, совершенно необходимо обладать ресурсами, с помощью которых можно предотвратить или подавить агрессию и сохранить международный порядок. В свете вышесказанного становится ясно, какая ответственность возлагается на страны — члены будущей организации безопасности, и особенно на страны, несущие главное бремя нынешней войны и обладающие необходимыми ресурсами и силой для поддержания мира и безопасности. Вот почему все, кому дороги свобода и независимость, не могут не сделать вывода, что эту свободу и независимость можно сохранить только в том случае, если будущая международная организация безопасности в интересах свободолюбивых народов мира эффективно использует все ресурсы, находящиеся в распоряжении членов организации, и прежде всего ресурсы таких великих наций, как Советский Союз, Соединенные Штаты и Великобритания...

— Единство союзников, — продолжал Громыко, — проявленное в борьбе против общего врага, и их стремление сохранить мир в будущем представляют собой гарантию того, что настоящие исследовательские переговоры дадут положительные результаты. Они являются первым шагом на пути, ведущем к постройке здания, в возведении которого заинтересованы все свободолюбивые народы мира ради создания эффективной международной организации по вопросам сохранения мира и безопасности...

— Я не сомневаюсь, — сказал в заключение Громыко, — что в ходе нынешних переговоров представители трех наций будут вести свою работу в духе взаимного понимания и в дружественной атмосфере, которая будет способствовать успешному исходу переговоров.

Хэлл снова поднялся, поблагодарил Громыко за его выступление и, стукнув молотком, предложил слово руководителю английской делегации. Кадоган сказал:

— Начинающиеся сегодня переговоры вытекают из статьи 4 Московской декларации, в разработке которой господин Хэлл играл столь заметную, выдающуюся роль. Мы с восхищением слушали мудрые, сильные слова, которыми он положил начало нашей работе, и, я уверен,

все мы искренне благодарны ему за его неутомимые усилия, направленные на обеспечение международного взаимопонимания.

У нас имеется также основание быть благодарными Советскому правительству. Мне кажется, что именно по его инициативе было принято решение об организации нынешних переговоров, и из позиции, занятой в то время Советским правительством на Московской конференции, было ясно, что оно придает величайшее значение созданию системы, предназначенной для предотвращения повторения нацистско-фашистской агрессии. Мое правительство, со своей стороны, с самого начала высказывалось за такого рода переговоры и делало все возможное, чтобы ускорить их...

Отметив, что победа Объединенных наций, когда она наступит, должна быть полной, Кадоган продолжал:

— Мы собрались здесь, для того чтобы наметить план создания системы, которая даст возможность отдельным нациям эффективно сотрудничать ради общего блага. Отдельные нации, малые и большие, должны стать основой нашей новой мировой организации, и наша задача заключается в том, чтобы создать механизм, который возложит на каждую из них ответственность, соответствующую ее силе. Это нелегкая задача, но она может быть разрешена. Никто не желает навязывать диктатуру великих держав остальному миру, но совершенно очевидно, что, если великие державы не будут объединены в своей цели и не будут готовы взять на себя и лояльно выполнять свои обязательства, ни один механизм, созданный для сохранения мира, не окажется работоспособным.

Далее Кадоган заявил, что нужно в какой-то мере предусмотреть координацию деятельности различных функциональных организаций, которые уже созданы или возникнут в дальнейшем, и каким-то образом связать их с общемировым международным механизмом.

— Нас вдохновляет тот факт, — сказал в заключение Кадоган,— что, как это видно из уже распространенных меморандумов, между нашими взглядами имеется много общего. Не следует также забывать и о факторе времени. События развиваются быстрыми темпами, и мир может наступить раньше, чем это некоторые предполагают... Поэтому, если нам необходимо определить пункты, по которым, по-видимому, существует предварительное согласие, мы должны работать быстро и упорно.

Кадоган закончил свою речь, и Хэлл поблагодарил присутствующих за внимание. Теперь, сказал он, конференция может перейти к практической работе.

Стеттиниус попросил слова. Он предложил сделать перерыв, с тем чтобы главы делегаций могли обсудить конкретные вопросы, связанные с порядком ведения конференции.

— Я полагаю, — сказал Стеттиниус, обращаясь к Громыко и Кадогану, — что нам следовало бы создать некий руководящий комитет, состоящий из трех глав делегаций и еще тех лиц, которых мы сочтем нужным привлечь дополнительно. Это упростило бы решение многих вопросов, которые не обязательно рассматривать на пленарных заседаниях.

Громыко и Кадоган согласились с этим предложением. Стеттиниус сказал, что было бы целесообразно созвать первое заседание комитета сегодня же после перерыва, скажем в три часа. Против этого никто не возражал. Обращаясь к Хэллу, Стеттиниус сказал:

— У меня больше нет никаких замечаний, господин председатель...

Хэлл кивнул, стукнул молотком и объявил перерыв.

В три часа дня в кабинете, расположенном в бельэтаже, открылось первое заседание Руководящего комитета. На нем присутствовали: Громыко, Соболев, Бережков (Советский Союз); Стеттиниус, Пасвольский, Данн, Хисс (Соединенные Штаты); Кадоган, Джебб (Англия).

Стеттиниус, который по праву хозяина открыл заседание, сказал, что следовало бы решить некоторые технические и процедурные вопросы, связанные с работой конференции. В частности, по его мнению, нужно прежде всего условиться о рабочем языке. Стеттиниус спросил, какие имеются на этот счет предложения.

Первым взял слово Громыко. Он сказал, что оба языка — русский и английский — должны быть рабочими языками, находящимися на равном положении. Но английский язык может чаще использоваться.

— Я не думаю, — сказал Громыко, — что советская группа будет во всех случаях пользоваться русским языком, но мы хотим иметь возможность пользоваться им время от времени...

Возражений не последовало. Было решено считать рабочими оба языка — английский и русский.

Далее рассматривался вопрос о постоянном председ-

дателе. Кадоган предложил кандидатуру Стеттиниуса как представителя пригласившего правительства. Громыко поддержал предложение английского делегата.

— Может быть, было бы лучше, если бы мы все трое председательствовали поочередно? — спросил Стеттиниус.

Кадоган возразил, повторив, что эту функцию следует выполнять американскому представителю. После некоторого обсуждения было принято первоначальное предложение, чтобы Стеттиниус исполнял обязанности постоянного председателя. Соглашаясь с этим, Стеттиниус сказал, что, если он почему-либо будет отсутствовать, председательствовать на конференции должны поочередно Громыко и Кадоган. С этим все согласились.

Следующий вопрос касался часов работы конференции. Договорились начинать утренние заседания в 10 часов 30 минут и работать с небольшим перерывом на ленч примерно до 13 часов. Наиболее подходящим временем начала вечерних заседаний было признано 15 часов, с тем чтобы заканчивать в 16 часов 30 минут или в 17 часов, в зависимости от хода работы в каждом конкретном случае.

Стеттиниус коснулся проблемы освещения хода конференции в прессе. Он заявил, что, по его мнению, любое лицо, причастное к конференции, может давать какую-либо информацию прессе только по взаимному согласию всех трех руководителей делегаций. Этот вопрос также подвергся некоторому обсуждению, после чего было принято решение делать заявления через специальных представителей по связи или через пресс-секретарей делегаций, которые должны получать одобрение соответствующих руководителей. Все согласились также, что по процедурным и техническим вопросам следует давать прессе как можно больше информации ежедневно или хотя бы через день. На этом особенно настаивал Стеттиниус, заявивший, что его постоянно атакует американская печать и что надо что-то ей сообщать.

Еще один важный вопрос, который обсудил Руководящий комитет, касался протоколов заседаний. Договорились, что секретариат будет нести ответственность за подготовку и выпуск неофициальных отчетов о заседаниях. В них должны точно воспроизводиться внесенные предложения, излагаться общая дискуссия, а также решения, принятые по отдельным предложениям. Было решено, что Фалла (английская делегация) и Юнин (советская

делегация) будут вместе с американскими коллегами сидеть за столом секретариата и по мере необходимости помогать в составлении протоколов, окончательно оформлять которые было поручено Элджеру Хиссу. Утром следующего дня подробный текст протокола должен представляться в трех экземплярах, по одному экземпляру для каждой группы. Этот текст следует быстро просмотреть, внести необходимые дополнения и поправки, после чего Хисс составит окончательный текст с учетом внесенных поправок, даст его размножить и представит каждой из делегаций.

Решив эти вопросы, члены Руководящего комитета обменялись мнениями о порядке работы первого пленарного заседания. Кадоган предложил, чтобы за основу для переговоров был взят английский документ, разосланный заранее всем участникам, как и соответствующие документы советской и американской делегаций. Громыко заметил, что в английском и американском документах слишком много внимания уделяется деталям.

— Я думаю, — продолжал советский делегат, — что прежде всего следовало бы обсудить наиболее важные моменты. Советское правительство считает, что в своем документе оно перечислило наиболее существенные вопросы. Второстепенные вопросы легче будет обсудить и решить, когда удастся разрешить основные проблемы. Под этим углом зрения и следует рассматривать соответствующие разделы британского и американского документа...

Отвечая Громыко, Стеттиниус сказал, что согласен начать переговоры с изучения советской точки зрения. Он полагает, что советская сторона будет основываться на своем документе, тогда как американцы и англичане будут пользоваться своими документами. Затем можно будет решить, какие дополнительные пункты следует включить в обсуждение.

С этим предложением все согласились.

Английские предложения имели пять разделов.

Раздел «А» излагал принципы и цели будущей организации и ее структуру. Обеспечивая международный мир и безопасность, организация должна, кроме того, ставить перед собой и задачу улучшения экономических условий во всем мире, защищать права человека и выполнять другие позитивные задачи. Что касается структуры организации, то в английском меморандуме подчеркива-

лась необходимость обеспечения особой роли четырех держав — инициаторов ее создания (СССР, США, Англии и Китая). Главными органами намечались всемирная ассамблея и всемирный совет. В отношении состава совета не делалось определенных предложений, но указывалось, что этот орган не может быть многочисленным. Помимо всемирной организации, допускалось и существование региональных организаций, действующих под ее руководством.

Раздел «В» излагал предложения о мирном разбирательстве международных споров, международных гарантиях и мерах для поддержания мира и безопасности. Разрешение политических споров возлагалось на всемирный совет, решения которого должны приниматься двумя третями голосов, включая голоса четырех великих держав.

Раздел «С» касался военных вопросов. В частности, в нем предлагалось создание военно-штабного комитета из представителей четырех держав. По совету военно-штабного комитета всемирный совет должен был распоряжаться определенными квотами вооруженных сил государств — участников организации. Предполагалось создание общих гарнизонов в некоторых точно указанных районах.

Раздел «D» формулировал необходимость координации экономического международного аппарата.

Раздел «Е» касался процедуры учреждения всемирной организации. В нем подчеркивалась необходимость после завершения переговоров в Вашингтоне опубликовать результаты этих переговоров с целью созыва в дальнейшем конференции всех Объединенных наций.

Американские предложения были довольно детально разработаны и имели следующие разделы: 1. Общий характер международной организации. 2. Генеральная ассамблея. 3. Исполнительный совет. 4. Международный суд. 5. Мирное урегулирование споров. 6. Определение угрозы миру или нарушений мира и связанные с этим действия. 7. Регулирование вооружений и вооруженных сил. 8. Мероприятия по экономическому и социальному сотрудничеству. 9. Генеральная администрация и секретариат. 10. Процедура создания организации и введение ее в действие.

В разделе, посвященном генеральной ассамблее, указывалось, что все члены организации имеют в ассамблее

один голос. Однако в бюджетно-финансовых вопросах каждое государство должно было обладать количеством голосов, пропорциональным его участию в финансировании расходов организации. Американские предложения предусматривали, что совет будет состоять из 11 членов, включая четыре державы-инициатора, а также Францию. При голосовании в совете требовалось большинство, включающее совпадающие голоса всех государств-членов, имеющих статут постоянных членов.

Экономический и социальный совет должен был, согласно американскому проекту, получить широкие полномочия, в частности в деле координации деятельности различных специализированных учреждений, работающих в социально-экономической области.

В проекте предусматривалась должность генерального директора организации, исполняющего свои обязанности в течение пятилетнего срока, и говорилось о подчиненном ему секретариате.

Советский проект частично совпадал с предложениями Соединенных Штатов. Но тут особо подчеркивалось, что в будущей организации основная роль должна принадлежать державам, несшим главное бремя войны против фашистских агрессоров. На них прежде всего должна лежать ответственность за поддержание мира. В центральном органе должны быть представлены все великие державы. При принятии решений требуется единогласие. В распоряжении организации должны находиться международные вооруженные силы. Организация должна быть именно «организацией безопасности», и к ее компетенции не следует относить вопросы экономические, социальные и другие; для этого должна быть создана особая организация. В советском документе уделялось особое внимание воздушным вооруженным силам, которые должны быть предоставлены в распоряжение организации, и в частности ее совета.

Детальное, пункт за пунктом сопоставление трех документов, как и подробный анализ исходных позиций сторон, — предмет специального исследования. Мне же хочется воспроизвести прежде всего атмосферу конференции, давая при этом читателю необходимое общее представление о проблемах, вызывавших дискуссии и споры.

В ходе заседания, о котором здесь идет речь, Стеттиниус сказал, что следует подготовить первое заявление

для прессы. По его мнению, надо сообщить, что переговоры начались с обсуждения основных принципов будущей международной организации и что на первом заседании советская делегация изложила свои взгляды.

Против этого предложения ни у кого возражений не было, и Стеттиниус предложил Хиссу, который тщательно записывал весь ход обсуждения, подготовить окончательный текст первого заявления для прессы. Хисс сказал, что сразу же после окончания совещания представит такой текст.

Сопоставление позиций

22 августа в 10 часов 30 минут утра открылось первое пленарное заседание. Делегации — все они были в полном составе — заняли места за своими столами. Эти длинные столы как бы образовали букву П, в верхней части которой сидели американцы, слева — советская делегация, справа — английская. В нижнем промежутке находился стол секретариата конференции. На столах лежали большие блокноты и отточенные карандаши, на тонких пробковых подстилках стояли кувшины с водой и льдом, стаканы и пепельницы. Тут же были разложены коробки с сигарами и пачки сигарет. Место каждого участника было отмечено согнутой белой карточкой с соответствующей фамилией.

Стукнув председательским молотком, Стеттиниус предложил приступить к работе. Сразу же Громыко попросил слова.

— Я предлагаю, — сказал он, — чтобы постоянным председателем нашей конференции был мистер Стеттиниус.

Кадоган поддержал предложение Громыко.

— Ставлю это предложение на голосование. Прошу тех, кто «за», поднять руки... Единогласно, — и Стеттиниус вновь стукнул молотком.

После этого было подтверждено принятое накануне Руководящим комитетом решение о том, что в случае отсутствия постоянного председателя заседания будут вести советский и британский руководители поочередно. Условились также, что английский и русский языки являются официальными языками конференции.

Покончив с процедурными вопросами, конференция перешла к сопоставлению позиций ее участников.

По предложению председателя первым выступил Громыко. Он представил общие соображения советской делегации относительно характера предполагаемой международной организации безопасности. Громыко предложил ограничиться на данной стадии обсуждением главных вопросов, указанных в советском меморандуме, поскольку это облегчило бы достижение договоренности. Позднее можно было бы обсудить менее важные, второстепенные вопросы.

Затем Громыко зачитал раздел за разделом советский меморандум. В ходе ознакомления с этим документом время от времени возникали короткие дискуссии. Кадоган, например, предложил отнести рассмотрение вопросов региональных организаций, а также экономических и социальных проблем на более позднюю стадию дискуссии. Его предложение было принято.

Любопытно, что уже при первом изложении советской позиции западных делегатов всполошил термин «агрессия». Обратив внимание на употребление этого слова в параграфе 1 советского меморандума, Кадоган заявил, что использование термина «агрессия» может вызвать некоторые трудности. Громыко возразил, указав, что включение этого термина в текст документа вполне закономерно.

Кадоган попросил далее разъяснить смысл фразы «принятие любых других мер» в параграфе 3. Громыко ответил, что имеется в виду принятие военных акций, если мирные средства не предотвратят агрессию.

Затем слово взял американский делегат Пасвольский. Посасывая маленькую кривую трубку и блестя стеклами очков, он откинул назад свою большую, круглую, как мяч, голову и сказал:

— Позиция Соединенных Штатов в целом соответствует формулировкам, выраженным в параграфах 1 и 2 советского документа. Но в дополнение к этому американская делегация считает, что будущая международная организация должна также заниматься вопросами, связанными с созданием условий, необходимых для мирных взаимоотношений между государствами, что имеет важное значение для поддержания безопасности и мира. Однако я согласен, что обсуждение экономических и социальных проблем можно предпринять на более поздней стадии.

Едва Пасвольский умолк, в дискуссию вмешался Стет-

тиниус. Он поинтересовался, не пора ли уточнить, какие страны могут участвовать в организации.

После некоторого обсуждения было решено, что список стран — учредителей организации, на которые делается ссылка в параграфе 1, должен включать все правительства, которые участвовали в недавних конференциях в Хот-Спрингсе, Атлантик Сити и в Бреттон-Вудсе. Кадоган заметил, что включение Франции может вызвать некоторые трудности, пока не будет выяснен вопрос о ее правительственном статусе. Было решено обсудить и эту проблему позднее.

Участники конференции достигли общего согласия относительно основных органов организации безопасности. Это должны быть: генеральная ассамблея и совет. Кадоган предложил, чтобы вопрос о составе совета, о числе его членов и сроков их пребывания в этом органе был обсужден на более поздней стадии. Что касается правил голосования, то Кадоган заявил, что имеет инструкцию своего правительства предложить, чтобы совет принимал решения большинством в две трети голосов, включая совпадающие голоса постоянных членов.

— Я имею также инструкцию внести предложение, — добавил как бы невзначай Кадоган, — чтобы стороны, участвующие в споре, не принимали участия в голосовании.

Стеттиниус, который, видимо, почувствовал, что английский делегат затронул острую тему, тут же вмешался и предложил обсудить вопросы, поднятые Кадоганом в соответствующем подкомитете.

Кратко был рассмотрен вопрос о международном суде, причем для уточнения деталей решили создать Юридический подкомитет. Обсуждалась также структура генерального секретариата. Предложения, касающиеся этого органа, было решено передать в соответствующий подкомитет.

Первое пленарное заседание закончилось в 11 часов 40 минут.

Все отправились в парк, где под могучими дубами стоял стол, заставленный закусками и прохладительными напитками.

Солнце освещало свежую зелень, разморенные теплом и влажным воздухом кедры издавали нежный запах хвои. После наполненного сигарным дымом зала хотелось подольше побыть на воздухе. Но вскоре Громыко подо-

звал меня и сказал, что пора идти на заседание Руководящего комитета.

Участники комитета собрались в 12 часов. Когда все расположились вокруг стола, Стеттиниус сказал, что созвал это заседание, чтобы сформировать подкомитеты, которые должны без промедления приступить к работе.

— Поскольку, как я понял, — продолжал председатель, — на утреннем пленарном заседании все признали необходимость существования таких подкомитетов, нам следует приступить к назначению соответствующих представителей от каждой делегации.

В итоге рассмотрения этого вопроса подкомитеты были сформированы в следующем составе:

Редакционный подкомитет: Соболев, Долбин (СССР); Хекворт (США), Малкин (Великобритания).

Юридический подкомитет: Голунский, Крылов (СССР); Малкин (Великобритания), Коэн, Хорнбек, Хекворт (США).

Подкомитет по вопросам безопасности: Соболев, Царапкин (СССР); Малкин, Джебб, Вебстер (Англия); Боумэн, Грю (США).

Подкомитет военных представителей: Соболев, адмирал Родионов, генерал Славин (СССР); Джебб, адмирал Нобл, генерал Макреди, маршал авиации Уэлш, полковник Кэпл-Данн (Англия); Данн, адмирал Вильсон, генерал Фэйрчайлд, генерал Стронг, адмирал Трейн (США).

Было решено, что руководители делегаций должны быть членами каждого из подкомитетов и что, по возможности, они примут участие в их работе. Все признали особенно важным, чтобы главы делегаций присутствовали на заседаниях Подкомитета по вопросам безопасности и Подкомитета военных представителей. Соответственно условились строить и график работы этих подкомитетов.

Затем Стеттиниус поставил вопрос о функциях Руководящего комитета. Он предложил, чтобы комитет наблюдал, координировал и руководил работой подкомитетов. Это предложение было принято.

Наконец, обсуждению подверглась повестка дня вечернего пленарного заседания. Стеттиниус спросил, нет ли возражений, чтобы на вечернем заседании рассмотреть британскую позицию. Все с этим согласились и условились, что вечернее заседание начнется в 14 часов 30 минут.

До начала пленарного заседания оставалось еще

много времени, и почти все разъехались на обед. Мне пришлось задержаться в Думбартон-Оксе. Надо было прочитать составленные секретариатом протоколы уже проведенных заседаний и в случае необходимости предложить сразу же соответствующие поправки. Громыко поручил мне этим заниматься и каждый вечер, после заседаний конференции, докладывать ему.

Пленарное заседание началось в назначенное время. Стеттиниус, который с явным удовольствием выполнял председательские функции, стукнул молотком, в зале воцарилась тишина и конференция возобновила работу.

Председатель объявил, что Руководящий комитет пришел к соглашению о создании четырех подкомитетов. Перечислив их, Стеттиниус пояснил, что Редакционный подкомитет должен заниматься редактированием текстов, представляемых на пленарное заседание; Юридический подкомитет займется главным образом вопросами, касающимися будущего международного суда; Подкомитет по вопросам безопасности обсудит состав и права ассамблеи, совета и генерального секретариата; наконец, Подкомитет военных представителей должен рассматривать военно-технические вопросы, связанные с поддержанием международного мира.

Зачитав намеченный состав подкомитетов, Стеттиниус спросил, нет ли у кого-либо дополнений или изменений. Никаких замечаний не последовало, и состав подкомитетов был утвержден.

После этого конференция приступила к рассмотрению английского меморандума. Кадоган изложил британские взгляды на послевоенную организацию безопасности.

— Я не считаю необходимым, — начал английский делегат, — входить во все детали, поскольку во многих аспектах они рассмотрены в ходе дискуссий по предложениям, представленным Советским Союзом на прошлом пленарном заседании. Мы испытываем удовлетворение по поводу широкого поля согласия уже достигнутого, как это явствует из предложений трех делегаций. Вместе с тем мы хотели бы, чтобы британский документ, наряду с советским и американским, рассматривался формально представленным на конференции как основа для обсуждения...

Далее Кадоган сказал, что, по мнению британской делегации, необходимо при формулировании планов создания послевоенной организации безопасности проявлять

гибкость как в отношении масштабов, так и методов. Преждевременная попытка установить жесткие рамки организации и процедуры может в итоге затруднить работу организации. Поэтому будущая организация должна основываться на таком изложении принципов и целей, как это указывается в британском меморандуме.

По мнению Кадогана, следует продолжить изучение вопроса о том, может ли такая международная организация принудить к урегулированию всех споров. Он полагает, что лучше было бы, если бы совет давал только рекомендации по урегулированию, и что следовало бы ожидать, что эти рекомендации не будут отвергнуты или игнорированы членами организации.

— Согласно предложениям Советского Союза и Соединенных Штатов, — продолжал развивать свою мысль английский делегат, — ассамблея не должна нести ответственность за урегулирование международных споров. Однако британская делегация считает полезным расширить масштабы ответственности и функции ассамблеи как можно больше, особенно в отношении экономических и социальных проблем. Было бы нецелесообразно отстранять ассамблею от всех этих областей. Что же касается общей структуры международной организации, то тут налицо общность принципиальных позиций всех трех делегаций...

Кадоган высказал мнение, что необходимо более тщательно продумать, как предоставить малым странам права, соответствующие их положению. Отметив, что в этом отношении британский меморандум содержит, по его мнению, более четкие формулировки, чем соответствующие разделы американских и советских предложений, Кадоган подчеркнул, что наиболее существенное расхождение касается состава консультативного военного органа. Однако он, Кадоган, надеется, что эта проблема будет тщательно изучена военными экспертами трех делегаций.

В ходе возникшей дискуссии Громыко обратил внимание на содержащуюся в британском меморандуме фразу: «государства не должны брать на себя обязательство соглашаться с решением совета во всех случаях».

— Учитывая опыт Лиги наций в таких делах, — сказал Громыко, — необходимо внимательно рассмотреть это положение...

Кадоган заявил, что государства, возможно, не захо-

тят принимать план, согласно которому совет имел бы право обязывать всех членов выполнять решение, которое он считает нужным принять.

Громыко попросил английскую делегацию высказать свою точку зрения относительно региональных организаций. Кадоган предложил подробно обсудить этот вопрос на последующих заседаниях и ограничился на этот раз лишь замечанием, что все региональные организации должны быть вспомогательными и находиться под общим наблюдением всемирной организации безопасности. Поэтому сначала следует решить вопрос о характере международной организации, а затем рассматривать проблему региональных организаций.

Громыко обратил внимание на пункты в британском предложении, касающиеся деятельности военно-штабного комитета, и спросил, не предполагается ли распространить членство в этом комитете на государства, не имеющие постоянного места в совете организации. Кадоган ответил, что, учитывая функции, которые должны быть приданы военно-штабному комитету, очевидно, что великие державы должны иметь в нем постоянное представительство. Они составят ядро комитета. При рассмотрении специальных проблем комитет мог бы привлекать представителей любого другого государства, особо заинтересованного в рассматриваемом вопросе.

На этом первоначальное рассмотрение британской позиции закончилось.

— Разрешите теперь,— сказал Стеттиниус,—доложить соображения делегации Соединенных Штатов относительно послевоенной организации безопасности. По первым трем пунктам сообщение сделает мистер Пасвольский.

Изложив эту часть американского меморандума, Пасвольский заявил, что прежде всего хотел бы сказать несколько слов по вопросу об обязательности рекомендаций ассамблеи. По мнению американской делегации, исполнительные функции должны лежать на совете, а решения ассамблеи должны носить рекомендательный характер.

Громыко спросил, будут ли решения совета обязательны для всех членов.

Пасвольский ответил, что, согласно американскому проекту, совет может принимать рекомендации и решения. Решения должны быть обязательны для всех членов.

Затем Стеттиниус предоставил слово Хекворту, который доложил разделы 4 и 5 американского проекта.

В этой связи возник вопрос о международной опеке. Громыко спросил, можно ли получить на этот счет соответствующую документацию. Хекворт ответил, что имеется в виду обсудить эти проблемы на более поздней стадии. Тот же ответ был дан на вопрос Громыко относительно документации по региональным организациям.

Затем Джеймс Данн доложил разделы 6 и 7 американских предложений.

Заседание закончилось в 15 часов 50 минут, а уже в 16 часов была созвана третья встреча Руководящего комитета.

Председательствовавший Стеттиниус сказал, что, хотя сегодня уже и проделана большая работа и все, видимо, устали, он созвал это заседание, чтобы урегулировать вопрос о председателях подкомитетов, которые теперь созданы. После некоторой дискуссии было решено, что, поскольку руководители делегаций намерены участвовать в работе Подкомитета по вопросам безопасности и Подкомитета военных представителей, то и в том и в другом будет соблюдаться уже установленный принцип постоянного председателя, которым избран Стеттиниус. Было также решено, что в отсутствие Стеттиниуса председательское место поочередно займут сначала Громыко, затем Кадоган. Такую же очередность условились соблюдать и на пленарных заседаниях.

Обменявшись еще раз мнениями о характере работы Редакционного подкомитета, участники заседания согласились, что там нет необходимости иметь председателя. Что же касается Юридического подкомитета, то тут единодушно председателем был утвержден Хекворт (Соединенные Штаты).

— На этом, господа, — сказал Стеттиниус, — мы можем закончить наш трудовой день. Думаю, что мы неплохо начали. Надеюсь всех вас увидеть вечером на приеме...

Прием в честь участников конференции заместитель государственного секретаря устроил в несколько старомодном, но очень фешенебельном отеле «Рузвельт». Здесь собрался весь цвет официального Вашингтона. Помимо делегаций Советского Союза, Англии и Соединенных Штатов, работников советского и английского посольств присутствовали также многие члены конгресса, представители американской армии, военно-морского и военно-воздушного флота и многочисленная пресса.

Когда все собрались вокруг длинных, красиво убранных и заставленных всевозможными яствами столов, Стеттиниус громогласно объявил:

— Дамы и господа! Я спешу сообщить приятную новость. Президент Рузвельт согласился принять завтра утром в Белом доме всех участников переговоров в Думбартон-Оксе!..

В Белом доме

Ночью прошла гроза, но утро было ясное и солнечное. Подстриженные лужайки вокруг Белого дома сверкали яркой зеленью. Наши машины остановились у высокой чугунной решетки, огораживающей территорию резиденции президента. Навстречу из приземистой сторожевой будки вышел молодой офицер в форме военно-морского флота и попросил следовать за ним.

Полукруглая широкая заасфальтированная аллея вела к центральному подъезду, но мы вошли через боковую дверь в цокольную часть здания. За небольшим вестибюлем, где стоял стол дежурного, тянулся длинный коридор. Поровнявшись с узкой дверцей, офицер распахнул ее, и мы прошли в просторную комнату без окон, всю заставленную книжными шкафами.

— Британская делегация еще не прибыла, — сказал сопровождавший нас офицер, — и я попрошу вас подождать немного в библиотеке президента...

Здесь уже находились члены американской делегации во главе со Стеттиниусом. Некоторые из них прохаживались вдоль шкафов, разглядывая корешки книг. В углу под торшером, бросавшим мягкий свет на старинный столик с выгнутыми ножками, сидели в креслах Данн и Пасвольский. Толстенький, круглолицый, всегда ухмыляющийся Лео Пасвольский, как обычно, потягивал кривую маленькую трубку, почти полностью прятавшуюся в его пухлом кулаке. Пасвольский отлично говорил по-русски и был, пожалуй, наиболее активным, за исключением, конечно, Стеттиниуса, из американских делегатов. Он родился в 1893 году в Павлограде, в России, но в начале века родители увезли его с собой в Америку. Окончив Колумбийский университет и получив степень доктора философии, Пасвольский занялся журналистикой и в качестве корреспондента присутствовал в Париже на мирной конференции 1919 года. Теперь он занимал пост специ-

ального помощника государственного секретаря и директора комитета по послевоенной программе госдепартамента.

Вскоре появилась английская делегация, и любезный морской офицер пригласил всех следовать дальше.

— Президент вас ждет, господа,— произнес он.

Мы прошли коридором и стали подниматься по узкой деревянной лестнице на второй этаж. Ступеньки немного поскрипывали под ногами. Этот звук напомнил мне старинный барский особняк, вроде нашего Останкинского музея. В то время Белый дом, хотя и имел снаружи импозантный вид, внутри производил впечатление стародавнего жилья с его скрипами половиц и лестниц, меблировкой и всем убранством. При Трумэне Белый дом был основательно реконструирован. Большая переделка была предпринята и при президенте Кеннеди, под руководством Жаклин Кеннеди, известной своим экстравагантным вкусом. Но в то время, к которому относится наш рассказ, пожалуй, со времени Вильсона, а быть может, еще с более раннего периода, в Белом доме почти ничего не менялось, и он казался каким-то очень старым. Это здание было построено после того, как в 1814 году английские войска сожгли прежний Белый дом, заложенный еще при президенте Джордже Вашингтоне.

Поднявшись наверх, мы немного задержались в секретариате, а Стеттиниус прошел в кабинет Рузвельта. Через несколько минут он появился и пригласил нас к президенту.

Рузвельт сидел за большим письменным столом в кресле. Подлокотники обтягивало зеленое сукно, основательно потертое и даже кое-где прорванное. Из надорванных мест торчал войлок: видимо, Рузвельту, который совсем не мог стоять на ногах, приходилось всем своим весом опираться на подлокотники, а особенно тогда, когда он пересаживался в коляску. Я впервые видел Рузвельта после того промозглого осеннего дня, когда он в Тегеране, в парке советского посольства сидел в джипе, укутавшись пледом, и прощался со Сталиным, устало улыбаясь. Сейчас он выглядел значительно бодрее и оживленнее.

Приветливо помахав нам рукой, Рузвельт пригласил подойти поближе. Выстроившись длинной вереницей, мы подходили к нему и здоровались, пожимая руку. Потом встали большим каре напротив его стола. Президент тяжело откинулся на спинку кресла, продолжая улыбаться

и показывая ровный ряд крупных желтоватых зубов. За его спиной были установлены флаги: звездно-полосатый государственный флаг США, штандарт президента, знамена трех родов войск.

Обведя присутствующих взглядом, президент сказал, что хотел бы обратиться к нам как участникам важной конференции с небольшим приветствием.

— Джентльмены, — сказал он, — эта наша встреча является неофициальной. Я не подготовил своей речи. Я выражу лишь свои чувства, сказав, что мне хотелось пожать вам руки. Я был бы рад, если бы у меня была возможность отправиться в Думбартон-Окс, чтобы принять участие в ваших переговорах. Конференция такого рода всегда напоминает мне старую поговорку одного джентльмена, по имени Альфред Смит, бывшего губернатора Нью-Йорка. Он очень удачно разрешал любую проблему, возникающую между капиталом и трудом, или любой спорный вопрос, касающийся властей штата. Он говорил, что, если вы приведете обе стороны в одну комнату, посадите их за один большой стол, предложите им снять пиджаки и положить ноги на стол и дадите каждому по хорошей сигаре, вам всегда удастся побудить их прийти к единому мнению. В этом была доля истины...

— На вас возложена огромная ответственность. В известной мере это предварительная ответственность, но мы извлекаем уроки из опыта, и я надеюсь, что при разработке планов будущего мира мы установим такое же добровольное сотрудничество и единство действий, какого мы достигли в деле ведения войны. Это совершенно замечательный факт, что мы вели эту войну с таким великим единодушием. Я думаю, что тут многое зависело от личностей. В 1941 году в период разработки Атлантической хартии, например, я плохо знал мистера Черчилля. Я встречался с ним один или два раза, совершенно неофициально, в период первой мировой войны. Но в Северной Атлантике, после трех-четырех дней, проведенных вместе, мы очень понравились друг другу. Я узнал его, и он узнал меня. Другими словами, мы сошлись. Позднее мистер Молотов приехал сюда, и мы провели вместе много времени. Затем в следующем году в Тегеране маршал Сталин и я узнали друг друга. У нас создались великолепные отношения. Мы сломали лед, если когда-либо он существовал, и с тех пор уже нет никакого льда...

— Мы должны, — продолжал президент, — не только

заключить мир, но прочный мир, такой мир, при котором крупные страны будут действовать в унисон, предотвращая войны с помощью применения силы. Мы должны быть друзьями, совещаться друг с другом — это источник познания друг друга. Я надеюсь, что этого можно будет достигнуть, ибо такой дух уже был проявлен прежде, когда мы взялись совместно за достижение победы в войне. Но этот дух мы узнали лишь в последние несколько лет. Это нечто новое — близкие отношения между Британской империей и Соединенными Штатами. Великая дружба между русским народом и американским народом — это тоже новое. Мы должны сохранить дружбу, и, распространив этот дух на весь мир, мы добьемся периода мира для наших внуков. Все, что я могу сделать, — это пожелать вам успеха в великой задаче, за разрешение которой мы взялись. Это не будет последней задачей, но, во всяком случае, она даст нам основу для достижения той цели, к которой стремилось человечество на протяжении многих сотен лет. Очень приятно видеть вас. Желаю вам успеха...

Многих из нас, мне показалось, растрогала эта импровизированная и, быть может, именно поэтому так искренне звучавшая речь президента. Рузвельт, как мне думается, продемонстрировал нам свою решимость довести до конца дело победы над общим врагом и добиться, чтобы боевое сотрудничество великих держав продолжалось и в мирное время.

Слова Рузвельта свидетельствовали также о том, что он принимал близко к сердцу задачу создания международной организации по поддержанию мира, в рамках которой развивалось бы сотрудничество великих держав, входивших во время войны в антигитлеровскую коалицию. В отличие от Черчилля, который всегда ставил во главу угла имперские интересы британской короны, Рузвельт, видимо, искренне стремился, чтобы разрабатываемые тогда основные положения Устава ООН обеспечили эффективность действий новой организации безопасности, хотя правящие круги США стремились к тому, чтобы обеспечить себе в этой организации ключевые позиции.

Никто не знал тогда, что Рузвельту осталось жить всего несколько месяцев и что за его смертью последует крутой поворот в политике Вашингтона. В Америке многие думают, что, если бы Рузвельт жил дольше, отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом в послевоенные годы, возможно, сложились бы по-другому...

Контуры новой международной организации

*

Структура и цели

Из Белого дома все отправились в Думбартон-Окс, где в половине одиннадцатого началось первое заседание Подкомитета по вопросам безопасности. Подкомитету предстояло детально рассмотреть предложения касательно структуры будущей организации, ее функций, рабочих органов, масштабов деятельности и ответственности.

На заседании присутствовали: Громыко, Соболев, Царапкин, Юнин, Бережков (СССР); Кадоган, Джебб, Малкин, Вебстер, Фалла, Гроув-Бут (Англия); Стеттиниус, Боумэн, Флетчер, Грю, Пасвольский, Болен (США). Председательствовал Стеттиниус.

Прежде всего речь зашла о некоторых процедурных вопросах. Стеттиниус объявил, что, согласно договоренности, достигнутой тремя руководителями делегаций, конференция не будет работать в ближайшие субботу и воскресенье. Что же касается следующей субботы, то решение последует позднее. Стеттиниус сообщил также, что все встречи между Громыко, Кадоганом и им, Стеттиниусом, будут впредь рассматриваться как заседания Руководящего комитета.

Приняв к сведению эти замечания председателя, подкомитет перешел к обсуждению вопросов, связанных с созданием всеобщей организации безопасности и ее главных органов.

Пасвольский сказал, что хотел бы представить набросок того, что предстоит рассмотреть подкомитету. Он вручил каждому из присутствующих листок, на котором значилось:

«А. Характер организации

1. Масштабы деятельности. 2. Основные цели. 3. Главные полномочия. 4. Взаимоотношения больших и малых государств. 5. Взаимоотношения с государствами-нечленами. 6. Члены — учредители организации. 7. Отношения с местными и региональными организациями и заключение соглашений.

В. Генеральная Ассамблея

1. Характер функций и полномочия. 2. Правила голосования.

С. Совет

1. Характер функций и полномочия. 2. Состав, метод отбора, изменения в составе. 3. Правила голосования».

После того как все ознакомились с этим документом, Стеттиниус сказал, что тут изложены лишь предварительные соображения и другие делегации могут внести любые дополнения.

— Теперь, — продолжал председатель, — я приглашаю посла Громыко продолжить изложение советских предложений по пунктам. По ходу дела представители других делегаций могут высказать свои соображения.

Когда Громыко подошел к разделу: «Мирное урегулирование споров и нарушений мира», Кадоган внес предложение, чтобы в обсуждении этого вопроса приняли участие члены Юридического подкомитета. При обсуждении пункта: «Цели организации» после некоторой дискуссии было решено, что тут следует учесть взгляды каждого из трех правительств. Условились, что делегации представят на следующем заседании проект раздела о целях организации, в котором учитывались бы положения, содержащиеся в каждом из трех меморандумов.

Далее обсуждался вопрос о составе организации. Особое внимание было уделено статусу стран, присоединившихся к Объединенным нациям, в частности положению Франции. Было сформулировано общее мнение, что страны, подобно Франции, должны получить возможность войти в организацию на правах государств. Они фактически станут членами организации, когда будут иметь формально признанные правительства. Тут надо иметь в виду, что Франция, как и некоторые другие страны, оккупированные державами оси, не имела в то время официально сформированного и признанного правительства.

При обсуждении этого вопроса Громыко обратил внимание на упоминание о «других миролюбивых государствах». Тут, по его мнению, следует иметь в виду нейтральные государства, причем в каждом случае необходимо тщательно изучить вопрос и принять соответствующее решение. Все согласились с этим толкованием.

Говоря об основных органах всеобщей организации безопасности, Громыко констатировал наличие согласия по этому пункту и предложил передать вопрос о точном наименовании этих органов в Редакционный подкомитет.

Перейдя к функциям генеральной ассамблеи, Громыко

отметил, что было бы неправильно лишить ассамблею возможности обсуждать вопросы разоружения и сокращения вооружений. Генеральная ассамблея должна обсуждать эти вопросы и давать рекомендации. Однако решения должен принимать совет. В полномочия генеральной ассамблеи входит также рассмотрение вопросов о приеме и исключении членов организации — это отвечало бы демократической процедуре. При этом генеральная ассамблея может избирать членов как по рекомендации совета, так и по своему собственному усмотрению.

Тут вмешался Пасвольский и сказал, что американская сторона согласна с советской точкой зрения насчет приема новых членов, однако вопрос об исключении следует рассмотреть особо.

Продолжая свое выступление, Громыко пояснил, что те проблемы, которые носят исключительно организационный или «рутинный» характер, должны решаться простым большинством голосов. Но все важные вопросы надо решать большинством в две трети голосов.

На это английский делегат заметил, что следовало бы точно определить, какого рода вопросы относятся к каждому из типов голосования.

Было решено вернуться к этому позднее.

Когда обсуждение коснулось функций и состава совета организации, американский делегат Боумэн спросил, как представляет себе советская сторона метод избрания членов совета. Громыко ответил, что постоянные члены совета не подлежат избранию, но вопрос о количестве постоянных членов пока остается открытым.

Была достигнута договоренность о предоставлении в будущем Франции постоянного места в совете. На вопрос американского делегата, можно ли в будущем увеличить число постоянных членов совета, Громыко пояснил, что, за исключением Франции, такое увеличение не предполагается и что число постоянных членов должно остаться неизменным на неопределенный период.

Кадоган согласился с этой точкой зрения. После некоторого обсуждения было согласовано, что такое изменение было бы равносильно «внесению поправки» в основной документ организации.

— Советский меморандум, — продолжал Громыко, — предусматривает, что решения совета должны быть обязательны, включая и те решения, которые касаются урегулирования споров...

— Но ведь могут быть такие споры, — возразил Кадоган, — которые не обязательно приведут к войне. Поэтому возникает сомнение, следует ли оговаривать, что решения совета обязательны и для подобных споров.

Стеттиниус также высказал мнение, что во многих случаях совет мог бы ограничиться рекомендациями, но в тех случаях, когда под угрозой оказался бы мир, решения совета должны быть обязательны. Громыко согласился с этим. В итоге были намечены две ситуации:

в случае, когда имеется угроза миру, рекомендации совета должны быть обязательными;

в случае, когда нет угрозы нарушения мира, рекомендации совета не должны быть обязательными.

Английский делегат принялся развивать мысль, что требование, чтобы решения были обязательны для всех, таит в себе угрозу создания некоей «сверхдержавы». Поэтому упор следовало бы сделать на обеспечение мира и безопасности, а не на принудительные решения. Громыко возразил против такого умозаключения, и было решено позднее вернуться к обсуждению этой проблемы.

На этом заседание закончилось.

После перерыва на обед, в 14 часов 45 минут началось заседание Руководящего комитета. Стеттиниус сказал, что он только что обсуждал с Громыко возможность поездки в Нью-Йорк участников конференции.

— Посол Громыко,— продолжал Стеттиниус,— заинтересовался этим предложением. Я выясню возможность получения билетов на самолет для участников советской и британской групп, которые захотят посетить Нью-Йорк, на вечер в пятницу после окончания очередного заседания. Обратно можно было бы вернуться в воскресенье вечером. Некоторый перерыв в нашей работе все равно неизбежен, так как секретариат хочет иметь время, чтобы подогнать работу. К тому же мы еще раньше согласились, что в ближайшую субботу и воскресенье заседаний не будет...

На этом и порешили.

Инцидент с прессой

На том же заседании Руководящего комитета Макдермот затронул вопрос о позиции печати в связи со статьей Джеймса Рестона в газете «Нью-Йорк таймс». Он сообщил, что второй выпуск «Нью-Йорк таймс» содер-

жит еще более подробный текст, чем тот, который делегаты увидели сегодня утром и который был взят из первого издания газеты. Из статьи видно, что Рестон познакомился с меморандумами, представленными каждой из трех групп. Поэтому, сказал Макдермот, другие журналисты хотят знать, как получил этот материал Рестон. Они также интересуются, не будут ли в связи с этим опубликованы тексты меморандумов.

— Я информировал корреспондентов,— продолжал Макдермот,— что такого намерения не существует. Еще до прибытия британской и советской делегаций в Вашингтон Рестон пообещал не использовать имеющиеся у него источники информации, поскольку он, Рестон, считал, что получит все сведения о переговорах во время конференции. Но, как видим, он поступил по-иному...

Макдермот сказал далее, что корреспонденты хотят увидеть Стеттиниуса или всех трех представителей и настаивают, чтобы им сказали, почему им не дают полной информации.

— Могу ли я,— спросил Макдермот в заключение,— заявить корреспондентам, что в конце переговоров они получат пространное коммюнике и будет опубликован полный текст любого согласованного плана сразу же после того, как его представят другим Объединенным нациям.

Стеттиниус заметил, что тут возникает одна неловкость. Представители прессы заявляют, будто англичане готовы дать информацию о ходе переговоров, и спрашивают, почему «неуступчива» американская группа.

— Я полагаю,— заявил Стеттиниус,— что важно соблюдать единую позицию всем трем группам.

Советский представитель с этим согласился. Кадоган, видя, что попал в неловкое положение, тут же присоединился к словам Стеттиниуса. Более того, он сказал, что считает полезным как можно скорее устроить пресс-конференцию специально для того, чтобы заявить, что его делегация полна решимости соблюдать общую точку зрения с другими делегациями. Стеттиниус заметил: надо точно представить себе, что следует сказать на такой пресс-конференции. Громыко полностью с этим согласился.

После некоторого обмена мнениями Стеттиниус предложил составить проект заявления для прессы, указав при этом, что было бы желательно получить одобрение

текста со стороны президента Рузвельта, а также лорда Галифакса как полномочного посла Великобритании.

Макдермот обратил внимание еще на одно обстоятельство.

— В результате опубликования статьи в «Нью-Йорк таймс»,— сказал он,— пресса считает, что Рестон располагает содержанием трех меморандумов. Следовательно, мы можем ожидать всяческих спекуляций и домыслов по поводу этих версий документов. Между тем статья Рестона содержит ряд неточностей, а учитывая его собственные интерпретации, статья в целом вообще вводит в заблуждение. Все это следует иметь в виду...

Данн предложил отметить в заявлении для прессы, что любая публикация любого из докладов не является аутентичной.

Громыко согласился с этим и добавил, что при всех условиях заявление для прессы должно быть представлено тремя главами делегаций совместно.

Стеттиниус повторил, что он хотел бы поскорее иметь проект заявления, поскольку он намерен показать его президенту Рузвельту, которого увидит сегодня вечером. Он также предложил, чтобы Данн и Пасвольский представили копию текста государственному секретарю Корделлу Хэллу.

— Думаю,— заключил Стеттиниус,— что в зависимости от исхода разговора с Рузвельтом можно ориентировочно пригласить представителей прессы для встречи с тремя руководителями делегаций в Думбартон-Оксе 24 августа в 10 часов 15 минут.

Возражений не было, и председатель закрыл заседание.

Встреча с прессой состоялась на следующий день в условленный час. Текст, который был передан корреспондентам от имени трех глав делегаций, гласил:

«Мы хотим, чтобы все понимали, что мы встретились здесь, в Думбартон-Оксе, для проведения неофициальных переговоров и обмена мнениями относительно общего характера международной организации безопасности, результаты которых должны быть одобрены нашими соответствующими правительствами. Мы надеемся, что, после того как мы самым полным и свободным образом обменяемся мнениями, мы придем к согласованным рекомендациям, которые мы сможем представить нашим соответствующим правительствам. Мы будем публиковать

периодически через нашу пресс-службу совместные коммюнике, поскольку они не будут мешать гладкому и быстрому прогрессу работы по согласованию рекомендаций относительно международной организации безопасности».

Инцидент с прессой имел свою закулисную сторону. Тут, несомненно, сказалась подрывная деятельность тех сил в Соединенных Штатах, да и в Англии, которые стремились осложнить работу конференции и вообще помешать успешному послевоенному сотрудничеству держав — участниц антигитлеровской коалиции.

Во время конференции в англо-американской прессе все вновь и вновь появлялись всякого рода слухи, имеющие целью вызвать подозрение обывателя к тому, что происходило в уединенной усадьбе в Джорджтауне. Некоторые газетчики уверяли, например, что в Думбартон-Оксе возникли «острые противоречия» и что дело идет к разрыву между союзниками. Одни утверждали, что новая организация безопасности будет столь же немощна, как и Лига наций, и что вся эта затея нереальна. Другие, напротив, пытались запугать тем, что теперь, дескать, великие державы хотят с помощью всемирной организации навязать свой диктат всем странам и народам нашей планеты. Были намеки и на то, что западные державы капитулируют, мол, перед какими-то «зловещими» требованиями Советского Союза. В этой связи в Думбартон-Оксе однажды объявился лидер фашиствующей организации «Америка фэрст» («Америка прежде всего») Джералд Смит. Он потребовал у Стеттиниуса, чтобы его допустили на заседания конференции. Смита, разумеется, не пустили, но выходка его была весьма показательна.

Кампания с целью дискредитации самой идеи мирного послевоенного устройства не прекращалась. 29 августа конференции в Думбартон-Оксе пришлось в этой связи снова предпринять контратаку. С согласия двух других глав делегаций Стеттиниус созвал пресс-конференцию, на которой зачитал очередное совместное заявление:

«После недели переговоров руководители трех делегаций рады сообщить о том, что между ними достигнуто общее соглашение о необходимости рекомендовать, чтобы предлагаемая международная организация по сохранению мира и безопасности предусматривала:

во-первых, создание ассамблеи, состоящей из представителей всех миролюбивых стран на основе принципа суверенного равенства;

во-вторых, создание совета, состоящего из небольшого количества членов, в который наряду с представителями основных государств должны входить периодически избираемые представители ряда других государств;

в-третьих, эффективные методы мирного разрешения конфликтов, в том числе создание международного суда для урегулирования вопросов, подлежащих разрешению юридическим путем, а также применение таких других методов, которые могут оказаться необходимыми для поддержания мира и безопасности.

Делегации продолжают обсуждать структуру и юрисдикцию различных органов, а также методы их деятельности. Эти вопросы требуют тщательного рассмотрения, и в настоящее время представлен ряд предложений, которые будут изучены».

В заявлении подчеркивалось, что факт внесения Соединенными Штатами, Англией и Советским Союзом различных предложений не свидетельствует о наличии разногласий или противоречий в точках зрения, а проистекает из различного подхода к общей цели.

«После того,— говорилось далее в заявлении,— как наша работа достигнет стадии, на которой будут сформулированы наши тщательно рассмотренные рекомендации и будут представлены наши выводы, наши соответствующие правительства решат вопрос о том, когда эти рекомендации должны быть опубликованы».

Вслед за этим Стеттиниус огласил представителям печати свое собственное заявление, в котором дал ответ на критику со стороны некоторых членов конгресса и прессы, недовольных тем, что конференция в Думбартон-Оксе чересчур засекречена. В этом заявлении говорилось:

«Имеется неправильное понимание причин сдержанности во всем, что касается наших совместных переговоров в Думбартон-Оксе относительно международной организации, которая должна предотвратить войну и обеспечить мир. Предварительные переговоры, которые в настоящее время происходят, носят исследовательский характер и имеют целью достичь общего понимания. Для правительств, представители которых ведут переговоры, создалось бы затруднительное положение, если бы передавались обрывочные сообщения о мнениях и взглядах, выдвигаемых изо дня в день, и если бы эти мнения и взгляды воспринимались как выражение неизменной позиции или если бы им приписывался обязывающий харак-

тер. Я уверен в том, что всякий, кто тщательно рассмотрит этот вопрос, поймет это...

Мы решили, что руководители трех делегаций будут совместно публиковать заявления о ходе переговоров и что эти заявления в силу необходимости будут по своей форме иметь общий характер...»

Отвечая на вопрос, в какой степени программа Думбартон-Окса отличается от программы Лиги наций, Стеттиниус пояснил, что не может касаться этой проблемы в настоящее время. На вопрос, относится ли выражение «основные государства», приведенное в совместном заявлении, к странам, подписавшим Московскую декларацию, Стеттиниус ответил, что это в настоящее время обсуждается.

Корреспондент одной из английских газет спросил, означает ли понятие «миролюбивая страна» такое государство, которое готово вместо разрешения споров силой передать эти споры на арбитраж. Стеттиниус ответил, что он не в состоянии в настоящее время дать точное определение. Однако любое соглашение, которое будет достигнуто на конференции, возможно, будет содержать такое определение. Когда корреспондент повторил свой вопрос, Стеттиниус заявил, что такая готовность к арбитражу будет составлять один из руководящих принципов для отнесения страны к категории миролюбивых государств. На вопрос относительно ответственности основных стран Стеттиниус заявил, что военные представители и другие участники переговоров все еще обсуждают эту проблему.

В тот же день в Белом доме состоялась очередная пресс-конференция президента Рузвельта. Корреспонденты и здесь главный огонь сосредоточили на работе конференции. Рузвельт заявил, что предложенная организация отличается от Лиги наций и будет гораздо более действенной. Ассамблея новой организации будет обсуждать жизненные вопросы, вопросы продовольствия и финансов. Совет этой новой организации прежде всего сконцентрирует свое внимание на предотвращении войны и будет уполномочен действовать немедленно по мере возникновения чрезвычайного положения в связи с бомбардировками или вторжением. Рузвельт отметил, что в этом разница между новой организацией и Лигой наций, которая не располагала средствами предотвращения агрессии.

— Я ознакомился с заявлением руководителей конференции в Думбартон-Оксе, опубликованным заместителем государственного секретаря Стеттиниусом утром,— сказал президент,— и ничего больше не могу добавить. Это совместное заявление представителей конференции в Думбартон-Оксе в письменной форме излагает общие принципы, чтобы все страны могли обсуждать их. Конференция не примет никаких связывающих, негибких решений. Делегаты конференции смогут сделать рекомендации всем Объединенным нациям.

5 сентября Стеттиниус снова выступил на пресс-конференции. Заявив, что конференция в Думбартон-Оксе добилась вполне удовлетворительных успехов, он добавил:

— Никакие решения, достигнутые в результате нынешних неофициальных переговоров, не будут носить обязательного характера ни для одного из правительств до тех пор, пока эти решения не будут приняты ими на конференции Объединенных наций, посвященной этому вопросу. Соединенные Штаты не будут связаны никаким решением, принятым в Думбартон-Оксе и в результате других конференций, пока конгресс не одобрит их....

14 сентября Стеттиниус сделал следующее официальное заявление на пресс-конференции:

«Участники конференции в Думбартон-Оксе достигли исключительных успехов. Составление проекта предложений близится к концу. Работа над этим проектом продлится еще несколько дней».

На вопрос одного корреспондента, считает ли Стеттиниус, что будет достигнуто успешное соглашение относительно плана международной организации безопасности, последовал ответ:

— Я совершенно уверен в успешном исходе переговоров о международной организации безопасности...

Стеттиниус сообщил, что работа конференции в Думбартон-Оксе достаточно продвинулась и делегаты имеют возможность представить достигнутые результаты трем правительствам.

Отвечая на вопросы корреспондентов о том, отложено ли окончание конференции в связи с разногласиями, Стеттиниус заявил, что слово «разногласия» здесь не подходит. Речь идет о согласовании различных позиций трех правительств по некоторым проблемам.

В середине сентября в прессе появились сообщения

о том, что конференция в Думбартон-Оксе может закончиться, не достигнув соглашения по всем главным проблемам международной организации безопасности. 19 сентября государственный секретарь Корделл Хэлл опроверг подобного рода домыслы.

— Тот факт, что переговоры об организации безопасности продвинулись столь далеко,— заявил Хэлл,— не означает, что они все время будут развиваться так быстро. Естественно, что должны возникнуть вопросы, для решения которых может потребоваться больше времени... Но Соединенные Штаты вполне готовы уделить необходимое время для тщательного и всестороннего рассмотрения любых вопросов, которые могут возникнуть...

На протяжении конференции, продолжавшейся 40 дней, не раз приходилось давать отпор разного рода злонамеренным слухам, появлявшимся в монополистической прессе.

Многие строили тогда догадки: откуда Джеймс Рестон получил информацию о содержании меморандумов трех держав? Только четверть века спустя Рестон раскрыл свой секрет: источником этой информации было чанкайшистское посольство в Вашингтоне. Хотя китайская сторона и не участвовала в первой стадии переговоров в Думбартон-Оксе, ей отсылалась вся связанная с переговорами документация.

Военные аспекты

На первом заседании Подкомитета военных представителей, открывшемся 23 августа в 16 часов 45 минут, помимо членов подкомитета присутствовали также и главы делегаций. Председательствовал Стеттиниус. Подкомитет собрался на втором этаже в одной из комнат, отведенных для американской делегации. Разместившиеся вокруг стола генералы и адмиралы представляли живописное зрелище: расшитые золотом погоны, аксельбанты, пестрые колодки с орденскими ленточками, золотые звезды на уголках воротничков, вышитые гладью опознавательные знаки родов войск на рукавах — словом, блестящее военное общество. Правда, и английские и американские военачальники в большинстве были люди пожилые, убеленные сединами, с усталыми лицами. Наши военные эксперты — генерал Славин и адмирал

Родионов — носили форму поскромней, но зато были куда моложе и энергичнее.

Подкомитет начал работу с рассмотрения предварительных предложений американской, советской и английской делегаций. Затем делегация США представила для обсуждения список тем по проблеме безопасности. В нем значилось:

1. Определение существования угрозы миру и нарушение мира.

2. Решение о действиях, которые должны быть предприняты, и обязательства государств-членов по выполнению этих решений.

3. Меры принуждения: a) меры, включающие применение вооруженных сил; b) мероприятия по предоставлению и использованию услуг, включая базы и право прохода (транзит); c) мероприятия по предоставлению дополнительной помощи, например помощь государству, берущему на себя чрезмерное бремя при осуществлении акции по принуждению.

4. Создание военного органа, который давал бы рекомендации совету.

5. Временные мероприятия по предоставлению вооруженных сил и баз впредь до заключения постоянного соглашения.

6. Создание системы регулирования вооружения и вооруженных сил.

7. Функции всеобщей организации безопасности в вопросах разоружения и контроля над вражескими государствами.

Решено было в дальнейшем исходить из приведенного списка.

После некоторой дискуссии участники заседания в принципе согласились, что определение существования угрозы миру должно быть предоставлено совету. Громыко, однако, предложил проконсультировать текст в Редакционном подкомитете, после чего его можно было бы принять.

Точки зрения трех делегаций совпали и в отношении действий, предпринимаемых в случае возникновения угрозы миру. Когда речь идет о мерах, не включающих применения вооруженных сил, то это может быть разрыв отношений с государством-агрессором. Что же касается мер, включающих применение вооруженных сил, то предложенный текст в целом не вызывал возражений.

Обсуждался вопрос о квотах войск, которые должно предоставить каждое государство. Высказывалось мнение, что в некоторых случаях нельзя ограничиться лишь установленной квотой, а придется применить все имеющиеся в распоряжении государства вооруженные силы.

Затем участники совещания перешли к вопросу о военном органе, который должен давать рекомендации совету. Он получил предварительное название военно-штабного комитета. Делегат США сказал, что участвующие в этом комитете представители государств-членов должны подчиняться высшим военным органам соответствующего государства. Громыко предложил обсудить вопрос о составе военно-штабного комитета на более поздней стадии.

При рассмотрении проблемы регулирования вооружений и вооруженных сил все в принципе согласились с американским проектом.

В конце заседания Громыко поднял вопрос о международном воздушном корпусе. Он сказал, что такой корпус имел бы преимущество, быстро действуя в период кризиса.

— Детали тут еще не выработаны,— сказал Громыко.— Возможно, такой корпус следовало бы создать на основе национальных квот, как это предусмотрено в отношении вооруженных сил. Но это не должно означать, что международные силы будут полностью смешаны.

Было решено для обсуждения технических аспектов создать специальную военную комиссию. На этом заседание подкомитета закончилось.

Специальная военная комиссия встретилась на следующий день 24 августа, вечером. Председательствовал вице-адмирал Вильсон (США). Обсуждались предложения относительно вооруженных сил, предоставляемых совету для обеспечения мира и безопасности.

Первым взял слово генерал Славин. Он заявил, что международная организация должна в случае необходимости иметь возможность предотвратить и подавить агрессию при помощи вооруженных сил и что такие силы должны находиться в распоряжении совета.

— Особое значение,— подчеркнул он,— тут могут иметь воздушные силы, поскольку агрессор обычно действует внезапно. Надо иметь такую силу, чтобы вынудить агрессора прекратить свои действия, пока подоспеют наземные войска...

Британские и американские представители поинтересовались, будут ли предлагаемые воздушные соединения состоять из смешанных сил или же из отдельных национальных единиц, соединенных в международный воздушный корпус? Имеет ли в виду советская сторона ограничить использование подобного рода соединений только авиацией?

Советский представитель ответил, что эти вопросы подлежат дальнейшему обсуждению. Он пояснил, что в данном случае имеет в виду мобильные воздушные силы, готовые для эффективных действий, и что не планировалось включение в эти соединения наземных и военно-морских единиц. Поскольку система квот связана с задержкой, ибо требует одобрения соответствующими правительствами, наличие международных воздушных сил обеспечило бы большую мобильность.

Британский генерал Макреди заявил, что система квот, предусмотренная в английском и американском предложениях, отвечает всем требованиям советского предложения относительно быстроты, легкости контроля и эффективности. Система квот удобнее международного воздушного корпуса также и потому, что существование постоянного международного корпуса вызовет сложности административного характера, проблемы снабжения, перевозок и т. д. Если же не иметь таких постоянных сил, а национальные контингенты будут всегда наготове, то их легко можно передать в любой момент под командование совета, если он это потребует.

Американский генерал Стронг также отдал предпочтение системе квот, изложив в основном те же аргументы, что и его британский коллега.

После некоторой дискуссии Соболев сказал, что, поскольку доводы «за» и «против» международного воздушного корпуса полностью представлены, следует передать эти соображения на дальнейшее рассмотрение соответствующих делегаций.

Никто не возражал, и на этом заседание закончилось.

Два направления

Сразу после заседания военного подкомитета генерал Славин и адмирал Родионов поспешили вместе со своими английскими и американскими коллегами на прием,

устроенный для военных экспертов министерством обороны США. Мы с Аркадием Александровичем Соболевым выходили из особняка последними и, спустившись по ступенькам подъезда в сад, направились к ожидавшему нас у ворот автомобилю. Неожиданно мой спутник спросил:

— Не хотите ли пройтись?..

Я охотно согласился. Хотя до гостиницы было не близко, мы решили, что за час доберемся, и отпустили шофера. По дорожке, посыпанной шуршащей под ногами морской галькой, прошли к боковой калитке, спустились вниз по кривой узенькой улочке вдоль увитого плющом кирпичного забора, огораживающего Думбартон-Окс. Потом, выйдя на улицу «М», пошли по направлению к Пенсильвания-авеню. Уже стемнело. Вечер был не душный. Аромат хвои смешивался со сладким запахом каких-то южных цветов.

Некоторое время шли молча. Потом Соболев сказал:

— Я все думаю о наших дискуссиях. Вы поняли, куда нас втягивают?

— Более или менее,— ответил я осторожно. — Мне представляется, что они в конечном счете хотели бы навязать нам такую организацию, которая устраивала бы прежде всего их...

— Вот именно,— продолжал Аркадий Александрович. — То, чего не удавалось достичь раньше, теперь будут пытаться получить с помощью всемирной организации, которая, по их мысли, будет у них в кармане...

Соболев, всегда замкнутый, на этот раз был, видимо, расположен к откровенной беседе.

— Как будто теперь все должны убедиться,— сказал он,— что с нашей страной нельзя говорить языком диктата. Это показала и прошлая история России, и интервенция, и особенно нынешняя война. Невозможно нам и навязать чью-то чужую волю. Поэтому-то важно, чтобы будущая всемирная организация действовала с общего согласия всех великих держав. Сейчас, как мне представляется, вырисовываются довольно четко два направления: либо мы не сможем договориться, и тогда вновь произойдет самое худшее, либо западные политики поймут, что должны жить с нами в мире. Первое направление неизбежно приведет человечество к еще большей катастрофе, чем вторая мировая война, ибо орудия уничтожения будут быстро совершенствоваться...

Для такого вывода были все основания. Ведь за годы войны оружие приобрело страшную разрушительную силу. Было ясно, что на этом дело не остановится, хотя мы тогда и не знали, что уже спустя год на Японию упадут американские атомные бомбы и начнется ядерная эра, которая коренным образом изменит обстановку.

— Вы, разумеется, знаете,— продолжал Аркадий Александрович,— высказывания Энгельса и Ленина о том, что в конце концов разрушительные средства станут столь мощными, что война окажется нерентабельной даже для тех, кто ее готовит и провоцирует. Конечно, все это означает, что мы неустанно должны крепить мощь нашего государства. Но вместе с тем хорошо бы добиться создания эффективной всемирной организации безопасности, которая могла бы дать действительный отпор агрессору. Между прочим, несомненно, именно с этим связано и упорное нежелание наших партнеров дать четкое определение понятию «агрессия». Вы заметили, как всполошился Кадоган? Кое-кого это не устраивает. Важен тут и порядок голосования в совете. Если оба фактора — наша мощь и действенная организация безопасности — будут взаимодействовать в направлении сохранения прочного мира, то человечество действительно сможет пойти по второму направлению — по пути сотрудничества и мира. Такая обстановка способствовала бы нашему успешному движению вперед, а это сказалось бы и на положении в других странах.

Тут я напомнил о словах Теодора Драйзера, который считал, что американские трудящиеся своими нынешними условиями жизни во многом обязаны факту существования Советского государства.

— Вот именно, — подхватил Соболев. — Я это и имею в виду. В конце 30-х годов мы только-только начали ощущать плоды наших усилий. После победы придется потратить огромную энергию на восстановление разрушенного. Наш народ справится с этим и покажет, какие возможности таит в себе социализм...

Я никогда раньше не видел сдержанного Аркадия Александровича в таком приподнятом настроении. Перехватив мой взгляд, он произнес:

— Быть может, вам представляется, что я слишком увлекся?

— Нет, что вы!..

— Пожалуй, я и впрямь увлекся, — продолжал сво-

им обычным ровным тоном Соболев. — Но у меня сложилось твердое убеждение: путь обострения конфликта ничего хорошего не сулит. Надо избрать второе направление, ведущее к укреплению международной безопасности. И я надеюсь, что это поймут наши партнеры по переговорам...

Незаметно мы оказались рядом с гостиницей. На углу располагалось маленькое кафе «Белая башня», открытое круглые сутки. Мы вошли внутрь, сели за стойку на высокие тумбы. Старичок в полосатом накрахмаленном халате — он один обслуживал все заведение в этот поздний час — подал нам традиционное ночное меню американца: холодное молоко и яблочный пирог.

Экономические и социальные проблемы

Очередное заседание Руководящего комитета состоялось 25 августа. Председательствовавший Стеттиниус сказал, что в этот уикенд конференция прервет работу, поскольку вечером советская и английская делегации выезжают на субботу и воскресенье в Нью-Йорк.

— Надеюсь, мы проведем там приятно время, — добавил он, улыбаясь и показывая ряд белоснежных зубов. — Теперь несколько слов хочет сказать наш пресс-секретарь...

Макдермот спросил, может ли он сообщить представителям печати об этой поездке? Стеттиниус, взглянув на двух других руководителей делегации, которые ограничились молчаливым кивком, ответил, что против этого возражений нет.

— Им нечего жаловаться на секретность, они получат от нас еще одно важное сообщение, — сказал он и весело рассмеялся...

— Пресса просит, — продолжал Макдермот, — сфотографировать представителей трех групп, участвующих в работе Руководящего комитета, в неофициальной обстановке. Могу я их сюда пригласить?

Получив согласие, Макдермот вышел, и тут же в кабинет ввалилась суетливая ватага фоторепортеров. В течение пяти минут они делали снимки с разных позиций. Посмотрев на часы, Стеттиниус, нахмурив густые брови, предложил посторонним очистить помещение. Когда репортеры удалились, он открыл заседание.

На этот раз Руководящий комитет обсуждал задачи всеобщей оргаиизации безопасности в экоиомической и социальиой областях. Вопрос этот был подготовлеи Пасвольским, Соболевым и Джеббом.

Кадогаи указал иа имеющееся различие между аигло-америкаиской и советской позициями.

— Советский Союз, — продолжал английский делегат, — предлагает отделить эти вопросы от проблем безопасиости. Видимо, советская сторона имеет при этом в виду опыт Лиги иаций, которая была перегружеиа вопросами, не имевшими отношения к проблеме безопасности. Но все дело в том, что экоиомические и социальные проблемы порой вызывают острые разиогласия, которые, в свою очередь, могут привести к угрозе миру и безопасности. Поэтому тут требуется какая-то связь. Может быть, такую связь осуществлял бы геиеральиый директор организации?

Громыко сказал, что, по мнеиию советской делегации, следует создать специальиую экономическую организацию.

— Действительио, — продолжал ои, — Лига иаций занималась больше экономическими и благотворительиыми проблемами, чем вопросами безопасиости. Мы подсчитали, что около 87 процентов обсуждавшихся в Лиге иаций вопросов не имели отношения к проблемам безопасиости. Мировая общественность полагала, что Лига заиимается рассмотреиием важиых вопросов, касающихся дела мира и безопасиости, а в действительности она тратила время на второстепеиные дела. Поэтому Советский Союз считает, что главиой и по существу едииствеииой задачей иовой междуиародиой оргаиизации должио быть поддержание мира и безопасиости. Разумеется, может быть иайдена какая-то форма связи между всеобщей оргаиизацией безопасиости и другими оргаиами, хотя бы с целью взаимиой иииформации.

Стеттиниус, внимательио слушавший советского делегата, сказал:

— На меня произвело большое впечатлеиие то, какой упор делает посол Громыко иа главиую задачу предполагаемой организации. Я ие считаю, что иаши точки зреиия так уж далеки друг от друга. Мы ведь все согласны, что совет имеет своей главиой задачей поддержание мира, ио, по миеиию американцев, должна существовать едииая всеобщая оргаиизация. Соединенные Штаты считают

желательным, чтобы, так сказать, собрать под одну крышу все области международных отношений. Может быть, все согласятся с тем, чтобы время от времени ассамблея создавала такие вспомогательные органы, какие она будет считать необходимыми для поддержания мира и безопасности? Мы не настаиваем на детальном плане. Но, возможно, стоит рассмотреть предложение о создании экономического и социального совета в составе 24 членов?

Пасвольский тут же высказался в пользу создания экономического и социального совета. Он сослался при этом на Лигу наций, где совет и ассамблея несли одинаковую ответственность. Теперь же предлагается, сказал Пасвольский, возложить главную ответственность за поддержание мира на совет.

Стеттиниус напомнил, что прошлой осенью в Тегеране президент Рузвельт предложил Черчиллю и Сталину рассмотреть вопрос о создании всеобъемлющего руководящего комитета для координации экономической политики в послевоенный период.

— Это должен быть орган, облеченный большим авторитетом и престижем, — вставил Пасвольский. — Ведь очевидно, что вопросы экономического характера и проблемы безопасности переплетаются.

Кадоган сказал, что, хотя поддержание мира — это наиболее важная функция создаваемой организации, такая функция в общем-то негативна. Необходимо, чтобы новая организация играла и позитивную роль. Тут-то и открываются большие возможности в экономической области. Это сделает организацию более привлекательной для других.

Громыко заметил, что трудно отделить деятельность ассамблеи в экономической области от деятельности предлагаемого экономического и социального совета. Но если бы это были разные органы с большими полномочиями, между ними можно было бы установить координацию. Уже сейчас существует около ста различных организаций, занимающихся экономическими вопросами и благотворительностью.

Пасвольский возразил, что только около 20 из существующих организаций действительно являются важными. Продолжая свою мысль, Громыко сказал, что координация между существующими организациями будет нелегким делом; надо, чтобы этим делом занимался специальный орган.

Джебб предложил рассмотреть несколько чисто практических вопросов.

— Важность того, — сказал он, — чтобы малые страны пришли в новую организацию и приняли ее, несомненна. Но их, возможно, будет пугать большая роль совета. Если у организации вообще будет мало экономических возможностей, то эти трудности возрастут.

— Но если малые страны спросить, — возразил Громыко, — хотят ли они иметь более эффективную или менее эффективную организацию, то они, несомненно, выскажутся за первую, ибо именно в этом все заинтересованы.

В ходе дальнейшей дискуссии возник вопрос, в какой мере в основном документе должна быть отражена возможность ставить перед организацией вопросы экономического характера. Громыко заметил, что даже самые идеальные решения в экономической области не могут сами по себе предотвратить агрессии. С этим все согласились. Однако Пасвольский принялся объяснять, что американское правительство связывает вопрос экономического развития с проблемой безопасности. Что же касается ссылок на Лигу наций, то все дело в том, что Лига не имела прямых полномочий в области обеспечения безопасности.

Джебб, обращаясь к Громыко, спросил, заключается ли советская позиция в том, что ассамблея не должна заниматься экономическими вопросами, которые не имеют отношения к проблеме безопасности.

Стеттиниус попросил Громыко еще раз изучить всю проблему, поскольку американская и английская группы придают ей большое значение. Он выразил также пожелание, чтобы Громыко информировал свое правительство о позиции США и Англии, и надежду, что вопрос будет рассмотрен в положительном смысле. Советский делегат обещал проинформировать свое правительство, но добавил, что советская делегация твердо придерживается высказанной ею точки зрения.

Затем обсуждался вопрос о составе и функциях намечаемого экономического и социального совета. Было согласовано, что совет не должен иметь исполнительных прав, а может лишь давать рекомендации в целях координации. Члены совета избираются ассамблеей. Тут не должно быть постоянных членов.

Соболев заметил, что рискованно делать большой упор на экономические проблемы, так как через какое-то

время могут сказать, что организация обещала многое, но ничего не сделала. Что же касается области безопасности, то тут надо позаботиться о том, чтобы организация выполнила свои задачи.

В итоге было решено перенести обсуждение вопросов о региональных организациях и о составе экономического и социального совета на одно из следующих заседаний.

Далее обсуждалась проблема исключения и ухода из организации. Громыко предложил, чтобы был предусмотрен пункт об исключении из организации. Он объяснил это тем, что было бы странно, если бы организация решила выступить против своего члена. Прежде чем предпринять такую акцию, следует исключить данное государство из организации.

Кадоган согласился с этим, но сказал, что англичане предложили временное исключение. Такая система облегчает возвращение государств в организацию в том случае, если будет заменено правительство, совершившее акт агрессии. Кадоган предложил включить это положение в устав. Было решено передать этот вопрос в Редакционный подкомитет.

В этот момент в зал вошел секретарь и, нагнувшись к Стеттиниусу, что-то ему шепнул. Стеттиниус попросил извинения и сказал, что его вызывают по срочному делу. В соответствии с ранее достигнутой договоренностью председательствование взял на себя Громыко. Комитет перешел к вопросу о том, как должны приниматься решения совета: двумя третями голосов или большинством голосов. Пасвольский сказал, что если другие государства это поддержат, то американская группа согласна, чтобы по всем вопросам решение принималось двумя третями голосов, включая совпадающие голоса постоянных членов совета. Что же касается процедурных вопросов, то можно ограничиться простым большинством. Кадоган поддержал это предложение.

Громыко заявил, что проинформирует Советское правительство о позиции Англии и Соединенных Штатов по этому вопросу.

Коснувшись состава военно-штабного комитета, Громыко внес предложение обсудить этот вопрос позднее, может быть, даже после окончания конференции. Он высказал мнение, что важно согласиться в принципе насчет создания при совете института военных советников.

После этого был объявлен перерыв на завтрак, который, как обычно, был подан на лужайке перед домом. К этому времени вернулся Стеттиниус. Взяв с большого стола пару сэндвичей и чашку кофе, Стеттиниус подсел к маленькому столику, рядом с Громыко. Советский делегат спросил Стеттиниуса, когда американская группа будет готова представить свои соображения о территориальной опеке. Стоявший рядом и потягивавший трубку Пасвольский ответил, что американцы не готовы представить эти соображения в ходе нынешних переговоров.

— Тогда, — сказал Громыко, — давайте обсудим статус международного суда на совещании, которое начнется сразу же после перерыва.

Заседание возобновилось. После некоторой дискуссии было достигнуто принципиальное согласие о создании международного суда, который будет составной частью всеобщей организации безопасности. Эту принципиальную договоренность решили включить в рекомендации, представляемые правительствам. Разработку проекта статуса международного суда перенесли на более позднее время.

Заседание закончилось. Прощаясь, Стеттиниус сказал, что вечером ждет участников поездки в Нью-Йорк на аэродроме.

Встречи на Манхэттене

*

В гостях у Рокфеллера

Солнце еще не село, когда мы отбыли из Вашингтона. Летели на небольшой высоте. Из иллюминатора можно было видеть, как начиная от Балтиморы до самого Нью-Йорка тянулся сплошной индустриальный район. Через час с небольшим самолет приземлился в аэропорту Ла Гардиа. Разместили нас в отеле «Уолдорф-Астория», считавшемся самым фешенебельным в Нью-Йорке. Стеттиниус, сопровождавший советскую и английскую делегации в качестве официального представителя правительства, обставил наше пребывание в Нью-Йорке весьма пышно. Во время поездок по городу наши машины эскортировал отряд полицейских-мотоциклистов. Пронзительными сиренами они пугали прохожих и заставляли весь транс-

порт останавливаться. А наш кортеж, не обращая внимания на красный свет, мчался по стритам и авеню Манхэттена.

Едва мы успели расположиться в номере, как уже получили приглашение на обед, который Стеттиниус устроил в честь делегаций в огромном зале гостиничного ресторана «Старлайт руф» («Звездная крыша»). Где-то в глубине зала играл оркестр, и женский голос темпераментно пел модную песенку «Беса ме муччо»...

На этом, однако, программа первого вечера не закончилась. В начале одиннадцатого Стеттиниус снова появился в нашем отеле и пригласил всех участников экскурсии в ночной клуб «Даймонд хорзшу» («Бриллиантовая подкова»). Сравнительно небольшой, обитый красным плюшем с золотой отделкой зал имел просторную сцену, где шло разнообразное, порой довольно фривольное представление. Наш хозяин, видимо, был тут завсегдатаем. Во всяком случае, его отлично знали и портье, и метрдотель, и официанты. Мы засиделись в клубе далеко за полночь.

Первая половина следующего дня была заполнена осмотром города: «Эмпайр стейтс билдинг», Уолл-стрит, нью йоркская биржа, посещение нескольких музеев.

Вечером все мы отправились на 5-ю авеню в огромный комплекс небоскребов Рокфеллер-Сентер, где были гостями одного из отпрысков династии миллиардеров Нельсона Рокфеллера. Он занимал пост специального уполномоченного президента по латиноамериканским проблемам.

В главном небоскребе, в мюзик-холле «Радио-сити», вечер начался с концертной программы, предшествующей демонстрации кинофильма. Оркестр исполнил «Славянские танцы» Дворжака и несколько произведений Мендельсона. Затем выступил скрипач, блестяще справившийся с труднейшими пассажами Паганини. И наконец, на сцену высыпало три десятка девиц в сетчатых трико. Знаменитые «рокетс» четкими движениями вскидывали в такт ноги и руки. «Рокетс» — особая нью-йоркская достопримечательность и для каждого приезжего посещение мюзик-холла «Радио-сити» так же обязательно, как и подъем на вершину 102-этажного «Эмпайр стейтс билдинг».

После выступления «рокетс» начался фильм, но мы сразу же покинули зал: надо было идти на коктейль к Нельсону Рокфеллеру. Поднявшись на лифте куда-то да-

леко вверх, мы вошли в просторное помещение с огромными зеркальными окнами, из которых открывался вид на сверкающий ночной Нью-Йорк. Тут собралось уже много гостей. Однако хозяина еще не было, и нас встретил его представитель — лысеющий господин небольшого роста, в модном фраке и белой манишке. Он подводил гостей к стойке бара, заставленного множеством бутылок с яркими этикетками, серебряными ведерцами со льдом и целой батареей стаканов различной формы и величины. В зависимости от того, какой коктейль вы заказывали, бармен с профессиональной ловкостью выбирал тот или иной стакан, начинал орудовать со льдом и бутылками, а затем передавал смесь своим помощникам. Те, взболтав, разливали ее по стаканам и подавали гостям.

Почти все мужчины были во фраках и в смокингах, дамы — в длинных вечерних платьях с глубоким декольте. Мы надели темные костюмы. Вечер проходил весьма непринужденно, только официанты в ливреях сохраняли торжественно-невозмутимую осанку. Они незаметно скользили между гостями, убирали пустые стаканы, разносили подносы с новыми напитками и маленькими бутербродами. Потом подавали мороженое, кофе, шампанское.

Время от времени к каждому из гостей подходил лысоватый распорядитель, спрашивал, нет ли каких пожеланий. Внезапно он куда-то исчез, а потом, вернувшись, подбежал к метрдотелю и отдал ему какое-то распоряжение. Тот подошел к двери, несколько раз громко хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Дамы и господа! Я имею честь представить вам Нельсона Рокфеллера...

В зал легкой походкой вошел коренастый молодой мужчина с рыжеватой шевелюрой и резкими чертами лица, чем-то напоминающими облик североамериканского индейца. Улыбаясь, он отвесил общий поклон. Затем подошел к главам делегаций и, поздоровавшись за руку, перебросился несколькими фразами. Отойдя через некоторое время в сторону, он стал о чем-то беседовать со Стеттиниусом.

Одет Рокфеллер был весьма небрежно: темно-коричневый костюм сидел на нем мешковато, к брюкам, заметно вытянутым на коленях, видимо, давно не прикасался утюг. На нем была голубая рубашка и белый воротничок с загнутыми углами. Однако самого его это явно не смущало. Он держался совершенно свободно, зато многие из при-

сутствовавших американцев проявляли к нему всяческие знаки внимания.

Когда я проходил мимо все еще беседовавших Стеттиниуса и Рокфеллера, Стеттиниус подозвал меня и представил Нельсону. Тот сразу же спросил о моих впечатлениях от Америки. Потом стал рассказывать о Нью-Йорке, о том, как строился Рокфеллер-Сентер. В этой стройке Нельсон Рокфеллер принимал непосредственное участие и теперь с явным удовольствием вспоминал те времена. Он предложил подняться на крышу небоскреба, чтобы сверху посмотреть на огромный город.

— Это первое серьезное поручение, которое я получил от отца,— сказал Рокфеллер, когда мы направлялись к лифту.— К строительству 70-этажного небоскреба приступили в начале 30-х годов, когда мне было 24 года. Я, правда, уже имел некоторую практику в области крупного строительства, но тут была своя сложность: небоскреб строился в центре города с интенсивным движением. Наша семья приобрела этот участок в Манхэттене, но за его пределы мы не могли выходить. Вся проезжая часть вокруг строительной площадки и даже тротуар должны были оставаться свободными для движения. Необходимые материалы и металлоконструкции перевозились по ночам. Строительство было все же закончено вовремя, и в первом же сезоне мюзик-холл «Радио-сити» принял первых зрителей...

Выйдя из лифта, мы пошли по длинному коридору. Нельсон открыл металлическую дверь и поднялся впереди меня по крутой железной лестнице на плоскую крышу небоскреба. Я подошел к самому краю и остановился у парапета. Зрелище отсюда открывалось фантастическое. Внизу лежал огромный город. Воздух был довольно прозрачный, и можно было видеть, как в ущельях улиц быстро двигались желтые и красные огоньки автомашин. Слева поблескивал в призрачном лунном свете вычурный шпиль вытянутого, как игла, здания «Крайслера», а впереди в темно-синем небе поднималась громада «Эмпайр стейтс билдинг». Дальше, между серебряными лентами Гудзона и Ист-Ривер, уходил на восток сверкающий разноцветными огнями Бродвей, в конце которого виднелись силуэты старых небоскребов Уолл-стрита. Они щетинились на фоне лунной дорожки, сверкавшей в Атлантическом океане...

Погуляв некоторое время по крыше, мы отправились обратно в банкетный зал. Спускаясь в лифте, я решил, на-

конец, задать Нельсону давно вертевшийся у меня на языке вопрос: почему он, такой состоятельный человек, одет столь небрежно?

— Видите ли,— ответил Рокфеллер,— тот, у кого еще нет миллиона, должен, конечно, тщательно следить за своей внешностью. А если у вас перевалило за миллион, то вы можете себе позволить некоторую экстравагантность...

Когда мы вернулись в зал, распорядитель сразу же подошел к Рокфеллеру и спросил его, не пора ли продолжить осмотр небоскреба; тот кивнул в знак согласия, и распорядитель громко объявил, что гостей приглашают осмотреть техническое оборудование «Радио-сити». Сперва нам показывали помещения, где находились звукооператоры, кинопроектор, затем повели за кулисы, где к очередному сеансу готовились «рокетс». Ярко загримированные, они вблизи выглядели отнюдь не столь привлекательно, как из зрительного зала. Стеттиниус, исполнявший наряду с Рокфеллером роль хозяина, представил нас руководителю кордебалета, который оказался выходцем из Одессы и довольно сносно говорил по-русски.

Осмотрев оборудование сцены, мы отправились на радиостанцию, ничем особенно не примечательную. Зато рядом находилось помещение, которое нас заинтересовало,— экспериментальная телевизионная студия. В то время телевидение было новинкой, и мы с любопытством осматривали сложное, тогда еще очень громоздкое оборудование. Потом несколько человек из нашей группы остались перед телекамерой, а остальные подошли к монитору. Изображение было вполне четким, и мы видели на экране, как Рокфеллер и Стеттиниус, стоявшие перед объективом телекамеры, обменялись рукопожатиями, похлопали друг друга по спине.

Яхта Стеттиниуса

На второй день нашего пребывания в Нью-Йорке была намечена прогулка по реке Гудзон с выходом в Атлантику. Погода испортилась, небо затянули серые тучи, дул пронизывающий ветер, но так как вечером мы уже улетали обратно в Вашингтон, морская прогулка все же состоялась. Покинув после завтрака «Уолдорф-Асторию», мы через несколько минут оказались в нью-йоркском порту. Стеттиниус и здесь проявил особое гостеприимство, при-

гласив нас на свою собственную яхту. Она ожидала нас у пирса, поблескивая свежей белой краской и ярко надраенными медными поручнями. Это было довольно большое судно, роскошно и со вкусом обставленное. Содержать такую яхту мог, конечно, только очень богатый человек. Им, собственно, и был Эдвард Стеттиниус — миллионер, занимавший посты директора компаний «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Дженерал моторз корпорейшн», «Дженерал электрик компани» и др. Эдвард Стеттиниус родился в Чикаго 22 октября 1900 г. в семье процветающего капиталиста, компаньона финансовой империи Моргана. Окончив в 1924 году университет, Эдвард Стеттиниус сразу же был принят в «Дженерал моторз корпорейшн», где большинство акций принадлежало Моргану. Обладая незаурядной энергией и организаторскими способностями, Стеттиниус быстро пошел в гору, став директором крупнейших корпораций. С 1940 года он занимал различные государственные посты, являясь в то же время членом комитета национальной обороны. В начале войны ведал вопросами ленд-лиза, а в сентябре 1943 года был назначен заместителем государственного секретаря Соединенных Штатов...

Когда яхта отвалила, Стеттиниус пригласил гостей в салон, где был подан коктейль. Затем все поднялись на палубу смотреть панораму Нью-Йорка. Мимо нас медленно проплывали гигантские доки, где грузились суда, направлявшиеся в Европу. Огромные краны осторожно опускали в трюмы танки, орудия, грузовики-«студебеккеры», ящики с боеприпасами, контейнеры с продуктами питания. Потом мы увидели огромный пассажирский лайнер, белые борта которого были для маскировки раскрашены сине-зелеными разводами. По трапу поднимались солдаты в полной выкладке, в шлемах, с карабинами через плечо. Посадка, видимо, шла к концу, все палубы были забиты военными. Внизу, на пристани, провожающие махали руками и платками, что-то кричали, а их близкие на судне перегибались через борт, тщетно пытаясь расслышать прощальные слова в лязге кранов и шуме моторов. Те, что стояли на носу, сняв каски, помахивали ими нашей нарядной яхте, скользившей по мутным водам Гудзона в сторону океана. Мысленно желали мы этим людям, отправлявшимся на фронты войны, благополучно перебраться через океан, где все еще шныряли гитлеровские подводные лодки, желали этим солдатам и офицерам со-

южной армии боевых успехов, победы и счастливого возвращения домой.

Нью-Йорк отодвигался все дальше. Вот мы уже миновали остров Элис, где находилась федеральная тюрьма и где раньше неделями выдерживали иммигрантов, прежде чем они получали разрешение поселиться в Новом свете. Осталась позади и статуя Свободы с факелом в руке — подарок французского правительства Соединенным Штатам...

Волна становилась все заметнее, яхту изрядно покачивало, мы выходили в открытый океан. Еще немного, и пологий берег Манхэттена скрылся за горизонтом. Остались только небоскребы, как бы поднимающиеся прямо из воды. Это было впечатляющее зрелище. Как будто не существовало ни страшных трущоб негритянских кварталов этого города, ни уродливой металлической паутины надземки, ни мрачных труб метро, ни лязга и грохота улиц, а был только безбрежный океан, и прямо из волн поднимались поразительные творения рук человеческих — стоэтажные громады небоскребов, казавшиеся отсюда совсем небольшими, как бы перевернутыми сосульками, сверкающими под прорвавшимися сквозь облака лучами солнца.

Сделав большую дугу, белоснежная яхта, накреняясь и с шумом разрезая волны, легла на обратный курс. Я спустился вниз. В салоне, в глубоких кожаных креслах сидели вокруг столика и потягивали виски с содой Стеттиниус, Соболев и Данн. Стеттиниус жестом пригласил меня присоединиться. Сразу же подошел официант и, получив заказ, принес мне джин с тоником — пожалуй, самый приятный из американских коктейлей. Стеттиниус продолжал прерванный рассказ о своей прошлой работе в качестве уполномоченного по ленд-лизу. Обращаясь к Соболеву, он сказал, что этот опыт в какой-то мере может быть использован для послевоенного экономического сотрудничества между нашими странами.

— Я полагаю,— продолжал Стеттиниус,— что мы должны совершенно по-новому строить свои отношения после войны, основывая их на взаимном доверии. Опыт войны показал, что мы можем сотрудничать в очень сложных условиях мирового конфликта. Тем более мы можем быть друзьями после совместной победы над врагом. Я убежден, что, если бы Соединенные Штаты проводили после войны политику иную, чем политику полного сотрудниче-

ства с Советским Союзом,— это было бы трагической ошибкой...

Мне думается, что Стеттиниус был вполне искренен, высказывая эти мысли. Он и в последующие годы, став после отставки тяжелобольного Корделла Хэлла государственным секретарем США, а затем будучи представителем Соединенных Штатов в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций, выступал в пользу американо-советского сотрудничества. В августе 1946 года он опубликовал в журнале «Ридерс дайджест» статью, в которой призывал к развитию отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом в интересах международного мира. Умер Стеттиниус в 1949 году от сердечного приступа, еще сравнительно молодым...

Вернувшись в порт, мы распрощались с капитаном роскошной яхты, заехали в гостиницу забрать чемоданы и помчались в аэропорт Ла Гардия. Там нас уже ждал специальный самолет. Спустя два часа мы были в вашингтонском «Статлере». На утро конференция в Думбартон-Оксе продолжила работу.

Состав Совета

В понедельник, 28 августа, в 11 часов Стеттиниус открыл заседание Руководящего комитета. На повестке дня стоял вопрос о составе совета всеобщей организации безопасности и о порядке голосования в этом органе. В ходе обмена мнениями по вопросам, которые комитету предстояло обсудить в дальнейшем, Громыко предложил рассмотреть следующие пункты: «Положение Франции в Организации» и «Членство в Организации». С этим все согласились, и в повестку дня были внесены соответствующие дополнения.

Громыко спросил, сформулировала ли американская группа предложение насчет числа постоянных и непостоянных членов совета.

Стеттиниус ответил, что первоначальное американское предложение предусматривало четырех постоянных членов и семь непостоянных, то есть всего 11 членов совета. В дальнейшем американцы стали думать о включении Франции в качестве пятого постоянного члена. Он добавил, что, возможно, Соединенные Штаты предложат позднее добавить шестое постоянное место, имея в виду одну из латиноамериканских стран.

Громыко поинтересовался, о какой именно латиноамериканской стране могла бы идти речь. Пасвольский ответил, что это могла бы быть Бразилия. Соболев спросил, когда Соединенные Штаты хотят добавить Бразилию. Стеттиниус пояснил, что американская группа сейчас не делает конкретного предложения насчет Бразилии.

Видимо, американцы решили все же прощупать позицию своих партнеров на этот счет. Данн, сославшись на роль Бразилии в развитии связей западного полушария с остальным миром, сказал, что это важный мотив в пользу ее включения в совет. На вопрос Громыко, имеется ли в виду включить Бразилию в подготавливаемый в Думбартон-Оксе документ, Стеттиниус ответил, что, возможно, лучше было бы в согласованных рекомендациях оговорить места в совете для Франции и для одной из латиноамериканских стран, но не называть определенное государство.

Громыко сказал, что советская группа считает существенным ограничить число постоянных членов совета пока представителями четырех, а позднее пяти держав, когда будет включена Франция.

Затем обсуждался порядок избрания в состав совета непостоянных членов. Американцы снова вернулись к вопросу о числе мест, предложив оговорить, что в совете будет шесть постоянных и шесть непостоянных или шесть постоянных и пять непостоянных мест. Пасвольский заметил, что лучше иметь четное число непостоянных членов, ибо если срок пребывания будет два года, то желательно, чтобы каждый год переизбиралась половина.

Кадоган с этим согласился, но поинтересовался, имеют ли американцы все же в виду, что с самого начала будет предоставлено шесть мест для постоянных членов совета. Он добавил, что это означало бы серьезное изменение американской позиции по сравнению с тем, что было раньше.

— Предполагается ли включить все это в устав или потом сделать к нему дополнения? — спросил английский делегат.— Будет ли в последнем случае шестой постоянный член избран самим советом?

Кадоган выразил надежду, что все же не придется иметь шестое место в совете, и добавил, что стоит лишь выйти за рамки добавления Франции как пятого члена совета, и мы сунем голову в осиное гнездо.

— Если предлагается,— продолжал Кадоган,— что

должен быть предусмотрен механизм для увеличения в будущем числа постоянных членов совета, то такое предложение можно рассмотреть. Однако, если мы отойдем от принципа, что будет только пять постоянных членов, мы подвергнемся сильному давлению, и, несомненно, поступят требования о еще большем увеличении количества постоянных мест...

Стеттиниус сказал, что у американской группы нет определенных инструкций на этот счет. Кадоган заметил, что он все же должен информировать свое правительство и что он сомневается, знает ли вообще правительство Англии обо всем этом. Стеттиниус вновь подчеркнул, что в настоящий момент американская группа не вносит определенного предложения. Он только хотел, чтобы другие имели это в виду. Кадоган спросил, будет ли этот вопрос поставлен официально еще в Думбартон-Оксе и назовет ли здесь Стеттиниус окончательно шестую державу? Стеттиниус повторил, что американская группа еще не имеет на этот счет окончательного мнения.

— Мы просто хотели знать, как отнесутся к этому другие группы, если в дальнейшем этот вопрос будет поднят официально,— заключил Стеттиниус.

Было согласовано, что на данном этапе желательно предусмотреть пять мест для постоянных членов совета, включая Францию, и шесть мест для непостоянных членов. Уговорились также, что если Франция еще не будет иметь всеми признанного правительства к моменту создания международной организации безопасности, постоянное место будет все же для нее зарезервировано.

Кадоган спросил, должен ли определять совет, получила или не получила Франция ответственное правительство?

— Может быть,— добавил он,— три державы сперва решат это между собой, а уж потом передадут на рассмотрение совета? Во всяком случае, правительство его величества считает, что чем раньше Франция получит свое место, тем лучше...

Затем обсуждался вопрос о статусе непостоянных членов.

В предварительном порядке участники совещания согласились принять советское предложение о двухгодичном сроке пребывания в совете непостоянных членов. Кадоган сделал оговорку, что он не может окончательно согласиться на этот срок, поскольку ему поручено настаи-

вать на трехгодичном сроке. Он, однако, не возражает, чтобы пока Редакционный подкомитет исходил из двухгодичного срока.

После этого обсуждался вопрос о порядке исключения из организации. Громыко напомнил, что советская группа выступает за то, чтобы положение об исключении было предусмотрено в уставе.

— Мы изучаем вопрос о том,— продолжал Громыко,— не следует ли включить в устав и положение о временном отстранении от участия в работе организации.

Редакционному подкомитету было поручено в предварительном порядке сформулировать пункт «об исключении и отстранении» и представить текст Руководящему комитету.

Стеттиниус снова вернулся к вопросу о том, может ли сторона, замешанная в споре, принимать участие в голосовании. Он сказал, что, по мнению американской группы, «виноватая» сторона не должна голосовать по своему делу, кем бы она ни была. Английская делегация с этим согласилась.

Громыко напомнил, что советская делегация придерживается на этот счет иного мнения: необходимо выработать особую процедуру в отношении великих держав, если они участвуют в споре. Он сказал, что его группа не рассматривала вопрос о том, какова должна быть эта процедура, полагая, что американская группа внесет соответствующее предложение.

На этом заседании Руководящего комитета рассматривался также вопрос о составе военно-штабного комитета. Данн сказал, что, по мнению американцев, в военно-штабной комитет должны входить представители четырех или пяти великих держав — постоянных членов совета. Кадоган предложил оговорить, что комитет может приглашать страны, наиболее заинтересованные в обсуждаемом вопросе, а также те государства, у которых можно было бы попросить особой помощи. По его мнению, военно-штабной комитет должен давать рекомендации совету в отношении квот и регулирования вооружений.

Продолжая излагать американскую точку зрения, Данн заявил, что, возможно, некоторые страны особенно важно иметь в составе комитета. Поэтому надо выработать формулу, согласно которой можно было бы одни страны привлекать к работе комитета, а другие оставлять в стороне. Может быть, было бы желательно, чтобы совет

отобрал страны для участия в военно-штабном комитете помимо постоянных четырех или пяти держав.

После некоторой дискуссии этот вопрос решили передать для дальнейшего обсуждения в Подкомитет военных представителей.

Далее состоялся обмен мнениями относительно ответственности четырех держав за поддержание мира в переходный период. Громыко сказал, что советская делегация согласна в дальнейшем обсудить эту тему и считает, что надо сделать соответствующую ссылку в согласованных рекомендациях настоящей конференции. Он добавил, что хочет проконсультироваться со своим правительством по данному вопросу.

Кадоган зачитал текст, предлагаемый английской делегацией:

«Имеется в виду, что четыре державы берут на себя ответственность за поддержание мира и безопасности в переходный период, однако признается, что позднее они, возможно, пожелают передать некоторую часть этой ответственности организации безопасности».

Соболев обратил внимание на то, что в британском документе намечено помимо четырех держав привлекать к урегулированию в переходный период также и другие государства. Что это значит? Кадоган ответил, что это соответствует решениям Европейской консультативной комиссии, в которых сказано, что оккупационные войска могут включать и некоторые военные соединения других союзных стран. Однако в целом четыре державы — а в Европе три державы — должны нести ответственность за разоружение вражеских государств и по другим аналогичным мерам.

В ходе дальнейшего обсуждения были вновь сделаны ссылки на Московскую декларацию и на ее указания о совместных действиях не только четырех держав, подписавших эту декларацию, но и о привлечении в случае необходимости других стран. Все согласились, что любые меры по поддержанию мира в промежуточный период должны быть согласованы между четырьмя державами.

Затем обсуждался вопрос о членах — инициаторах организации. Громыко заметил, что в одной из бесед с ним Стеттиниус упомянул Данию. Он спросил, хочет ли американская группа добавить еще какие-то страны к Объединенным и присоединившимся нациям?

Пасвольский ответил, что Дания была приглашена на валютиую конференцию как наблюдатель, и поэтому имелась договореиность, что Дания будет участвовать в валютном соглашении, когда у этой страны снова появится ответственное правительство. Американская сторона готова составить предварительный список. Окончательный список, возможно, удастся подготовить к тому времени, когда уже можио будет передать предлагаемый план создания организации другим странам. Пасвольский пояснил, что американцы предлагают пригласить не только первоначальных участников Декларации Объединенных наций, но и некоторые другие страны, которые порвали с Германией и помогают воеиным усилиям союзников. Именно эти страны следует считать присоединившимися.

Было решено передать этот вопрос в Редакционный подкомитет. При этом Громыко заметил, что, само собой разумеется, все 16 советских республик должны быть включены в состав членов — инициаторов организации.

Кадоган сказал, что в данный момент он не собирается комментировать это предложение, но полагает, что его правительство должно обсудить с Советским правительством вопрос о статусе советских республик. Американский представитель сказал, что он также должен подумать о новом предложении посла Громыко.

Затем Стеттиниус высказал мнение, что пора бы в скором времени провести пленарное заседание конференции. Все с этим согласились. Стеттиниус сказал, что он в ближайшее время предложит дату плеиарной сессии, и закрыл заседание Руководящего комитета.

Негритянское ревю

Вечер был свободным, и мы с Долбиным решили посмотреть негритянские кварталы. Уже тогда почти половину населения столицы Соединенных Штатов составляли чериые. Днем их бывало много на центральных улицах, но к вечеру почти все исчезали. В «белых» кварталах Вашингтона черные жили лишь иа положении прислуги. Те же, кто служил в учреждениях, магазинах, гостиницах, после работы возвращались домой, в черное гетто.

Большой негритянский район находился в северо-во-

сточной части города. Туда мы и направились. Доехав в такси до Мериленд-авеню, мы вышли неподалеку от здания конгресса и, свернув на одну из перпендикулярных улиц, очутились как бы в другом мире. Тут не было ни уютных беленьких домиков, ни зеленых газонов. Рядами уходили вдаль унылые четырех- и пятиэтажные здания-казармы с проржавевшими перилами ступенек, ведущих к подъездам. По фасаду зданий висели покореженные пожарные лестницы, придававшие всей улице еще более уродливый и мрачный вид. Мостовые и тротуары были выщерблены и замусорены. Кругом валялись обрывки газет, какие-то тряпки, пустые консервные банки. Кое-где в этом мусоре играли курчавые ребятишки. Все кричало о том, что здешних обитателей муниципалитет столицы считает людьми второго сорта.

Мы долго бродили по этим унылым кварталам и повсюду наталкивались на ту же картину запустения, упадка, отсутствия элементарных человеческих условий жизни. Белых тут вовсе не было видно; да и вообще прохожих было мало. Иногда, поднимая облака пыли, промчится автомобиль, а затем улица снова вымирает. Наконец мы свернули на более освещенную улицу и пошли в сторону мигавших вдалеке разноцветных огней. Тут был, видимо, своеобразный центр этого района: магазины и лавчонки, несколько кинотеатров, кафе. У входа в ресторан висел плакат, приглашавший посмотреть негритянское ревю.

Внутри все выглядело, как и в большинстве американских ночных ресторанов. Вдоль стены тянулась широкая сцена. Сбоку тумбочки для нот отгораживали место для джаза. Музыканты — все негры — были одеты в светлые полосатые костюмы. Перед сценой было выделено место для танцев. Вокруг стояли столики, сперва на уровне пола, а дальше, к противоположной стене,— на двух уровнях: один выше другого. На стене висел большой плакат — силуэты пальм на фоне яркого взрыва — с надписью: «Помни Пёрл-Харбор!»

Когда мы вошли, в зале было довольно много публики, но несколько столиков поближе к сцене оставались свободными. Метрдотель — высокий элегантный негр в кремовом смокинге — предложил нам столик на двоих, у самой сцены. Я заметил, что в этом же ряду сидела белая пара. Как я потом убедился, для белых гостей были зарезервированы особые столики. Оркестр играл весе-

лые мелодии диксиленда, перемежая их «спиричуальс», негритянскими религиозными напевами. Мы заказали джин с тоником и, покуривая, оглядывали публику.

Тут собралась весьма пестрая компания: люди разного возраста, группы одиноких мужчин и парочки, а также целые семьи за большими столами. По одежде трудно было разобрать, что это за люди. Все в белых рубашках, в хорошо отутюженных костюмах, женщины — в вечерних платьях, с украшениями.

Впрочем, некоторые были люди состоятельные. Например, семья за овальным столом: родители и, видимо, их дочь с мужем, поджарым вертлявым юношей. Папаша, грузный мужчина с характерным мясистым негритянским лицом, так и излучал довольство. Мать и дочка были увешаны украшениями.

Мне уже тогда бросилось в глаза, что отнюдь не все черные — бедняки и неудачники. Среди них есть и довольно богатые люди, разъезжающие в роскошных автомобилях, живущие на широкую ногу. Но и им, как правило, не удается вырваться из гетто. Черным не сдадут квартиру в доме, где живут белые, не позволят под тем или иным предлогом приобрести или построить дом в белых кварталах. Цвет их кожи, независимо от имеющихся у них капиталов, делает их людьми второго сорта. Бывают, конечно, исключения, но они очень редки...

Зал постепенно заполнился. Несколько столиков заняли белые. Две-три пары танцевали на полированном овале. Потом оркестр сделал паузу, однако ушли не все музыканты. Остался пианист, и, пока остальные отдыхали, он лениво перебирал клавиши, наигрывая разные мелодии. Так было все время: в каждый перерыв кто-то один из оркестрантов оставался — аккордеонист, трубач, саксофонист — и потихоньку развлекал публику.

Но вот оркестранты снова в сборе, грянул джаз, и конферансье объявил в микрофон о начале ревю.

Программа была весьма разнообразной: певец с отличным баритоном исполнял популярные песенки, веселые и грустные, а затем на бис пропел несколько негритянских «спиричуальс», партерные акробаты, натертые до блеска оливковым маслом; фокусник с традиционными голубями, кроликами, разноцветными платочками и тоненькой, очень подвижной ассистенткой, которая все время приплясывала в такт музыке, подавая шефу нужные предметы. Но особенно интересна была пара танцо-

ров — юноша и девушка. Они вышли под конец, и публика, видимо, хорошо зная их, разразилась бурной овацией.

Оба они были прикрыты только набедренными повязками. Но это никого не смутило: напротив, их шоколадные красивые тела скорее вызывали восхищение. Танец был длинным, многократно сопровождался громкими аплодисментами и пронзительным свистом, что у американцев считается высшим проявлением восторга. Эта пара давала целое представление. Тут были танец и пантомима, бытовые сценки, элементы трудовых процессов, картинки охоты и ритуальные пляски Африки — далекой родины танцоров и большей части собравшейся здесь публики.

Что чувствовали эти люди, наблюдая за танцем? Может быть, им виделись дебри и девственные леса родины их предков? Может быть, перед их мысленным взором вставали вечные снега африканских гор, величественные водопады или ночные костры. А быть может, они думали о своей сегодняшней жизни, о своих горестях и радостях, о мечтах и стремлениях своего народа, обретшего новую родину в Америке, где их упорно считают не детьми, а пасынками!

Я смотрел на танцоров, на смену выражения лиц у зрителей и думал об этом способном, трудолюбивом, очень талантливом народе, о трудной его судьбе...

Страны-учредители

Во второй половине дня 29 августа состоялось очередное заседание Руководящего комитета. Как обычно, его открыл Стеттиниус. Сославшись на предыдущую встречу, во время которой Громыко внес предложение считать 16 советских республик членами — учредителями международной организации безопасности, Стеттиниус спросил, не лучше ли ссылку на эту проблему вообще исключить из протокола. Громыко возразил, заметив, что ведь копии протоколов широко не распространяются.

— Делая вчера это заявление,— сказал Громыко,— я хотел лишь привлечь внимание двух других делегаций к этому вопросу. Но я не настаиваю на том, чтобы эта проблема подвергалась дальнейшему обсуждению на переговорах в Думбартон-Оксе...

Этим, однако, вопрос не был исчерпан. Западные политики, которые, например, считали естественным, чтобы участники так называемого Британского содружества наций были представлены в новой международной организации безопасности, серьезно переполошились, когда речь зашла о вхождении в организацию советских республик.

Два дня спустя, 1 сентября, президент Рузвельт направил послание Сталину, в котором писал:

«Упоминание Вашей делегации в Думбартон-Оксе о том, что Советское Правительство могло бы пожелать поставить на рассмотрение вопрос о членстве для каждой из шестнадцати Союзных Республик в новой Международной организации, меня весьма беспокоит. Хотя Ваша делегация заявила, что этот вопрос не будет снова поднят в течение нынешней стадии переговоров, я считаю, что я должен сообщить Вам, что весь проект, поскольку это, конечно, касается Соединенных Штатов, да и, несомненно, также других крупных стран, определенно оказался бы в опасности, если бы этот вопрос был поднят на какой-либо стадии до окончательного учреждения Международной организации и до того, как она приступит к выполнению своих функций. Я надеюсь, что Вы сочтете возможным успокоить меня в этом отношении.

Если отложить в настоящее время этот вопрос, то это не помешает тому, чтобы он был обсужден позднее, как только будет создана Ассамблея. Ассамблея имела бы к тому времени все полномочия для принятия решений».

Сталин ответил на это послание Рузвельта спустя неделю, 7 сентября. Он писал:

«...Заявлению советской делегации по этому вопросу я придаю исключительно важное значение. После известных конституционных преобразований в нашей стране в начале этого года Правительства Союзных Республик весьма настороженно относятся к тому, как отнесутся дружественные государства к принятому в Советской Конституции расширению их прав в области международных отношений. Вам, конечно, известно, что, например, Украина и Белоруссия, входящие в Советский Союз, по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания Международной организа-

ции. Поэтому я надеюсь еще иметь случай объяснить Вам политическую важность вопроса, поставленного советской делегацией в Думбартон-Оксе».

В конце концов на конференции в Думбартон-Оксе было решено отложить обсуждение этого вопроса. Но он возник на Ялтинской конференции. Там была достигнута договоренность о том, чтобы в международную организацию безопасности в качестве членов-учредителей вошли Украина и Белоруссия.

В феврале 1945 года, находясь в Крыму, президент Рузвельт писал И. В. Сталину: «Мы договорились — причем я, конечно, выполню это соглашение — о том, чтобы поддержать на предстоящей конференции Объединенных Наций принятие Украинской и Белорусской Республик в члены Ассамблеи Международной организации».

...В ходе дальнейшего обсуждения в Думбартон-Оксе вопроса о членстве в организации Громыко заметил, что для него не ясна формула: «присоединившиеся к ним».

— Как это следует понимать? — спросил Громыко. — Ведь один лишь факт разрыва той или иной страны с державами оси явно недостаточен, что видно хотя бы на примере Аргентины или Турции. Следовало бы поэтому выработать и согласовать соответствующую формулу в этом отношении.

Пасвольский обещал представить к следующему заседанию список стран, которые в последнее время участвовали в конференциях, организованных Объединенными нациями. Этот список, как он полагает, покажет, что имеются 35 Объединенных наций и 9 наций, присоединившихся к ним.

Кадоган спросил, имеют ли в виду американцы приложить этот список к совместным рекомендациям как список стран-учредителей? Стеттиниус ответил отрицательно.

— Но тогда,— возразил Кадоган,— нас будут спрашивать, о каких же странах идет речь?

Данн сказал, что американское правительство пользовалось фразой: «Объединенные нации и нации, присоединившиеся к ним в ведении войны». Эта формула не включает страны, лишь разорвавшие отношения. Она предусматривает оказание помощи в ведении войны. Джебб заметил, что, как он полагает, Турцию можно считать «присоединившейся» в той же мере, как и Эквадор.

Данн возразил против этого, заметив, что Эквадор фактически предоставляет базы и оказывает другие услуги.

Видя, что дело осложняется, Кадоган предложил следующую формулу: «Первоначальными членами Организации станут Объединенные нации и те другие страны, которые будут упомянуты в основном документе (Уставе)».

Данн сказал, что предложение Кадогана не решает вопроса о том, на какой основе будут отбираться страны для участия в конференции, которая выработает и примет основной документ организации. После этого Кадоган высказал мнение, что данный вопрос не удастся решить в ходе конференции в Думбартон-Оксе.

Пасвольский предложил пока ограничиться формулой, представленной Редакционным подкомитетом, позднее ее можно будет обсудить. Все с этим согласились, причем Громыко снова подчеркнул, что в любом случае следует точно определить смысл формулы «присоединившиеся нации».

На следующем заседании Руководящего комитета Пасвольский представил список стран, участвующих в конференции в Хот-Спрингсе и в Бреттон-Вудсе. Он разъяснил, что, когда говорится «Объединенные нации и нации или власти, присоединившиеся к Объединенным нациям», имеются в виду в первом случае страны, которые объявили войну державам оси, а во втором случае — во-первых, власти, например Французский комитет национального освобождения, и, во-вторых, власти других стран, которые активно помогали ведению войны, формально войны не объявляя. Все согласились, что один лишь разрыв отношений с державами оси не означает, что страна, предпринявшая такой шаг, автоматически попадает в категорию «присоединившихся наций».

Громыко сказал, что, как он понимает, Редакционный подкомитет должен рассматривать предложенный список как дополнительную информацию, но что на этой стадии переговоров не будет делаться попытка определить окончательный перечень членов предполагаемой организации. Вообще, по его мнению, настоящее совещание не должно заниматься составлением окончательного списка, а обязательно выработать лишь общую формулу.

В конечном итоге было сформулировано общее положение относительно принятия государств, которые не

являются членами-инициаторами. В соответствии с этим членами организации могут стать Объединенные нации и все миролюбивые государства. Членами — учредителями организации должны быть Объединенные нации и нации, присоединившиеся к ним. Государства, которые не являются членами — учредителями организации, могут быть приняты в индивидуальном порядке после утверждения устава организации и в соответствии с положениями, изложенными в уставе.

Размышления английского профессора

30 августа первая половина дня была свободна. Мы с генералом Славиным приехали в Думбартон-Окс примерно за час до начала заседания Подкомитета военных представителей. День был жаркий и душный, и мы решили поплавать в расположенном в парке бассейне. Спустившись по аллее, окаймленной цветущими олеандрами, мы увидели около бассейна английских делегатов Гледвина Джебба и профессора Чарльза Вебстера. С ними была рыжеволосая пышная мисс Элизабет, сотрудница американского секретариата. Они уже надели купальные костюмы, и мы, забежав в беседку переодеться, присоединились к ним. Бассейн, не очень широкий, но довольно длинный, был сооружен по всем правилам: с одной стороны глубокий, с другой помельче. У кромки глубокой части над голубоватой водой повис трамплин. Стенки бассейна покрывали кремовые плитки. В дальнем углу в воду спускалась лесенка с никелированными изогнутыми поручнями.

Первым прыгнул в бассейн профессор Вебстер. Высокий, плотный, с взъерошенной шевелюрой, он раскачался на трамплине и плюхнулся в воду, обдав нас брызгами. За ним последовали остальные. Вода немного пахла хлоркой, но была очень приятна своей освежающей прохладой. Джебб вскоре покинул нашу компанию, сказав, что его ждут дела. Поплавав вдоволь, мы с Чарльзом Вебстером отправились в беседку отдохнуть. До начала заседания еще оставалось много времени.

Славин и рыжеволосая мисс Лиз плескались на мелководье у противоположного края бассейна, а мы с профессором, взяв по бутылке с апельсиновым соком, уселись в плетеные кресла. Потягивая через соломинку

оранжевый напиток, обменивались незначительными фразами. Внимание профессора Вебстера привлек фирменный знак на моих плавках: прыгающая с трамплина фигурка.

— Где вы их купили, — поинтересовался он. — Не в Германии ли?

Я ответил утвердительно, пояснив, что накануне войны работал в Берлине в советском посольстве.

— Очень любопытно, — протянул профессор. — Мне перед войной приходилось не раз бывать в Германии. Потом спросил:

— Как вам там работалось?

Выслушав мои замечания по поводу специфичности обстановки в нацистском «рейхе», профессор немного помолчал, потянул из соломинки и тоном размышляющего вслух человека произнес:

— Много лет я изучал Германию, имел там немало друзей, всегда считал немцев высококультурной нацией, а потом никак не мог взять в толк, что же с ними произошло. Откуда эти фанатизм, жестокость, маниакальная вера в авантюриста-фюрера? Как ему удалось им внушить такие дикие идеи?..

Я заметил, что нацистская пропаганда на протяжении многих лет обрабатывала немцев.

— Все дело в том, — продолжал английский профессор, — что он нашел у них в душе какую-то струнку, которая отозвалась. Видимо, тут сыграла роль нелепая ницшеанская идея о превосходстве германской расы и о неполноценности других народов. А к тому же он наобещал, что немцы тысячу лет будут господствовать в мире. Первоначальные успехи Гитлера вскружили всем им головы, и многие, видимо, всерьез поверили, что они — избранный народ. Такие вещи бывали в истории, но казалось, что в наше время такое не может повториться. При всем прогрессе науки, техники, при всех тех обширных знаниях, которыми люди располагают, это просто дико...

— И тем не менее это так, — заметил я.

Профессор ничего не ответил, снова поднес соломинку к губам, потянул прохладную жидкость. Сквозь толстые стекла очков устремил взор в пространство. Потом сказал:

— Вы знаете, о чем я думаю? Мне кажется, подобная ситуация может все-таки снова повториться...

Я вопросительно посмотрел на него.

— Видите ли, мой молодой друг, — продолжал профессор,— говоря между нами, мне не нравятся некоторые настроения и тенденции в этой стране. Возможно, вы не знаете, что в Соединенных Штатах очень силен национализм особого толка, национализм так называемых «настоящих» американцев, отсчитывающих свою родословную от первых поселенцев. Тут черпает соки и распространенный здесь антисемитизм, и пренебрежение к выходцам из славянских стран, уже не говоря об отношении к черным. Все это питательная почва для тех же идей о превосходстве одной группы людей над другой, о неполноценности тех, кто не принадлежит к избранной касте...

Меня заинтересовали рассуждения английского профессора.

— Да, да, — продолжал он, — все это любопытно, однако и опасно. Сейчас, возможно, неуместно заводить об этом разговор. Но раз уж мы коснулись этой темы, то скажу еще кое-что. Вы вот летели сюда через Аляску. Вероятно, видели, какое там на базах идет гигантское строительство?

— Видел, — подтвердил я и рассказал о своих наблюдениях.

— Так вот, зачем все это, как вы думаете? — и проф. Вебстер многозначительно хмыкнул. — Может быть, для войны с Японией? Сомневаюсь. Победа на Тихом океане — дело решенное, хотя она и потребует еще немалых усилий. Дело в том, что кое-кто в этой стране готовит позиции на будущее. У нас, англичан, конечно, есть свои амбиции, свои планы. Имеет свои интересы и ваша страна. Но если попытаться заглянуть подальше вперед, то можно предположить, что некоторые претензии Соединенных Штатов на решающую роль на нашей планете в сочетании с распространенными здесь идеями превосходства, о чем я уже говорил, могут осложнить ситуацию и доставить много неприятностей и нам и вам...

Я понимающе кивнул. Профессор уселся поудобнее и пристально посмотрел на меня. Сквозь толстые стекла очков его зрачки казались совсем маленькими точечками.

— Видите ли, — продолжал он, — я по своему мировоззрению принадлежу скорее к пацифистам. Ненавижу войны и потому искренне хочу, чтобы нашим странам удалось создать такую международную организацию, которая действительно была бы способна обеспечить мир.

Мне даже кажется, что мы слишком мало чувств вкладываем в дело, которым здесь занимаемся. Но, честно говоря, я очень опасаюсь, как бы наша работа не оказалась напрасной...

Допив содержимое бутылки, Вебстер встряхнул шевелюрой и сказал:

— Впрочем, я, кажется, заболтался. Забудьте об этом. Пойдемте лучше окунемся...

Он встал, пошел к трамплину и, раскачавшись, прыгнул ногами вниз. Я последовал за ним. В это время генерал Славин и мисс Лиз выбирались из бассейна по лесенке. Вскоре мы все отправились в зал заседаний...

Впоследствии Вебстер выпустил книгу «Создание Устава Объединенных Наций». В ней он писал: «Предложения, разработанные в Думбартон-Оксе, не раз критиковались за то, что они страдали недостатком человечности и теплоты. Действительно, эти предложения были разработаны официальными лицами, которые старались по возможности избежать такого языка и тех эмоциональных обращений, которые могли бы затенить подлинные факты международной ситуации. Несомненно, однако, что было бы полезно включить в такой документ какие-либо фразы об устремлениях людей, хотя авторы и знали, что они не могли быть немедленно осуществлены...»

Дискуссия продолжается

Подкомитет военных представителей собирался 30 августа в 14 часов.

Председательствующий — американский адмирал Вильсон — предложил проект параграфа, в котором говорилось, что каждое государство должно передавать в распоряжение совета по указанию последнего соответствующие контингенты войск, причем это государство должно также нести ответственность за соответствующее оснащение, доставку и надлежащее состояние войск.

Британский представитель согласился с проектом и заметил, что тут не должно быть места для какой-либо политической процедуры, которая могла бы вклиниться между вызовом, поступившим от совета, и предоставлением соответствующих сил.

Соболев спросил, не предусматривают ли американцы какой-либо процедуры, проведение которой должно пред-

шествовать предоставлению совету части наземных вооруженных сил? Американский представитель ответил, что это не предусмотрено, поскольку государства должны заранее согласиться о предоставлении вооруженных сил по требованию совета. Конечно, какие-то шаги должны быть предприняты, чтобы привести вооруженные силы в движение, но в каждой из стран не должно быть в этой связи политических дебатов в отношении того, следует или не следует удовлетворять требование совета.

Соболев спросил, каково мнение англичан на этот счет? Британский представитель выразил согласие с соображениями американцев.

Адмирал Родионов поинтересовался, означает ли это, что американцы исключают советское предложение о международном воздушном корпусе. Американский и английский представители заявили, что, по их мнению, предложение Соединенных Штатов отвечает целям советского проекта, хотя оно и исключает создание особых международных воздушных сил или корпуса на постоянной основе.

Соболев заявил, что ему нужно время для изучения поднятых вопросов и обсуждения их со своей делегацией. Он также попросил уточнить смысл предложений, касающихся деятельности военно-штабного комитета.

Британский представитель объяснил, что членами комитета должны быть представители начальников штабов соответствующих стран. Причем сначала в военно-штабном комитете должны быть представлены лишь четыре или пять великих держав. Другие страны будут привлекаться к работе комитета при рассмотрении вопросов, затрагивающих их интересы. В британском меморандуме, напомнил генерал Макреди, сказано: «Поскольку на протяжении многих предстоящих лет четыре державы должны будут играть решающую роль в обеспечении мира на земном шаре, постоянными членами этого комитета должны являться военные представители этих держав». Однако, продолжал британский делегат, существенным должно быть сотрудничество и других стран в деле поддержания вооруженных сил, предоставления баз, доставки, снабжения и других видов обслуживания. Поэтому подразумевается, что эти страны получат право высказаться в соответствии с их обязательствами. Следовательно, эти государства должны принимать в какой-то форме участие в работе военно-штабного комитета.

Вокруг этих соображеинй завязалась дискуссия, в итоге которой была достигиута следующая предвартнтельная договорениость:

члены совета ие обязательио являются членамн военно-штабного комнтета, но государства, имеющне постоянный статут в совете, будут всегда членамн этого комнтета;

другне государства, независимо от того, являются лн оии члеиами совета илн нет, могут быть прнглашены участвовать в военио-штабном комнтете прн обсужденни вопросов, затрагивающнх интересы этих государств;

члены органиизации должны нметь право быть выслушанными советом по проблемам, непосредственно затрагнвающнм эти государства.

Советскнй представнтель констатнровал наличне общего согласия в главном прннципе, а имеино: военноштабной комнтет должен включать четыре или пять постоянных членов совета. Он высказался за то, чтобы провести дальиейшее обсужденне относнтельио функцнй комитета, а также процедуры и порядка привлечения государств к его работе. Но прежде всего, сказал Соболев, важно договориться о создаини комитета н о том, что в него будут входить великие державы.

Геиерал Макредн подчеркнул, что следует с самого начала оговорить право малых стран участвовать в работе военно-штабного комнтета...

На одном из последующнх заседаннй Подкомнтета военных представителей Громыко сказал, что снимает советское предложеине о международных воеино-воздушных снлах и готов обсуднть брнтанское н амернканское предложенне, которое н было положеио в основу достнгиутого в принцнпе соглашення.

Вечером 30 августа состоялась встреча Подкомитета по вопросам безопасностн.

Председательствующнй Стеттнииус сообщнл о согласоваиной Руководящнм комнтетом повестке дия работы иа ближайшее время. Он зачнтал список вопросов, по которым еще нет единства взглядов:

1. Должиы ли поправки к основному докумеиту (уставу) быть обязательны для присоеднннвшихся государств?

2. Принудительные меры по отиошеиию к государствам-нечлеиам.

3. Имеет ли право нечлен совета голосовать по вопросам, затрагивающнм его нитересы, или ои имеет лишь право быть выслушанным?

4. Должен ли совет заседать постоянно?

5. Права генерального директора организации созывать совет и привлекать внимание совета к угрожающим ситуациям.

6. Статус секретариата.

Громыко заявил, что советская делегация не готова сейчас обсуждать эти вопросы, так как еще не изучила их, и полагает, что такие детальные вопросы не должны обсуждаться в ходе нынешних переговоров.

— Но мы готовы,— продолжал он,— выслушать точку зрения британской и американской групп, поскольку это может принести пользу...

Стеттиниус выразил пожелание, чтобы эти вопросы подверглись обсуждению в ходе нынешних переговоров,— в этом случае окончательный документ был бы сбалансированным и единым целым.

Английский делегат согласился с этим и добавил, что надо подумать о возможности внесения поправок в устав. В этом отношении устав Лиги наций предусматривал, что государства, не согласные с поправкой, переставали быть членами Лиги. Это вызывало недовольство. Поправки должны быть приняты двумя третями голосов членов, включая голоса постоянных членов совета, как это предложила американская делегация. Рекомендации о рассмотрении поправок должны проводиться легко, простым большинством голосов, тогда как ратификация поправки должна быть сложным делом. Поэтому необходимо настаивать на двух третях голосов, включая совпадающие голоса постоянных членов совета, ибо эти государства несут особую ответственность в вопросах безопасности.

Затем взял слово американский делегат Пасвольский. Он сказал, что в целях обеспечения мира и безопасности следует возложить на государства-нечлены определенные обязательства, например:

1) регулировать споры только мирными средствами;

2) воздерживаться от угрозы силой или применения силы в отношениях между государствами;

3) воздерживаться от оказания помощи любому государству, противоречащей превентивным или принудительным мерам, принятым международной организацией.

Английский делегат Уильям Малкин высказал мнение, что все это следует понимать так: организация не может

допустить, чтобы какое-либо действие государства-нечлена привело к нарушению мира.

Пасвольский согласился с этим и добавил, что организация не позволит также какому-либо государству — нечлену организации препятствовать действиям организации по поддержанию мира.

Кадоган спросил, предусматриваются ли в этом случае санкции против такого государства-нечлена. Пасвольский ответил, что санкции должны быть в таком случае предприняты как против нечлена, так и против члена организации. Американский представитель добавил, что нечлен совета безопасности не должен иметь права голоса, если обсуждается связанное с ним дело, но что он должен иметь право быть выслушанным советом. Громыко спросил, были ли на этот счет исторические прецеденты. После обсуждения опыта Лиги наций все в принципе согласились с предложением американцев.

Далее обсуждался вопрос о том, должен ли совет заседать постоянно. Выступая за предложение, чтобы совет заседал непрерывно, Кадоган в то же время обратил внимание на опасность, что тогда в совете будут заседать лица не самого высокого ранга. В таком случае следовало бы оговорить, чтобы на заседаниях совета ответственные министры участвовали в тех случаях, когда рассматриваются важные проблемы безопасности. Условились передать этот вопрос в Редакционный подкомитет.

Далее перешли к рассмотрению прав генерального директора. Кадоган предложил дать генеральному директору право привлекать внимание совета к опасной ситуации, если возникает угроза миру, на которую не обратили внимание ни совет, ни государства-члены. Американская группа согласилась с предложением Кадогана. Громыко сказал, что хотел бы обсудить этот вопрос со своей делегацией.

Следующий пункт касался выбора генерального директора, срока пребывания его на посту, его функций и штата.

Пасвольский сказал, что в соответствии с первоначальным американским предложением генерального директора должна выбирать ассамблея сроком на пять лет с правом переизбрания. Теперь американская сторона пришла к выводу, что было бы лучше, если бы кандидатура генерального директора рекомендовалась ассамблеей. Соболев спросил о порядке выборов. Пасвольский

сказал, что ассамблея должна сперва проголосовать рекомендуемую кандидатуру, а совет — утвердить ее. Соболев сказал, что советские предложения предусматривают выдвижение кандидатуры советом и выборы ассамблеей. Кадоган согласился с советским предложением. Вопрос передали в Редакционный подкомитет.

Громыко заявил, что Редакционный подкомитет достиг предварительной договоренности по ряду пунктов, включая цели, задачи и принципы организации, но решил задержать свой отчет, пока не будут подготовлены тексты по другим обсуждавшимся вопросам. Поэтому следовало бы рассмотреть на следующем заседании Подкомитета военных представителей соответствующие пункты. В частности, должен ли совет иметь право получать содействие и услуги, включая право транзита, базы и т. д., от всех государств-членов. Следует также обсудить вопрос об ответственности совета в связи с условиями капитуляции Германии и Японии. Наконец, важно согласовать процедуру определения угроз миру и нарушений мира.

Обсуждение этих вопросов было продолжено на заседании Подкомитета военных представителей 31 августа.

Американский делегат Хэкворт высказал мнение, что обратить внимание совета на угрозу миру может любое государство — член организации или генеральный директор. Ассамблея обязана передать такой вопрос совету. Со своей стороны, совет может получить у ассамблеи помощь, но не обязан передавать дело генеральной ассамблее. Предполагается, что совет постарается достичь мирного урегулирования спора любыми подходящими средствами.

Громыко спросил, должен ли совет устанавливать какие-то критерии для определения существования угрозы миру, или совет будет в каждом случае решать вопрос о процедуре, которую следует применить. Хэкворт ответил, что совету должно быть предоставлено право решать, существует ли угроза или нет, определять серьезность ситуации и предпринимать шаги, которые он сочтет необходимыми. Эту интерпретацию одобрили советский и английский делегаты, после чего было решено передать вопрос в Редакционный подкомитет для подготовки текста и предоставления его Руководящему комитету.

Далее рассматривался вопрос, должен ли совет иметь решающее право пользоваться необходимыми услугами, включая возможность транзита, а также базами любого

члена организации. Адмирал Вильсон доложил американскую позицию: должно существовать охватывающее все государства-члены обязательство международного характера о предоставлении необходимых услуг и возможностей для использования под руководством совета вооруженных сил организации в ходе акций по поддержанию мира и безопасности. С этим все согласились. Эту общую договоренность условились дополнить специальным соглашением между советом и государствами-членами на случай принудительных мер. Окончательное формулирование данного пункта было передано Редакционному подкомитету.

Что касается ответственности совета за меры принуждения в соответствии с условиями капитуляции Германии и Японии, то тут американский делегат Данн представил соображения своей группы. Все согласились предусмотреть в основном документе право совета брать на себя ответственность за обеспечение условий мира, если и когда державы-победительницы сочтут целесообразным передать ему эту ответственность. Договорились также поручить Редакционному подкомитету выработать и согласовать текст, который исключал бы возможность возникновения каких-либо недоразумений в этом важном вопросе.

На состоявшемся 31 августа заседании Руководящего комитета Пасвольский предложил не созывать заседаний в ближайшие пятницу и субботу, чтобы дать возможность Редакционному подкомитету подготовить тексты. С этим все согласились. Джебб предложил обсудить на следующем заседании комитета вопрос о региональных организациях. Это предложение возражений не вызвало. Затем комитет приступил к рассмотрению проекта раздела об ассамблее.

Пасвольский начал читать: «Ассамблея должна собираться на регулярные ежегодные сессии или на специальные сессии...»

Этот абзац не вызвал возражений. Пасвольский продолжал чтение.

Громыко спросил, почему из проекта текста исключен вопрос о правах ассамблеи в отношении вопросов, связанных с вооружением, — ведь по этому вопросу окончательное соглашение еще не достигнуто. Не был также решен вопрос, должны ли права ассамблеи в этом отношении быть сформулированы в терминах: «регулирование во-

оружений», «сокращение вооружений» или «разоружение».

После некоторой дискуссии договорились, что английская и советская группы займутся подготовкой соответствующих текстов, которые можно будет рассмотреть на следующем заседании комитета.

Пасвольский сказал, что до сих пор попытки выработать подходящее определение угрозы миру и нарушений мира были неудачны, и предложил пока что ограничиться общей формулировкой. Затем снова обсуждался вопрос о праве совета требовать транзита войск, баз и других услуг. В конце концов все эти вопросы было решено передать в Подкомитет военных представителей.

Участники переговоров вернулись к вопросу об ответственности совета в отношении предварительных условий капитуляции Германии и Японии.

— По мнению американской группы, — сказал Пасвольский, — следует предусмотреть, чтобы совет нес ответственность за составление условий капитуляции, если державы, принимающие капитуляцию врага, согласятся на такую передачу ответственности.

В ходе дальнейшей дискуссии условились решить этот вопрос в зависимости от сроков создания международной организации безопасности.

Соболев попросил уточнить формулировку, касающуюся «регулирования вооруженных сил держав оси». Он напомнил, что в соответствии с достигнутой ранее договоренностью вооруженные силы стран оси должны быть немедленно распущены. Следовательно, этих вооруженных сил вообще не будет и нечего будет «регулировать». Все согласились, что текст американского проекта следует в этом смысле перередактировать. Члены комитета условились, что передача ответственности совету может иметь место только после того, как вступит в действие система принудительных мер, действующих в организации по отношению к державам оси.

Девятое заседание Руководящего комитета состоялось в воскресенье, 3 сентября, в 11 часов. Открывая заседание, Стеттиниус сказал, что было решено работать в воскресенье, чтобы не откладывать рассмотрение уже подготовленных формулировок. Громыко предложил начать с рассмотрения вопроса о совете, в частности с состава совета. Члены комитета высказали по этому поводу свои суждения и внесли мелкие редакционные поправки.

Стеттиниус напомнил, что ранее американская делегация упомянула о возможности создания шестого постоянного места в совете для Бразилии.

— Я полагаю, — продолжал он, — что другим делегациям известно, какое значение имеет позиция Бразилии для правительства Соединенных Штатов. Тем не менее правительство Соединенных Штатов отказывается от своего предложения о шестом месте для Бразилии, поскольку британский и советский представители не отнеслись к этому положительно. Надеюсь, что этот быстрый и добровольный отказ американской группы в вопросе, имеющем для нее большое значение, послужит прецедентом при рассмотрении тех пунктов, по которым еще не достигнуто решение...

Стеттиниус добавил, что, быть может, следовало бы в основной документ включить положение о возможном увеличении в дальнейшем числа постоянных членов совета. Кадоган и Громыко реагировали на это отрицательно.

Далее обсуждались основные функции и полномочия совета. Кадоган заметил, что главной функцией должно быть поддержание международного мира и безопасности.

При обсуждении формулировки, касающейся «определения угрозы миру, нарушений мира и действий в этой связи», было отмечено, что важно считаться с чувствами суверенных государств, когда речь идет о подчинении их решениям совета. В конечном счете приняли следующую формулировку: «Все члены Организации обязуются соглашаться с решениями Совета и обязуются выполнять их в соответствии с положениями Устава».

Затем обсуждался вопрос об отношении стран-нечленов к решениям совета. Было решено, что в этом месте не следует делать ссылки на государства-нечлены.

При обсуждении вопроса о мирном урегулировании споров Громыко отметил, что выражения «следить за ситуацией» и «расследовать ее» недостаточно ясны, и предложил более четко сформулировать это место. Позже этот параграф был передан в Редакционный подкомитет.

На следующем заседании Руководящего комитета 4 сентября продолжалось рассмотрение проектов текста отдельных параграфов, касающихся обязательств государств-членов выполнять решения совета. В частности, обсуждались вопросы:

мирное урегулирование споров;

международный суд;

меры по поддержанию мира;

определение угрозы миру, нарушений мира и действия в этом отношении.

При обсуждении вопроса об «экономическом давлении» Громыко сказал, что если какая-нибудь страна продемонстрирует агрессивные намерения, которые потребовали бы разрыва экономических отношений, то на этот случай следовало бы предусмотреть и более крайние меры. Пасвольский заметил, что такого рода меры покрываются положением о том, что совет может предпринять любые действия, включая в конечном счете и самые крайние. Было решено передать этот вопрос в Редакционный подкомитет для дальнейшего рассмотрения.

Стеттиниус поднял вопрос о дальнейшем распорядке работы. Он спросил, можно ли рассчитывать, что в ближайшие дни удастся прийти к соглашению по отложенным пунктам.

Громыко ответил, что в настоящее время ему нечего добавить к тому, что он говорил ранее, но он готов просмотреть отложенные пункты, хотя и не имеет каких-либо новых предложений. В свою очередь, Громыко поинтересовался, когда у американской группы будут новые предложения по отложенным пунктам. Стеттиниус ответил, что они уже готовы и он будет рад обсудить эти пункты, с тем чтобы выработать окончательный текст. Кадоган сказал, что может сделать лишь некоторые предложения, но хотел бы обсудить все вопросы сразу, а не по частям. Он добавил, что предпочел бы дождаться указаний своего правительства по остальным пунктам.

Касаясь действий по поддержанию мира, Громыко заметил, что в отдельных случаях надо предусмотреть возможность для великих держав принимать меры, используя лишь свои собственные силы. Поэтому он предлагает включить в устав соответствующее положение. Он высказал мнение, что такое положение, нисколько не ущемляя прав малых стран, предоставляло бы серьезные преимущества великим державам. При этом решение о применении силы одной какой-либо державой должен будет принимать совет. Все с этим согласились, и было решено поручить Редакционному подкомитету подготовить соответствующий текст.

Затем обсуждался вопрос о регулировании вооружений и вооруженных сил. Соболев заметил, что надо решить, какой именно орган всеобщей организации без-

опасности должен заниматься регулированием вооружения: только ли совет или же и совет и ассамблея.

Кадоган предложил, чтобы на этот счет окончательно высказалась конференция учредителей новой организации. Пасвольский также высказал мнение, что этот вопрос не следует решать сейчас.

— По мнению американской группы, — добавил он, — слишком значительное сокращение вооружений, а тем более проведенное односторонне, нежелательно. Поэтому американская сторона склоняется к тому, чтобы были установлены минимальные и максимальные пределы вооруженных сил.

Кадоган поддержал Пасвольского, добавив, что этот вопрос должен быть связан с квотами вооруженных сил, предоставляемыми каждым государством.

Соболев спросил, предусматривается ли после согласования в совете заключить всеобщее соглашение по регулированию вооружений? Пасвольский ответил утвердительно. Он добавил, что не следует предоставлять ассамблее никаких исключительных функций в отношении регулирования вооружений и вооруженных сил, особенно когда речь будет идти об инспекции или о решениях, проистекающих из развития в области вооружений. Надо сразу указать, что все эти дела — прерогативы совета.

Громыко предложил, чтобы ассамблея обсуждала лишь общие принципы регулирования вооружений и давала рекомендации совету. Пасвольский согласился с этим, а Данн добавил, что ассамблея могла бы также обсудить вопрос о сроках конференций по регулированию вооружений.

Громыко заметил, что обсуждение таких вопросов на ассамблее оказало бы пользу совету. С этим все согласились, причем было решено, что ассамблее следовало бы также заниматься вопросами, связанными с торговлей оружием.

Атака на принцип единогласия

*

Объединенные нации

В тот же день, после обеда, состоялось четвертое заседание Подкомитета по вопросам безопасности. Председательствовал Стеттиниус. Он заявил, что номенклатурная

подкомиссия подготовила свой доклад. Слово получил Флетчер, изложивший предложение назвать организацию «Объединенные Нации». По мнению американской делегации, такое название символизировало достигнутое во время войны единство, которое необходимо сохранить и в условиях мира.

После этого выступил Боумэн, сославшийся на статью 5 Московской декларации, где также упоминаются «Объединенные Нации». Объединенные нации, сказал он, уже завоевали в мире популярность своими военными достижениями и совместной борьбой против держав оси, и их престиж и цели жизненно необходимы для существования новой организации. Генерал Эмбик, в свою очередь, подчеркнул, что термин «Объединенные Нации» имеет наиболее сильный военный оттенок.

Громыко заметил, что такое название является новым предложением, поскольку оно не упоминается ни в английском, ни в американском меморандумах. Джебб обратил внимание на то место в британском меморандуме, где говорится, что термин «Объединенные Нации» сейчас широко употребляется, и добавил, что поэтому, видимо, нет серьезной причины заменять его каким-либо иным термином.

Советский делегат обещал рассмотреть это предложение.

Затем обсуждался вопрос о наименовании основного документа. Кадоган заявил, что, хотя еще не знает окончательного решения своего правительства, он не предвидит возражений против термина «Устав». Громыко отметил, что тут могут быть трудности в отношении русского перевода. Он спросил, есть ли существенная разница в английском понимании термина «чартер» и «стэйтут»? Флетчер пояснил, что «чартер» несколько более широкий термин.

В последовавшей дискуссии выступили Боумэн и Малкин. Последний сказал, что статут («стэйтут») наиболее подходящий термин для международного суда, и может возникнуть путаница, если этот термин будет использован и для названия основного документа организации. Соболев заметил, что в Советском Союзе термин «чартер» применяется к «Атлантической хартии». Поэтому было бы лучше принять для основного документа организации безопасности английский эквивалент русского термина «статут». Английский и американский представи-

тели продолжали настаивать на термине «Устав» («чартер»). Громыко сказал, что советская делегация рассмотрит этот вопрос.

Затем обсуждался вопрос о наименовании основных органов будущей международной организации. Были предложены названия: «Генеральная Ассамблея» и «Совет Безопасности». Громыко заметил, что если название организации будет «Объединенные Нации», то тогда слово «безопасность» можно использовать при наименовании одного из главных органов, а именно Совета. Если же слово «безопасность» будет составной частью названия организации, то нет смысла повторять это слово и принимать термин «Совет Безопасности». Громыко сказал, что резервирует мнение советской делегации по этому вопросу. Британская и американская делегации согласились с наименованиями «Генеральная Ассамблея» и «Совет Безопасности».

Перейдя к вопросу о руководящих постах Совета и Ассамблеи, участники комитета достигли договоренности в отношении термина «председатель».

Когда комитет стал обсуждать наименование военного органа Совета и был предложен термин «Военно-Штабной комитет», Громыко высказал некоторые сомнения в этой связи, поскольку на данной стадии развития организации все еще не уточнены функции этого комитета. В итоге обмена мнениями стороны согласились отложить решение по данному вопросу.

Все согласились с термином «Международный Суд». Уговорились также, чтобы основной пост в Секретариате носил название «Генеральный секретарь».

Когда на следующем заседании вновь возник вопрос о наименовании будущей организации безопасности, Громыко сказал, что, как он уже отмечал ранее, термин «Объединенные Нации» имеет определенный исторический смысл, который, будучи принят как название новой организации, может вызвать некоторую путаницу. Исторически этот термин применим к нациям, сотрудничавшим во второй мировой войне. Теперь же предлагается это название дать всей организации, которая будет действовать после нынешней войны. Оговорившись, что он сейчас как бы рассуждает вслух, Громыко предложил название: «Международная Организация Безопасности». Американский делегат возразил против этого, подчеркнув, что будущая организация должна заниматься не только

безопасностью, но и более широким кругом вопросов. Тогда советский делегат сказал, что организация могла бы называться «Всемирный Союз». Кадогану понравилось слово «Союз», но американский представитель высказал сомнение, заявив, что такое наименование напоминает некую федерацию, которая может иметь наднациональный статус или претендовать на него. Американская делегация вновь предложила назвать организацию «Объединенные Нации». Стеттиниус подчеркнул, что в пользу такого названия особенно активно выступает президент Рузвельт, который видит в нем некую преемственность от совместных усилий держав в нынешней войне к их сотрудничеству в послевоенном мире. После некоторой дискуссии было принято название: «Объединенные Нации».

В конечном счете согласились также на термин «Устав» как на название основного документа организации.

Спор о термине «агрессия»

Руководящий комитет вновь встретился 7 сентября в 10 часов.

Стеттиниус предложил рассмотреть весь проект документа, чтобы установить, что согласовано, а что — нет. Был зачитан текст пункта 1, где упоминается слово «агрессия». Кадоган возразил против термина «агрессия», поскольку использование этого термина может вызвать трудности. Джебб тут же поддержал своего шефа и заявил, что «агрессия» — это, дескать, тенденциозное выражение. Данн также высказал мнение, что использование слова «агрессия» принесет лишь неприятности.

Громыко счел нужным вмешаться, заявив, что никак не может согласиться с этой точкой зрения. Тогда Кадоган снова принялся пояснять, что бывало, дескать, много случаев, когда две страны оказывались в состоянии войны, причем невозможно было определить, какая же из них является агрессором. Поэтому, заключил Кадоган, использование слова «агрессия» только ослабляет ту цель, которую мы все хотим достичь.

Громыко сказал, что одна из функций организации будет заключаться в том, чтобы определить в каждой конкретной ситуации, какая страна является агрессором.

— Это святая обязанность будущей международной организации безопасности. Если мы не скажем прямо об этом, то лишь облегчим потенциальному агрессору его черное дело...

Кадоган опять взял слово и стал распространяться о том, что важным является не определение агрессии, а наличие у организации реальной возможности положить конец конфликту. Организация не должна терять времени на длинные дебаты относительно того, какая страна — агрессор. Данн заметил, что выражение «организация отпора агрессии» вообще необычно звучит на английском языке. Он также сказал, что понятие «агрессия» много лет дебатировалось в Лиге наций, причем никакого соглашения так и не было достигнуто.

Советский делегат не согласился с такой аргументацией. Он сказал, что именно отсутствие четкого определения агрессии мешало принятию эффективных мер против нарушителей мира. А то, что Лиге наций не удалось достичь соглашения в отношении этого термина, лишь подтверждает нежелание определенных кругов допустить точное определение понятия «агрессия». Это делалось вполне сознательно. Поощрявшие фашистских правителей западные политики считали, что отсутствие международного соглашения на этот счет облегчит потенциальному агрессору возможность не только совершить нападение, но и остаться безнаказанным.

— Война, которую мы сейчас ведем, — убедительное свидетельство того, к чему ведет попустительство агрессору, — сказал Громыко. — Вот почему мы должны дать четкое и точное определение термину «агрессия»...

На этом этапе было решено принять предложение Громыко во внимание. Редакционному подкомитету поручили подготовить проект соответствующего текста.

Когда позднее обсуждался вопрос о «нарушениях мира» и «актах агрессии», Пасвольский сказал, что ему не нравится выражение «акты агрессии», поскольку термин «нарушение мира» покрывает понятие «акты агрессии». Советскому делегату пришлось вновь настаивать на сохранении в документе упоминания об «актах агрессии». Этот вопрос решили обсудить позднее.

Советский представитель предложил указать, что фашистские государства и государства фашистского типа не могут быть членами организации. Кадоган возразил против слов «фашистского типа», заметив, что не всегда

будет ясно, что означает термин «государство фашистского типа».

— Как насчет Португалии? — вставил Джебб.

Кадоган, продолжая свою мысль, сказал, что слово «фашистские» может со временем изменить свой смысл.

— В документе, который мы создаем, — продолжал он, — упоминание такого термина сомнительно...

На это Громыко заметил, что понятие добра и зла не меняется.

Стеттиниус заявил, что надо подумать над тем, как понимать слово «фашистское».

— Это ясно по-русски, — сказал Соболев.

— Это ясно на всех языках, — поддержал его Громыко.

— Но в Америке, — ответил Стеттиниус, — рядовые люди не понимают смысла политических систем, кроме своей, американской системы правительства.

— Будет ли совет определять, какое государство фашистского типа, а какое нет? — спросил Пасвольский.

— Конечно! — ответил Громыко.

— А Япония — фашистское государство? — поинтересовался Кадоган.

— Видимо, надо внимательно изучить это предложение, — вмешался Стеттиниус.

— Если мы сохраним этот пункт, — сказал Пасвольский, — то будет подразумеваться, что все первоначальные члены организации получили справку об отличном здоровье...

Советские представители продолжали энергично настаивать на своем. Этот вопрос снова подвергся обсуждению, когда на одном из следующих заседаний была затронута проблема вмешательства организации во внутренние дела государств-членов, если обстановка в этих государствах угрожает международному миру.

Громыко предложил предусмотреть, чтобы страны, которые провозгласили принцип неравенства наций, не допускались в организацию. Пасвольский не согласился с этим, заявив, что такой пункт излишен, поскольку с самого начала указано, что государства — члены организации должны отвечать принципам, изложенным в Уставе, то есть соблюдать права человека и основные свободы. Кадоган внес предложение передать этот вопрос на рассмотрение Всеобщей конференции по созданию международной организации безопасности.

Громыко снова поднял вопрос о государствах фашистского типа и об их недопущении в организацию.

Кадоган заметил, что принятие формулы о правах человека и основных свободах само по себе означало бы осуждение фашизма и всех фашистских государств. Громыко спросил, как можно определить, уважает ли государство основные права и свободы? Уточняя этот вопрос, Соболев поинтересовался, какой механизм будет существовать, для того чтобы добиться соблюдения основных прав и свобод.

Пасвольский высказал мнение, что можно легко создать комиссию по правам человека, если это будет сочтено необходимым. На этом дискуссия о государствах фашистского типа закончилась. Что же касается вопроса об определении термина «агрессия» и о ссылке в Уставе на «акты агрессии», то его обсуждение продолжалось на последующих заседаниях.

Американский и английский делегаты вновь и вновь пытались уклониться от определения понятия «агрессия». Британский делегат утверждал, что никогда не удавалось определить это понятие в прошлом и что любая попытка сделать это в Уставе привела бы лишь к тому, что права Совета Безопасности были бы ограничены. Делегаты Соединенных Штатов отмечали, что понятие «агрессия» уже охвачено тем, что в предложениях указывается на подготовку к агрессии, а также на угрозу миру и нарушения мира, поэтому, если что и надо определять, так это прежде всего понятие угрозы.

Словом, и англичане, и американцы явно старались запутать вопрос.

Советская делегация настаивала на том, что надо детально разработать методы предупреждения и подавления агрессии.

В конце концов вопрос об определении термина «агрессия» так и остался открытым, но и упоминание об «актах агрессии» в документе осталось. Было также решено составить подробный список мер, которые должен предпринимать Совет Безопасности для пресечения нарушений мира. Совет уполномочивался обратиться к участникам спора с призывом урегулировать свои разногласия мирным путем. После этого могли приниматься другие меры, включающие экономическое давление, разрыв дипломатических отношений, разрыв экономических связей, морскую и сухопутную блокаду и т. д., вплоть до военных

операций государств — членов организации против агрессора.

То, что упоминание об «актах агрессии» осталось в Уставе, было серьезным успехом советской делегации на переговорах в Думбартон-Оксе.

По дорогам Вирджинии

В очередное воскресенье американцы пригласили нас совершить поездку в штат Вирджиния, граничащий с округом Колумбия, где находится Вашингтон. День выдался отличный, и утром мы отправились в путешествие на двух машинах. Нас было семеро: дела не позволили Громыко отлучиться из посольства, а генерал Славин и адмирал Родионов еще накануне уехали со своими американскими коллегами знакомиться с военными учреждениями. Нас сопровождали Джеймс Данн и Чарльз Болен.

Выбравшись из города, машины помчались по автостраде, потом свернули на проселочную дорогу, извивавшуюся среди зеленых холмов и перелесков. Сперва по обе стороны шоссе мелькали стандартные беленькие домики, какие видишь во всех американских городах. Но вскоре мы попали как бы в другой мир. Все чаще встречались бревенчатые дома, покосившиеся заборы. У ворот стояли помятые, облупившиеся и проржавевшие автомобили. В поселках, на краю пыльной дороги сидели старики, предлагавшие проезжим фрукты в корзинах, овощи и пирамидки яиц. Мы остановились, купили немного груш.

Часа через два мы добрались до сталактитовых пещер Лурэй — одной из достопримечательностей этого края. Длинный лабиринт уходил под землю и был освещен электричеством, причем там, где с потолка свешивались сталактиты, лампочки подсвечивали их сзади, и свет пронизывал эту переливавшуюся всеми цветами радуги занавеску. В ряде мест в скалах были вырублены ступеньки, повсюду проложены тропинки, уходящие далеко в лабиринты. Я впервые находился в сталактитовой пещере, и на меня произвело большое впечатление это сказочное зрелище: сверкавшие сосульки, каменные кружева, фантастические фигуры...

Когда, наконец, мы вышли наружу, яркое солнце заставило всех зажмуриться. С террасы, расположенной над

входом в пещеру, открывался вид на широко раскинувшиеся золотистые поля, на зеленые холмы Вирджинии. Часть террасы занимало кафе, и мы, усевшись за столиком, с удовольствием потягивали прохладный сок, только что выжатый из больших ароматных апельсинов. Болен рассказывал об истории этого края, о сражениях, которые тут происходили в период борьбы за независимость и в годы войны между Севером и Югом. Тут, как и повсюду в Соединенных Штатах, в каждом городке стоят памятники героям тех времен.

Немного отдохнув, мы отправились дальше. Нам предстояло посетить в этот же день Маунт Вернон — старинное имение, принадлежавшее первому президенту Соединенных Штатов Джорджу Вашингтону. Усадьба расположена в живописной местности, на берегу полноводной реки Потомак. Двухэтажный дом, окрашенный белой масляной краской, под красной крышей, увенчанной шестигранной башенкой вроде деревенской колокольни, стоит на высоком зеленом холме над рекой. Фасад украшен восемью квадратными колоннами. По обе стороны — длинные галереи, соединяющие главное здание с хозяйственными пристройками. От одной из них аллея спускается в овраг, где находится могила Джорджа Вашингтона.

Усадьба превращена в музей. Тут всегда толпятся посетители. Когда мы подъехали, у входа в дом-музей стояла длинная очередь. Нас как официальную делегацию провели через боковую дверь. Внутри все сохранилось так, как было при жизни Джорджа Вашингтона.

Потом мы спустились вниз, к гроту, где похоронен этот выдающийся сын Америки. Рядом со склепом укреплен щит с текстом прощального послания Вашингтона.

Джордж Вашингтон дважды избирался президентом Соединенных Штатов, на третий раз он отказался выставить свою кандидатуру. В «Прощальном послании» он выступал за равноправное сотрудничество между государствами, резко осуждал политику господства одних стран над другими. Он рекомендовал «гармоничные, свободные от предрассудков отношения со всеми нациями».

Перечитывая это послание, хотелось верить, что после жесточайшей мировой бойни Соединенные Штаты пойдут по пути, завещанному великим президентом. Во

имя идеи сотрудничества между народами делегации наших стран и собрались в Думбартон-Оксе! Но послевоенное развитие показало, что в Вашингтоне забыли политическое завещание человека, имя которого носит столица Соединенных Штатов Америки...

Вернулись мы в Вашингтон поздно вечером. Чарльз Болен, который ехал в нашей машине, сошел раньше, около своего дома. Прощаясь, мы поблагодарили его за приятно проведенный день. По пути в гостиницу мы проезжали по 16-й улице мимо посольства, и я увидел свет в кабинете посла. Громыко приходилось нелегко. На нем лежала огромная ответственность за весь комплекс советско-американских отношений того времени. А сверх того он руководил советской делегацией на конференции.

Голосование в Совете

Отложенный после первоначального обмена мнениями вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности в дальнейшем вызвал весьма острую дискуссию. Эта проблема породила, пожалуй, больше всего споров на конференции.

На очередном заседании Руководящего комитета Громыко заявил, что позиция советской делегации по вопросу о голосовании в Совете остается неизменной.

— Мы считаем, — сказал он, — что британские и американские предложения в отношении процедуры голосования в Совете означали бы нарушение принципа единогласия великих держав. Между тем Советское правительство всегда придавало этому принципу первостепенное значение.

Стеттиниус продолжал настаивать на своем предложении. Он уверял, что не представляет себе, чтобы американский сенат принял бы предложение, по которому в будущей организации страна, причастная к спору, имела бы право голоса. Ему кажется, что советская позиция вполне может привести к тому, что из-за резко негативного отношения малых стран конференция по созданию Организации Объединенных Наций вообще не состоится.

Нажим на советскую делегацию оказывали и англичане. Кадоган сказал, что, по его мнению, ни один из британских доминионов не присоединится к организа-

ций, если будет принят принцип, на котором настаивает советская сторона. Британский делегат добавил, что ввиду советской позиции придется вообще подумать, какой процедуры придерживаться дальше. Он просто не знает, что можно предпринять в сложившейся ситуации.

Стеттиниус также стал высказывать всяческие сомнения. Если, заявил он, различие в точках зрения по этому вопросу станет широко известно, то это приведет к нежелательным последствиям. Если же в конце работы конференция не сделает никакого заявления, то это будет воспринято как провал встречи в Думбартон-Оксе.

Явно пытаясь драматизировать ситуацию, американцы и англичане принялись уверять, что создавшееся положение все меняет и что надо подумать о дальнейших перспективах переговоров. Кадоган заявил, что должен проконсультироваться с Иденом, и высказал мнение, что весь этот вопрос необходимо решить на более высоком уровне.

Вновь подтвердив позицию Советского правительства, Громыко сказал, что в принципе единогласия великих держав недопустимы никакие изменения. Эту позицию советская делегация твердо занимала с самого начала переговоров, и он, Громыко, неоднократно излагал эту точку зрения. Принцип единогласия был той согласованной базой, из которой все исходили. Очевидно, что великие державы должны занимать особое положение в организации, хотя бы ввиду того простого факта, что именно они несут главную ответственность за поддержание мира. Громыко выразил уверенность, что малые страны примут этот принцип, поскольку всегда предусматривался именно такой подход к делу.

— Не следует заранее предполагать, — продолжал Громыко, — что великие державы, несущие главную ответственность за безопасность народов, будут сразу же втянуты в споры. Напротив, надо рассчитывать, что их успешное сотрудничество в войне, их нынешняя борьба за безопасность человечества будут иметь важное значение для поддержания мира и в дальнейшем...

— Итак, — многозначительно произнес Стеттиниус, — конференция достигла переломного момента. Я должен отметить, что не возникает трудностей для достижения согласия по остальным пунктам, если в этом главном вопросе удастся выработать приемлемую для всех формулу...

Громыко напомнил, что в ходе переговоров советская сторона пошла на многие уступки, если «уступки» вообще подходящее слово для переговоров, где все участники стремятся к одной цели, к общему согласию. Советское правительство пошло на эти уступки, продолжал советский делегат, понимая важность достижения соглашения с двумя другими правительствами. Теперь советская делегация ожидает взаимности от своих партнеров.

— Как же мы поступим дальше? — спросил Стеттиниус.

— Надо быстро действовать, — сказал Кадоган, — поскольку факт наших расхождений, несомненно, станет известен публике. Вопрос сейчас в том, как все это преподнести прессе. Можно сказать, что никакого соглашения в Думбартон-Оксе достигать не собирались, но тогда все равно в конце концов станет известен факт разногласий. Можно представить Объединенным нациям документ, в котором будет предложено два варианта, но это тоже произвело бы плохое впечатление...

Громыко заметил, что не представляет себе, как вообще можно созывать конференцию Объединенных наций, если четыре державы не придут к соглашению. Он полагает, что наличие альтернативных вариантов или же упоминания о несогласии может вызвать замешательство. Громыко предложил американскому и английскому делегатам вновь внимательно рассмотреть весь этот вопрос.

Спор этот продолжался на протяжении двух дней, причем позиции сторон оставались неизменными.

Здесь следует заметить, что американская и английская делегации, выдвигая предложение о том, чтобы сторона, участвующая в споре, не голосовала в совете, отнюдь не были столь бескорыстны, как они это изображали. Поскольку в то время Советский Союз являлся единственной социалистической державой, в Вашингтоне и Лондоне были полностью уверены, что в случае серьезных разногласий США и Англия будут располагать и в совете и в ассамблее организации абсолютным большинством. Поэтому им ничего не стоило встать в позу сверхсознательных держав, готовых полностью подчинить себя предлагаемой ими же процедуре. Они и не мыслили тогда, чтобы кто-то из членов совета (кроме Советского Союза), будучи связан множеством экономических, идеологических и политических уз с Соединенными Штатами и Англией, осмелился поднять против

них голос. А Советский Союз они хотели исключить из игры, лишив его права участвовать в голосовании в случае спора или конфликта, затрагивающего его интересы.

Но дело не только в этом. Тут, действительно, нарушался основной принцип послевоенного устройства, основанного на единодушии великих держав, несущих главную ответственность за поддержание мира. Ведь совершенно очевидно, что в случае нарушения мира именно этим державам пришлось бы взять на себя главное бремя по обеспечению безопасности народов. По существу, любой спор, а тем более конфликт, в который оказалась бы втянута великая держава, мог перерасти в ситуацию, которая была бы чревата серьезным столкновением. Как же можно было в таком случае лишать заинтересованную великую державу права участвовать в голосовании? Такая процедура равносильна отстранению этой державы от решений организации.

В свете сказанного все рассуждения и красивые слова англичан и американцев были чистейшей демагогией. И естественно, что советская делегация решительно отстаивала свою принципиально правильную позицию.

Поскольку дело не двигалось с места, Вашингтон решил оказать новый нажим. Во время встречи Громыко с Корделлом Хэллом последний обратил внимание посла на то большое значение, которое Соединенные Штаты придают порядку голосования в Совете Безопасности. Хэлл просил передать американскую точку зрения в Москву. 8 сентября советского посла пригласил президент Рузвельт. Он сказал, что любое предложение относительно «абсолютного вето» создаст серьезные трудности как в конгрессе Соединенных Штатов, так и во взаимоотношениях с другими Объединенными нациями. На следующий день Рузвельт направил Сталину личное и секретное послание, в котором говорилось: «Я имел интересную и приятную беседу с Вашим Послом по поводу хода переговоров в Думбартон-Оксе. По-видимому, остается один важный вопрос, по которому мы еще не договорились. Это вопрос о голосовании в Совете. Мы и британцы твердо держимся того взгляда, что при принятии решений Советом спорящие стороны не должны голосовать даже в том случае, если одна из сторон является постоянным членом Совета, в то время как Ваше правительство, как я понял Вашего Посла, придерживается противоположного взгляда».

Сославшись на традиции, установившиеся в Соединенных Штатах, Рузвельт отметил, что не может отказаться от выдвинутого американцами принципа, тем более что, как он полагает, малые нации усмотрели бы в этом попытку со стороны великих держав поставить себя выше закона.

«В силу этих причин,— писал в заключение Рузвельт,— я надеюсь, что Вы сочтете возможным поручить Вашей делегации согласиться с нашим предложением о голосовании. Если это можно будет сделать, переговоры в Думбартон-Оксе могут быть быстро закончены с полным и выдающимся успехом».

Ответное послание Сталина датировано 14 сентября.

«Я должен сказать, — писал он, — что для успеха деятельности Международной организации безопасности немалое значение будет иметь порядок голосования в Совете, имея в виду важность того, чтобы Совет работал на основе принципа согласованности и единогласия четырех ведущих держав по всем вопросам, включая и те, которые непосредственно касаются одной из этих стран. Первоначальное американское предложение о том, чтобы была установлена особая процедура голосования в случае спора, в котором непосредственно замешан один или несколько членов Совета, имеющих статут постоянных членов, мне представляется правильным. В противном случае сведется на нет достигнутое между нами соглашение на Тегеранской конференции, исходящее из принципа обеспечения в первую очередь единства действий четырех держав, необходимого для борьбы с агрессией в будущем.

Такое единство предполагает, разумеется, что среди этих держав нет места для взаимных подозрений. Что касается Советского Союза, то он не может также игнорировать наличие некоторых нелепых предрассудков, которые часто мешают действительно объективному отношению к СССР. Да и другие страны должны взвесить последствия, к которым может привести отсутствие единства у ведущих держав.

Я надеюсь, что Вы поймете серьезность высказанных здесь соображений и что мы найдем согласованное решение и в данном вопросе».

Последствия отсутствия единства ведущих держав, о которых говорилось в послании главы Советского правительства, могли быть очень тяжелыми. Уже тогда это понимали многие политические деятели Запада. Расхождения во мнениях появились и в самой американской группе в Думбартон-Оксе. Теперь известно: некоторые из делегатов США считали, что, если не будет достигнута договоренность, это может привести к немедленным военным последствиям, которые повлияют не только на развитие операций в Европе, но и на перспективу вступления Советского Союза в войну против Японии на Тихом океане. К тому же они считали, что в дальнейшем будет еще труднее прийти к соглашению, а это могло бы означать конец попыткам создания международной организации безопасности.

Наконец, они серьезно сомневались в том, согласится ли сенат, чтобы право голоса Соединенных Штатов было ограничено в любом споре, в котором они участвуют. Учитывая все это, они предложили принять советскую позицию, которую считали разумной и которая, по существу, вначале была американской позицией.

С течением времени среди американской делегации все более усиливалось мнение, что для самих же Соединенных Штатов невыгодно и нецелесообразно соглашаться с такой процедурой, которая лишила бы их права голоса в споре, в котором они непосредственно участвуют. В меморандуме, который сторонники этой точки зрения направили президенту Рузвельту, говорилось: «Американские военные представители, участвующие в переговорах в Думбартон-Оксе, подчеркивают, что контингенты, которые предоставляются любым государством — членом организации, ни в коем случае не должны быть настолько мощны, чтобы быть эффективной силой, направленной против великой державы. Поэтому было бы нереалистично предусматривать какую-то теоретическую возможность для проведения насильственной акции по отношению к Соединенным Штатам, Великобритании или Советской России».

Не менее показательно и письмо, направленное в те дни Рузвельту адмиралом Леги, который длительное время являлся ближайшим советником президента. Это письмо показывает, как представляли себе некоторые круги

Соединенных Штатов послевоенный мир и характер отношений между великими державами.

«Совершенно очевидно, — говорилось в этом письме, — что в будущем нельзя себе представить мировую войну и вообще крупную войну, в которой не участвовали бы одна или несколько великих держав на той или иной стороне. После окончания нынешней войны на протяжении обозримого будущего останутся только три такие державы: Соединенные Штаты, Великобритания и Россия. Любой мировой конфликт будет происходить в условиях, когда Великобритания и Россия окажутся в противоположных лагерях. Россия продемонстрировала свои огромные военные и экономические ресурсы. Что же касается Англии, то похоже, что она выйдет из этой войны значительно ослабленной. Следовательно, в конфликте между этими двумя державами, учитывая неравенство сил и военных возможностей, даже мы вряд ли сможем что-либо сделать, выступив на стороне Великобритании. Имея в виду военные факторы, в частности экономические и людские ресурсы, географические факторы и особенно наши возможности переброски войск через океан, мы, конечно, сможем довольно успешно оборонять Англию, но мы не сможем при существующих условиях победить Россию. Иными словами, мы окажемся втянутыми в войну, которую мы не сможем выиграть».

Аналогичные соображения высказывал и глава правительства Южно-Африканского Союза фельдмаршал Смэтс. 20 сентября 1944 г. он направил своему давнишнему другу премьер-министру Уинстону Черчиллю послание, в котором высказался в пользу принципа единогласия в Совете Безопасности. При всей своей архиреакционной сущности престарелый фельдмаршал понимал, какие опасности грозят человечеству в случае столкновения великих держав. Он подчеркивал важность того, чтобы великие державы оставались едины в вопросах послевоенного устройства.

«Советская позиция, — писал Смэтс, — связана с вопросами чести и положения России среди союзников. Она сейчас как бы задает вопрос — верят ли ей и относятся ли к ней как к равной? Или же ее продолжают рассматривать как парию и второстепенную державу или какого-то отщепенца. Отказ от принципа единогласия может привести к тому, что Советский Союз не будет в такой организации участвовать. Если мировая организация будет со-

здана без России, то последняя станет центром притяжения какой-то другой группы, и тогда мы прямо окажемся на пути к третьей мировой войне».

Таков был сложный и противоречивый политический фон, на котором происходили дебаты в Думбартон-Оксе. Вопросу процедуры голосования в Совете Безопасности было посвящено еще несколько заседаний Руководящего комитета. Поскольку прийти к соглашению не удалось, Стеттиниус высказал мнение, что в создавшихся условиях могут быть три варианта заключительного совместного заявления.

Первый вариант: переговоры могут закончиться сообщением, что три группы не смогли прийти к соглашению. По мнению американской делегации, это немыслимо. Ведь все будущее мира зависит от способности трех держав стоять плечом к плечу как в войне, так и в мире. Следовательно, надо найти путь к сближению позиций, чтобы можно было созвать международную конференцию для создания организации.

Второй вариант: опубликовать согласованный текст и представить его конференции Объединенных наций, оставив открытым вопрос о голосовании в совете.

Третий вариант: после окончания переговоров в Думбартон-Оксе каждая группа представит доклад своему правительству. Соответствующие правительства изучат результаты работы, после чего будет созвано следующее совещание, наподобие конференции в Думбартон-Оксе.

— Как к этому относятся мои коллеги? — спросил Стеттиниус.

Кадоган сказал, что его правительство вряд ли примет первый вариант, означающий признание провала совещания. Ведь по многим вопросам соглашение достигнуто. Что касается второго варианта, то Кадоган полагает, что и он не подходит, поскольку неразумно созывать большую конференцию, не имея предварительного согласия трех держав. Пожалуй, лучше всего третий вариант. Тут можно было бы сказать, что конференция достигла соглашения, но не по всем вопросам, и разногласия передаются на рассмотрение соответствующим правительствам.

— Но может быть и еще один вариант, — заключил Кадоган, — закончить конференцию, не делая никакого заявления...

Пасвольский сказал, что такой вариант не дал бы общественности правильного представления о работе ны-

нешней конференции, поскольку фактически в Думбартон-Оксе проделано немало.

— При том значении, которое придают народы продолжению сотрудничества трех держав, — вмешался Стеттиниус, — все мое существо подсказывает мне, что надо найти какой-то выход и прийти к соглашению...

Громыко также отметил, что нельзя говорить о несогласии делегаций. Следует сказать, что участники переговоров пришли к соглашению по большому кругу вопросов, но что рассмотрение некоторых проблем еще не закончено. Можно было бы также сказать, что три правительства будут продолжать обсуждение этих вопросов.

Стеттиниус поддержал эту идею и предложил, чтобы в разделе о голосовании в Совете Безопасности было сказано, что процедура в этом отношении еще рассматривается.

В конечном счете это предложение и нашло отражение в документе, опубликованном после конференции в Думбартон-Оксе.

Ливадийская формула

Окончательное согласие о процедуре голосования в Совете Безопасности было достигнуто на конференции глав правительств трех держав, проходившей в феврале 1945 года в Крыму.

Когда вопрос о голосовании в совете был затронут на одном из заседаний в Ливадийском дворце, Рузвельт предложил, чтобы Стеттиниус, присутствовавший на Крымской конференции уже в качестве государственного секретаря США, изложил новое американское предложение. В нем разграничивался характер споров и метод их урегулирования — принудительного или мирного.

Стеттиниус перечислил те случаи, когда, согласно предлагаемой формуле, требуется большинство голосов членов Совета Безопасности.

Затем Стеттиниус перечислил случаи, при которых требуется большинство в семь голосов членов Совета Безопасности, включая голоса всех постоянных членов, с тем, однако, условием, что член совета воздержится от голосования по всякому решению, касающемуся спора, в котором он является стороной. Речь шла о следующих решениях, относящихся к мирному урегулированию спора:

1) носит ли спор или ситуация, доведенные до сведения совета, такой характер, что возможно возникновение угрозы миру, если они будут продолжаться;

2) должен ли совет призвать стороны к урегулированию или улаживанию спора или ситуации теми средствами, которые они сами изберут;

3) должен ли совет давать рекомендации сторонам в отношении методов и процедуры урегулирования;

4) должны ли быть юридические аспекты вопроса, находящегося на рассмотрении совета, переданы им для получения консультации в Международный Суд;

5) следует ли, если будет существовать региональный орган для мирного урегулирования местных споров, просить этот орган заняться спорами.

После того как Стеттиниус зачитал новые американские предложения, Рузвельт сказал, что, как он полагает, на данной основе можно будет договориться. Ведь цель больших и малых наций одна и та же — сохранить мир, и вопросы процедуры не должны мешать достижению такой цели.

В ходе последовавшего обмена мнениями Черчилль заявил, что вопрос о том, будет ли мир построен на прочных основах, зависит от дружбы и сотрудничества трех великих держав.

— Однако, — продолжал британский премьер, — мы поставили бы себя в ложное положение и не были бы справедливы по отношению к своим намерениям, если бы не предусмотрели возможности свободного высказывания по своим претензиям со стороны малых государств...

— Естественно, — сказал далее Черчилль, — я прежде всего думаю о том, как новое положение отразится на судьбах Британского содружества наций. Приведу конкретный пример — пример, трудный для Англии. Я имею в виду Гонконг. Если будет принято предложение президента Рузвельта и Китай попросит возвратить ему Гонконг, то Великобритания будет иметь право высказать свою точку зрения и защищать ее, однако Великобритания не сможет принять участия в голосовании по тем пяти вопросам, которые изложены в конце американского документа. Со своей стороны Китай имел бы право полностью изложить свой взгляд по вопросу о Гонконге, и Совет Безопасности должен был бы решить вопрос без участия британского правительства в голосовании.

Сталин сказал, что хотел бы взять другой пример — пример Суэцкого канала, который расположен на территории Египта.

— Нельзя ли сначала закончить рассмотрение моего примера, — возразил Черчилль и продолжал: — Предположим, что британское правительство не могло бы согласиться на рассмотрение одного из вопросов, затронутых в параграфе 3, так как оно считало бы, что этот вопрос затрагивает суверенитет Британской империи. В таком случае британскому правительству был бы обеспечен успех, ибо в соответствии с параграфом 3 у каждого постоянного члена будет право накладывать вето на действия со стороны Совета Безопасности. С другой стороны, было бы несправедливо, если бы Китай не имел возможности по предмету спора высказать свое мнение.

— То же самое относится к Египту, — развивал свою мысль Черчилль. — В случае если бы Египет поднял вопрос о возвращении Суэцкого канала, британское правительство допустило бы обсуждение этого вопроса без всякого опасения, так как интересы Англии обеспечены параграфом 3, где предусмотрено право вето. Если бы Аргентина предъявила какие-то претензии к Соединенным Штатам, то последние, подчиняясь установленной процедуре, имели бы право возражать и наложить вето на неугодное им решение Совета Безопасности.

Выслушав эти рассуждения, Сталин попросил передать советской делегации документ, зачитанный Стеттиниусом, так как на слух трудно изучить содержащиеся в нем предложения.

— Мне кажется, — продолжал Сталин, — что данный документ представляет собой комментарий к предложениям президента. Но насколько я понимаю, решения, принятые в Думбартон-Оксе, имеют своей целью обеспечить различным странам не только право высказывать свое мнение. Такое право дешево стоит. Его никто не отрицает. Дело гораздо серьезнее. Если какая-либо нация подымет вопрос, представляющий для нее большую важность, она сделает это не для того, чтобы только иметь возможность изложить свое мнение, а для того, чтобы добиться решения по нему. Среди присутствующих нет ни одного человека, который оспаривал бы право наций высказываться в ассамблее. Однако не в этом суть дела. Черчилль, по-видимому, считает, что если Китай подымет вопрос о Гонконге, то он пожелает только высказаться. Не-

верно. Китай потребует решения. Точно так же, если Египет подымет вопрос о возврате Суэцкого канала, то он не удовлетворится тем, что выскажет свое мнение по этому поводу. Египет потребует решения вопроса. Вот почему сейчас речь идет не просто об обеспечении возможности излагать свои мнения, а о гораздо более важных вещах...

Состоявшийся обмен мнениями и последующее тщательное изучение американских предложений в конце концов привели к установлению той процедуры голосования в Совете Безопасности, которая и зафиксирована в Уставе ООН. Еще во время Крымской конференции Советское правительство сделало по этому поводу соответствующее заявление. Советское правительство высказало мнение, что единство трех держав в обеспечении безопасности после войны может быть достигнуто. Предложения, разработанные в Думбартон-Оксе, говорилось далее в этом заявлении, а также дополнительные предложения, сделанные Рузвельтом, могут служить основой будущего сотрудничества великих и малых держав в вопросах международной безопасности.

В Уставе ООН, принятом в Сан-Франциско 26 июня 1945 г., этот раздел сформулирован следующим образом:

«Статья 27.......

3. Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам считаются принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета, причем сторона, участвующая в споре, должна воздержаться от голосования при принятии решения на основании Главы VI и на основании пункта 3 статьи 52».

В этих разделах Устава предусмотрена процедура, разработанная на основе достигнутой в Ливадии договоренности.

В последующие годы в ООН раздавалось немало обвинений в адрес Советского Союза по поводу так называемого «права вето». Дело изображалось так, будто правило единогласия в Совете Безопасности — это некое хитроумное советское изобретение, навязанное Москвой западным державам. Но исторические факты говорят о другом. Западные политики в конце концов осознали важность принципа единогласия великих держав и предложили на этой основе соответствующую формулу. Действующий в Совете Безопасности порядок голосования был выработан Вашингтоном, поддержан Лондоном, и не кто

иной, как Рузвельт и Черчилль, договорились с Советским правительством о соответствующей процедуре голосования в Совете Безопасности. Именно так обстояло дело в действительности.

Предвыборная речь Рузвельта

Вечером в субботу 23 сентября, вернувшись из Думбартон-Окса в гостиницу, я заметил в холле необычное оживление. Какие-то люди группами и в одиночку проходили через вертящуюся дверь «Статлера» и поднимались на второй этаж, где находились банкетные залы с раздвижными стенами. В вестибюле фланировали молодые люди с оттопыривающимися пиджаками — несомненно детективы, обычно прячущие пистолет под мышкой. Подойдя к портье, я спросил, что тут происходит. Протягивая ключ от моего номера, портье ответил, понизив голос:

— Сегодня здесь выступает президент с первой предвыборной речью...

Я подошел к лифту, который обслуживала миловидная стройная негритянка.

— Вверх, — произнесла она машинально, глядя в пространство своими большими глазами.

— Пятый этаж, — сказал я.

Поднимаясь, я думал, как бы мне попасть на это собрание. А почему бы в самом деле не попытаться? Мы остановились на пятом этаже, но я не вышел, а попросил лифтершу спустить меня на второй. Девушка удивленно подняла брови, раскрыв еще шире глаза-сливы, однако ничего не сказала и нажала кнопку.

Выйдя из лифта я сразу же наткнулся на высокого молодого человека, который любезно, но настойчиво поинтересовался, с кем имеет дело. Я показал карточку участника конференции в Думбартон-Оксе.

— Вы, случайно, не ошиблись, вам нужно именно сюда? — спросил молодой человек.

— Я хотел бы послушать выступление президента, если это возможно...

— Подождите минутку.

Молодой человек исчез, а я отошел в сторону. Мимо меня проходили все новые гости. У каждого на лацкане была приколота карточка с какой-то надписью — она служила пропуском.

— Пожалуйста, — сказал внезапно вынырнувший молодой человек.— Можете пройти...

Следуя за группой американцев, я вошел в длинный зал, уставленный стульями, и сел в последнем ряду. Впереди возвышался помост, на котором стоял полированный стол с несколькими микрофонами. Значительная часть зала была заполнена, но публика все прибывала. С шумом рассаживались. На сцену вышел грузный человек и нажал кнопку звонка, поблескивавшего на столе. Воцарилась тишина. Драпировка позади помоста зашевелилась, и из-за складок появился президент Рузвельт. Сразу же раздались аплодисменты. Рузвельт сидел в коляске, подняв правую руку в приветствии и широко улыбаясь. Коляску подкатили к столу, закрепили тормоз. На помост поднялись еще трое. Они разместились по обе стороны коляски президента. Один из них объявил собрание профсоюза шоферов открытым и передал слово Рузвельту.

Тяжело опираясь на подлокотники, президент подался вперед, ближе к микрофонам, и начал речь:

— Итак, мы снова здесь. Я стал на четыре года старше, что, по-видимому, раздражает некоторых людей...

Говоря это, Рузвельт имел в виду, что уже четвертый раз выдвигает свою кандидатуру на высший пост в государстве. Много воды утекло с тех пор, как он впервые вошел в Белый дом. И какие это были годы!

Первый срок президентства Рузвельта начался почти двенадцать лет назад, когда Соединенные Штаты еще терзал величайший экономический кризис, а в Германии готовился взять власть Гитлер. С тех пор положение и в мире и в США коренным образом изменилось. Теперь Рузвельт вел страну, участвующую в антигитлеровской коалиции, к победе. И сейчас он, тяжелобольной человек, вновь добивался президентского поста, чтобы после победы над общим врагом участвовать в создании основ послевоенного мира.

Он знал — победа близка. Но именно эта близость окончания войны порождала сложные внутриполитические и внешнеполитические проблемы. Силы, которые затаились, когда исход титанической схватки был еще не вполне ясен, теперь снова подняли голову. У них был свой взгляд на то, каким должен стать послевоенный мир, и они сплачивались, чтобы нанести поражение Рузвельту, хотя он и пользовался тогда в стране огромной популярностью.

Главная их атака шла по линии дискредитации Рузвельта. Чтобы очернить его, на вооружение бралось все — и мелкие сплетни и крупные провокации. Был, например, распущен слух, что Рузвельт будто бы забыл на Алеутских островах свою любимую собачонку Фала, а потом послал за нею эсминец, что обошлось налогоплательщикам не то в 2 миллиона, не то в 20 миллионов долларов. Другие обвинения были более серьезны. Так, один конгрессмен-республиканец заявил, что в декабре 1941 года австралийское правительство предупредило Вашингтон о приближении японского флота к американской базе Пёрл-Харбор за 72 часа до атаки на военные корабли США, но администрация Рузвельта это, дескать, игнорировала. Опровергнув эти домыслы на пресс-конференции, состоявшейся 22 сентября, Рузвельт иронически добавил, что до 7 ноября, то есть до дня президентских выборов, может появиться еще много подобных наскоков.

Рузвельт продолжал борьбу. Наряду с огромным бременем, связанным с руководством операциями на разбросанных фронтах второй мировой войны, наряду с заботами по организации военного производства внутри страны, наряду с большим вниманием, которое он уделял планам послевоенного устройства, Рузвельт взвалил на себя и тяжесть ожесточенной предвыборной борьбы. Он выступал с речами, резко и ядовито отвечал своим противникам, призывая себе на помощь и факты истории. Как раз в дни нашего пребывания в Вашингтоне на экраны Соединенных Штатов вышел монументальный цветной фильм «Вудро Вильсон». Говорили, что Рузвельт лично консультировал постановщиков этого фильма, стремясь превратить эту ленту в действенное оружие своей предвыборной кампании.

Рузвельт присутствовал на премьере фильма, которая была обставлена с небывалой торжественностью. Там находился весь дипломатический корпус, конгрессмены, генералитет, высшие правительственные чиновники, боссы демократической партии. Получили приглашение и участники конференции в Думбартон-Оксе. Фильм был слащавый, сентиментальный, рисовал крайне идиллическую картину периода правления Вильсона. Но, возможно, это было именно то, что тогда требовалось стратегам демократической партии. С экрана зрителей как бы увещевали: голосуйте за демократическую партию, оставьте в Белом доме еще на один срок вашего испытанного, закален-

ного в боях, умудренного опытом президента, и вы выполните завет другого великого президента-демократа — Вудро Вильсона. Фильм обошел всю Америку и, надо полагать, сыграл свою роль.

Пытаясь заручиться поддержкой диксикратов — консервативного крыла демократической партии, особенно сильного в южных штатах,— Рузвельт выдвинул в вице-президенты кандидатуру сенатора Гарри Трумэна, взгляды которого не имели ничего общего с устремлениями президента. Несомненно, Рузвельт шел тут на сделку со своей совестью, но если бы он этого не сделал, выиграть на выборах мог бы республиканец Томас Дьюи — ставленник наиболее реакционных кругов США.

В ноябре 1944 года Рузвельт одержал победу. Но он уже не смог полностью воспользоваться ее плодами: 12 апреля 1945 года перестало биться сердце этого выдающегося американца...

Произнося речь в «Статлере», Рузвельт резко критиковал своих противников — республиканцев, уверенно говорил о скорой победе над врагами человечества, ярко рисовал картину будущего послевоенного мира, где благодаря единству действий держав-победительниц наша планета будет избавлена от нужды, страха, от болезней и войн.

— Нам предстоят задачи, — говорил Рузвельт, — которые мы должны выполнить с той же волей, искусством, разумом и преданностью, которые вели нас до сих пор по пути к победе. Это — задача победоносного завершения самой ужасной из всех войн как можно быстрее и с наименьшими людскими потерями. Это — задача создать международную организацию, которая бы обеспечила, чтобы установленный мир не смог быть вновь нарушен. И, наконец, задача, стоящая перед нами здесь, на родине, это — перевод нашей экономики с военных на мирные рельсы. Эти задачи мирного строительства уже стояли перед нами однажды, почти поколение назад. Республиканское правительство не справилось с ними. На сей раз это случиться не должно. Мы не допустим повторения этого... Я знаю, что американский народ — деловые люди, рабочие и работники сельского хозяйства — так же хочет сделать для мира то, что он сделал для войны...

— Победа американского народа и его союзников в этой войне, — сказал Рузвельт в заключение, — будет чем-то несравненно большим, чем победа над фашизмом, ре-

акцией. Победа американского народа и его союзников в этой войне будет победой демократии. Она будет представлять собой такое утверждение силы, власти и жизненности правительства для народа, каких еще не знала история. С этим сознанием нашей собственной силы и власти мы идем вперед к величайшей эпохе свободных достижений свободных людей, о которой когда-либо знал или мечтал мир...

Эта речь, вызвавшая теплые приветствия зала, была еще одним проявлением широты кругозора президента и ораторского искусства, которым так отлично владел Рузвельт.

Подведение итогов

*

Подготовка заключительного документа

Последующие заседания Руководящего комитета были посвящены уточнению текста заключительного документа. Рассматривался также проект совместного заявления, которое имелось в виду опубликовать после окончания так называемой «советской фазы» конференции. Поскольку Советский Союз не участвовал тогда в войне против Японии, было решено разделить работу конференции в Думбартон-Оксе на две части. В первой принимали участие СССР, США и Англия. Во второй — США, Англия и Китай. Вслед за окончанием «советской фазы» должна была состояться «китайская фаза».

На одном из заседаний Стеттиниус заявил, что, по мнению американского правительства, будет практически невозможно сохранить в тайне от прессы итоги работы конференции в Думбартон-Оксе. Поэтому, сказал Стеттиниус, государственный секретарь Хэлл считает желательным, чтобы по окончании работы были опубликованы совместное заявление, а также текст рекомендаций другим Объединенным нациям. Все это следует опубликовать одновременно в четырех столицах — в Вашингтоне, Москве, Лондоне и Чунцине.

Стеттиниус сказал, что ему представляется важным, чтобы публике была представлена положительная сторона работы в Думбартон-Оксе. Поэтому надо опубликовать

сведения только о том, о чем достигнуто согласие. Окончательный текст можно соответственно сократить.

Громыко пообещал поставить перед своим правительством вопрос о форме предлагаемого заявления относительно окончания переговоров, о последующих консультациях, а также о предложениях, касающихся «китайской фазы» переговоров. Стеттиниус подтвердил, что имеется в виду после завершения «советской фазы» переговоров передать сообщение прессе только о том, что кончается «советская фаза» и начинается «китайская фаза». Все согласились с тем, что это заявление должно быть коротким.

На заседании Руководящего комитета, состоявшемся 27 сентября, Стеттиниус сообщил, что согласие о заключительном коммюнике достигнуто. Он зачитал текст, который, как условились, должен был появиться в прессе 29 сентября.

Громыко информировал участников заседания, что получил от своего правительства ответ относительно текста итогового документа. В целом текст приемлем для советской стороны. Затем он сделал некоторые замечания по поводу несогласованных мест и сообщил о согласии Советского правительства на то, чтобы в Уставе была ссылка на права человека и основные свободы, а также согласие насчет оговорок о внутренней юрисдикции.

После уточнения ряда формулировок итоговый документ был в принципе согласован. По предложению Стеттиниуса было решено передать дальнейшую работу в Редакционный подкомитет, с тем чтобы к следующему заседанию был подготовлен окончательный текст.

— Теперь, — продолжал Стеттиниус, — мы можем считать, что работа наша подходит к концу. Мы согласовали текст совместного заявления, которое будет опубликовано после окончания «советской фазы» конференции, договорились о всех формулировках итогового документа. Нам остается условиться о том, как завершить конференцию. Я думаю, что завтра, 28 сентября, на пленарном заседании мы окончательно утвердим документ и совместное коммюнике и на этом закроем конференцию...

Участники заседания согласились с этим предложением и условились провести после пленарного заседания последнее совещание Руководящего комитета, чтобы подвести итог проделанной работе.

Заключительное пленарное заседание конференции в Думбартон-Оксе прошло скорее в деловой, чем в торжественной обстановке. Оно открылось 28 сентября в половине четвертого и длилось всего 20 минут. Председательствовал Стеттиниус. Присутствовал полный состав советской, английской и американской делегаций.

Объявив заседание открытым, Стеттиниус сказал:

— Молоток, которым я стучу открывая и закрывая заседания, выточен из куска дерева, взятого из остатков очень хорошего и быстроходного американского корабля, носившего название «Конституция». Это, мне кажется, содействовало тому, что работа конференции была быстрой и успешной...

Он взял в руку отливавший мореным дубом полированный молоток и поднял его над головой для всеобщего обозрения. Сверкнув улыбкой, Стеттиниус добавил:

— Надеюсь, что, закрыв под стук этого молотка нашу конференцию, мы имеем все основания пожелать доброго плавания новой международной организации, которую мы тут спускаем со стапелей...

Затем без особой дискуссии был утвержден итоговый документ.

Стеттиниус заявил, что каждый участник совещания имеет копию экземпляра предложений, которые были подготовлены и которые теперь надо рекомендовать соответствующим правительствам.

— По-видимому, — сказал Стеттиниус, — на данном заседании нет нужды подробно рассматривать этот меморандум. Чтобы у каждого правительства был один оригинал, изготовлено три оригинала для утверждения соответствующими правительствами.

Стеттиниус, обращаясь к Громыко и Кадогану, спрашивает, готовы ли они вместе с ним, Стеттиниусом, одобрить этот меморандум, поскольку он поступил от Руководящего комитета?

Кадоган обратил внимание лишь на одну опечатку и сказал, что в остальном у него возражений нет. Громыко также выразил согласие с представленным текстом. После этого три оригинала меморандума были переданы каждому из руководителей делегаций.

Перейдя к вопросу о публикации коммюнике, Стеттиниус сообщил, что Руководящий комитет тщательно рас-

смотрел вопрос о совместном заявлении для прессы. Вслед за обменом мнениями условились, что совместное коммюнике будет передано прессе для опубликования в пятницу 29 сентября в 10 часов. Стеттиниус зачитал текст коммюнике. Громыко заявил, что текст для него приемлем. В этом же духе высказался и Кадоган, после чего было решено опубликовать заявление одновременно в Вашингтоне, Лондоне и Москве.

Прежде чем закрыть заседание, Стеттиниус обратился к собравшимся с заключительным завлением:

— Господин Громыко, сэр Александр Кадоган, господа! Почти шесть недель прошло с тех пор, как мы начали эти важные переговоры. За этот короткий отрезок времени мы достигли гораздо большего, чем мы считали возможным. Наши достижения стали в значительной степени возможны благодаря серьезному сотрудничеству моих коллег и сопредседателей — посла Андрея Громыко и сэра Александра Кадогана и всех, кто работал с ними. Я хочу выразить мою глубокую личную признательность и благодарность за это сотрудничество, которое привело к замечательному духу гармонии и доброй воли, господствовавшему на протяжении всей конференции. Мы имеем все основания выразить удовлетворение тем, что было сделано...

В заключение Стеттиниус выразил свою личную благодарность за помощь, оказанную всеми членами делегаций, и, стукнув молотком, закрыл заседание.

Сразу же был созван Руководящий комитет. Стеттиниус сказал, что хочет обратить внимание на важность быстрейшего получения от соответствующих правительств окончательного утверждения итогового текста, с тем чтобы не откладывать опубликование разработанных предложений в первой декаде октября. Все согласились с тем, что желательно публикацию не откладывать.

Затем Стеттиниус спросил, не желает ли советский делегат сказать несколько слов по поводу работы, проделанной в Думбартон-Оксе. Громыко ответил, что с удовольствием сделает заявление от имени советской делегации.

— Сегодня можно заявить, — сказал Громыко, — что достигнуто соглашение по широкому кругу вопросов. В итоге эти переговоры, несомненно, были полезными. Соглашение достигнуто по большому числу вопросов, включая некоторые, которые относятся к общим прин-

ципам организации, к правам и полномочиям ее органов, к принятию мер принудительного характера, с помощью которых можно обеспечить мир. От имени советской делегации я хочу выразить признательность за дружескую атмосферу, в которой проводилась работа. От себя лично я хочу сказать то же самое по поводу дружественной атмосферы, в которой происходили встречи глав делегаций. Я полагаю, что выражу мнение всех присутствующих, если поблагодарю господина Стеттиниуса за его высококвалифицированное председательство. Хочу также поблагодарить правительство Соединенных Штатов за его гостеприимство.

Затем слово взял Кадоган.

— Я согласен, — начал он, — что здесь проделано много полезной работы, которая поможет окончательному успеху на более поздней стадии переговоров. Я хочу сказать несколько слов о стиле, в котором господин Стеттиниус вел наши переговоры. Он умел соединить энергию с любезностью и терпением и таким образом как председатель содействовал ускорению нашего движения по гладким участкам пути и помогал сглаживать неровные участки. Значительной частью того успеха, которого добилась конференция, мы обязаны ему. Я не употребляю слово «трудности» в его более резком смысле. У нас никогда ничего подобного не было. Иногда мы расходились, сохраняя дружественную и разумную позицию. Для каждого из нас это были моменты, когда один находился в оппозиции к двум другим главам делегаций, но, даже когда нам казались взгляды двух других странными, мы признавали, что они были искренними и поэтому были достойны уважения. Я полагаю, что это хорошее знамение на будущее...

В заключение выступил Стеттиниус, который кратко повторил мысли, уже высказанные им на пленарном заседании. Пожелав участникам переговоров успехов в их дальнейшей деятельности, Стеттиниус закрыл заседание. На этом работа конференции в Думбартон-Оксе закончилась.

На следующий день, 29 сентября, было опубликовано совместное заявление. Текст его гласил:

«Состоявшиеся в Вашингтоне переговоры между делегациями Советского Союза, Соединенных Штатов и Соединенного Королевства по вопросу Международной Организации Безопасности закончились.

Переговоры были полезны и привели в большой степени к соглашению о рекомендациях по вопросу общего плана организации и, в частности, в отношении механизма, необходимого для поддержания мира и безопасности.

Три делегации направляют доклады своим соответствующим правительствам, которые рассмотрят эти доклады и, в надлежащее время, выступят с одновременными заявлениями по данному вопросу».

Вылет нашей группы из Вашингтона был назначен на 10 часов в субботу, 30 сентября.

Проводы были более скромные, чем встреча, возможно потому, что глава советской делегации оставался в Вашингтоне, продолжая исполнять обязанности посла. Когда мы прибыли, он уже находился в аэровокзале и беседовал со Стеттиниусом. Несколько позже появились Кадоган и Джебб: английская делегация еще оставалась в Вашингтоне на «китайскую фазу» конференции, которая продолжалась всего несколько дней.

Объявили посадку и все прошли на летное поле, где стоял выкрашенный в защитный цвет двухмоторный «Дуглас» с советскими опознавательными знаками. Дверца в кабину была открыта, рядом с ней уже находился трап. Стали прощаться. Нам жали руки, желали счастливого пути. Мы поднялись по трапу, дверца кабины закрылась...

Подведение итогов

Предложения, разработанные в Думбартон-Оксе, вызвали во всем мире многочисленные отклики. После опубликования согласованных предложений в Соединенных Штатах, Англии и Советском Союзе были подведены итоги работы, проделанной в Думбартон-Оксе.

Специальное заявление о конференции в Думбартон-Оксе сделал президент Рузвельт. Он выразил удовлетворение тем, что по такому трудному вопросу и в такое короткое время оказалось возможным достигнуть столь многого.

— Первой целью проектируемой международной организации, — сказал Рузвельт, — является сохранение международного мира и безопасности и создание условий, содействующих миру. Теперь мы знаем, как нужна миролюбивым народам такая организация. Нам известен

дух единства, который потребуется для ее сохранения. Агрессоры, подобные Гитлеру и японским поджигателям войны, годами организуют подготовку к тому дню, в который они могут бросить свои злые силы на страны, преследующие мирные цели...

На этот раз, — продолжал президент, — мы намерены прежде всего победить врага, обеспечить, чтобы он никогда вновь не мог ввергнуть мир в войну, а затем организовать миролюбивые страны так, чтобы они благодаря единству стремлений, единству воли и единству сил смогли обеспечить положение, при котором ни один новый потенциальный агрессор или завоеватель не смог бы даже начать агрессию... Задача разработки великого проекта безопасности и мира начата хорошо. Теперь нациям остается закончить здание в духе конструктивных целей и взаимного доверия...

В тот же день по поводу окончания конференции выступил и государственный секретарь США Корделл Хэлл. Он выразил удовлетворение результатами, достигнутыми в ходе переговоров.

— ...Мы должны постоянно иметь в виду цену, которую все мы заплатим, если не сумеем справиться с лежащей на нас ответственностью,— сказал Хэлл.— Неизбежно, конечно, что когда много правительств и народов пытаются договориться о едином плане, то результат будет каким-то общим знаменателем, а не планом одной страны. Организация, которую нужно создать, должна быть отражением мыслей и надежд всех миролюбивых наций, которые участвуют в ее создании. Дух сотрудничества должен проявиться в общем стремлении достигнуть высшей цели — общего согласия. Путь к созданию международного мира и безопасности будет долог. Иногда он будет труден. Но нельзя надеяться достигнуть такой великой цели без постоянных усилий и непреклонной решимости поступать так, чтобы жертвы нынешней войны не пропали даром...

Американская пресса широко комментировала решения конференции в Думбартон-Оксе. Подавляющее большинство газет приветствовало предложения относительно создания международной организации безопасности как серьезный шаг вперед в деле поддержания послевоенного мира и безопасности. Газета «Нью-Йорк таймс» в передовой статье заявила, что «достигнутые соглашения свидетельствуют о весьма реальных успехах. Это по-

рождает вполне обоснованную надежду на возникновение нового союза, способного обеспечить мир и порядок во всем мире, который заплатил ужасную цену за свою неспособность организовать мир».

В Англии разработанные предложения также нашли широкую поддержку. Газета «Ньюс кроникл», приветствуя эти предложения, писала в редакционной статье:

«Свободные нации требуют безопасности. Они знают, что ее получат, когда Англия, Америка и Россия объединятся в прочном союзе. Какие бы затруднения нам ни предстояли, потомство будет считать эти три великие державы воистину главными создателями нового плана».

Газета «Дейли мейл» отмечала исключительную важность решения вопроса о порядке голосования в Совете Безопасности, указывала, что Совет Безопасности должен быть сердцем и ядром мировой Организации Объединенных Наций. «Именно он, — писала газета, — будет обладать властью, которую намечено передать тем, кому надлежит ее иметь, то есть нациям, обладающим величайшими ресурсами, многочисленнейшим населением и несущим на себе наибольшую ответственность. Только на них лежит бремя сохранения мира».

С советской стороны также была дана всесторонняя оценка предложениям, разработанным в Думбартон-Оксе. Газета «Правда» 11 октября 1944 г. опубликовала редакционную статью, подробно разбирающую вопрос о создании международной организации безопасности. «Правда» подчеркивала, что основой для переговоров в Вашингтоне служило решение Московской конференции 1943 года. Когда делегации трех держав в Вашингтоне приступили к своей работе, говорилось далее в «Правде», они, несомненно, сознавали необходимость избежать повторения сугубо отрицательного опыта, полученного в результате существования Лиги наций.

«Но, конечно,— писала газета,— из печального опыта Лиги наций отнюдь не следует вывод, что надо отказаться от задачи создания организации для коллективного участия всех миролюбивых государств в деле обеспечения международной безопасности. Нет, из него следует лишь тот вывод, что при осуществлении такой задачи необходимо серьезно учесть отрицательный опыт истории Лиги наций и избежать ее недостатков. Результаты переговоров в Вашингтоне свидетельствуют, что де-

легации трех держав в этом отношении нашли правильный путь...»

Далее в статье подчеркивалась важность установления в Уставе международной организации безопасности такого принципа, при котором принятие любого решения в Совете Безопасности предполагает согласие всех его постоянных членов. «В вашингтонских переговорах по вопросу о порядке голосования в Совете Безопасности, — отмечала «Правда», — этот важный принцип встретил единодушное одобрение, как общее правило. Однако этот вопрос не был окончательно рассмотрен, так как мнения разошлись насчет того, следует ли этот принцип применять последовательно при решении всех вопросов в Совете Безопасности».

«Правда» выражала надежду, что дальнейшее обсуждение вопроса об Уставе будущей международной организации приведет к последовательному применению принципа согласованности и гармонии между постоянными членами Совета Безопасности и тем самым обусловит успешное осуществление плана создания действительно эффективной организации для поддержания мира и безопасности.

«Советский Союз, который всегда был и будет верным оплотом всеобщего мира, готов и впредь всеми силами содействовать успеху этого дела», — писала в заключение «Правда».

Проблема единогласия великих держав была, как уже сказано выше, решена в результате взаимной договоренности трех великих держав, что позволило в следующем, 1945 году подписать Устав Организации Объединенных Наций.

ООН в действии

Осенью 1971 года я снова был в Нью-Йорке и по обыкновению зашел в штаб-квартиру Организации Объединенных Наций, расположенную между 42-й и 45-й улицами на берегу Ист-Ривер, омывающей Манхэттен. Всякий раз, когда я смотрю на внушительные здания ООН — на куполообразное сооружение, вмещающее зал заседаний Генеральной Ассамблеи, и на высокий небоскреб, где разместились учреждения Секретариата ООН, мне вспоминаются первые шаги по созданию этой орга-

низации, сделанные в старинном особняке, в Думбартон-Оксе. Тогда мы еще не представляли себе, как будет выглядеть послевоенная организация по поддержанию мира и безопасности, где она будет размещаться, какая страна станет местом ее пребывания. Зато в те годы было много надежд, что удастся создать надежный и действенный инструмент по охране мира во всем мире. Насколько оправдались эти надежды? — этот вопрос невольно возникает всякий раз, когда попадаешь на территорию резиденции ООН, смотришь на торжественно развивающиеся государственные флаги входящих в нее стран. В 1971 году среди них появился и флаг Китайской Народной Республики: ООН стала более универсальной, хотя в нее еще и не входят оба германских государства и некоторые другие страны.

Каков же баланс деятельности ООН за истекшие четверть века?

Советский Союз всегда считал, что Организация Объединенных Наций должна играть ту важную роль, которая была предназначена ей при создании. Советская страна последовательно выступает за то, чтобы ООН в полной мере действовала как полезный инструмент международного сотрудничества. Однако практика ее работы не всегда этому отвечает.

Последние два с половиной десятилетия были насыщены значительными событиями. Изменилось соотношение сил в мире. Образовалось содружество социалистических государств. Рухнули колониальные империи. На мировой арене появились десятки азиатских и африканских стран, порвавших цепи колониального порабощения. Число членов ООН увеличилось более чем вдвое. В активе ООН немало акций, предпринятых для осуществления целей Устава. В ООН были подготовлены Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, договоры о нераспространении ядерного оружия, о мирном космосе, о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения.

Однако деятельность ООН отмечена не только позитивными решениями. Приходится констатировать, что эта организация далеко не всегда оправдывала возложенные на нее надежды. В этой связи некоторые исследователи, анализируя работу Организации, выдвигают требования пересмотра Устава, его принципиальных положений.

Но ведь главная причина неудач ООН вовсе не в несовершенстве Устава. Плохо то, что сам Устав нарушается, а заложенные в нем возможности не всегда и не полностью использовались и претворялись в жизнь. Мир не раз был свидетелем того, как принципы Устава попирались империалистическими державами, а голубым флагом ООН прикрывались авантюры агрессивных сил и колонизаторов. Так было в Корее, так было в Конго. Между тем Устав обязывает всех членов Организации воздерживаться от угрозы силой или от ее применения как против территориальной неприкосновенности, так и политической независимости любого государства.

Несомненно, в ООН достаточно здоровых сил, чтобы превратить всемирную организацию в действительно эффективный инструмент мира и международного сотрудничества. Однако одними благими пожеланиями нельзя укрепить ООН. Для того чтобы эта организация была эффективной, необходимо добиваться неукоснительного соблюдения ее Устава, принимая надлежащие меры против тех, кто его нарушает. Ведь в Уставе заложены огромные возможности для активизации деятельности Организации. Именно на пути использования этих возможностей, а не на пути обхода или пересмотра Устава, следует искать способы усиления эффективности ООН.

За двадцать пять лет своего существования ООН прошла большой и трудный путь. Отдавая ясный отчет во всех ее слабостях, недостатках и ошибках, нельзя в то же время не видеть, что ООН стала важной составной частью всей системы послевоенных международных отношений. Без этого форума, где постоянно встречаются, ведут дискуссии и сотрудничают представители государств, принадлежащих к различным социальным системам и политическим воззрениям, трудно даже представить себе, какова была бы картина современного мира. В истории ООН есть неприглядные страницы. Надо, однако, судить о ней не только по ее прошлому. Не менее важен при всяких оценках ее сегодняшний день, который значительно отличается от вчерашнего. Нельзя забывать и о том большом будущем, которое открывается перед ООН, по мере того как решающая роль в ней переходит к государствам, проводящим миролюбивую, антиимпериалистическую политику.

В принятой в октябре 1970 года на юбилейной сессии

Генеральной Ассамблеи Декларации по случаю двадцать пятой годовщины Организации Объединенных Наций говорится:

«Сегодня перед человечеством стоит критическая и безотлагательная альтернатива — или расширяющееся мирное сотрудничество и прогресс, или разъединение и конфликты, даже истребление. Мы, представители государств — членов Организации Объединенных Наций, торжественно отмечая двадцать пятую годовщину Организации Объединенных Наций, вновь подтверждаем нашу решимость сделать все возможное для того, чтобы обеспечить прочный мир на земле, соблюдать цели и принципы, изложенные в Уставе, и выражаем полную уверенность в том, что действия Организации Объединенных Наций будут способствовать продвижению человечества по пути мира, справедливости и прогресса».

В выполнении этого торжественного обязательства — залог будущих успехов Организации Объединенных Наций. Друзья ООН с удовлетворением отмечают рост авторитета этой организации. Советский Союз придает ей большое значение, потому что видит в ней полезный инструмент международного сотрудничества в борьбе за мир и всеобщую безопасность.

Содержание

Миссия в Берлин

Переговоры на Вильгельмштрассе

Канун войны в столице «третьего рейха»

Возвращение домой

Тегеранская конференция

В столицу Ирана

Валентин Михайлович Бережков
ГОДЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Редактор *В.Н. Морозов*
Оформление художника *О. Н. Коняхина*
Художественный редактор *Г. Ф. Скачков*
Технический редактор *Л. С. Андреева*
Корректор *Э. К. Гаврута*
Младший редактор *Л. М. Березкина*

А-07024. Сдано в набор 10 декабря 1971 г.
Подписано в печать 9 марта 1972 г.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типогр. № 2
Усл. печ. л. 19,74. Уч.-изд. л. 20,29
Тираж 85 000 экз. Изд. № 110-Э
Издательство «Международные отношения»
Москва, И-90, Мещанская, 7
Зак. № 868
Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ярославль, ул. Свободы, 97.
Цена 72 коп.

Бережков В. М.
Б 48 Годы дипломатической службы.
М., «Междунар. отношения», 1972

373 с. с илл.

$\frac{1-11-5}{38-72}$

9 (с)27+9(М)72

72 коп.

издательство
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ»

В.М. БЕРЕЖКОВ
Годы дипломатической службы